

КРЫМ КРИМИНАЛ

Владимир Жуков

Заклятое место

книга третья

Владимир Александрович Жуков

Крым-криминал. Книга

3. Заклятое место

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29416152

SelfPub; 2018

Аннотация

Сюжетом для романа послужила драматическая история в одном из приморских городов полуострова. В фирме «Nika» погибает президент, а вскоре и ее преемник. Официальное расследование ведет следователь прокуратуры, а частным сыском занимается юрисконсульт фирмы. Сначала гильза, а затем и пистолет ТТ становятся главными уликами для ареста убийцы.

Содержит нецензурную брань.

«Крым-криминал»

Владимир Жуков

ЗАКЛЯТОЕ МЕСТО

Любовный роман

Серия книг «Крым-криминал» включает остросюжетные произведения (романы, повести, рассказы и судебные очерки), написанные по мотивам конкретных преступлений и происшествий, совершенных на территории Крыма за последние тридцать лет.

По морально-этическим соображениям имена действующих персонажей, в т. ч. сотрудников правоохранительных органов, в некоторых произведениях изменены. Сюжеты при сохранении фабулы в соответствии с канонами жанра отчасти вобрали в себя элементы художественного вымысла.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Профи Лещук

Перед этой встречей, разве что, как в начале своей предпринимательской деятельности, когда набирала штат сотрудников, формировала команду единомышленников, президент ЗАО «Nika» Стужина испытывала смутное волнение.

Она находилась в рабочем кабинете своего офиса, расположенном в четырехэтажном здании.

Ника Сергеевна встала из-за стола и подошла к стоящему у книжного шкафа трельяжу. Придирчиво оглядела себя, рукою оправила прическу темно-каштановых волос и кружевной воротничок белой блузки под бордового цвета элегантно приталенным деловым костюмом. Аккуратно огладила бедра под брюками, скрывавшими стройные ноги в кожаных под цвет костюма сапожках. Затем слегка подвела губы перламутровой помадой. На красивом овальном лице с персикового цвета кожей ни морщинки, а в естественного цвета волосах ни одной сединки, хотя тревог и забот пришлось пережить немало. Рано влюбилась и в семнадцать лет родила, познав материнскую радость, бессонные ночи и хлопоты.

«Для тридцати шести лет выгляжу вполне достойно, даже намного моложе своих лет, потому что не курю, как иные леди, редко, в исключительных случаях употребляю легкие спиртные напитки, предпочитая шампанское, и косметикой не слишком увлекаюсь, чтобы не навредить природной красоте. В потребностях и соблазнах знаю меру, веду здоровый образ жизни и не даю повода сплетням», – с удовлетворением подумала женщина и возвратилась к столу с плоским плазменным монитором компьютера, письменным прибором из зеленого малахита с вмонтированными электронными часами.

Перед ней на стеклянной поверхности стола лежала рас-

крытая кожаная папка с документами. В уголке личного листа по учету кадров была вклеена фотография мужчины с волевым, даже суровым лицом. Женщина оторвала взгляд от фотографии и подняла одну из трех трубок телефонных аппаратов, гнездившихся на тумбочке, и велела:

– Наташа, пригласи ко мне господина Лещука Павла Ивановича.

– Хорошо,– ответила секретарь-референт Ласка. Через несколько секунд из приемной в кабинет вошел выше среднего роста, атлетически сложенный, русоволосый и широкий в плечах мужчина. Своим обликом и статью он вызывал интерес и симпатии у женщин. Охотно, чтобы никого из представительниц прекрасного пола, обративших на него взор, не обидеть отвечал взаимностью, не скупился на ласки. Несмотря на отпечаток, который накладывала суровая работа следователя, в избранном кругу женщин прослыл галантным ухажером. Из деликатности Стужина не стала наводить справки и глубоко вникать в его частную жизнь. Будучи противником служебных романов и семейственности, она держала дистанцию в отношениях с мужчинами.

На посетителе была черная кожаная куртка, темные брюки и модные коричневого цвета туфли. Короткая аккуратная прическа.

– Добрый день, Ника Сергеевна,– густым басом приветствовал он.

– Добрый..., Павел Иванович,– ответила она, вниматель-

но изучая посетителя, подметив серо-стальной цвет его очков. И сразу без прелюдий перешла к делу:

– Вы изъявили желание поработать в моей фирме?

– Конечно, иначе бы я вас не беспокоил, – сдержанно улыбнулся посетитель. – Меня привлекло многообещающее название «Nika», что означает победа, а я не терплю поражений. Теперь, глядя на вас, понял, что не ошибся в своих предпочтениях.

– Похвально, это делает вам честь. Перед тем, как пригласить на собеседование, я тщательно изучила ваше личное дело, анкетные данные. До сего времени нам не везет с юрист-консультантами. Вначале приняли молодого респектабельного мужчину, но он до такой степени увлекся спиртными напитками и женщинами легкого поведения, что запустил все дела, вынуждена была его уволить. Кстати, вы не злоупотребляете?

– Не злоупотребляю. Пью только по большим праздникам и в меру, – произнес он. – К тому же прежняя должность и зарплата не позволяли шиковать, сорить деньгами. Можно сказать, работал за идею. Если уж употреблять, то дорогие напитки, коньяк, шампанское, а не ядовитое пойло. Да и времени на личную жизнь не хватало. В милиции рабочий день ненормированный, часто среди ночи по тревоге поднимали.

– Сочувствую. Хорошо, что в крепких напитках знаете меру, – похвалила Стужина и продолжила. – После того, как я избавилась от пьяницы и ловеласа, любителя «клубнички»,

у нас несколько месяцев работала выпускница Харьковской юридической академии, но вскоре вышла замуж, забеременела и ныне в декретном отпуске. Понимаете, дело молодое и законам любви и природы мы не вправе перечить. Это личная, интимная жизнь каждого и она является неприкосновенной, заповедной.

– Вполне с вами солидарный.

– Теорию, законы она знает блестяще, а вот опыта, практики недостает, при острых, спорных и даже конфликтных ситуациях проявляла неуверенность. А нам на этой должности необходим человек опытный, волевой и решительный, достойно отстаивающий интересы фирмы. Вот уже почти месяц, как вакансия. Без толкового, грамотного юриста в этом хаосе, несовершенстве законов, притом, что они часто меняются, нарушая правила игры, в стихии рыночных, а вернее базарных отношений, совершенно невозможно спокойно заниматься бизнесом.

Существует опасность, что тебя подведут, кинут деловые партнеры, ведь немало аферистов, мошенников, желающих погреть руки. Одно дело если пострадаю лично, то переживу, в петлю не полезу, но за мною ведь коллектив, более пятидесяти человек. Я не безразлична к их судьбам, материальному положению. Участь безработного очень горькая, незавидная. Так ведь?

– Совершенно верно.

– Павел Иванович, вы не ответили на вторую часть вопро-

са? Сознательно или не обратили внимания, а может не посчитали нужным отвечать?— напомнила ему президент.

— О чем вы, Ника Сергеевна? Будьте добры, уточните.

— Ваши отношения с женщиной или с женщинами? Мне известно, что вы живете один, разведены, а значит, не ограничены в своих сексуальных потребностях, в их удовлетворении, что для мужчины вполне естественно,— заметила она.

— Также, как и для женщины,— с улыбкой дополнил он.— Кстати, сексологи утверждают, что женская похотливость превышает мужскую. А насчет моей личной жизни не волнуйтесь, скандалов не предвидится, я сдержан в своих чувствах, сексуальных потребностях, умею управлять, владеть своими чувствами, дорожу своей репутацией.

— Спасибо за откровенность. Мы с вами люди взрослые, а не школьники и поэтому я обязана была задать этот вопрос, недомолвок не должно быть,— пояснила Стужина.— Не скрою, меня смущает тот факт, что вы длительное время работали или служили в органах, в милиции...

Она сделала паузу и пристально поглядела на Лещука своими темно-фиалковыми, оттененными длинными ресницами, глазами:

— Уж не из оперативных ли соображений, ради славы и очередного звания остановили выбор на моей фирме. Хотя мы работаем честно, открыто, не в тени, как иные, имеющие «крышу» коммерсанты. Исправно выплачиваем налоги и платежи в разные фонды, занимаемся благотворительно-

стью, помогаем ветеранам войны, инвалидам, детям. Грехов за нами нет. Но тот, кто задался целью отыскать компромат, подорвать репутацию, всегда что-нибудь надергает и состряпает громкое дело, чтобы опорочить честных людей.

– Ну, что вы, разве я похож на шпиона, стукача?– обиделся Павел Иванович.– Такие дешевые финты с подсадными утками только глупцы, недоучки практикуют. Я к вам пришел с открытым сердцем и, как говаривали в старину, с открытым забралом, добрыми намерениями быть полезным, чтобы реализовать свои знания и опыт.

– Правоведы, юристы, судя по объявлениям в прессе и телевидении, требуются и на других предприятиях и учреждениях разных форм собственности, а вам почему-то приглянулась «Nika»?

– Мне в качестве руководителей больше импонируют женщины. Они в отличие от мужчин лучше адаптированы к ныне сложной и непредсказуемой политической и экономической обстановке, гибче, изобретательнее и не склонны к совершению глупостей, из-за которых могут пострадать другие люди. Благоразумны и не впадают в панику. Поэтому я предпочел «Nika», да и звучит красиво, обнадеживающе, оптимистически, гарантируя победу! – с пафосом произнес Павел Иванович.

– Это похоже на комплимент, спасибо,– в улыбке Стужина приоткрыла очерченные перламутровой помадой губы.– Любой женщине приятно подобное услышать из уст обая-

тельного мужчины. Вы – психолог и поэт, умеете обольстить, расположить к себе человека.

– Таковым и должен быть настоящий юрист и следователь, ведь объект его работы, профессии, не станок, машина или прочих механизмы, а человек со сложным характером, гаммой чувств, неповторимый в своей индивидуальности. Постичь глубину его души, проникнуть в мир переживаний и замыслов, в том числе и коварных, в этом и заключается искусство не только психолога, но и юриста, – пояснил Лещук. – В юридических вузах обязательным предметом является психология.

– Хорошо, психолог, а что вы предпочитаете, чай или кофе? Со спиртными напитками мы с вами уже разобрались, да и не годится в рабочее время. Я ни себе, ни сотрудникам не позволяю расслабиться. В свободное время и то, как вы заметили, в меру, – прервала его монолог.

– Я неприхотлив и не привередлив, пусть будет кофе, – ответил он. Президент привычным движением левой руки подняла телефонную трубку и, услышав отклик, мягким голосом велела:

– Наташа, будь любезна, приготовь и принеси нам кофе.

Обернулась к Лещуку, встретившись с его посветлевшим взглядом:

– По какой причине вы уволились из МВД, если не секрет? Может, не сложились отношения с начальством или другая причина?

– Вы принципиальная, умная женщина и поэтому нет смысла что-либо от вас скрывать, – с готовностью произнес он. – Никаких секретов, ни военной, ни следственной тайн. С начальством у меня отношения прекрасные. Я человек, приученный к дисциплине, исполнительный, неконфликтный, но требовательный к себе и другим. Служба и есть служба, она обеспечивает порядок. Уговаривали меня остаться и даже обещали с должности старшего следователя повысить до начальника следственного отдела, я одно время был и.о. и отлично справлялся с обязанностями.

Мне светило и очередное звание подполковник. Но я, откровенно говоря, устал от многолетнего общения со спецконтингентом – преступниками и потерпевшими и их жертвами, от уголовных дел. Едва одно закончишь и отправишь в суд, как наворачивается очередное. А бывало, что из-за не востребовавшихся вакансий следователей, приходилось одновременно вести в производстве несколько уголовных дел. А тут еще сроки по УПК поджимают. Прокуратура и собственное начальство теребят, проявляют недовольство, угрожают взысканиями. В общем, бесконечная карусель, потогонная работа.

И самое грустное, что нет света в конце туннеля, с каждым годом преступность нарастает, как снежный ком. Вместо укрепления МВД, повышения зарплаты, урезают финансирование, сокращают кадры, как будто “наверху” кто-то сознательно вредит, покровительствуя усилению криминали-

тета. Увы, я, наверное, последний из могикан. У меня, как говорил железный Феликс, холодная голова, горячее сердце и чистые руки.

– У моего бывшего мужа железный Феликс был кумиром в большой чести, поэтому настоял, чтобы сына назвали именем этого революционера, – призналась Ника Сергеевна.

Вошла Наташа Ласка, стройная, длинноногая и изящная с улыбкой на овальном с черными глазами лице. Поставила поднос с чашечками и блюдечками с печеньем и вафлями, на стол. Кабинет наполнился приятным ароматом кофе. Замерла в красивой позе, ожидая указаний

– Спасибо, Наташа, можешь идти.

Павел Иванович тоже кивнул в знак благодарности и секретарша грациозно, в белых туфлях на высоких каблуках прошла по мягкому темно-бордовому паласу к двери. «Примерно ровесница моей Дашке, – подумал с грустью. – Семь лет ее не видел, а, кажется, что целую вечность».

– О чем вы задумались? – не ускользнула от ее внимания перемена в настроении и ему пришлось сознаться:

– Дочка у меня такого же возраста и зовут Дашей. Давно не виделся с ней, вот и взгрустнул. Из-за дисгармоний в семейной жизни в первую очередь страдают дети. Так и у меня с бывшей женой не сложилась жизнь. Впрочем, ни к лицу мужику плакаться в женскую жилетку или варежку. А вы, Ника Сергеевна, наблюдательная женщина.

– Да, потому что кто из новых людей партнеров не по-

явится в офисе, так поедают Наташку глазами, похотливыми взглядами, а мне это не нравится. Хоть охрану приставляй, чтобы Ласку не лапали.

– Наташа красивая, обаятельная девушка, но у меня в отношении ее не возникло сальных мыслей, она мне напомнила о дочери Даше. Посмотрел на девушку отцовским взглядом, – признался он.

– Смотрите, Павел Иванович, чтобы безо всяких там, бес в ребро и седина бороду, – предупредила Стужина. – У нас насчет служебных романов, интимных отношений строго. Личная жизнь только за стенами офиса, а здесь все знания и энергия должны быть нацелены на развитие бизнеса, приумножение прибыли, иначе конкуренты сожрут с удовольствием, освобождая для себя место под солнцем. Такие вот жесткие и, даже жестокие, законы рынка. Ладно, угощайтесь, кофе бодрит.

– Благодарю за гостеприимство, не ожидал теплого приема, – признался он и пригубил чашечку с приятным горячим напитком.

– Вас что же, страшит нагрузка, объем работы? – возвратилась она к прерванному разговору.

– Нет, что вы, мне трудолюбия, усидчивости не занимать, – поспешил он с объяснениями. – Вы же знаете, что милиция работает круглосуточно, а у сотрудников ненормированный день. В любое время суток могут поднять по тревоге, поэтому приходится ограничивать себя в житейских удоволь-

ствиях, пребывая в готовности. Довелось поработать во многих подразделениях и службах, участковым инспектором, оперуполномоченным угрозыска и УБОП, а в последнее время старшим следователем. Прошел, как принято говорить, свои «университеты».

К трудностям и опасностям, к железной дисциплине, от которой в экстремальных ситуациях зависит сохранность жизни товарищей, мне не привыкать. Ведь ошибка, беспечность, неосторожность могут стоить не только подрыва здоровья, но и жизни. Обидно, что за этот изматывающий, изнуряющий труд, за риск государство платит жалкие гроши. На Западе, в капстранах полисмен, коп в числе самых обеспеченных людей и в случае увечья или гибели семья получает огромную страховку. А я, майор милиции, стыдно в этом сознаться, едва сводил концы с концами, одалживал у начальства, чтобы дотянуть до зарплаты.

– Да-а, это грустно, – посочувствовала Стужина, внимая ему.

– Конечно, каждый выживает, как может. Кое-кто из теперь уже бывших коллег, махнув на принципы о горячем сердце, холодной голове и чистых руках, злоупотребляет служебным положением, чтобы поправить свое материальное, – продолжил Лещук. – Но это на их совести, а я дорожу своей совестью и честью. Мне ведь тоже предлагали большие деньги в американской валюте, чтобы стал персональным адвокатом одной из ОПГ, отмазывал бы криминальных

авторитетов, братвы и некоторых коррупционеров, но я категорически отказался.

– Приятно слышать. Я уважаю и ценю честных, смелых и принципиальных людей с чувством собственного достоинства, – поощрительно улыбнулась президент.

– Не могу ловчить и заниматься шантажом и вымогательством. От следователя зависит содержание обвинительного заключения, а значит и мера наказания преступника, срок приговора. Поэтому нашего брата, как и судей, адвокатов чаще всего заинтересованные в более-менее благополучном исходе уголовного дела подбивают на взятки и другие материальные ценности, квартиры, автомобили и прочее. Очень много соблазнов, не всякий человек может устоять перед искушением.

– Вы устояли перед искушениями?

– Если бы нет, то не сидел бы сейчас перед вами, не ушел бы с “доходного места”. А с чистыми руками работать, значит обречь себя и семью на нищету. Опытные правове- ды, юристы стремятся устроиться в коммерческие структуры топливно-энергетического комплекса, ликероводочных, табачных и прочих процветающих отраслей, либо по благу попасть на государственную службу, в органы законодательной, представительной или исполнительной власти. При нынешнем размахе коррупции, там кроме высокой зарплаты, а потом и пенсии, широкие возможности для злоупотреблений служебным положением, для обогащения и лоббирования

ния своекорыстных коммерческих интересов.

Манипуляции с недвижимостью, объектами приватизации, а вернее прихватизации, земельными участками и, особенно, на побережье в том же поселке Эльтиген, не говоря уже о Южнобережье. И за эти услуги чиновники получают мзду. Поборы, взятки, подарки, которые простым смертным не снились. Ника Сергеевна, к сожалению, нам выпало жить в гнусное время мародеров и негодяев, засевших в структурах власти и действующих по принципу: после нас хоть потоп.

Уместно напомнить изречение: страшнее были времена, но не было подлее. Рыба, как известно, гниет с головы, поэтому нас, честных тружеников, не должны мучить угрызения совести, – с решительным видом и блеском в зрачках произнес Лещук. – Прошла эпоха революционного романтизма и трагизма, когда чекистов представляли с горячим сердцем, холодной головой и чистыми руками. Железный Феликс, которого поэт-бунтарь Маяковский ставил в пример молодежи, канул в Лету, а его памятник, что на Лубянке перед зданием КГБ, а ныне ФСБ, свезли на свалку истории. Нравы, критерии, приоритеты сменились: бывшие герои предстают в роли палачей, а их жертвы – в роли героев, борцов за свободу. Прав был великий Шекспир, утверждавший, что жизнь – это театр, а люди в нем актеры.

– Ой, Павел Иванович, оставьте политику, она мне чужда и неприятна, – призналась женщина. – Я живу по принципу:

ни о чем никогда не жалеть и ничего не просить, чтобы быть независимой.

– Солидарен с вами, но политика – это тоже бизнес, но более прибыльный, чем экономический. Без политической «крыши», будь то депутата или чиновника, любой бизнес обречен. Олигарх или криминальный авторитет, что почти одно и то же, за мзду науськает, натравит на фирму своих головорезов или сотрудников фискальных ведомств, запугают коллектив и деловых партнеров, посулив им большие неприятности, парализуют работу, сожрут и приберут к рукам. По этой схеме многие предприниматели были, если не убиты, так разорены, а их имущество и активы попали в руки более могущественных конкурентов. Ныне из-за продажности, коррумпированности судей широкий размах получило рейдерство, заменившее примитивный рэкет, – нарисовал мрачную перспективу майор. – Не имея сильной поддержки, своих людей в структурах власти, невозможно выжить, развить бизнес в условиях дикого, пещерного капитализма. Вам, Ника Сергеевна, для начала не помешал бы статус депутата городского совета, а когда обретете силу и вес, то можно побороться и за мандат крымского или украинского парламентов. Приходилось мне сталкиваться с некоторыми из vip-персон. Ходят кочетом, грудь-брюхо – колесом, пальцы – веером. Но, как только попадали ко мне на допрос и я их неопровержимыми доказательствами загонял в глухой угол, становились жалкими, предлагали взятку, валялись в ногах...

– Надеюсь, что этот опыт вам у нас не потребуется.

– Не скажите. А кто будет долги выбивать с упрямых партнеров?

– Пожалуй, вы правы. Есть несколько несговорчивых партнеров, которые неохотно расстаются с деньгами. Прокручивают их в банке вместо того, чтобы своевременно расплатиться с долгами за товары и услуги.

– Кто такие, я с ними живо разберусь?

– Фирмы «Троянда» и «Эдельвейс».

– Даю гарантию, что после моей воспитательной беседы они и другие партнеры будут согласны на предоплату, – пообещал Лешук.

– Предоплата, конечно, желательна, но все должно быть в рамках закона. Нам чужое не надо, – улыбнулась президент.

– Да, нам чужое не надо, но и своего не отдадим, – заверил он. – А активной политикой все-таки следует заняться не только для стремительного роста карьеры, но и прогресса бизнеса.

– Зачем мне лишние заботы и хлопоты? Встречи с избирателями, решение чужих конфликтов и проблем. У меня и без того дефицит времени, – посетовала Стужина. – Это элитный клуб для избранных и доступ туда строго ограничен.

– Бог с вами, Ника Сергеевна, какая элита? Там сплошь и рядом бандиты, крохоборы, уцелевшие в кровавых разборках и прихватившие в период бардака народное добро, недвижимость, прибыльные комбинаты, заводы, фабрики,

землю. У каждого криминальное досье, которое потянет на 10-15 лет, а то и на «вышку». Уж я то на практике знаю, что представляют эти гаврики, олигархи с депутатскими манда-тами, дорогой недвижимостью и валютными счетами за бугром.

К горькому сожалению, они пока что недоступны для следствия и Фемиды, так как нет на то политической воли. Поэтому царствует, жирует вместе с анемичным президентом-пасечником, зацикленном на иконах, вышиванках и писанках, каста неприкасаемых. С них, алчных, коварных и лукавых, что с гуся вода. Их главная цель – власть, как средство карьеры и личного обогащения. Большинство из ее представителей, азартные игроки, шулеры с криминальным шлейфом. Однажды войдя во власть и вкусив ее блага и прелести, они зацепились за нее руками и ногами, как репей в овечий курдюк, чтобы под прикрытием лозунгов о всеобщем благе для народа лоббировать интересы, приумножая личный капитал.

– Павел Иванович, вы предлагаете вцепиться в курдюк и находиться в этой чуждой мне компании?

– Ника Сергеевна, вы же знаете, что деньги не пахнут, но, к сожалению, имеют досадное свойство быстро заканчиваться, поэтому никогда не бывают лишними, – напомнил посетитель. – Если вас не привлекает титул депутата, то могли бы продвинуть кого-нибудь из преданных сотрудников, и он бы активно лоббировал бизнес-интересы фирмы, не при-

шло бы обивать пороги и унижаться перед чинушами, засевших в органах исполнительной власти или в фискальных и правоохранительных ведомствах. До очередных выборов еще три года и у вас есть время поразмыслить над этим деловым предложением. Нынче все основано на капитале, не подмажешь, не поедешь...

– Спасибо, просветили, я подумаю над вашим предложением. Я не тщеславная, не алчная, знаю меру, сдержанная в потребностях, пока хватает средств для достойной человека жизни, – сообщила президент и усмехнулась. – А почему бы вам, Павел Иванович, не попытаться в политике счастья, не побороться за заветный мандат?

– Я не люблю проигрывать, и к авантюре не склонен, трезво соизмеряю свои силы и возможности, – вздохнул он. – Чтобы не потерпеть фиаско, надо быть популярной личностью, обладать харизмой, шармом, магией воздействия на людей. У меня, увы, нет ни капитала, ни шарма. К тому же, отношение к сотрудникам компетентных органов, к милиции у граждан недоверчивое, настороженное. Причем, на генетическом уровне еще с той далекой поры, когда «черные воронки» охотились за «врагами народа». А у вас, Ника Сергеевна, все данные не только для успешной бизнесвумена, но и будущего яркого политика – очарование, элегантность, ум, высокая культура и организаторские способности.

– Спасибо, Павел Иванович, за добрые слова. вы меня заинтриговали и я подумаю над вашим предложением. Хотя,

на мой взгляд, политика – не женское дело, поскольку слишком грязное и опасное. Особенно в условиях Украины, где продолжается передел собственности и сфер влияния, раздираемой кланово-криминальными группировками.

– Не боги горшки обжигают, а риск – благородное дело, – обнадеживающе заметил Лещук. «Профессионал, прекрасно разбирается в ситуации. Грамотный, опытный, имеющий связи в правоохранительных органах, сумеет достойно постоять за интересы фирмы», – с удовлетворением подумала президент.

Неожиданно на тумбочке затрезвонил телефон прямой внутренней связи, действующей помимо приемной.

– Извините, Павел Иванович, не дают спокойно поговорить, – посетовала президент и поднесла к щеке трубку. Она, не перебивая, выслушала и властно заключила:

– Рэм Анисимович, никаких компромиссов и мягкотелости. Мы с вами живем не в Японии, где доверяют на слово и в случае нарушения обязательств делают себе харакири. Отправьте партию компьютеров только после стопроцентной предоплаты. Или вас горький опыт ничему не научил. Проявите твердость и станут больше уважать и ценить.

Она положила трубку и, сменив жесткий тон на мягкий, произнесла:

– Это мой заместитель, вице-президент по финансам Тяглый. Человек умный, надежный, но слишком интеллигентный, сердечный. Ему, порой, не хватает твердости в сотруд-

ничестве с партнерами. Вы еще будете иметь возможность с ним познакомиться и, возможно, повлиять на его характер в положительную сторону. Имейте в виду и не настаивайте, Рэм Анисимович не пьет, у него гастрит.

По этой информации Лещук понял, что вопрос о его приеме на работу фактически решен положительно, иначе бы не шла речь о знакомстве с вице-президентом, а все ограничилось бы собеседованием и сухой фразой: “Вы нам не подходите”. Да и продолжительность беседы, кофе, живой интерес, возможно и симпатия, которую она проявила к его личности, указывали на положительный исход. “А ведь она мне нравится не столько, как президент, а как женщина, очаровательная и умная,” – подумал он, припомнив позабытое, но не утратившее яркости эмоций чувство обладания желанной женщиной.

Стужина взглянула на него с каким-то затаенным любопытством и ему показалось, что прочитала его мысли и вожаделенные желания. Он отвел взгляд, что с ним случалось весьма редко, ощутив гнетущую тишину от затянувшейся паузы. Президент взяла нить разговора в свои руки:

– Я ценю людей честных, принципиальных, равнодушных. Ваш богатый опыт работы в милиции, сохранившиеся связи, я не сомневаюсь, пригодятся в новом деле, на благо фирмы. С вашей юридической подготовкой и физической закалкой, вы вполне могли бы претендовать на должность, не только юрисконсульта, но и охранника, моего телохраните-

ля. Нынче, не мне вам говорить, очень опасно заниматься бизнесом, коммерцией, много диких и нервных конкурентов и рэкет зверствует, стремясь взять под свою «крышу», чтобы получать дармовые деньги.

– Этот метод вымогательства мне хорошо известен. Десятка три рэкетиров отправил в места не столь отдаленные, – подтвердил он. – Вам следовало обзавестись опытным телохранителем.

– Но мне пока никто не угрожает, нет врагов и я не чувствую опасности, – возразила она. – Водитель Сеня Рябко одновременно выполняет функции телохранителя.

– Когда почувствуете угрозу или опасность, будет поздно. Киллеры не предупреждают, а действуют, причем решительно, дерзко с высокой гарантией, что заказ будет выполнен чисто без нежелательных осложнений и последствий для того, кто его оплатил.

– Будет вам, Павел Иванович, нагнали на меня страха, – из суеверия или по привычке она постучала кулачком по деревянной тумбочке.

– Я вполне серьезно, без всяких шуток, впрочем, поступайте, как считаете разумным, а то получается, что я набираюсь в советники.

– У Рэма Анисимовича и у других сотрудников нет охраны и обходятся, не требуют, – успокаивая, скорее себя, заявила Стужина.

– Они другое дело, а вы – глава фирмы и в этом большая

разница.

– Вы меня озадачили, я подумаю над вашими предостережениями, – пообещала женщина. – А почему не спрашиваете, каков профиль и чем занимается моя фирма?

– После того, как я прочитал объявление в газете и перед тем, как нанести визит, навел справки, узнал, что закрытое акционерное общество «Ника» занимается торгово-посредническими функциями и транспортными услугами по импорту и перевозкам офисного оборудования, компьютерной электронной техники, радио– телеаппаратуры, мобильных телефоном, аксессуаров и других промышленных товаров для реализации через разветвленную торговую сеть.

– О-о, чувствуется хватка следователя, – поощрительно улыбнулась женщина. – Это замечательно, никто не посмеет нас кинуть, либо подставить в хозяйственных делах.

– Не посмеет, ведь я придерживаюсь принципа: не зная броду – не лезь в воду. Он универсален для любого вида деятельности.

– Семь раз отмерь, а потом отрежь, – произнесла Стужина.

– Значит мы с вами, родственные души. Даже для первой встречи много совпадений, – подытожил Павел и поднялся с кресла. – Не смею больше злоупотреблять вашим гостеприимством и занимать драгоценное время. Приятно было с вами познакомиться и обменяться мнениями по широкому, как говорят политики, кругу вопросов и проблем.

– Мне тоже приятно, – она поднялась из-за стола и подала

руку.— Рассчитываю на вашу добропорядочность. Завтра же приступайте к работе, входите в курс проблем и забот. Сегодня я подпишу приказ, думаю, что мы с вами сработаемся и подружмся.

— Так быстро? Вот не ожидал,— удивился майор.

— Зачем откладывать в долгий ящик, если фирме нужен профи.

— Да-а, верно, я и сам истосковался по настоящему делу,— воодушевился он. — Перебивался случайными заработками в адвокатуре. Но там величина гонорара зависит от сложности уголовного дела и личностей подсудимых. Крутые, денежные мешки на первоначальном этапе во время дознания отмазываются, на суд тянуть мелкоту и нищету, у которых нет средств оплатить услуги адвоката, поэтому назначают кого-нибудь в обязательном принудительном порядке, то есть, за бесплатно. Суд ведь по уголовному делу не может состояться, если не обеспечена, наряду с обвинением, другая сторона судебного процесса — защита. Именно в их состязательности, в предъявлении доказательств вины, ее подтверждении или опровержении выясняется истина.

— Мне это понятно, хотя я экономист по образованию, но изучала основы законодательства, особенно хозяйственного,— призналась Стужина и взглянула на золотые часики на тонком запястье, сверкнув бриллиантом на пальце правой руки, дав понять что аудиенция окончена.— Значит договорились. Я вас жду завтра.

– Искренне благодарен вам, Ника Сергеевна, за доверие, – без актерской фальши сказал он. – Завтра буду, как штык.

– В добрый путь, как говорится, большому кораблю большое плавание. У вас при таком богатом опыте прекрасные перспективы для карьеры. Ну ладно, не будем загадывать наперед, проявите себя с лучшей стороны и ваше усердие будет по достоинству оценено и обязательно материально вознаграждено.

– Благодарю за доброту и заботу, – склонил он голову и галантно поцеловал ее теплую руку, задержав немного дольше, чем того требовал этикет. По тому, как полыхнула жаром ее мягкая ладонь и пробежал трепет по изящной руке, майор понял, что за внешней неприступностью и строгостью скрывается очень чувственная и темпераментная женщина, способная своими хмельными чарами осчастливить мужчину.

– Павел Иванович, не забываетесь, сюда может войти Наташа, она шустрая, как стрекоза, – прошептала Стужина, отнимая руку. Краска смущения полыхнула у нее на нежных щеках.

– Простите, великодушно, это от волнения и радости, я не ожидал, что все решится так быстро и благополучно. Очень вам признательный.

Он вышел, не оглянувшись. “Налетел, как вихрь, обворожил, – подумала женщина. – Но то, что он профессионал не вызывает сомнений. Что ж и по одежке он пришелся, и по уму. Поживем, поработаем и увидим каков Павел Иванович

в деле.”

В кабинет стрекозой впорхнула Ласка, увидела взволнованное, зардевшее лицо начальницы и воскликнула:

– Что с вами, Ника Сергеевна? Не заболели ли, жар, а может, этот мрачный господин огорчил своим визитом и разговорами?

– Устала я, Наташа, – пожаловалась Стужина, достала из сумочки косметичку, открыла ее и слегка припудрила пылающие щеки. – Подготовь приказ о назначении господина Лещука Павла Ивановича на должность юрисконсульта. Считай, что нашего полку прибыло.

– Так он же мужчина? – удивилась Ласка.

– Запомни, милая, у нас в фирме и офисе нет мужчин и женщин, есть сотрудники, – произнесла Стужина. – Никаких различий по половому признаку. Любовные отношения, страсти, страдания и переживания, интриги, сплетни и козни – должны быть за стенами офиса. Вот тогда мы одна сплоченная команда и никакие финансовые кризисы нас не погубят.

– Дай вам Бог здоровья и счастья, Ника Сергеевна, мы за вами, как за каменной стеной! – театрально восхитилась Наташа с лукавым блеском в черных, как маслины, глазах.

2. Ревность или прагматизм?

Неожиданно на пороге кабинета появился вице-прези-

дент Тяглый. Обычно, прежде чем побеспокоить Стужину, он связывался с ней по прямому, минуя приемную, телефону и просил разрешения войти для обсуждения той или иной проблемы. На сей раз, изменил этому правилу. Ласка даже не успела предупредить президента о его странном поведении и вторжении.

– Ника Сергеевна, извините, но это не лезет ни в какие ворота?! – запальчиво воскликнул он с лихорадочным блеском глаз и красным, словно фонарь, лицом.

– В какие ворота, Рэм Анисимович? О чем вы? – удивилась Стужина.

– Ника Сергеевна, голубушка, – смягчил он тон.

– Голубушка? Это что-то новое. Прежде вы меня так не называли, ласковое слово не выдавишь. Настоящий аскет.

– Извините, невольно сорвалось, – смутился Тяглый и продолжил. – Раньше я не вмешивался в кадровую политику. Тем более, что вопросы по приему новых специалистов решались коллегиально на заседаниях правления. А теперь вы собираетесь без ведома и мнения членов нашей команды принять на должность юрисконсульта старшего следователя милиции. Как это прикажите понимать?

– Рэм Анисимович, успокойтесь, не нагнетайте эмоции, охладите свой пыл, – она налила в стакан минеральную воду и подала ему. – Я уже фактически приняла в фирму бывшего следователя, майора милиции Лещука Павла Ивановича. Завтра состоится его представление коллективу.

– Что вы торопитесь, как на пожар или голая в баню, – сделав пару глотков, безапелляционно прервал ее вице-президент.

– Прошу выбирать слова, следите за своей речью, – обиделась женщина. Он, пропустив замечание, продолжил:

– Любезная Ника Сергеевна, бывших следователей, как и разведчиков, шпионов, не бывает. Это все равно, как черного кобеля не отмоешь добела. Можно считать патологией. Прежде, чем принять его на работу, вы обязаны были тщательно изучить его досье, служебную характеристику, поинтересоваться отзывами его коллег. Не исключено, что его турнули изгнали из милиции за злоупотребления служебным положением, за пьянство, аморалку или другие прегрешения?

– Не будьте наивным человеком, – усмехнулась Стужина. – Кто мне даст его личное дело, досье, что под грифом «секретно»? Если мы никого из своих сотрудников не афишируем, то в милиции, где все построено на приказах, инструкциях, субординации, и подавно. Кстати, кто вам донес о моем решении? Кроме меня и Ласки никто об этом не знал?

Спросила, отлично понимая, что Наташа не удержала язык за зубами.

– Не важно, кто? Увидел в офисе незнакомца и сразу догадался.

– Так вы экстрасенс, ясновидец. Поздравляю!

– Интуиция, проницательность, расчет, – смутившись,

промолвил он, перейдя в наступление. – Ника Сергеевна, нельзя исключить и такой вариант, что высокие чины из спецслужб с дальним прицелом внедряют в нашу фирму этого Лещука, чтобы впоследствии сместить вас с должности президента, а затем и всю нашу команду выставить за ворота. Либо заставить делиться с ними прибылью.

Поди, не забыли очень поучительный миф о троянском коне? Сейчас очень широко практикуются рейдерство и крышевание коммерческих фирм не только криминалитетом, но и правоохранительными органами. Установит в фирме полицейский режим. Хитрость и коварство неистребимы.

–Рэм Анисимович, не фантазируйте и не преувеличивайте риски. У страха глаза велики, – усмехнулась президент и велела.– Завтра же подготовьте для юрисконсульта Павла Ивановича Лещука все материалы по нашим злостным должникам.

–Как вам угодно, госпожа Стужина, – сухо, не скрывая обиды, ответил Тяглый. – Все же имейте в виду, что при хроническом дефиците финансирования из госбюджета блюстители вынуждены откуда-то брать средства на красивую жизнь? Сейчас очень широко практикуются рейдерство и крышевание коммерческих фирм не только криминалитетом, но и правоохранительными органами. При хроническом дефиците финансирования из госбюджета им же надо откуда-то брать средства на красивую жизнь? Ника Сергеевна, и все же, несмотря на мое нежное отношения, вы превы-

сили свои полномочия. Фирма, хотя и названа вашим именем, не является частной лавочкой. Мне и другим сотрудникам не безразлично кого вы принимаете на работу. Я буду инициировать экстренное заседание правления. Уверен, что меня поддержат Крот, Бабей, Дробицкий и другие принципиальные сотрудники.

– Значит ультиматум, бунт на корабле?

– Так должно быть для исключения ошибок в подборе кадров.

– Эх, Рэм Анисимович, у вас генетически проявился синдром сталинизма, когда вокруг были одни шпионы, враги народа и сексоты, – упрекнула она. – Чрезмерная бдительность порождает атмосферу подозрительности, недоверия, сковывает творческую инициативу, стимулирует регресс. После беседы с Павлом Ивановичем я убедилась в искренности его намерений. Он грамотный и опытный специалист в области юриспруденции.

– Вы, сама того не ведая, запускаете в фирму «крота», который будет сливать конфиденциальную информацию компетентным органам. Нам достаточно своего Крота, бездельника, – не уступал вице-президент.

– Наоборот, присутствие в нашем составе офицера милиции укрепит позиции фирмы в бизнесе, сделает наших деловых партнеров более ответственными за выполнение договоров, контрактов. Если же Лещук не подойдет к нашему двору, не сможет адаптироваться, то разорвем с ним трудо-

вые отношения. Впрочем, это крайняя мера. Я уверена, что этого не случится.

– Блажен, кто верует, – вздохнул Тяглый, все еще обуреваемый сомнениями.

– Рэм Анисимович, дорогой, уважаемый коллега, я все отлично понимаю, – ласково улыбнулась и с теплотой произнесла Ника Сергеевна. – Какой мужчина потерпит рядом с собой сильную личность, конкурента, способного подсесть? Не волнуйтесь, лично вам это не грозит. Я все помню и высоко ценю заслуги тех, кто стоял у истоков создания и развития фирмы. Пока я президент должность президента пожизненно останется за вами, если, конечно, не решите попытаться счастья не только в бизнесе, но и в политике.

– Спасибо, искренне признателен. Только не подумайте, что я встревожен по поводу личной перспективы, – признался Тяглый. – По мнению психиатров, природа женщины такова, что ей присущи эмоциональность, излишняя доверчивость и жалость. Часто руководствуется не разумом, а чувствами, поэтому и совершает нелепые поступки и ошибки.

– А некоторые мужчины чрезмерно осторожны, консервативны и поэтому плетутся в хвосте событий, постоянно опаздывают, – не осталась она в долгу. – Рассчитываю на то, что вы в ближайшее время близко познакомитесь с Павлом Ивановичем, по достоинству оцените его способности, подружитесь ради благополучия и процветания нашей фирмы.

– Постараюсь. Но, если он закладывает за воротник, то то-

гда ему по пути с Кротом и Хребцом и другими любителями застолий. Вот увидите, едва этот следователь засядет в фирме, то сразу же потянет за собой родню, жену, детей, друзей-корешей, чтобы сколотить команду союзников и овладеть рычагами правления. Сядут на нашу шею нахлебники, – спрогнозировал и предупредил вице-президент.

– Лещук холост, одинок, поэтому семейственность, кумовство исключены.

– Тем хуже, – озадачился Тяглый.

– Почему хуже? Наоборот, Павел Иванович при наличие свободного времени больше внимания будет уделять исполнению своих служебных обязанностей, взысканию долгов с партнеров.

– Потому, – хмуро ответил он. Стужина поняла, что в нем проснулась ревность к потенциальному сопернику. Для нее не было тайной, что Рэм Анисимович, еще до того, как стать вдовцом, симпатизировал ей и ныне вздыхает о безответной, неразделенной любви. Отчасти этим она объясняла мотивы его сопротивления появлению в офисе потенциального соперника.

– Рэм Анисимович, так что вы решили по поводу сбора правления и публичной порки президента?– нарушила она паузы.

– Подумаю, – неуверенно произнес Тяглый, осознающий ее правоту и склонный к компромиссу. Из его уст невольно прозвучало:

– Ника Сергеевна, признайтесь, что вы на Лещука имеете виды?

– Коллега, не заговаривайтесь. Я не обязана давать отчет о своих симпатиях и антипатиях и другим сугубо личным, интимным вопросам, – резко оборвала она, поднявшись с кресла.

– Простите, это действительно, ваше личное дело, но вы же догадываетесь, знаете о моих чувствах к вам...

Стужина сочла свернуть эту тему, а он понял, что разговор окончен. Поднялся и тяжелой походкой вышел из кабинета. «Похоже, в тихом болоте черти проснулись. Рэм Анисимович не оставляет тщетных попыток завладеть мое сердце, им овладела ревность», – подумала женщина со смешанными чувствами тревоги и удовлетворения, что еще способна волновать мужские сердца.

3. Первая премия

На презентации по поводу вступления в должность Лещук, действительно, был, как штык – стройный с военной выправкой, в тщательно выглаженных брюках, в белой сорочке с красным шелковым галстуком, над узлом которого колдовал минут двадцать, в черном костюме, приобретенном на денежный резерв. Короткая прическа, старательно выбритое лицо и стальной блеск серых глаз. На ногах модные кожаные со скошенными мысами черные туфли. Его можно

сравнить с медным пятак, но Павел Иванович предпочитал более солидный эпитет – штык.

Впечатление он на сотрудников произвел, настоящий фу-рор. Особенно на вице-президента Рэма Анисимовича Тяглого, интуитивно почувствовавшего в нем достойного соперника и возможное осложнение в отношениях, в четко налаженной, как часовой механизм, работе фирмы.

А информация Стужиной о том, что юрисконсульт в недавнем прошлом старший следователь и майор милиции, хотя Наташа кое-кому из подруг успела об этом сообщить ранее, вызвала легкое замешательство. К блюстителям правопорядка здесь относились не то чтобы настороженно, а даже неприязненно. Многие заподозрили в нем информатора, полагая, что президент специально приняла его в фирму для обеспечения внутренней разведки и коммерческой безопасности. Из УВД нередко навевались ходоки, офицеры в милицейской форме и предлагали в добровольно-принудительном порядке перечислить денежный взнос в благотворительный фонд «Правопорядок».

Чаще всего с такими посланцами приходилось иметь дело вице-президенту, куда дипломатично их направляла Стужина. “И вот на тебе, появился свой мент, – с досадой подумал Тяглый. – Угораздило же, Нику Сергеевну, не посоветовавшись, принять его в нашу команду. Ну ладно, поживем-увидим, что за фрукт, этот комиссар Мегрэ? Может и неплохой человек, не бездельник, а полезный для фирмы специалист.

Наведет шороху, приструнит недобросовестных партнеров”.

Между тем президент зачитала приказ о назначении Лещука на должность юрисконсульта и вручила добротный кожаный портфель, футляр с авторучкой и портмоне для денег, пожелав:

– Пусть в портфеле будет поменьше дел, а в портмоне и на банковском счету побольше денег: долларов, евро, российских рублей высокого номинала. Желаю вам, Павел Иванович, только побед в суде и счастья в личной жизни. Так держать, господин майор!

Пока звучал женский голос Лещук замер по стойке «смирно!», а потом галантно склонил голову и четко ответил:

– Готов и впредь верой и правдой служить фирме «Nika» и ее прекрасному, очаровательному президенту!

Последние слова, а точнее, комплимент, он произнес с нескрываемой нежностью, чем смутил Стужину. А сотрудники, особенно женщины, ощутили первые признаки, прелюдию бурного служебного романа. Чтобы сгладить неловкость, юрисконсульт обрел прежний суровый вид.

– Павел Иванович, странный вы человек, почему не радуетесь? Я бы на вашем месте подпрыгивал до потолка, танцевал гопака в красных казацких шароварах, – посетовал профсоюзный босс Вениамин Яковлевич Крот, осанистый ветеран с блестящей, как бильярдный шар головой и выпирающим из модного, малинового цвета, костюма, животом, который считал своим «трудовым мозолем».

– Я вам не горный козел, архар или муфлон, чтобы скакать по скалам и умиляться от телячьего восторга, – отмахнулся Лещук.

– Такому шикарному портфелю министр, нардеп, банкир и прочие чиновники бы позавидовали, – не унимался ветеран. – Уникальный экземпляр из крокодиловой кожи и с кодовыми замками. Будете хранить документы и валюту. Никто, кроме хозяина не сможет открыть.

– Если сейфы срывают с фундамента и уносят, то портфель и подавно, – отрезвил Крота юрисконсульт, а тот продолжил:

– Мы с Никой Сергеевной в столице все супермаркеты облазили, пока разыскали этот экземпляр. Мне такой подарок в ваши годы присниться не мог. Помню за дерматиновыми, из кожзаменителей и пластмассовыми «дипломатами», когда они вошли в моду, в очередях давились, по благу доставали...

– Портфель достоин своего обладателя, – подтвердила Стужина, прервав воспоминания аксакала комсомола, партии и профсоюза в одном лице. – За выигранные дела в Арбитражном или Хозяйственном суде обещаю Павлу Ивановичу ноутбук. Уверена, что члены правления нашей фирмы не станут возражать? Переносной компьютер ему нужен не для престижности, имиджа, а для работы, чтобы банк данных ценной информации всегда был под рукой.

– Ника Сергеевна, на вашем месте не торопился бы с на-

граждениями и благодарностями, надо экономить оборотные средства, – хмуро заметил Тяглый. – Не уподобляйтесь президенту Украины, который налево и направо раздает звания, ордена и медали своим приближенным лизоблюдам и олигархам за мзду и преданность. Хотя дурной пример и заразителен, но в таком случае происходит девальвация награды, она утрачивает значение, как стимул к плодотворному труду.

– Рэм Анисимович, вот когда будете на моем месте, тогда и займетесь жесткой экономией, а я на полезные дела скупиться не стану, – резко возразила Стужина и чуть мягче продолжила. – По труду должна быть и честь. Павел Иванович заслужил такое внимание. Рэм Анисимович, вы же знаете, как я высоко ценю ваше мнение, но в этом случае вы не правы. Для юрисконсульта ноутбук – не предмет роскоши, а очень необходимая для работы вещь.

Во-первых, он послужит банком данных, источником ценной, оперативной информации, а во-вторых, – атрибутом престижности и солидности, ведь человека встречают по одежке, а провожают по уму. У господина Лещука с первым и, особенно вторым, все в порядке. Как у известных торговых марок есть свое лицо, Павел Иванович станет лицом нашей фирмы.

– Я категорически не согласен! Не слишком ли много чести? – решительно возразил Тяглый. – Не успел переступить порог и он уже лицо, бренд, пуп земли. Да еще в милицей-

ской форме, которая спровоцирует недоверие у партнеров. Ника Сергеевна – вы и только вы прекрасное лицо нашей фирмы. По красоте, магии очарования не уступаете юным топ-моделям, рекламирующим женскую одежду и обувь, аксессуарам, средства парфюмерии и косметику. Павлу Ивановичу с его суровым обликом милиционера в самый раз рекламировать оружие, бронежилеты, наручники и другие инструменты насилия.

– Ника Сергеевна, только вы – создательница нашей фирмы являетесь ее лицом, торговой маркой, – поддержала вице-президента начальник финотдела Тамара Львовна Бабей. – Юрисконсульт, вы только Павел Иванович, не обижайтесь, в фирме без года неделя, пусть хотя бы поработает годков пять и покажет на что способен. Тогда мы его оценим по достоинству, а не авансом.

– Тамара Львовна, особенно Рэм Анисимович, за комплимент спасибо. От вас редко услышишь ласковое слово, – улыбнулась Стужина, вогнав вице-президента в краску. – У Лещука – мужественное лицо, на тупого держиморду он не похож, к тому же успешно защищает интересы нашей фирмы и вполне может стать лицом ТМ.

– Признателен за доверие, Ника Сергеевна, но следовательно, пусть и бывшему, не пристало красоваться на бигбордах и этикетках товаров. – Я думаю, что у Тяглого с его жирным обликом и непомерным чувством зависти лучше получитьсья. Вы ведь заметили, что на бигбордах, сплошь и рядом, сы-

тые и лукавые морды политиков-аферистов.

– Ладно, не ссорьтесь. Лицом ТМ предлагаю стать Наташе Ласке, – нашла выход президент. – Создадим видеоклип, ведь удачная реклама – это двигатель торговли.

– У нашей красотки Натальи, тогда от женихов отбоя не будет, сразу выскочит замуж, – предположил Крот.

– За первого встречного не выскочу, я себе цену знаю, – ответила Ласка, довольная тем, что выбор пал на нее. – Дождусь своего принца на белом коне, лучше – дорогой иностранке.

– Дождешься, дождешься, только избегай сладких соблазнов, не растрачивай свою красоту и молодость по пустякам, – велела Стужина и обернулась к Тяглому. – Убедила насчет ноутбука для Павла Ивановича?

– Пожалуй, да. Ваша логика, в отличие от того, что большинство женщин алогичны, поскольку у них чувства доминируют над разумом, безупречна, – польстил вице-президент. – Я бы тоже хотел иметь ноутбук. По рангу, служебной субординации положено.

– Рэм Анисимович, не капризничайте, у вас же есть настольный компьютер с плазменным монитором. К тому же, вы сугубо кабинетный работник, а Павел Иванович постоянно в движении. Он фактически является представителем фирмы в судах разных инстанций и должен быть вооружен не только ноутбуком, но и цифровым фотоаппаратом.

– Фигаро тут, Фигаро – там, – пропел, усмехнувшись Тяг-

льй.

– Прошу не ехидничать, язва хроническая, – осадил его Лещук. – Я в слуги не нанимался и подчиняюсь только президенту фирмы.

– Вы ошиблись в диагнозе, у меня гастрит, – отозвался Тяглый.

– Не огорчайтесь, из-за патологической жадности еще наживете язву и грыжу, станете хроником, а это хуже, чем быть алкоголиком, – предрек печальную перспективу Лещук. Он смерил вице-президента суровым взглядом, словно подследственного в камере ИВС для допросов. под его пронизательным и острым, как рапира, взглядом Рэм Анисимович невольно передернул покатыми плечами.

Пристыженный вице-президент покорно опустил лобастую, как у Сократа, голову, поняв, что теперь на пальму первенства претендует варяг. Он лишь утешился мыслями: «Чем черт не шутит. Может, когда-нибудь и стану президентом. Все в этом грешном мире непредсказуемо и управляется свыше. Человек, распираемый гордостью, возомнил, что он царь природы, а на самом деле – заложник случайных обстоятельств и ситуаций, живет в вакууме розовых мечтаний и иллюзий».

– Не станем, не станем возражать против Лещука! – донеслось со всех сторон и Стужина продолжила. – Павел Иванович с его богатым юридическим опытом и деловой хваткой настоящий клад для фирмы.

– Благодарю вас, Ника Сергеевна, но не надо жертв, расточительства. Я не крохобор, чтобы обирать фирму, – скромно опустил он взор. – Сочтемся славою, ведь мы свои же люди. Хотя любой подарок из ваших прекрасных рук подобен сокровищу. В этом признании в мягкой тональности голоса сотрудники ощутили большее, чем традиционная благодарность. Мужчины смущенно потупили взоры, женщины загадочно и многозначительно переглянулись. Наступила неловкая пауза, ее нарушил Крот:

– Чтобы портфелю не было износа и в нем постоянно водилась валюта, подарок следует обмыть, как полагается... Эх, золотое было времечко, все подряд обмывали и юбилеи, и должности, и премии, уважительный повод всегда находился. Эхма-а!

– Да, конечно, дамы и господа, – воспрянул духом Лещук. – За этим дело не станет. Не будем нарушать славную традицию. Пошлем гонца за ящиком винца, коньяка или водки, накроем стол и закатим пир.

Он достал из кармана стодолларовую купюру, выискивая добровольцев на поход в магазин.

– Нет, нет! – воспротивилась Стужина. – Оставьте эту самодеятельность, Павел Иванович. У нас сухой закон, ни грамма спиртного. В офисе никаких фуршетов, банкетов и шведских столов, только соки, кофе, чай и минеральная вода... Здоровый образ жизни – залог прогресса.

– Ника Сергеевна, милый наш президент, в качестве ис-

ключения, единственный и последний раз? – попросил юрист-консульт и двинул аргумент. – Поймите меня правильно, получается некрасиво, схватил дорогой подарок и в кусты, словно жлоб. В милиции мы часто обмывали звания, звезды, медали и видите не спился., жив, здоров, чего и вам желаю.

– Нет и нет! Я знаю, что исключения часто превращаются в норму, в традицию. Не хочу, чтобы после застолий сотрудники стали пациентами нарколога. Только вне рабочего времени и за пределами офиса, – твердо заявила Стужина и Лещуку показалось, что от нее, как от снежной королевы, повеяло холодом.

– Вот такие пироги, – он развел руками, ища сочувствия у коллег.

– Не тужи казак, атаманом станешь, – усмехнулся профсоюзный деятель советской закалки и добавил. – Целее деньги будут и через пару лет купишь крутую тачку. Бери пример с Тяглого, пей козье молоко для повышения потенции и минералку, особенно «Миргородскую» и «Нарзан» и будешь здоров, как бык, сто лет проживешь. Возвратишься на службу в МВД и выбьешься в генералы. Лампасы и с золотым шитьем погоны любого мужчину украсят, от баб отбоя не будет, прохода не дадут.

– Эх, Вениамин Яковлевич, вам бы в церкви служить, умеете вы напустить розовый туман или черную тень на плетень, – вздохнул юрист-консульт и, с невыразимой тоской поглядев на Нику Сергеевну, заявил. – Коль вы не хотите раз-

делить мою радость, то я отказываюсь от подарка.

– Павел Иванович, ультиматум ни к месту, но я ценю вашу настойчивость и поэтому делаю исключение, в первый и последний раз, – произнесла она, одарив его улыбкой.

– Bravo, виват, президент, вы – чудесная женщина! Но пасаран! Наши конкуренты не пройдут! – воскликнул юрисконсульт и попытался ее обнять, но Стужина испуганно отпрянула в сторону.

Все дружно зааплодировали и тут же в конференц-зале офиса был организован шведский стол с шампанским и бутербродами. Павел Иванович, не ожидавший столь торжественного и теплого приема, был доволен, доброжелателен, весел и остроумен, рассказывал анекдоты на милицейские темы, осторожно избегая пошлостей. Решил наладить контакт с вице-президентом. Видя, что тот почему-то скромничает, подошел с бокалом шампанского. Тяглый обратил на него свое лицо с печальными глазами и обвисшими, словно у Тараса Бульбы, усами.

– Рэм Анисимович, не будьте бякой, давайте вздрогнем за успех и активное сотрудничество, – предложил юрисконсульт стандартный тост, не претендуя на оригинальность.

– Извините, Павел Иванович, но я не пью, – виновато произнес Тяглый. – Не желаю спровоцировать цирроз печени или рак.

– Совсем что ль? Хотя бы глоток за солидарность. Спирт убивает любую микробу, вирус, в том числе и треклятый рак.

Не волнуйтесь, если на роду написано, то проживете до ста лет.

– С радостью бы, но здоровье и статус не позволяют. Не искушайте, – попросил он и предложил. – Не искушайте, предложите Вениамину Яковлевичу, он большой любитель заложить за воротник, – посоветовал вице-президент. – Сойдетесь, у него советская закалка и горло луженое, всегда за воротник заложить рад. По комсомольской, а потом по партийной линии дорос до председателя профкома свиноводческого треста и по совместительству охотно исполнял роль тамады на банкетах и фуршетах. Незаменимый для таких мероприятий спец. В людях и свиньях разбирается.

С ним вы быстро найдете общий язык и интересы, а у меня другие приоритеты: работа, ответственность, здоровый образ жизни. Вы споетесь с профсоюзным деятелем. А у меня куча, нет гора, неотложных дел. Впрочем, и вас ждет не меньше, за время вакансии накопилось много нерешенных юридических проблем. Поэтому мой вам официальный и дружеский совет, не слишком увлекайтесь спиртным. Это пристрастие к добру не доведет, а репутацию фирмы подмочит. И офису ни к чему дурная слава кабака-забегаловки и притона.

– Рэм Анисимович, вы в какой эпохе живете? – обескуражил Тяглого неожиданным вопросом Лещук и сам же ответил. – У нас давно нет страны Советов и поэтому каждый живет своим умом. Ваше пожелание я принял к сведению и

не более.

– Не забывайте, я ведь вице-президент, заместитель Стужиной и вы обязаны выполнять мои распоряжения, – напомнил Тяглый о табели о рангах и служебной субординации.

– Не слишком упивайтесь властью и не обольщайтесь, – заметил сурово юрисконсульт. – У меня один командир – Ника Сергеевна и я подчиняюсь ей напрямую, без посредников. Она – мой работодатель, а вы такой же клерк, как и я. Поэтому, Рэм, не надувайте щеки, не пускайте слюну и не суетитесь, если не хотите осложнений и неприятностей. Я – человек решительный, по знаку Зодиака овен, упрямый, как вол.

– Павел Иванович, должен быть порядок, субординация, иначе хорошей каши не сварим, – заметил вице-президент.

– Я в кашевары, в шеф-повара к вам не нанимался и мальчика на побегушках не позволю из себя делать, – сурово произнес Лещук. – Я – бывший следователь, а в данном случае, юрисконсульт, и привык к тому, что независим в своих действиях. Для меня бог и царь УК и УПК. Не суйте свой шнобель и рыжие усы в чужие дела. Только Ника Сергеевна вправе давать мне указания, ее слово для меня – закон, а остальное воспринимаю, как рекомендации, полезные или абсурдные советы.

– При такой странной позиции, Павел Иванович, нам нелегко будет найти общий язык для преодоления трудно-

стей.

– Мне к ним не привыкать! – с оптимизмом заверил юрист-консульт. – Бывали и покруче ситуации, когда грудью шел на бандитские пули и ножи. Так что, мой милый, не советую набиваться в генералы и мною помыкать. Я прошел огонь, воду и медные трубы... Таким бандюгам рога обламывал, что вам и не снилось.

Вице-президент, глубоко задумавшись, промолчал. Вытер платком вспотевший затылок. Лещук, держа в одной руке рюмку, а в другой – бутылку с коньяком, подошел к профбоссу.

– Пал Иваныч, только не подумай, что я алкоголик, пью только за компанию из чувства солидарности, во славу русской традиции и для поднятия тонуса, – угадав его намерение, признался Крот и пояснил. – Алкоголик пьет в одиночку и чаще всего без повода. А для меня не столько важен напиток, сколько возможность выдать на-гора оригинальный тост и рассказать о важной роли профсоюзов в контексте революционного и национально-освободительного движения. Ну, давайте за ваш успех, за боевое крещение. Товарищ майор, во всем и всегда поддерживайте мою тактику и стратегию и будете при деньгах, славе, а значит и красивых женщинах. Они, словно мухи на мед, липнут к тем, кто знаменит и богат. Почетные грамоты, дипломы, звания, портрет на Доске почета, премии, ценные подарки, путевки в санатории я тебе гарантирую. Лет через десять-пятнадцать, когда совсем со-

старюсь и одолеет маразм, уступлю тебе свой исключительно важный пост.

– Лады, но вас еще лет на двадцать хватит. За доверие благодарю, вот только почетные грамоты, дипломы и Доску почета исключите. Стены что ли ими оклеивать вместо обоев? – усмехнулся юрисконсульт.

– Не скажи, это моральные стимулы, – возразил ветеран. – По мне так они дороже любых денег, валюты и драгоценностей. Я все свои дипломы, грамоты, алые ленты, знаки победителя соцсоревнований, ударника пятилеток, коммунистического труда, юбилейные медали берегу, как зеницу ока. Передам по наследству своим детям, внукам и правнукам, чтобы гордились своим отцом и дедом, активистом и ветераном профсоюзного движения – школы коммунизма.

– Они будут гордиться, если вы им подарите или завещаете квартиру, дачу, иномарку, яхту, валюту и другие материальные ценности, а не бумажки и брошки. Теперь иные времена и нравы, а вы продолжаете жить в мире розовых иллюзий о светлом будущем, – укорил его Лещук. – Ностальгия – забавное явление.

– Пал Иваныч, вы только с виду аполитичны, а сами льете воду на мельницу буржуазии, потакаете эксплуататорам. Я по профсоюзной линии займусь вашим идеологическим воспитанием. Добьюсь такого момента, что сами изъявите желание вступить в компартию.

– Поздно, поезд ушел, пустая трата времени. Настоящие

коммунисты погибли в годы войны, а нынешние превратились в конформистов,— усмехнулся юрисконсульт и напомнил. — Рюмка — не микрофон. Пора вздрогнуть, а то рука хрусталь держать устала.

Сдвинули, осушили рюмки, закусили бутербродами.

— Вениамин Яковлевич, наблюдаю и не могу понять, чем вы в фирме занимаетесь? — с иронией поинтересовался Павел Иванович.

— Как чем? — обиделся Крот, поставил на стол рюмку и принялся загибать пальцы на руке. — Куча, нет гора забот: техника безопасности, противопожарная охрана, делопроизводство, воспитание кадров, организация и проведение торжественных и траурных мероприятий....

— Хватит, достаточно, — остановил его юрисконсульт. — Все ясно, широкое поле, нет огромный полигон деятельности, универсал.

Наполнил рюмки коньяком и предложил:

— Выпьем за незаменимых специалистов, столпов фирмы.

— Да, на мне фирма держится, — заявил охмелевший профвожак.

— А как же президент, Ника Сергеевна?

— Она в роли английской королевы, блеска, шума много, а пользы с гулькин нос. Действует по принципу: не высываться и как бы чего не вышло. Слишком осторожная, а следует работать локтями. Верно говорят, в стае быть по волчьей выть. Пока живем не по законам, а понятиям, надо и ве-

сти адекватно, ведь клин клином выбивают,— наклонившись к уху, прошептал Крот. — Только ты ей об этом не говори, а то вдруг обидится и вытурит меня. Вот, если бы я был президентом, то развернулся бы на полную мощь и все жили бы, как у Бога за пазухой.

— У Бога, но вы же воинствующий атеист?

— Из песен, поговорок слов не выкинешь, — посетовал Крот и охотно следом за Лещуком осушил рюмку.

— Что собой представляет Рэм Анисимович? — продолжил извлекать информацию юрисконсульт.

— А-а, пустое место, белая ворона. Наловчился жонглировать цифрами и бравировать тем, что у него гастрит и он не пьет. Наверное, втихую водку и коньяк хлещет, а перед Стужиной рисуется, как трезвенник. Он тайно в нее влюблен, но признаться, сделать ей предложение не хватает духу, слаб в коленках, не умеет брать «крепости».

— Вот как! Для меня это открытие, — удивился Павел Иванович появлению тайного соперника.

— Ура, товарищи! — неожиданно, словно на митинге или первомайской демонстрации, вспомнив золотые годы своей карьеры, бросил клич изрядно опьяневший Крот. — Ура, господа! Виват Лещуку!

Но коллеги не поддержали его служебного рвения и он стушевался, сник, поняв, что теперь никто горло задарма рвать не станет.

— Вениамин, наш саксаул, нет аксакал, успокойся, ты не

на митинге, – охладил его пыл юрисконсульт.

Товарищ Крот – добродушный, круглолицый мужчина пенсионного возраста, с облысевшей и блестящей, как бильярдный шар головой, с гофрированной «гармошкой» морщин на лбу и «мешками» под глазами, оказался охоч до подобных мероприятий. Такие разительные перемены в своем облике он объяснял глубокой и напряженной мыслительной деятельностью, тепловым дисбалансом между мозгом, его корой и внешней средой. Вениамин Яковлевич был убежден в том, что умную голову волос рано покидает и сетовал на то, что до сих пор современники не оценили его феноменальные способности. Но это не помешало ему с удовольствием осушить бокал, закусив бутербродом с черной икрой. С меткого глаза и легкой руки Лещука Крот в тот день за свое ортодоксальное мышление удостоился прозвища Динозавр. Фуршет продолжался не более часа, отведенного на обеденный перерыв.

– Итак, коллеги, друзья, господа нашего полку прибыло,—заклчила Стужина.—Еще раз, Павел Иванович, желаем вам плодотворной работы, удачи на новом месте и служебной карьеры. А теперь, господа и леди, как говорится, пора и честь знать, делу – время, а потехе – час.

Все, послушные команде, разошлись по своим кабинетам. Юрисконсульт тоже принялся обживать уютный, отделанный под евростандарт кабинет с новой офисной мебелью и оборудованием, компьютером, принтером и сканером, рас-

положенный на четвертом этаже в десяти шагах от приемной президента.

И потекли будни рабочие. Обладая аналитическим складом ума, способностью систематизировать и обобщать факты, Павел Иванович быстро разобрался во всех хитросплетениях торговой посреднической деятельности «Nika», в сути хозяйственных связей с партнерами, изучив каждого из них в отдельности и выявив уязвимые места. Вскоре сотрудники убедились в бесспорных достоинствах приобретения, отдавая должное уму, прозорливости Стужиной.

Прознав о том, что в фирме трудится бывший старший следователь, майор милиции, ранее неуступчивые должники посчитали благоразумным побыстрее рассчитаться, чтобы не навлечь на себя неприятностей. И на счет фирмы потекли деньги. С теми, кто не отреагировал на предостережения пригрозил разобраться через арбитражный суд, где имел неплохие связи. Таким способом у МЧП «Троянда» он отсудил в пользу «Nika» 450 тысяч рублей, и отбил иск, претензию фирмы «Эдельвейс» на 200 тысяч рублей. Довольная таким поворотом событий, Ника Сергеевна издала приказ о поощрении юрисконсульта денежной премией в размере должностного оклада эквивалентного 800 долларам США, чем вызвала неудовольствие Тяглого, дрожавшего над каждой копеечкой.

От ноутбука Лешук пока отказался, решив не форсировать события. Вручая конверт в присутствии нескольких со-

трудников, президент с очаровательной улыбкой произнесла:

– Хотя одна ласточка, пусть даже и первая, погоды не делает, но все же это добрая примета, многообещающее начало в делах Павла Ивановича. Поэтому премия вполне заслуженная и я, полагаю, что не последняя. Желаю удачи в работе и личной жизни!

Он галантно, слегка склонив голову, и с иронией произнес в тон пребывающей в веселом настроении Стужиной:

– И остальные, и не только ласточки, но и скворцы, грачи и другие пернатые прилетят. Под вашим мудрым руководством, Ника Сергеевна, можно и горы своротить. Вы вдохновляете на ударный труд и высокие показатели. Виват президенту, но не страны, а нашей прекрасной фирмы!

– Пусть горы, в том числе и Крымские, остаются целыми и величественными, – улыбнулась женщина, уловив на себе его нежный взгляд. – Но в успехе, при вашей деловой хватке и усердии, я не сомневаюсь.

– Это событие, первую премию, полагается обмыть, чтобы не заржавела и за ней последовала очередная, – предложил юрисконсульт.

– В свободное от работы время, таков порядок, – сказала Стужина.

– Конечно, в свободное, чтобы исключение не превратилось в норму, – согласился он и в присутствии сотрудников не стал развивать эту тему. Все разошлись по кабинетам и

Лещук тоже проследовал за свой рабочий стол. Поднял трубку телефона, соединенного напрямую с кабинетом Стужиной. Она сняла трубку с рычага и он услышал ее дыхание.

– Павел Иванович, вы чем-то огорчены? Не устраивает размер, сумма премии?– спросила она, волнуясь в ожидании ответа.

– Сумма приличная, даже более того,– произнес он.– Но себя я ощущаю неловко, скрюгой, жлобом. Вы меня наградили, а я схватил конверт и в кусты. Так не годится, это не побожески. Мы должны встретиться, где-нибудь в уютном ресторане, кафе и отметить это событие. Иначе я буду чувствовать себе обязанным, жить с неприятным ощущением должника. В милиции, как впрочем, в армии, в службе безопасности и других силовых ведомствах, с давних пор существует славная традиция обмывать звезды. Я начинал с маленьких лейтенантских и до большой майорской. Звезду опускают в граненый стакан, бокал или фужер с водкой, коньяком или вином и пьют, пуская по кругу. Первая премия из рук очаровательной женщины очень серьезный повод для встречи в ресторане или кафе.

– Павел Иванович, вы честно заработали премию и поэтому никакие угрызения совести не должны вас мучить,– успокоила она. – Предлагаю вам их потратить по личному усмотрению.

– Не в одиночку же мне этим заниматься?

– А что, деньгам нет другого применения? – возразила

она.— Копите на автомобиль или на дачу. Сейчас это модно и престижно, атрибут состоятельности и превосходства.

— Еще успею. Предлагайте ресторан, кафе, а может казино? Слово за вами, — настойчиво велел Лещук.

— Вообще-то я питейно-развлекательным заведениям предпочитаю домашний уют или театр, избегаю светские тусовки, после которых от сплетен и интриг за месяц не избавишься, — призналась она.— В ресторанах, кафе бываю редко, разве что по случаю каких-нибудь презентаций. Но коль вы настаиваете, и то из уважения к вам, вежливости, пожалуй, можно встретиться в «Голубых грезях». Это новое недавно открытое кафе. Поглядим, ради интереса, что там за грезы-мимозы?

— Ника Сергеевна, а не намек ли это на сексуальную ориентацию, чтобы мы с вами не попали впросак?— усомнился он.— Придем, а там одна «голубизна», вот и будут нам в этой компании грезы горячие слезы? Возможно, что там собираются типы нетрадиционной сексуальной ориентации — геи, трансвеститы, педофилы, некрофилы и прочий сброд?

— Не должно быть, иначе дурная слава уже ходила бы по городу. Да и владельцу ни к чему подобная репутация, ему нужны нормальные посетители, — вполне логично предположила Стужина. — Может, нам за компанию пригласить Рэма Анисимовича, а то прознает о встрече и огорчится. Он после смерти жены живет замкнуто?

— Ника Сергеевна, я не против, но он же ни грамма спирт-

ного в рот не берет,— заметил Лещук.— Будет сидеть, как чурбан и глаза мозолить, нам настроение портить. Это же ненормальное явление, когда одни слегка подвыпивши, веселые, а другой рядом трезвый, как стеклышко и все фиксирует, замечает и на ус мотает. Весь вечер будет ощущение, что Рэм Анисимович нас осуждает. Да и потом, кто его развлекать будет?

— Пожалуй, вы правы,— согласилась президент и, добавив металла в голос, продолжила. — Но прошу вас, Павел Иванович, предупреждаю, не смейте впредь пренебрежительно отзывать о наших сотрудниках, своих коллегах. Рэм Анисимович не чурбан, а опытный грамотный специалист. То, что он по причине гастрита, опасаясь обострения, не употребляет спиртных напитков, делает ему честь. Он очень ответственный и полезный для фирмы человек и всякие подобные клички, прозвища подрывают авторитет, имидж сотрудника, а значит и репутацию «Nika».

— Вас понял, товарищ президент, виноват, исправлюсь. До сих пор не могу избавиться от милицейских привычек,— повинился он.— Имел ведь дело, общался с деклассированными элементами, а в их “малине” у каждого своя кличка, прозвище, как у животных. Специальная картотека, банк данных на них заведен, там и “домушники” и “медвежатники”, “щипачи” и прочие шулеры, жулики и проходимцы. Извините великодушно за неблагозвучные слова.

— Понимаю, над вами довлеет груз прошлого,— посочув-

ствовала она.— Постарайтесь побыстрее сбросить его с плеч. А Тяглого, да и других сотрудников, пригласим в другой раз. Кстати, на День защитника Отечества, а потом и на 8 Марта. Поглядим, что мужчины нам приготовят?

— За этим дело не станет, — заверил Павел Иванович.— А сегодня не будем прекрасный вечер превращать в поминки или грустные воспоминания. Тогда предлагаю встречу в «Голубых грезах» в семь вечера?

— Не возражаю,— с какой-то отрешенностью согласилась женщина, еще два года назад ради карьеры, решившая не связывать свою жизнь с мужчинами, а если и связывать, то исключительно на работе, в сфере бизнеса без претензий на тело.

Согласие Стужиной на встречу-рандеву, а фактически первое романтическое свидание и вдохновило, и окрылило Лещука. Он торопил время, предвкушая радость общения, но оно, как назло тянулось медленно. У него, глядя на наручные часы фирмы «Orient», складывалось впечатление, что секундная стрелка движется слишком медленно.

Свидание состоялось в назначенное время, потому как деловые люди, даже в лирических ситуациях, когда как заметил поэт Александр Грибоедов, “влюбленные часов не наблюдают”, все же остаются пунктуальны, ценя время. Нику Сергеевну ее водитель и охранник Рябко сначала на автомобиле «Ford» доставил домой, где она привела себя в порядок, надела лучшее вечернее темно-вишневое платье, а на

запястье тонкой руки золотой браслет, вспушила прическу, закрепив ее лаком, мочки ушей с серьгами в рубиновых камешках окропила духами “Фиджи”.

Придирчиво оглядела себя в зеркалах трельяжа и, улыбувшись, прошептала: “Пожалуй, все в порядке, я еще не утратила привлекательности, шарма таинственности и могу понравиться мужчинам.” На эти приготовления ушло не более часа.

– Хорошо ли я выгляжу?– поинтересовалась она у поджидавшего ее на лестничной площадке третьего этажа Семена, хотя и предлагала ему пройти в квартиру, но он деликатно отказался, полагая, что за бронированной дверью Стужиной ничего не угрожает.

– Вы всегда выглядите великолепно, а сегодня особенно очаровательны,– откровенно признался он.

– Приятно услышать от мужчины комплимент.

– А по какому случаю парад, если конечно, не секрет, хотя мне, как вашему охраннику, надо владеть информацией, чтобы знать к чему быть готовым, предвидеть ход событий. У вас свидание?

– Нет, деловая встреча в кафе «Голубые грезы»,– ответила женщина, слегка смутившись.

– Но это одно и то же,– улыбнулся Рябко.

– Нет, не одно и то же,– возразила она, – На свидании говорят о любви, а на деловой встрече о делах, об экономике, финансах и товарах, заключают сделки, поэтому она так и

называется.

– Все ясно, просветили. Мое присутствие необходимо на случай осложнения ситуации? Вдруг ваш собеседник нервным, неадекватным окажется, за оружие схватиться?

– Я с тупыми оруженосцами и психами дел не имею, поэтому осложнений, которые бы вызвали необходимость применения силы, оружия, не будет. Так что Сеня не волнуйся и не напрягайся.

– С кем вы встречаетесь?

– А это пусть останется тайной, – властно сказала президент, и чуть мягче добавила. – У меня, как и у любой нормальной женщины, могут быть свои маленькие тайны, секреты или во всем душа нараспашку?

– Значит, у вас свидание, – сделал вывод Семен.

– Как хочешь, так и понимай.

Рябко услужливо открыл переднюю дверцу и Стужина, похвалив края ярко оранжевой дубленки с меховым песцовым воротником, устроилась на переднем сидении, положив на колени сумочку. Водитель сел за баранку, запустил двигатель, машина плавно тронулась с места.

Завершался январь с неустойчивой погодой: то морозами, то оттепелью, что характерно для крымской зимы. После вчерашнего дождя, с Азовского моря налетел холодный, пронизывающий норд-ост, а затем ударил мороз и сковал льдом суда в проливе. Улицы города кое-где припорошило снегом, а тротуары покрылись коркой льда словно панцирем. Дер-

вья, растущие вдоль тротуаров, в парке и скверах, обледенели и хрустально позванивали, время от времени сбрасывая с голых веток свой ледяной наряд. Он хрустел под ногами у пешеходов, под шинами автомобилей. Иней и снег сверкали в лучах фонарей.

– Будь добр, остановись здесь,– велела Стужина.

– Но вы же, собирались в «Голубые грезы»?

– Я пройдушь пешком, подышу морозный воздух, здесь ведь рядом в ста метрах,– ответила она.– Надо же каким-то образом от гиподинамии спасаться, а то, глядишь, ожирею, разучусь ходить.

– Ника Сергеевна, это не тот случай, когда полезно ходьбой заниматься. Вечер, темные закоулки, мало ли что может произойти. Да и по инструкции, мне строго запрещено оставлять вас одну, – напомнил он о своих обязанностях охранника.

– Не переживай Сеня, под мою ответственность?

– Кто потом, не приведи Господь, будет знать о вашей ответственности,– вздохнул он.– По полной программе взыщут с меня за утрату бдительности и беспечность.

– Тебе что, расписку дать?

– Нет, но учтите, это последний раз, когда я иду у вас на поводу, нарушаю требования инструкции,– пообещал он и остановил авто.

– Вот так правильно, инструкция инструкцией, а своего президента надо слушать,– шутливо промолвила она и вы-

шла из салона.

– До которого часа продлится встреча? Куда подать карету?

– Нет, Сеня, спасибо, на сегодня ты свободен, а завтра, как обычно, к семи тридцати утра.

– Так точно!– откликнулся водитель. Она пошла по тротуару в направлении светящей неоновыми огнями рекламной вывеске «Голубых грез», заметив, что Рябко, сбавив скорость, сопровождает ее с погашенными фарами. “Настоящий охранник”,– подумала женщина.

Юриисконсуьлт издали увидел Стужину, узнал ее по яркому одеянию и поспешил навстречу с тремя белыми орхидеями и коробкой шоколадных конфет в руках. С замиранием сердца смотрел, как она осторожно ступала белыми сапожками по обледеленым, слегка присыпанным песком, плитам тротуара. “Только бы не поскользнулась и не упала”,– прошептал он, словно заклинание, быстро приблизившись.

– Ника Сергеевна, что же вы пешком? Неровен час, поскользнетесь, здесь как на катке,– восторженно произнес он.– Могли бы с шиком подъехать к самому кафе.

– Не бойтесь, я прочно стою на ногах,– заверила она с трепетом в сердце взирая на букет белоснежных цветов. Но юриисконсуьлт не торопился с ритуалом вручения.

– Конечно, вашей прочности и уверенности может позавидовать любой мужчина, – поддержал он. – Но все же не следует рисковать там, где риск неоправдан. В такую погоду

на скользких тротуарах масса травм, переломов и прочих неприятностей.

– Решила отпустить Сеню, – улыбнулась она, замедлив шаги. – Однако он, видите, не отстает, сопровождает, как положено по инструкции. Не хочу, чтобы в коллективе прознали о нашей встрече, пойдут разговоры, домыслы. За Рябко я уверена, он умеет держать язык за зубами. Хотя теперь и он узнал с кем встреча.

– Ника Сергеевна... Ника, вы свободная женщина и никто не вправе диктовать вам условия, а тем более осуждать.

– Я сказала ему, что это деловая встреча.

– Деловая? Мг, а мне кажется, что у нас романтическое свидание, – возразил Павел Иванович.

– Вот и Сеня так считает, – снисходительно улыбнулась женщина. – Все вы, мужчины неисправимы, себе на уме...

– Такими нас природа сотворила и поэтому в знак нашего свидания примите эти цветы и конфеты, чтобы жизнь не казалась горькой, – изрек он и галантно преподнес цветы и шоколад.

– Ой, спасибо, Павел Иванович, не ожидала, вы – настоящий рыцарь без страха и упрека. А их сейчас очень и очень мало и поэтому каждый на вес золота, – поблагодарила она, вдыхая аромат орхидей. – Мне давно уже не дарили таких дивных цветов, если не считать тех, что на официальных мероприятиях, презентациях, юбилеях, где звучат обычно стандартные, дежурные поздравления.

– Вы достойны и лучших презентов, подарков, драгоценностей!– с пафосом заверил он.– И это только начало.

– Смотрите Павел Иванович, разоритесь,– пригрозила она. – Придется мне увеличить ваш оклад с учетом представительских расходов.

– Ради такой женщины готов на все!– и бережно взял ее за руку и повел к сияющему неоновыми огнями кафе с интригующим названием. Мимо, сделав дружеский жест рукой, в включенными фарами и сигнальными огнями, проехал Рябко. За безопасность президента при таком майоре милиции он был спокоен.

– Павел Иванович, взгляните какая красота, как в ледовом сказочном дворце, – опираясь на его руку, обратила свой взор Стужина на обледеневшую крону растущей у тротуара софоры. – Словно хрустальная люстра сверкает в огне. Разве из окна авто разглядишь такое чудо!?

– Действительно, как в сказочном дворце,– поддался он ее восторгу.– Но синоптики обещают потепление и скоро вся эта красота превратиться в лужи, а деревья станут голыми и неуютными. А нынче природа-кудесница.

– Да-а,– взгрустнула она.– В этом подлунном мире ничего нет вечного. Даже звезды и те через миллионы лет сгорают.

Она запрокинула голову вверх, где на черном бархате, словно вбитые в него серебряные гвозди, сияли созвездия Большая Медведица, Южный Крест и великое множество других звезд, поражающих воображение и напоминающих о

мимолетности и бренности человеческой жизни. Но она решила не думать о вечном, ибо впереди ей еще был отмерян не один десяток лет. Хотя на все Господня воля.

4. В «Голубых грезах»

Когда они вошли в кафе, в нем было не более десяти посетителей и опасения насчет того, что здесь тусуется “голубизна”, оказались напрасными. Преимущественно за столиками сидели пары – мужчины и женщины. Звучала легкая умиротворяющая музыка и свет в банкетном зале был неяркий, приглушенный. Еще до появления Стужиной, Павел Иванович, прибыв на полчаса раньше назначенного срока, заказал или, как он сам выразился, застолбил столик возле окна, откуда хорошо было видно всех входящих в помещение. И здесь в нем проявилась милицейская привычка, занимать такое место, исходную позицию, чтобы в случае, нестандартной ситуации, держать всех в поле зрения и быть готовым к действиям.

Он помог Нике Сергеевне снять дубленку и вместе со своей кожаной курткой сдал гардеробщице на хранение. В глубине зала за крайним столом, заставленным бутылками с коньяком, водкой и блюдами с закуской, восседали трое мужчин, самый крупный из них в малинового цвета костюме, а двое других – в черном и светло-зеленом. Один из них лысый, а его партнеры коротко остриженные. Судя по их развя-

занному поведению, шуму и смеху, пир был в самом разгаре. Они травили анекдоты и провозглашали тосты. От окурков в пепельнице тянулись сизые дымки...

При виде Стужиной вдруг онемели, вперив в нее удивленно-восторженные и в тоже время сально-похотливые взгляды изголодавшихся самцов. Они словно раздевали ее донага, пытаясь вообразить прелести изящного тела. Ощувив смутную тревогу, женщина остановилась в смущении и оглянулась на своего спутника.

– Павел Иванович, мне здесь не нравится, – прошептала она, указав взглядом на подозрительно-дерзкую компанию.

– Ника Сергеевна, не робейте, стол заказан и оплачен, – сообщил он и одобрительно улыбнулся. – Это ваш каприз, будьте паинькой. Не смущайтесь, проходите и чувствуйте себя, как в родном офисе. А на будущее не помешало бы вам открыть частный ресторан «Nika» и без проблем посещать его в любое время суток...

– Прекрасная идея. Ресторанный бизнес довольно прибыльный, – одобрила она, подойдя к сервированному столику. Лещук услужливо подвинул мягкий стул с высокой спинкой в стиле ретро.

Присел сам и открыл лежащую на столе папку голубоватого цвета с текстом меню, в котором предлагались названия напитков, горячих и холодных блюд, десертных, кондитерских изделий.

– Что будем пить, дорогая Ника? – обратился он веселый

взор.

– Я уже стала дорогой? Так быстро, интересное начало?– удивилась она. – Может вы имеете в виду расходы?

– Дорогой, но не в смысле затрат, а как незаурядная личность, популярный в городе человек, ну и само собой разумеется, замечательная женщина,– уточнил Лещук.

– Хорошо, принимаю ваши пояснения,– слегка улыбнулась она, отметив его находчивость.– Из напитков предпочитаю шампанское «Новый Свет» или мускатное, мы ведь с вами патриоты родного края, поэтому должны покупать товары своих земляков. А в остальных блюдах я полагаюсь на ваш вкус.

Он охотно подал знак девушке-официантке в фирменной одежде голубой блузке и черной юбке, чтобы она подошла к столику.

– Слушаю вас,– с теплой улыбкой произнесла певучим голосом. Приготовила блокнот и ручку.

– Пожалуйста, бутылку шампанского «Новый Свет», бутылку коньяка «Коктебель», две порции жаркое, салаты и по два бутерброда с черной и красной икрой. А под занавес по чашечке кофе и порции торта «Черный принц». Пока этим ограничимся, а дальше по настроению.

Девушка удалилась выполнять заказ.

– Не слишком ли много и щедро? – заметила Стужина.– Имейте в виду, Павел Иванович, что мне обильная пища противопоказана, я соблюдаю диету для сохранения спор-

тивной формы.

– Вы замечательно выглядите, стройная, изящная, красивая и думаю, что этот вечер нисколько не повредит ни вашей великолепной фигуре, ни деловому имиджу.

– Виртуозно излагаете, – оценила она.

– Не забывайте, что следователь, еще и немного писатель и психолог, – улыбнулся юрисконсульт. – Кроме других материалов, протоколов осмотров, допросов, показаний свидетелей и потерпевших, я написал гору обвинительных заключений по каждому уголовному делу. Если все собрать, то получилось бы полное собрание занимательных детективных произведений. Может быть на закате жизни займусь этим делом, зароюсь с головой в архивы и прославлюсь, как мастер детективного жанра.

– О-о, с удовольствием прочитаю ваши будущие творения, – пообещала Стужина. – Желаю вам успехов в этом амплуа, литературной славы и больших гонораров.

– Я не тщеславен, ибо скромность украшает человека.

– Все же признание, слава приятны, а деньги дают независимость, – заметила она.

Между тем официантка ловко сервировала стол, поставила по просьбе Виктории Сергеевны в центре вазу тремя белыми орхидеями.

– Приятного вам отдыха, если что потребуется позовите, – сказала девушка. Лещук открыл бутылку шампанского и наполнил ее фужер золотистым искрящимся напитком, а свой

– коньяком.

– Ника Сергеевна, Ника, за ваше очарование и карьеру, – стоя, как подобает офицеру, провозгласил он тост. Она благодарно улыбнулась и, сдвинув фужеры, отпила наполовину, а Павел Иванович свой коньяк выпил до дна и пожурил ее:

– Нехорошо в фужере оставлять слезы. За себя надо пить до дна, чтобы не увядала краса и валюта не кончалась.

– Еще успею, вечер долгий, а я не суеверная, в приметы и предсказания разных так экстрасенсов, хиромантов, колдунов не верю. У них одна цель – обобрать до нитки простаков, слишком доверчивых людей. Да и народные врачеватели, так называемые последователи Ванги, у меня не вызывают доверия. Не так ли?

– Полностью солидарен, – поддержал Лещук.

– Павел Иванович, почему вы вдруг решили устроить этот вечер? Нашли повод, чтобы обмыть премию?

– А потому что мы с вами два одиночества, которые, как поется в одной старой песне-шлягере семидесятых годов, развели у дороги костер, а костру разгораться не хочется, – вспомнив забытый мотив, пропел он. – Но наш костер, должен ярко разгореться?

– Вы слишком самоуверенны.

– Возможно, но лучше быть человеком действия, высокого темперамента, чем пессимистом или флегматиком, как ваш Тяглый, постоянно ноющим и ожидающим манны небесной или погоды у наших Азовского или Черного мо-

рей, – обозначил он свой принцип.

– Надо ставить достижимые цели и не переоценивать свои способности и возможности, чтобы потом не страдать от крушения замыслов и не впадать в хандру от разочарований. Некоторые нестойкие с большими амбициями особы, на почве неудач получают психические расстройства.

– Это мне не грозит, – с обидой заметил юрисконсульт.

– Я не имела вас в виду, – поправилась она. – Лучше поговорим о другом, светлом и приятном. Например, о музыке. Я обожаю классику, а также мелодии Раймонда Паулса и латиноамериканские, особенно танго. В свои юные годы была в восторге от зажигательной ламбады С подругами танцевала ее до упада.

– Я не слишком силен в понимании музыки, больше увлечен эстрадными песнями в исполнении Аллы Пугачевой, Валерия Меладзе, Софии Ротару, особенно ее «Лавандой», Валерия Леонтьева, Николая Баскова и другими, – признался он. – Но если вам нравится танго, то нет проблем, я сейчас закажу и вы насладитесь музыкой.

– Будьте добры. Если танго, то что-нибудь из латиноамериканских, – попросила она и добавила. – Чтобы наш вечер не превратился в поминки или грустные воспоминания.

Павел подошел к бармену и через несколько минут, заплатив за услугу, довольный возвратился к Стужиной и общил:

– Сейчас по вашей просьбе, дорогая Ника, прозвучит ме-

лодия «Осень в Буэйнос-Айресе».

– О-о, у вас прекрасный музыкальный вкус, это замечательное произведение,— с сияющими глазами произнесла женщина.— Мне довелось услышать на концерте преподавателей первой детской музыкальной школы в Керчи, заслуженных работников культуры. Действительно, заслуженных в отличие от лизоблюдов, угождающих чиновникам.

– Здесь музыкантов нет и мелодия прозвучит в записи, возможно с того концерта, на котором вы присутствовали, – сообщил он. И через несколько секунд зазвучала пронзительно грустная и нежная мелодия, усиленная колонками музыкального центра. Глядя на юрисконсульта, женщина благодарно улыбнулась.

– Хотите потанцевать? – прочитал он ее мысли.

– Да,— ответила Стужина.

– Я давно этим не занимался, утратил все навыки, поэтому не уверен, смогу ли?— признался он. – Хотя это медленный танец, танго, а не вальс, фокстрот или ламбада...

– Я тоже давно не танцевала, поэтому мы в равных условиях,— заметила женщина.— Коль пришли отдохнуть, то по полной программе.

Павел Иванович встал и подал ей руку. Они прошли на свободное от столиков пространство, где уже танцевали две пары. Он обнял одной рукой за талию, а вторую положил на ее хрупкое плечо. С радостью ощутил теплое дыхание, тонкий аромат дорогих французских духов и упругость груди.

Она была женственна и желанна.

Мелодия угасла и он в знак благодарности поцеловал ее руку. Придерживая женщину за талию, провел к столику.

– Закройте на миг ваши чудесные глазки и подайте нежную ладонь, – ласково велел он. – Только, чур, не подглядывать.

– Что еще за фокус, как в детстве? – улыбнулась Стужина, смежив длинные, слегка оттененные, ресницы. Павел положил на ее ладонь изящную коробочку. Она, ощутив прикосновение его руки и легкость коробочки, открыла глаза.

– О-о, Павел Иванович, вы – искусный сердцеед-обольститель, знаете, что женщины к подаркам не равнодушны, – она открыла колпачок и поднесла флакончик к лицу.

– Это вы – прелесть, бесценное сокровище! Ради женщины и живу на этом белом свете, – признался юрисконсульт, довольный произведенным эффектом. – Отныне я – ваш покорный слуга, раб.

– Не преувеличивайте, все мужчины искусные актеры и льстецы. Лучше скажите, откуда вы узнали, что «Опиум» мои любимые духи? – поинтересовалась она, вдыхая тонкий, волнующий запах.

– Контрразведка, точнее, агентура донесла.

– Вы успели обзавестись агентами? Значит, Рэм Анисимович оказался прав, предвидя, что вы начнете сколачивать группу сексотов, плести интриги, козни, будоражить коллектив?

– У вашего зама, неисправимого трезвенника, явно обостренная мания подозрительности, преследования и величия.

– Тяглый – незаменимый сотрудник и между вами не должна пробежать черная кошка. Постарайтесь понять и посочувствовать, он до сих пор не может оправиться после преждевременной смерти жены. Обязательно, если не подружитесь, так хотя бы сохраняйте деловые отношения, ведь мы – единая команда. В этом залог успеха.

– Хорошо, я постараюсь ради вас, главное, чтобы он, как упрямый вол, не упирался рогами и не качал права, – пообещал Павел. – А насчет контрразведки и агентуры я пошутил, сам не терплю доносчиков и лизоблюдов. Если и обзаведусь информаторами, а их в милиции называют ДЛ – доверенные лица, то только в чужих фирмах с целью коммерческого шпионажа за конкурентами.

– В этом, Павел Иванович, нет необходимости. Я предпочитаю честный и открытый бизнес без теневых схем и криминала, чтобы не навлечь на себя сотрудников УБЭП, налоговой милиции и прокуратуры, – сменив игривый тон на официоз, сообщила президент.

– Напрасно, Ника, – вздохнул Лещук. – Для процветания и безопасности бизнеса, мы, кровь из носа, должны знать, как идут дела у конкурентов и партнеров, что они замышляют против нас, чтобы своевременно предпринять контрмеры, нанести упреждающий удар. Наши риски должны быть

сведены до минимума. До правовых цивилизованных отношений еще очень далеко и те из политиков и бизнесменов, что поднялись из грязи в князи, сколотившие первоначальный криминальный капитал, продолжают действовать в том же ключе, стремятся надуть, подставить, кинуть, обанкротить посредством «липовых» документов и продажных судей в хозяйственных и апелляционных судах.

– Да, это нерестилище коррупции, – согласилась Стужина.

– Судьи за мзду содействуют размаху, так называемому рейдерству – силовому захвату чужой собственности, недвижимости, — продолжил он. – Для нас важен доступ к конфиденциальной информации, хранящейся на компакт-дисках в офисах конкурентов, которые в борьбе с нами не брезгают никакими методами.

– Павел Иванович, вы смотрите на вещи под углом зрения профессионала, юриста, следователя, – сделала вывод Стужина.

– Кто на что учился, – усмехнулся Лещук. – По другому нельзя. Романтизм, наивность, чрезмерная доверчивость и беспечность могут выйти боком. Бизнес, финансы, особенно в условиях дикого капитализма, часто сопровождаются аферами, мошенничеством, алчностью даже на государственном уровне по отношению к гражданам. Вспомните, сколько раз из-за несовершенства законодательства менялись правила игры. Яркий пример – налоговая удавка, которая загоняет средний и малый бизнес в тень, в то время, как для круп-

ного капитала, благодаря лоббистам на Олимпе власти, дан «зеленый» свет, льготы, преференции...

А ведь кроме того мелкого предпринимателя постоянно доят работники милиции, прокуратуры, службы безопасности, КРУ, налоговой и экологической инспекций, пожарного надзора, санэпидстанции. А местная власть, увеличивая налоги на землю, требует в добровольно-принудительном порядке вносить взносы в разные благотворительные фонды, откуда деньги текут на валютные счета или в карманы депутатов и чиновников за «услуги».

Поэтому, Ника не следует расслабляться, надо ухо и глаз держать остро. Кстати, чтобы не оказались у разбитого корыта, не доверяйте банкам, обратите капитал в золото и другие драгоценности, в недвижимость. Финансовая система из-за аферистов, подобных Соросу, неустойчива, хотя курс евро стабильный, а вот доллар ненадежен, слишком большая эмиссия. Вполне может повториться дефолт девяносто восьмого года и тогда сбережения превратятся в полову.

– Спасибо, Павел Иванович, но у меня немного свободных денег. Основная часть в акциях и обороте нашей фирмы, – призналась президент. – Пока что на ногах стоим прочно и нет угрозы банкротства. А с вашим приходом гарантия надежности возросла. Ведь вы успешно отбиваете атаки конкурентов, чиновников фискальных органов и вымогателей из криминальных структур.

– Стараюсь оправдать ваше высокое доверие, – заверил

он. – Ради вас готов пройти сквозь огонь, воду и медные трубы.

– Павел Иванович, вы глубоко разбираетесь в ситуации, – польстила женщина. – Я рада, что судьба нам подарила встречу, что наши дороги в бизнесе не разминулись и мы трудимся на один котел.

– Я тоже очень рад, – он нежно прикоснулся рукой к ее теплой изящной ладони с золотым перстнем на пальце. – Однако отставим в сторону бизнес, у нас ведь не деловая встреча, а романтическое свидание.

– За подарок спасибо, я обожаю французские духи, – призналась Стужина. – Но впредь, не тратьтесь. Я все-таки президент фирмы, не бедствую, зарабатываю достаточно и могу себе позволить покупку дорогих вещей: драгоценностей, косметики, парфюмерии. В своих потребностях знаю чувство меры, я ведь по знаку Зодиака – Весы. Все уравниваю, конфликты сглаживаю, подвожу баланс, чтобы ни в бизнесе, ни в отношениях не было перекосов. Не забывайте, что вы мой подчиненный, и подарок можно расценить, как взятку...

– Вы это серьезно? – опешил и тут же рассмеялся юрист-консульт, откинувшись на спинку стула. – Надо этот факт срочно заактировать с участием понятых. После этого инкриминируют нам статью УК и загремим мы с вами в СИЗО на нары, как коррупционеры. Впрочем, с такой очаровательной женщиной я готов хоть на край земли или к черту на

кулички, а лучше к теще на блины. Интересно узнать вашу версию о мотивах деяния? С какой целью я вас обхаживаю?

– Не смейтесь, Павел Иванович, – смутилась женщина. – Ничего не делается и не происходит беспричинно, без умысла. Важно, чтобы он не был злым и коварным. Возможно, вы решили таким способом завоевать мое расположение, симпатии для продвижения по службе? Мое слово, конечно, веское, но решения по кадрам принимаются на собраниях акционеров и правлении. Кстати, вы своей эффективной работой и без того наращиваете авторитет в коллективе.

– Ника Сергеевна, вы рассуждаете, как президент. Помните, что вы – красивая с изюминкой, шармом, а точнее, светлой магией женщина, – с нежностью в голосе произнес Лещук. – Для меня карьера, деньги, роскошь – вторичны. Хочу, чтобы в вашем сердце нашлось хотя бы крохотное местечко для скромного сотрудника.

–О-о, Павел Иванович, вы претендуете на взаимность, более близкие и глубокие отношения, но существует субординация, правила и этика служебных отношений, – напомнила президент. – Они должны быть равными без каких-либо исключений. Согласившись на эту встречу, причем наедине, без участия других сотрудников, той же Ласки, или Рэма Анисимовича, я преступила запретную черту, позволила себе вольность.

– У вас безупречная репутация. И пусть только кто-то посмеет вас упрекнуть, оскорбить или унижить, тот будет иметь

со мною, – твердо пообещал майор милиции и огляделся. – Не вижу повода для опасений, знакомых, свидетелей нет.

– Павел Иванович, я сама способна за себя постоять, – возразила она. – Защищайте, как вы это успешно делаете, интересы фирмы, а меня лично не обязательно. Эта роль возложена на моего водителя и это не входит в перечень ваших функциональных обязанностей.

– Я с радостью это буду делать по доброй воле и совершенно бесплатно. Стану вашим ангелом-хранителем! – с пафосом заверил Лещук.

– Никакой самодеятельности, я запрещаю.

Он ощутил жесткость в ее голосе и поспешил сменить тему. Затем по заявке Павла прозвучали в записи прекрасная музыка Раймонда Паулса из кинофильма «Долгая дорога в дюнах». Жестом юрисконсульт подозвал бармена и велел:

– Давай что-нибудь из ретро, шлягеров моей молодости.

– Что именно, у каждого свой вкус?

– Чем ты располагаешь?

– Эстрадные песни Магомаева, Пугачевой, Талькова, Ротару, Распутиной, Серова, Вески...

– Во, давай Анне Вески, очень милая, обаятельная блондинка, – обрадовался он и улыбнулся Стужиной. – Она поразительно на тебя похожа.

– Каждый человек индивидуален и неповторим, – мягко заметила она, хотя сравнение ей понравилась, так как симпатизировала этой скромной эстонке.

– У вас хороший вкус, – польстил бармен. Вскоре зазвучало:

Оглянись среди ночи и дня.

Оглянись и увидишь меня.

Это – я, это – я, это – я,

Любовь, любовь твоя...

—Проникновенный голос, слова и мелодия, – промолвила Стужина. Достала из сумочки белый с кружевными краями платочек с вышитым посередине вензелем литеров N S. Вытерла пальцы и хотела спрятать платочек, но Павел попросил:

– Позвольте.

– Зачем вам? – румянцем смущения вспыхнули ее щеки.

– На память об этой встрече. Я буду его хранить, как талисман, – признался юрисконсульт. Она призадумалась и решила его не огорчать. Лещук бережно взял платочек и прижал его к губам, ощутив стойкий запах дорогих духов. Сложил вчетверо и спрятал в карман на левой стороне груди, у самого сердца.

– Взрослый мужчина, а поступаете словно влюбленный юноша, – снисходительно заметила Ника, ощутив приятное чувство.

– Мы совершили замечательный бартер без признаков корысти и коррупции, – воодушевился юрисконсульт. – Я вам – духи, а вы мне – платочек, который дороже сотни самых

дорогих духов.

Неожиданно отворилась дверь и на пороге появилась Ласка в васьолькового цвета пальто с норковым воротником. Рядом с ней был незнакомый белобрысый парень, выше среднего роста в теплой кожаной куртке. Стужина, находившаяся к ним лицом, первой увидела неожиданных посетителей и смутилась.

– Что такое?– спросил Лещук, почувствовавший сбой.

– Поглядите, кто к нам пришел?– усмехнулась женщина, указав взглядом не вошедших. Наташа приветливо помахала рукой.

– Здравствуйте, явилась не запылилась,– усмехнулся юрисконсульт.– В городе десятков шесть ресторанов, кафе, казино, баров, а она появилась именно здесь. Даже по теории вероятности невозможно такое совпадение, чтобы в этом месте и в этот же час. Наверное, прознала о нашем свидании, может Семен ей наступал?

– На то она и секретарь-референт, чтобы все и обо всех знать,– с иронией ответила Стужина.– На Рябко не грешите, он здесь ни при чем. Очевидно, у Наташи есть другой источник информации. И разговор она наш не могла подслушать, так как общались по прямой связи.

– Не мешало бы проверить ваш кабинет на предмет наличия «жучков» с целью компромата, шпионажа в интересах конкурентов.

– Думаете, что телефоны прослушивают?– всполошилась

она.

– Не исключено, подслушивали же умельцы тайные разговоры в кабинетах президентов Ельцина и, особенно Кучмы, до сих пор скандал, умело используемый американскими спецслужбами, не угас. Почему бы и у вас не снять соперникам ценную информацию о коммерческих и личных делах с целью последующего шантажа и дискредитации. Дурной пример заразителен,– предупредил Лещук. – Мне эти методы оперативно-технической работы хорошо известны.

– Так там большая политика?

– А у вас бизнес. Масштабы разные, а методы одни.

К ним вместе со своим спутником, по– лисьи улыбаясь, шла Ласка.

– И вы здесь! Какая приятная неожиданность!– с блеском в глазах произнесла Наташа. – А мы вот с Эдиком однокурсники, он тоже будущий магистр. Не исключено, что в нашей фирме будет работать. Проходили мимо, решили на минутку заглянуть. Не стали раздеваться, чтобы по чашечке кофе выпить. Я немного озябла, на улице мороз, но все в лучах света сверкает и блестит. Не помешаем? Если бы знали, что вы здесь, то не посмели бы. В городе разных кафе и баров, хоть пруд пруди, зашли бы в «Клеопатру», «Альбину» или «Дары моря».

– Не помешаете, Наташа и Эдуард, располагайтесь как вам удобно,– сказала Стужина. – Моя президентская власть тоже имеет пределы и на это заведение, и на вас не распростра-

няется. Как хотите, распоряжаетесь свободным временем. А вот вопросы о будущих кадрах позвольте мне самой решать.

– Я так и знала, что вы не осерчаете, встретили душевно, – обрадовалась, выдав себя, девушка. Опомнилась, но было поздно, слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

– Эх, Наталья-проказница, значит, ты заранее знала и подстерегла, – погрозила ей пальцем Стужина.

– Не обижайтесь, Ника Сергеевна, я от природы такая любопытная и ничего не могу с собой поделать, гены виноваты, – покаялась Ласка.

– Тебе бы с твоими наклонностями впору сыщиком или следователем работать. Так ведь, Павел Иванович, или я не права?

– Да, у Наташи есть задатки, но за своими сотрудниками шпионить нехорошо, – и тут же уязвил девушку. – Так Эдуард ваш бойфренд для приятного времяпрепровождения?

– Нет, просто мой друг, – возразила она и густо зарделась от смущения. Наташа и парень присели за соседний столик, к ним подошла официантка. Они заказали кофе и пирожное. Лещук, ловя на себе ее любопытные взгляды, ухмыльнулся: «Случайно они зашли. Наверняка, Ласка шпионит и может быть даже по заданию Тяглого, взявшего на себя роль блюстителя нравственности». Все пятнадцать минут, пока Наташа с другом пили кофе и уминали пирожное, юрисконсульт чувствовал себя неуверенно, словно его рассматривали через микроскоп. Вдохнул с облегчением, когда увидел, что

они поднялись со стульев.

– Приятного вам отдыха, – пожелала секретарь-референт, лукаво улыбнувшись и, подхватив студента пошла к выходу. Павел Иванович наполнил фужеры и провозгласил:

– За любовь и бизнес!

– Замечательно, только бизнес я все-таки бы поставила на первое место, – поправила Стужина.

– А мне кажется, что любовь для человека важнее, ибо она его окрыляет и вдохновляет, а значит и бизнес процветает, – произнес он в рифму признался. – Вы – прекрасная, магическая женщина. Я не склонен к лирике и сентиментальности, но все же бывают такие мгновения, когда хочется объясняться стихами. Послушайте...

*О, Ника! Я тобою восхищен,
Сиянием глаз и голосом пленен.
Любовь разрушит все преграды.
Ты – ангел мой, души отрада...*

– Павел Иванович, вы меня удивляете и смущаете.

– Специально для вас сочинил, – признался юрисконсульт. – Обычно меня под дулом пистолета не заставишь этим заниматься.

– Ценю ваши усилия, – похвалила она.

– И всего лишь? – разочаровано произнес он. – Хотя бы один скромненький поцелуй в награду.

– Вы же потом потребуете большего, – возразила женщина. – Именно со скромного поцелуя все начинается.

– Ника, я удивлен, почему вы до сих пор свободны, без спутника жизни: неужели во всем городе не нашлось достойного вашей красоты, магии очарования и тонкого ума мужчины.

– Тот, кто мне нравится, женат, а я не хочу строить свое счастье на чужом горе, разбивать семью, обрекать на страдания детей, – призналась она. – Даже Рэм Анисимович одно время активно клинья подбивал, но я противник семейственности, кумовства и родства в бизнесе.

– Эх, Ника, никогда не поверю, что женщина может обойтись без секса, ведь вам природой предназначено любить и быть любимой. Берите пример с молодежи, а также с артистов кино, эстрады, шоу-бизнеса. Они меняют жен и мужей, как перчатки, ради свежих и новых ощущений, удовлетворения самых изощренных и фантастических прихотей.

– Не обольщайтесь. Ника на древнегреческом значит, победа и поэтому меня победить невозможно.

– Но ведь первый муж смог завоевать ваше сердце?

– Первая любовь вспыхнула и угасла, ошибка молодости, – с грустью заметила она и с иронией сообщила. – А вот Павел по-латыни означает маленький.

– Врет латынь, я большой и сильный, – возразил он.

– Не обижайтесь, я пошутила. Не сомневаюсь, что вы волевой и решительный человек.

Увидела, что такой оценкой он остался доволен.

– «Свободная любовь» мне чужда. Она безнравственная и

аморальна. Все мои желания и энергия посвящены работе, – заявила президент.

– Ни за что не поверю, что вы обрекли себя на скучную, серую жизнь монашки, отказываете себе в земных радостях. и у вас нет тайного любовника, – сказал он. – Зачем ставить крест на личной жизни. Увы, придет и наш черед оставить этот бренный мир.

– Павел, нам еще рано об этом думать.

– Но об этом никогда не следует забывать, ибо жизнь хрупка и пути Господни неисповедимы. Поэтому, милая Ника, надо дорожить каждым мгновением, из которых соткано быстро ускользающее время, – философски заметил Лещук. – Неразумно из-за сомнительных моральных догм и предрассудков отказываете себе в наслаждениях.

– Они чреваты блудом, а я не желаю прослыть женщиной легкого поведения. Для меня безупречная репутация, общественное мнение очень многое значат.

– Эх, Ника, так и проживете затворницей, как монашка, не познав радостей и удовольствий семейной жизни. Наверняка, есть тайный любовник, поэтому тщательно скрываете свои отношения?

Стужина, чтобы не продолжать тему, промолчала, тем самым дав ему повод для подозрений.

– Суровая проза жизни не способствует романтическому настроению, но вы, Ника, задели в моем сердце неведомые доселе струны и они зазвучали на лирический лад.

– Вы красиво и образно излагаете свои мысли, что иной поэт или ценитель изящной словесности могут позавидовать.

– Это все слова, ласкающие слух, а я предпочитаю быть практиком, а не витать в облаках в ожидании призрачного счастья.

Они выпили вино и закусили бутербродами.

– Ника Сергеевна, вы с самой первой встречи мне приглянулись своей внешней и душевной красотой, – признался он. – Редкой женщине удастся произвести на меня такое магическое впечатление.

– Вы тоже интересная и сильная личность.

– Почему бы нам не соединить наши сердца?

– И тела... что больше всего интересуется и влечет мужчину, – продолжила она. – Я так и знала, что вы для этой цели пригласили меня сюда, чтобы напоить и, воспользовавшись моей слабостью, соблазнить. Но этот номер у вас не выйдет, я далеко не глупая девочка и способна контролировать ситуацию, владеть своими чувствами и желаниями.

– Я в этом не сомневаюсь, – ответил он, подметив, блеск в ее удивительно нежных глазах. – Ника, а почему бы нам не перейти на “ты”, а то вроде напыщенных дипломатов за столом переговоров, – предложил он. – Зовите меня Пашей или Павлом, как угодно.

– Хорошо, Павел, но только в такой вот неформальной обстановке, за пределами офиса, – согласилась Стужина. – А на

работе, будьте добры, только деловое официальное обращение, без всяких проявлений телячьих нежностей и намеков на теплые отношения, чтобы пресечь волну сплетен. Они, как зараза способны деморализовать коллектив, внести смуту. И без того Наталья-проказница выследила.

– Ника, мне показалось, что ты ко мне тоже равнодушна, поэтому и проявляю нетерпение и настойчивость,— признался он.

– Ты привык брать крепости с ходу, в первый же вечер, ночь одерживать победы на любовном ложе, а бывает, что необходима длительная осада,— заметила женщина.

– Я готов ждать сколько угодно,— с жаром произнес Лещук. – Ты ведь в принципе не возражаешь, согласна?

– Когда речь идет о чувстве любви, то принципы не годятся. Обсуждают ведь не вопросы идеологии, убеждений, а нечто более тонкое, душевное и очень ранимое.

– Ты – феминистка, презирующая мужчин?

– Я – деловая женщина. И на первом плане у меня не забавы и утехи, а бизнес, карьера, интересы фирмы.

– Но ты и так достигла успеха, президент – звучит гордо и возвышенно, вызывая чувство поклонения.

– Да, президент,— улыбнулась она.— Но всего лишь фирмы.

– У тебя амбиции, как у крутого политика.

– Конечно, я пошутила, насчет претензий на пост президента страны, а вот расширить бизнес, создать рабочие места, увеличить оборот намерена. Если довольствоваться

лишь достигнутым, топтаться на одном месте, то конкуренты оттеснят и сожрут. У нас, к сожалению, пока царят не рыночные, а дикие волчьи законы. Поэтому только динамика, движение вперед гарантируют успех. Бизнес – это азартная игра, но не в карты или рулетку, где все зависит мастерства, удачи или шулерства. Здесь, как в шахматах, от точного расчета, грамотно построенных комбинаций, от знания конъюнктуры, предвидения действий конкурентов и их упреждения. Ты правильно однажды заметил, что часто выживают, не столько сильные, сколько умные. Поэтому я избегаю отвлекающих и усложняющих жизнь ситуаций и факторов.

– Но любовь, даже физиологически мужчине и женщине необходима для полноценной физической и духовной жизни, для профилактики неврозов, стрессов от сексуальной неудовлетворенности.

– И все ты о женщинах знаешь, какой искусный обольститель, – кокетливо улыбнулась она. – Но я не наивная девочка, чтобы слепо верить красивым словам и обещаниям.

5. Запретный плод

За два часа до этого, выйдя из «Голубых грез» и ощущая морозный воздух, Эдуард Муравич и Наташа Ласка, остановились, раздумывая, куда податься? На дискотеку, прогуляться по набережной или... Парень тешил себя надеждой, что удастся, как и на прошлой неделе, пригласить Наташу

к себе в комнату, что в студенческом общежитии. Он не забыл предупредить однокурсников, с которыми уже третий год учебы делил ночлег на восемнадцати квадратных метрах жилой площади, чтобы на два-три часа освободили плацдарм.

– Ника Сергеевна – конспиратор, столько времени изображала из себя строгую, невинную деловую даму, – произнесла девушка без тени осуждения. – А в неформальной обстановке за бутылкой шампанского и щедрой закуской раскрепостилась, превратившись из деловой в веселую и, наверное, легкомысленную женщину, для которой ничто земное не чуждо. Похоже, у нее с Лещуком назревает бурный служебный роман. Это сенсация, в офисе все будут удивлены тому, что неприступная Ника, наша железная леди, вдруг оттаяла, проявив женскую слабость.

– Женское начало берет свое, плоть требует удовлетворения, – с видом знатока заявил студент. – У одной поэтессы, кажется Татьяничевой, есть стихи, в которых она делает вывод, что сила женщины в ее слабости, в чарах и хмельных наслаждениях, доставляемых себе и мужчине. Об этом много написал психоаналитик Фрейд.

– К чему ты, Эдик, это клонишь, а? – усмехнулась Ласка.

– А к тому, что не могу без тебя жить, – ответил Муравич, – Ты постоянно со мной, в моих мыслях и желаниях.

– Не знаю, как насчет мыслей, а желание у тебя постоянное к страсти и совокуплениям. Научись управлять своими

чувствами и усмирять плоть,— назидательно велела Наташа.

— Это невозможно, родная,— с обреченностью заметил студент и предложил.— Приглашаю тебя в гости. Только умоляю не отказывайся.

— Опять общага?

— Опять,— вздохнул он, доверчиво-ласково взирая на нее, завораживая шальным блеском васильковых глаз.

— Ну, ладно, от тебя никуда не деться,— согласилась она.— Кажется, я немного озябла, хоть чаем угостишь?

— И не только чаем, у меня еще немного денег осталось, хватит на бутылку твоего любимого сухого вина Алиготе,— обрадовался он.— И даже на шоколад «Корона».

— Тогда пообещай, что не будешь, как в прошлый раз, распускать руки,? — потребовала Ласка.— Давно ведь должен знать, чем заканчиваются подобные любовные шалости? Ты же еще не готов стать отцом, у тебя ни двора, ни кола.

— Обещаю вести себя скромно,— слегка взгрустнул он.

— Знаю я цену твоим клятвам. Все они сводятся к одному: обещать, не значит жениться. Ох и влетит мне от матери,— она взглянула на наручные часики.— Через час я обязана быть дома.

— В таком случае не будет терять драгоценное время,— поторопил Муравич и, взяв ее под руку, направился в ближайший магазин по пути к зданию общежития. На смятые мелкие купюры и монеты, рассчитав, что должно хватить, купил бутылку белого вина и плитку шоколада.

В фойе общежития у вертушки их остановила вахтерша – строгая женщина лет шестидесяти пяти от роду Жанна Артемовна. Цепким взглядом обозрела Ласку и властно велела: – Предъяви-ка свой документ?

Наташа порылась в сумочке и подала студенческий билет.

– А-а, заочница, Наталия Васильевна Ласка, так и запишем в журнале, – произнесла вахтерша, аккуратно вписывая ее фамилию и время пребывания в строке напротив комнаты № 237. – Получается, что вы и на прошлой неделе гостили. Моя сменщица сделала запись о том, что загостились дольше полуночи. Понятно, чем вы наедине с Муравичем занимались. Некрасиво нарушать распорядок, режим, установленный ректором института. На сей раз, я вправе вас не пустить. Слишком большая любительница наших непутевых студентов. Как бы чем их не наградила, а то закроют общежитие на карантин и меня за потерю бдительности, слабый контроль вытурят с работы.

– Ну, что вы, Жанна Артемовна, это же наша студентка, своя, не чужая, – возразил Эдуард. – Натали учится на одном со мной курсе, только на заочном.

– Наши студенты в общежитии живут, а она пришлая, – парировала женщина. – А если приспичило, то на курсе общайтесь. Там у преподавателей на виду, как кролики или рыбки в аквариуме. Ничего аморального не посмеете совершить.

– Мы с Натали решили сообща поработать над курсовой, у

нас одинаковая тема. Она отличница, а мне математика туго дается. Вы же не хотите, чтобы за мною “хвосты” тянулись?

– Мне без разницы. Вижу, что за тобой пока что девки тянутся,— усмехнулась она, указав проницательным взглядом на пакет.— Бутылку не забыл прихватить с собой, математик. Знаю, какой работой собираетесь заняться, поди, не первый десяток лет на свете живу. От этой сексуальной революции совсем ошалели, будь она неладна. В мои молодые годы бесстыдства и распущенности не было. Строго блюли нравственность и почитали своих родителей и учителей. А нынче студентки не успеют и года проучиться, как животики вырастают, вынуждены рожать или делать аборт. Стыд и срам.

– Вам то, Жанна Артемовна, какая с того печаль?— насутился, недовольный ситуацией парень.

– Не жалеют себя девчата, ведут себя, как похотливые кошки, подрывают здоровье, коверкают судьбу, вот какая печаль, я ведь не только мама, но и бабушка, поэтому не могу без слез глядеть на нынешнюю молодежь,— заявила она, сурово поджав плотные губы. Еще несколько минут перепалки и Наташа настроилась уйти.

– Ах, из-за этой учебы совсем склероз одолел,— вострепнулся Муравич и полез рукою в полиэтиленовый пакет, достал шоколадку. – Это вам для поддержания сил и бодрости на боевом посту.

– Шоколад я люблю, очень полезен для сердца, особенно черный, натуральный, а не соевый,— улыбнулась вахтерша,

принимая плитку и пригрозила.— Ну, и хитрый же Эдуард, знаешь, чем ублажить.

— От щедрого сердца, Жанна Артемовна,— приложил он ладонь к левой стороне груди, а сам подумал: «Чтоб ты им подавилась, старая карга, лакомство ведь предназначалось Натали». Он знал, что вахтерша занимается мелкими поборами со студентов, считая это в порядке вещей, своим «бизнесом». Между тем она не спешила пропускать, застопорив вертушку. Взглянув на Ласку, перелистала несколько страниц журнала и прочитала вслух запись, сделанную своей сменщицей:

— Наталия Ласка пришла в комнату № 237 а 20.15, а ушла в 0.34 следующего дня. Предупреждаю, чтобы впредь такое не повторилось. Для пребывания гостей предельное время — 23.00. Тебе, ясно мартовский кот? Если просрочите, приду и вытурю с позором.

— Ясно, куда уж более,— ответил студент и с тоской подумал «Тебе бы надзирательницей в исправительно-трудовой колонии или игуменьей в женском монастыре служить, чтобы монашки не грешили. Эх, нет на твою голову Декамерона и Казанова».

Но благоразумно промолчал, как застоявшийся жеребец, переминаясь с ноги на ногу.

— А ты, красавица писаная, поняла?— с самодовольством обратила она взор на смущенную Ласку.

— Не ты, а вы,— поправила ее Наташа.

– Ты, вы, я гляжу, шибко шустрая, палец в рот не клади, откусишь, – насупилась вахтерша. – Возьмешь, хлопец, такую в жены упрямую и горя намыкаешься. В карман за словом не полезет.

– Это не ваша забота, – сухо ответил Муравич.

– Ну, ладно, ступайте, надоели мне, как горькая редька, – махнула она рукой и, завидев очередную парочку. Они, не мешкая, прошли мимо вахтерши, а она снова заблокировала вертушку. По лестнице поднялись на второй этаж, где вдоль длинного коридора – комнаты с номерами на дверях.

– Эдик, а почему ты меня называешь Натали? – спросила Ласка.

– Так Пушкин называл свою возлюбленную Наталью Гончарову, впоследствии ставшую его женой.

– Ты же не поэт и не писатель?

– Мы должны равняться на великих, чтобы хоть немного приблизиться к ним! – с оптимизмом произнес студент. – Кстати, у Александра Сергеевича побывало в постели не меньше ста прелестниц. А я – однолюб, мое сердце, тело и душа принадлежат только тебе одной.

– Ой, не лги! А твой роман с Катей, а еще раньше с Мариной, которую ласково называл морской красавицей, своей Ассолью?

– Это было до встречи с тобой. Они остались в прошлом, пройденный этап и возврата назад нет. Там, где прошла ты, другим делать нечего, – признался, взирая на Ласку посоло-

вевшими от вожделения глазами.

– Знаешь, как вахтершу называют студенты? Мадам Дурель, звучит, как дура, а другие обзывают ее Дрелью, потому что сквозь любую стену проникает и все вынюхивает, – пояснил Эдуард.

– За что она заслужила такую нелюбовь? – пожалела Наташа.

– За то, что мешает заниматься любовью. После того, как три девицы со старшего курса забеременели. Одна из них вынуждена была сделать аборт, Жанна Артемовна считает своим долгом без спроса совать свой нос в любую комнату, проводит ночные проверки. А когда ее не пускают, то вопит, что выполняет тайное поручение ректора. Превратила общагу в женский монастырь.

– Видишь, чем могут обернуться сладкие забавы.

– Тебе это не грозит, мы предохраняемся, – ответил студент.

Они подошли к комнате № 237 и Эдуард по-хозяйски толкнул дверь. Вошли в стандартную студенческую комнату на четверых человек.

– А добро пожаловать в наш шалаш, – встретил Муравича и Ласку один из двоих студентов, находившихся в комнате Роман Дерюга, а второй Артур Злотник лишь многозначительно улыбнулся. Третий из обитателей комнаты студент Богдан Капелюх подвизался работать сторожем склада в ночное время у одного из коммерсантов и поэтому отсутствовал.

– Ребята, я же вас предупреждал, что буду с Наташей,– пожурил их однокурсник. – На улице еще холодно, это вам не весна и не лето, где на природе под звездным небом или на берегу моря, что в доме родном.

– Мы то соображаем, Эдик, чай не с Луны свалились, знаем, откуда дети берутся,– ухмыльнулся, плотоядно уставившись на гостью и смутив ее откровенно вожаделанным похотливым взглядом, Роман. – Но и ты не будь жлобом. Еще за прошлый раз с нами за randеву не рассчитался. Второй раз халява не пройдет.

– Ребята никаких проблем, как только получу стипендию, сразу же выставлю пузырек самой лучшей водки и закуску к ней.

– Ну, гляди, кореш, твоя подружка большего стоит,– Дерюга оглядел Ласку с ног до головы, словно раздевая, и облизнул по-девичьи сочные губы. – Ты в женщинах толк знаешь. Обманешь, заставим ее натурой расплатиться. Я первый на очереди, имей в виду.

– Гарна дивчина для коханья,– вынес свой вердикт Злотник, вместе с Романом облачившийся в верхнюю одежду.

– Вы ребята подольше погуляйте на свежем воздухе. Такие прогулки очень полезны, обогащают кровь кислородом,– попросил Муравич.

– Сколько вам времени, два, три часа? – поинтересовался Роман, не сводя посоловевших глаз с Ласки.

– Побольше, если надоест гулять, то переждите у кого-ни-

будь из ребят нашего курса,— предложил Эдуард.

— Глади не переусердствуй, а то через девять месяцев всучат исполнительный лист и еще нас обвинят за содействие любовным утехам, — с лукавством предупредил Дерюга.

— Я — не насильник, не маньяк,— сконфузился Эдуард. — Мы с Наташей решили сообща курсовую работу сварганить, чтобы у меня к следующему семестру не было «хвостов».

— Ладно, строгальщик, не пудри нам мозги, не вешай лапшу на уши с легендами насчет курсовой. Удачи вам, ни пуха, ни пера,— пожелал Дерюга и потянул за рукав Артура.

— К черту!— отозвался Муравич, довольный тем, что удалось спровадить приятелей.— Что ты, Натали, как не родная, оробела? Теперь мы одни и никто нам не указ.

Эдуард помог ей снять пальто и разуть сапожки.

— Чувствую себя перед ребятами неловко, будто бы выселили, выставили их за порог,— призналась Ласка.— Так в гости не приходят. В другой раз могут и воспротивиться.

— А-а, не будь слишком сентиментальной, не принимай их упреки близко к сердцу,— заметил он и продолжил. — Когда они своих телок приводят, причем без предупреждения неожиданно, то я без всяких возражений и разговоров, собираюсь и ухожу на длительное время. Так что я с ними в полном расчете. А Роман не дурак, на тебя губу раскатал. Выкусит, своих телок никому не дает.

— Значит, если следовать твоей логике, то я тоже телка? Очень красиво и романтично,— укорила она.

– Прости, Наташенька, мое солнышко, случайно вырвалось,– покаялся он.– Ты же в студенческой среде во время семестров, отлично знаешь, что это современный молодежный сленг и девушки уже давно привыкли, что их называют телками. В Индии до сих пор корова считается священным животным, а писатель Чехов, если помнишь, называл свою любимую актрису Книппер собачкой.

– Эдик, я не желаю быть телкой, даже святой. Это коробит мой слух и ассоциируется с женщинами легкого поведения, очень доступными и неразборчивыми в интимных связях,– потребовала она.

– К тебе это совершенно не относится. Ты прекрасная, уникальная женщина и я не могу представить, как раньше мог обходиться без тебя!– с мальчишеской запальчивостью заверил он. Выставил на письменный стол бутылку Алиготе, нарезал батон и сделал бутерброды со шпротами, салом, приправив их майонезом, дольками лимона и жестом пригласил Наташу к столу. Открыл бутылку сухого вина и разлил по стаканам.

– За тебя, моя бесподобная, за счастье любви, тобою дарованное,– стоя, провозгласил он тост. Сдвинули стаканы с золотистым напитком.

– Ужин, конечно, без свечей и не царский, – с иронией улыбнулась она, пригубив стакан с терпким вином.

– Но обещает нам райские ласки,– в унисон ей продолжил он и обнадежил. – Будет и на нашей улице праздник, знатные

застолья с икрой и прочими деликатесами.

Они выпили, закусили скромными бутербродами.

– Натали, а где твоя богатая начальница проживает и денежки прожигает?– неожиданно спросил Муравич.– Наверное, в особняке или вилле на берегу Азовского или Черного моря, при ее то капиталах? Или в казино, как Алла Пугачева, валютой сорит?

– Зачем это тебе? Что ты задумал? – насторожившись, отвела от губ недопитый стакан Ласка.

– Пустые фантазии, но все же интересно знать, как живет деловая и состоятельная особа. Может быть удастся у нее научиться, как делать большие бабки, чтобы мы не испытывали постоянный дефицит средств на красивую жизнь. Для начала отправились бы с тобой в Ялту и погуляли от души, а потом махнули бы за кордон.

– Ничего особенного. Обитает в обычной типовой, стандартной двухкомнатной квартире девятиэтажного жилого дома и даже не от фирмы «Консоль ЛТД»,– ответила она, пристально взглянув на студента.

– Где именно? Назови адресок.

– Секрет фирмы, я не вправе разглашать место жительства сотрудников, а тем более президента.

– Секрет? Мне ничего не стоит узнать ее адрес по телефонному справочнику,– ухмыльнулся он.

– Неужели, подобно ушлому альфонсу, решил за ней приударить, чтобы прибрать к рукам капиталы?

– Сейчас очень модны такие разновозрастные браки. Она привлекательная особа, не утратившая очарования и прелесть, таинственного шарма,– заметил студент.

– Она же тебе почти в матери годится, лет на двадцать старше,– с нотками обиды сказала Наташа.

– Шутка, я тебя ни на кого не променяю,– заявил он. – Хотя счастье, как принято говорить, не в деньгах, но нашей любви они не помешали бы. Невесты любят, когда их осыпают подарками?

Не дождавшись ее ответа, с мольбой во взгляде предложил:

– Давай, как и прошлый раз, займемся курсовой работой, мы ведь обещали Жанне Артемовне и слово свое должны держать.

– Какой ты нетерпеливый,– кокетливо прошептала она.

– Когда ты рядом, у меня нет других желаний.

«Любовь – это редкий дар божий и не каждый человек его достаивается,– подумала Ласка.– Сколько можно ждать от важного рыцаря Айвенго на белом коне. Глупо в моем возрасте верить в красивые сказки. Но если и придется продавать свое красивое, гибкое и сладкое тело, то по самой высокой цене. Это не блажь и не прихоть, ведь я должна иметь возможность при муже, партнере или любовнике холить, ласкать и бережно ухаживать за этим жаждущим наслаждений телом. А для него необходимы косметические препараты, лосьоны, шампуни от Лореаль Париж, парфюме-

рия от Коко Шанель, не говоря уже о полноценном питании, одежде, обуви, драгоценностях и духовных потребностях – театре, музеях, концертах и выставках, презентациях, фуршетах и банкетах в дорогих ресторанах и казино.

Именно, так должна поставить себя женщина, уважающая, ценящая свои женские достоинства и прелести. Досужая прежде поговорка о том, что с милым рай в шалаше, давно устарела, утратила свой изначальный смысл. Живем, ведь в эпоху прагматизма и поэтому от скоротечной жизни надо брать полной мерой – удовольствия и роскошь. Никто никого не вправе осуждать за эти приятные слабости. Жизнь и без того коротка, чтобы можно было пренебрегать наслаждениями, а тем более женщине, самой природой с древних веков предназначенной быть жрицей любви».

– Натали, о чем ты задумалась? – оборвал ее размышления Эдуард, сгорая от нетерпения.

– Секрет, – улыбнулась она, воспринимая его, как временного попутчика, неспособного обеспечить ее потребности и капризы.

– Я же вижу по глазам, что тебе тоже очень хочется, – прошептал он, пристально с вожделием глядя в ее теплые агатовые глаза. Затем скользнул взглядом по волнующейся упругой груди за белой блузкой, гибкой и тонкой талии и округлым бедрам. Смело положил ладонь на ее красивое колено в черных с орнаментом колготках. Ощутил, как напряглось, а затем осенним листом затрепетало ее гибкое тело.

– Давай попробуем, – попросил он ее почти с мольбой в голосе, боясь, что она вдруг откажет. На какой-то миг Наташа замерла, словно прислушиваясь к учащенному биению сердца, охваченная желанием и нарастающей страстью.

– Если ты будешь держать меня на голодном пайке, то я найду себе другую подружку. Они мне сами на шею вешаются, – мягко, шутя, пригрозил студент. – Не забывай, как поется в песне, что по статистике девчонок больше, чем ребят. Ты же не хочешь остаться старой девой? Правильно, наверное, говорят: для того, чтобы заняться любовью, женщине нужна причина, а мужчине – укромное место.

– Эдик, ты – большой оригинал. Очень укромное место отыскал. Здесь мы, как в аквариуме, чего только стоит суровая вахтерша, – упрекнула Ласка. – А где же романтика, стихи, возвышенные чувства?

– Натали, картину Рембрандта смотрела?

– Нет, – не поняла она суть вопроса.

– Тогда без лишних разговоров, живо в постельку! – велел Муравич. – Мы должны дорожить каждой секундой общения, пока не нагрянула вахтерша со своей пещерной совковой моралью. Надо во всем быть прагматиками, рационалистами. Наш век очень динамичен, а время быстротечно, поэтому нет смысла тратить его на пустые разговоры. Пора тургеневских, да и чеховских сентиментальных барышень канула в Лету. Пока стучит сердце, следует брать от жизни полной мерой, пить мед любви ковшами. Вспомни, как прежде

говори: с милым рай в шалаше.

– Устарела эта поговорка. Она была хороша для темных, полуграмотных и забитых вечной нуждой бабушек и дедушек, – возразила Ласка. – Ныне муж или любовник обязан исполнять хотя бы две главные функции: постоянно обеспечивать женщину деньгами и дорогими подарками и удовлетворять и не только в постели, но и выполнять все ее просьбы, капризы и прихоти. Не забывать, что для нас самые лучшие подруги – бриллианты. Ты способен на это?

– Пока нет, – опустил голову студент.

– Ласка, ты – чудесная сказка. Давай поженимся, чтобы ни днем, ни ночью не расставаться, устроим бесконечный медовый месяц, а лучше год..., – предложил Эдуард. – Не могу без тебя, ты меня околдовала. Живу в ожидании этих сладких мгновений.

– Поженимся и пойдем в подземный переход копейки шибать. Кто нас кормить, одевать будет? – возвратила она его в реальность.

– Ты работаешь, нам на первый случай хватит.

– Этих средств недостаточно для красивой жизни и тебе ни к лицу роль альфонса и нахлебника, сидящего на шее у хрупкой женщины.

– Я найду способ для обогащения, – заверил студент.– Солнышко, ты бесподобна, ты очаровательна,– произнес он, по-мальчишески дерзко и решительно закрыв ее влажные и мягкие губы поцелуем.

Каждая женщина – это непостижимая загадка. Именно своей таинственностью, изюминкой и непредсказуемостью она влечет к себе мужчин, в своих поступках прямолинейных и менее изобретательных. Вздох восторга вырвался из девичьей груди, затрепетала, охваченная блаженством.

Из древнеиндийского трактата о любви Камасутры студент узнал, что похотливость женщины превосходит мужскую, поэтому без тени сомнения полагал: «Теперь Ласка будет жить в нетерпеливом ожидании встречи, чтобы отдаться охотно и страстно, удовлетворив свою плоть. Поэтому сладкие ощущения близости ему гарантированы.

– Натали, куколка моя ненаглядная, радуйся и гордись! Теперь и у тебя, как у голливудской знаменитости, есть свой бой-френд! – с восторгом заявил студент. – Имей в виду, девушка, у которой нет бой-френда, считают неполноценной, дефектной...

– Ха-ха-ха! Удивил до слез, – рассмеялась Ласка. – Если захочу, то у меня будет с десяток таких бой-френдов. Другое дело, если бы ты был олигархом. Запомни, что я – девушка строгих правил и не желаю свою красоту, молодость и чувства разминивать по мелочам.

Они сделали паузу. Выпили еще по полстакана Алиготе. И на сей раз, Ласку не пришлось уговаривать.

– Эх, Наташка-ромашка, сладкая моя девочка, для полного счастья нам не хватает кучи бабла, – посетовал Эдуард. – Хотя, кажется, какой-то кретин придумал для таких же иди-

отов, как и сам, афоризм о том, что счастье не в деньгах. Может оно и так, но без купюр, а значит и возможности одарить тебя подарками, удовлетворить женские капризы, очень тоскливо. Где бы их раздобыть? После знакомства с тобой я постоянно думаю об этом. Боюсь, что ты рано ли поздно сбежишь к какому-нибудь жирному борову, у которого куры деньги не клюют.

– Ага, испугался, здорово я тебя приворожила к себе, – с удовольствием, осознавая силу своих женских чар, произнесла Наташа. – А деньги следует зарабатывать умом и талантом, как Алла Пугачева, Филипп Киркоров, Алсу или Николай Басков и другие. А если нет ни того, ни другого, то физическим трудом.

– Легко сказать, умом и талантом. Лишь Богом избранные наделены талантом. К тому же для раскрутки и рекламы любой звезды необходим капитал, иначе она погаснет, так и не засияв. Физическим трудом, работая день и ночь, разве что на хлеб и воду зарабатываешь. Ты думаешь, что олигархи, та же твоя Стужина, мозолями капитал сколотили?

– Ника Сергеевна не олигарх, но состоятельная женщина, всего добившаяся благодаря своему уму, деловой хватке и коммуникабельности, – возразила Ласка. – Она достойна подражания.

– Хорошо, она редкое исключение, – согласился студент. – А в большинстве своем, как скандально знаменитый Мавроди со своим МММ, крупные мошенники и аферисты,

обобравшие миллионы доверчивых людей через «финансовые пирамиды», фиктивные банки и страховые компании, а также прихватившие ранее общенародную собственность. С каждого из них, как с гуся вода, потому, что действует принцип: ворон ворону глаз не выклюет. Жируют буржуи и бесятся от избытка валюты. Коттеджи, иномарки, юные красавицы... все им доступно, все куплено. Лишь бедному студенту некуда податься.

– Не все продается за деньги, особенно любовь женщины. Отольются мошенникам овечьи слезы, – заверила Ласка. – Господь зрит и каждому воздаст должное.

– Блажен, кто верует. Свалится на наши головы новая чума, – вздохнул Муравич. – Сколько еще ждать у моря погоды, надо действовать хитростью и тогда у нас тоже заведутся не только рубли, но доллары, евро. На выигрыш, джек-пот рассчитывать глупо.

Произнес с оптимизмом, словно наяву ощутил хрустящий шелест купюр большого номинала. «Наверное, не существует женщин, которые были бы совершенно равнодушны к деньгам, роскоши, драгоценностям», – с досадой подумал студент и его осенила идея, как быстро получить деньги. Но он решил утаить ее от своей возлюбленной.

– Клево быть богатым и независимым, хотя от пули никто не застрахован, – размечтался Муравич. – Мы бы с тобой Наташка при наличии шальных денег на полную бы катушку погуляли. Поверь, мне неловко, совестно, когда ты сама

оплачиваешь заказ в кафе. Готов в такой момент сквозь землю провалиться, чувствую себя альфонсом. Сказывают, что в больших городах у богатых дам молодые альфонсы нынче процветают, катаются, как сыр в масле.

– Ничего, Эдик, моя начальница тоже начинала свой бизнес с капитала в двести долларов, а теперь куры деньги не клюют. Точно не знаю, сколько у нее на личном счету, тайна вклада, да и не в моих правилах считать чужие деньги, но полагаю, что более пятидесяти тысяч в “зеленой” валюте. Вот и ты выучишься, займешься прибыльным бизнесом и быстро разбогатеешь. Тогда, надеюсь, что будешь угощать меня в самых дорогих ресторанах и дарить драгоценности. Это обычные женские слабости. Если к тому времени не заболеешь жадностью, не будешь трястись над каждой копейкой.

– Обязательно разбогатею, вот те крест, – с пафосом заверил он и неумело перекрестился. – Одарю, осыплю золотом и цветами. Но при этом буду помнить, что копейка рубль бережет.

– Долго ждать не собираюсь, женский век, как и молодость, красота мимолетны, – предупредила Ласка. – А у меня, между прочим, есть выбор, на тебе свет клином не сошелся. Ника Сергеевна хоть завтра готова познакомить со своим сыном Феликсом. Он всего лишь на год старше меня. Вот тогда точно, проблем с валютой не будет, а значит и с удовлетворением потребностей.

– Никаких железных Феликсов, рыцарей революции и прочих ухажеров, – возразил студент и неожиданно предложил. – Что, если потрусить твою начальницу, тогда бабок на красивую жизнь с шампанским и розами надолго бы хватило?

– Ты, ты, с ума спятил? – встрепелась Ласка, приподняв голову с подушки. – Выкинь этот ужасный бред из головы, иначе мы с тобой расстанемся раз и навсегда...

– Не паникуй, я пошутил, – спохватился Муравич.

– Ну, и шуточки у тебя! – она удрученно покачала головой. – Не смей больше о таком способе обогащения даже думать.

Она невольно отстранилась от Эдуарда, словно от прокаженного. Но он властно обнял ее за теплые плечи и прошептал с нежностью в голосе: – Не будь слишком впечатлительной, смотри на вещи проще, ведь чему быть, того не миновать.

– Удобная философия, – упрекнула она. – Как у перекапти-поле, которое носит из стороны в сторону ветром.

– Наташенька, прости родная, я ведь без дурного умысла, – поцеловал он ее теплую руку. – Ты у меня самая красивая, самая нежная и... Давай еще раз в знак примирения и согласия. Я без тебя не могу. Время, проведенное в одиночестве, считаю безнадежно потерянным.

– На первый раз прощаю, – прошептала она, учащенно дыша. – Какой же ты ненасытный и неутомимый.

Идиллию, пиршество любви прервал громкий стук в дверь, возвративший их из мира хмельных и сладких грез к суровой реальности. Грубый, скрипучий голос вахтерши развеял фимиам романтики:

– Выходи, Ласка, заочница! Твое время истекло!

Муравича, словно катапультой сбросило с постели. Он взглянул на часы 23.05 и с грустью подумал: “Неужели в любовных утехах и играх, в сладком упоении так быстро прошло время и как, порой, оно долго тянется в ожидании очередного свидания”.

– Открывайте, я знаю, что вы там, – в перерыве между стуком подала голос Жанна Артемовна и специально громко, чтобы слышали в коридоре и других комнатах. – Курсовую работу они выполняют. Образцовое общежитие превратили в бордель.

– Во, старая сутенерша, секунда в секунду пришла, поспешила на лишние полчаса-час, даром я шоколадкой пожертвовал, – в сердцах прошептал огорченный студент.

Едва Ласка успела прикрыть наготу, как вахтерша открыла дверь. Сурово, словно скульптура работницы или крестьянки из железобетона, но без серпа, Жанна Артемовна застыла в проеме, величественно и невозмутимо. Потом бросила осуждающий взгляд на разобранную со смятой белой простыней кровать, хранящую тепло молодых тел. Медленно перевела взгляд на недопитую бутылку вина и стаканы на столе и, не обнаружив там учебников и конспектов.

– Так вот какой курсовой работой вы здесь занимаетесь. Теперь мне понятно, почему Дерюга и Злотник выскочили из общежития, как ошпаренные, – изрекла она угрожающе. – Живо проваливайте отсель! Не хватает мне еще из-за ваших свиданий больших неприятностей.

– Вам завидно стало? – ухмыльнулся Эдуард.

– Глаза, беньки твои бесстыжие, – возмутилась, подперев руками бесформенные бока вахтерша. – В мое время такой распушенности и срама не было, в строгости себя держали и парни, и девушки, за аморалку из комсомола и партии исключали.

Невозмутимо под тяжелым командорским взглядом мадам Дюрель они оставили общежитие, вышли на полуосвещенную улицу.

– Ласка, я не могу без тебя, давай поженимся, – снова заканючил студент, порываясь поймать ее хмельные губы.

– Эдик, какой ты, однако, шустрый. Наверное, считаешь меня душой? Ты не подумал, где и на какие шиши мы будем жить, – охладила она его пыл и словно огласила приговор. – Ни двора, ни кола, типичные бомжи. Нищета к бедноте липнет, так мы никогда в белые люди не выбьемся, а в олигархи тем более. Лучше подыщи себе девицу из высшего общества. Я тоже присмотрю состоятельного жениха, чтобы не прозябать в нищете. У меня есть на примете очень симпатичный мальчик из богатой семьи.

Вопреки ожиданиям студента, Ласка осталась недоволь-

на встречей, а может, изобразила тоску. На его предложение прогуляться по пустынным аллеям и укромным уголкам парка, она велела проводить ее домой. Эдуард не осмелился возразить. В полуосвещенном подъезде остановились.

«Хорош женишок? Когда надо подставить плечо – в кусты, – с досадой подумала Наташа. – Подруги ведь предупреждали, что он ветреный, ненадежный. Добивается от девушки интимной близости и убегает к другой, среди приятелей похвально своей коллекцией. Правильно поется: «Сладку ягоду рвали вместе, горьку ягоду я одна». Пока не обрюхатил, разумно прекратить с ним отношения. Может, действительно, увлечься Феликсом? Из Стужиной получится добрая свекровь, а то ведь, не приведи Господь, попадетсЯ такая, как Жанна Артемовна. Тогда хоть на всю Ивановскую кричи: «Караул!»

– О чем ты задумалась, Натали?

– О судьбе, которая часто бывает суровой. Не случайно говорят: «Не родись красивой, а родись счастливой».

– При твоей красоте и магии не стоит печалиться.

– У многих красавиц судьба сложилась трагически.

– Когда мы еще встретимся? – с тревогой спросил студент.

– Зачем? – озадачила она его вопросом.

– Не могу без тебя...

– Эдик, это я уже слышала, – оборвала Ласка и сухо заметила. – Натешился и хватит. Не все коту масленица, больше на мои ласки не рассчитывай. Такие забавы для девушек ча-

сто кончаются беременностью. У наших отношений нет перспективы...

– Натали, если ты имеешь в виду деньги, то я в лепешку расшибусь, но достану! – запальчиво пообещал он.

– Не надо таких жертв, – она отвела губы, позволив поцеловать себя лишь в щеку, вошла в кабину лифта, поднявшего ее на шестой этаж. Студент по-своему истолковал перемену в ее настроении, резкое охлаждение и сделал для себя вывод, что современных девушек романтическая, но голая любовь не греет. Нужны деньги на рестораны, дискотеки, подарки и чем их больше, тем и любовь разгорится ярче.

6. Рыцарь без страха и упрека

Между тем, продолжая свидание в кафе «Голубые грезы», Павел Иванович наполнил фужеры и предложил Стужиной:

– Давай выпьем за взаимопонимание. Ведь это довольно редкое явление, когда тебя понимают, даже с полуслова, а может быть и по выражению, мимике лица, глаз, губ. И не только понимают, но и доверяют.

– Павел, нам пора сворачивать беседу, все вопросы обсудили. Давайте дружить и не более...

– Между мужчиной и женщиной не бывает обычной дружбы, – ответил юрисконсульт. – Ведь у нее обязательно возникнет желание повелевать, требовать деньги и подарки, а без интима это не реально.

– Пожалуй, у мужчины, а тем более офицера, быстрее возникнет желание командовать, демонстрируя свое превосходство?

– Не у каждого, разве что у альфонса.

– Женщины тоже бывают разные, – заметила она. – Я вполне обеспеченная, в спонсорах не нуждаюсь, сама могу одарить...

– Я в этом убедился, но самый лучший подарок – любовь, нежные чувства, – с затаенной надеждой произнес он.

– Да, это божий дар и он не подлежит размену по мелочам, ради вспыхнувшей страсти и похоти, – подтвердила она.

– Милая Ника, если не возражаешь, то я оставлю тебя на пару минут, пойду курну? Страсть, как хочется, аж уши пухнут. Недаром говорят, что привычка – вторая натура.

– Мне не нравится, что ты куришь. Это вредно для здоровья. Табачный запах убивает парфюм, даже французские духи. Бери пример с Рэма Анисимовича, он не пьет и не курит, ведет здоровый образ жизни, – посоветовала она.

Лещук удалился в комнату для курения, так как из уважения к своей прелестной спутнице не потребовал от бармена пепельницу, как это сделали другие завсегдатаи. Едва он скрылся из поля зрения, как мужчина в малиновом пиджаке поднялся из-за стола и под одобрительные возгласы своих приятелей подошел к Стужиной. Небрежно бросил бармену:

– Обормот, давай музон, заводи свой патефон на полную катушку!

Тот не посмел послушаться: зазвучало медленное танго.

– Мадам, позвольте пригласить вас на танец, – гнуса-во-приторным голосом произнес незнакомец, выпучив на нее оловянно-хмельные глаза. Она натолкнулась на похотливо-вожделенный взгляд голодного минотавра и ощутила угрозу.

– Извините, с чужими мужчинами не танцую, – ответила Ника, откинувшись на спинку стула, с надеждой поглядела в сторону, куда удалился юрисконсульт. Малиновый жадными глазами голодного самца впился в ее упругую грудь и крепкие округлые бедра, очерченные тканью вечернего платья.

– Значит, брезгуешь, презираешь, рылом, мол, не вышел? – рассмеялся потенциальный танцор. Навис над нею своим громоздким, как шкаф, телом, подал потную ладонь. – Зато у меня «капусты» куры не клюют. Давай знакомиться для общего кайфа.

– Нет, нет! – категорически заявила она, прикрыв лицо ладонью, дабы не вдыхать исходящий от настырного танцора стойкий перегар.

– Не ломайся, как сдобная булка, я на тебя поставил, – слюнявя жирные губы, заявил он. – Видишь, кореша глаза вылупили, зеньки из орбит лезут. Пospорили на бутылку коньяка, что я тебя легко закадрю, отобью у твоего шмаровоза.

– Пари? Я не игрушка! – возмутилась президент, но он резко схватил ее за тонкое запястье левой руки. – Не зли меня, лоханка.

– Отстаньте, больно ведь! – взмолилась Стужина, поднявшись со стула и пытаясь вырваться из его клешни. Бармен, привыкший к подобным сценам, равнодушно взирал, девушка-официантка спряталась, а друзья Малинового потешались, подбадривая его возгласами:

– Горячая кобылка попалась, выставляй коньяк.

– Болт вам на рыло! – заявил Малиновыи. – Еще ни одна баба от меня не ушла...

Оскалив зубы и, пожирая ее похотливыми глазами навкате, потянулся волосатой лапицей к блузке, под легкой тканью которой волновалась соблазнительно упругая грудь. Краем глаза Стужина с ужасом увидела на его руке татуировку, изображение кинжала, переплетенного змеей. Она резко поднялась и замахала руками, пытаясь защититься.

– Мужчина, гражданин, что вы себе позволяете?! В своем ли уме, как посмели! Это верх хамства и наглости. Ведите себя прилично...

– Ох, ах, какая недотрога, – процедил он, оскалив крупные с желтизной от никотина зубы.

– Я не та, за которую вы меня приняли, я – президент фирмы! – в отчаянии воскликнула она, стремясь избавиться от настырного мужика.

– Ба-а, вот так встреча! Значит ты, президент, пахан? – вопреки ожиданию женщины, полагававшей, что после этой информации он отстанет, наглец удивился и обрадовался. – На какой фирме хороводишь?

– «Ника», – в порыве возмущения призналась она.

– Кто «крышует» твою шарашку? Гляжу, сколько рыжиков на тебе, – он с завистью покосился на золотое колечко с бриллиантом, сверкнувшее на ее пальце, браслет и часы на тонком запястье, кулон на шее и серьги с зеленым нефритом в мочках ушей и прикинул. – Штук восемь баксов, не меньше. Я буду тебя шикарно канифолить. Эх, погуляем на шару! С такой камелией, парапетчицей козырной, мне еще не приходилось иметь фарт. Набздюм филки рыжие коцать будем.

– Что, что! – не поняла она его сленг по фене.

– Вдвоем будем в золоте купаться, – перевел он на обыкновенный язык. – У меня бабла завались! Кинь ты своего папуаса. Подгребай к нашему шалашу, не прогадаешь. Вишь, какие братки закадычные, будешь очень довольна, не подкачаем.

Стужина промолчала, с горечью осознав, что из-за волнения допустила несколько ошибок, которые могут оказаться роковыми, открыла свою должность и название фирмы.

– Павел! Паша-а! – в отчаянии позвала президент. Малиновый небрежно положил ладонь на ее грудь. Свободной правой рукой Стужина вlepила пощечину и замерла, оторвав руку от его сухой, как барабан, кожи, нечаянно поцарапала его перстеньком с бриллиантом.

– Ах, ты, шалава, портрет испортила! – взвыл незнакомец. Провел ладонью по раненой щеке. Увидел на коже алую кровь, вытер пальцы о женское платье и прошипел:

– Щас я тебя, козу дранную, пушу по рукам. Кончай крутить «динамо», строить из себя антилопу.

Заскрипев зубами, озверел Малиновы́й, не ожидавший от хрупкой, беспомощной женщины такой прыти. Он занес над ее прелестной, вжавшейся в хрупкие плечи, головой свой пудовый кулак. Лещук выскочил на женский крик, увидел крупного незнакомца, вцепившегося, словно зверь, когтями в руку Ники. Павел метнулся горным барсом, перехватил рукой его запястье. Попытался заломить локоть руки, но незнакомец оказался достойным соперником, устоял перед приемом.

– Отвали, чувак, а то сделаю жмуриком, выпишу деревянный тулуп, – сквозь зубы процедил громила.

– Ша-а, стоять, гнида! Руки за спину! Поди, с Волги?

– Почему догадался, хмырь? – опешил малиновы́й.

– На твоей дебильной морде написано. Не одну сотню таких гавриков по этапу отправил.

– Значит, мент поганый? Ты, паря, не гони пургу, а то получишь в тыкву, – угрожающе произнес Малиновы́й и кивнул на собутыльников. – Братва поможет, в бараний рог скрутим.

– На воздух, мужики, на воздух! – резвым козленком выбежал из-за стойки бармен. – Здесь не место для кулачных боев. Если хоть один фужер или бокал разобьете, хозяин с меня семь шкур сдерет. На воздух, мужики, там и бодайтесь, а то вызову милицию, омонцовцев и повяжут, как глупых ба-

ранов.

– Пацаны хотят парашют пузырить, аж кровь в жилах закипает. Отдай бабу, отработаем по полной программе и вернем в полной сохранности. Не пожалеешь, хорошо заплачу, бабло есть. – Малиновый вытащил из кармана туго набитый купюрами портмоне.

– Отвали, она моя жена. Я – майор милиции! Угрозыск!

Кореша, поспешившие было на помощь, в недоумении остановились на полпути.

– Покажи ксиву? – не поверил дебошир. Павел Иванович свободной левой рукой достал из кармана удостоверение, которое не сдал после ухода со службы. Тот вперил взгляд.

– А-а, гренадер, майор, мое почтение, – пробурчал он сконфуженно и сквозь зубы прошипел, обернувшись к женщине. – С тобой я еще поквитаюсь. Ты об этом горько пожалеешь.

– Стоять, руки за спину! – приказал майор и в интонации волевого голоса незнакомец почувствовал силу и угрозу, а Лещук обратился к пострадавшей. – Что случилось, Ника?

– Я отказалась танцевать, а он стал ломать руку, – со слезами в голосе пожаловалась Стужина, упрекнула. – С самого начала почувствовала, что в этом гадюшнике опасно.

– Кто бы мог подумать? – покаялся Павел и надвинулся на Малинового. Увидел его рыхлое, испитое и побитое, словно градом, оспой лицо с приплюснутым, как у боксера носом, злые глаза из-под нависших бровей, полуоткрытый в презри-

тельной гримасе рот с редкими резцами, ощутил зловонное дыхание с перегаром. Его колючий взгляд натолкнулся на острый, как бритва взгляд юрисконсульта и потускнел. Традиционное в таких ситуациях «пошли выйдем, поговорим» не прозвучало.

– Сейчас вызову группу захвата, ОМОН или «Беркут»! – громко пригрозил юрисконсульт и достал мобильный телефон, ожидая реакции со стороны незнакомцев. Но их опередила Стужина.

– Нет, нет, нет! Это исключено, – испуганно произнесла женщина. – Мне дурная слава ни к чему. Не хочу, чтобы мое имя попало в милицейские протоколы и сводку, а оттуда в прессу, газету или в телепрограмму «С места происшествия». Разразится скандал, подрыв деловой репутации. По городу поползут слухи о том, что президент фирмы «Nika» бродит по ночным барам и клубам с сомнительной репутацией.

– Позабочусь, чтобы не произошло утечки информации.

– Нет, нет, Павел Иванович, избавьте меня от этих неприятностей.

В своем испуганно-взволнованном состоянии Ника была еще более женственной и желанной. Лещук залюбовался ею.

– Да, при вызове наряда милиции без составления протокола, дачи объяснений не обойтись, – подтвердил он. – Это как раз тот случай, когда себе дороже. Значит, спустить дело на тормозах?

– На тормозах, – охотно подтвердила президент. – Не надо горячиться и терять голову. Пошли из этого притона. Ни одной минуты не желаю здесь оставаться. Мне надо срочно принять ванну и переодеться. Этот козел вытер о мое платье свою мерзкую кровь.

– Нельзя, успокойся, родная.

– Почему? – подняла она встревоженный взор.

– Потому, что я не из тех, кто уступает и отступает, что является признаком слабости и трусости. Они считают такой исход нашим поражением и своей победой, – ответил Лещук. – Никогда дезертиром не был и никто от меня этого не дождется. Не в моем характере пасовать перед трудностями, метать бисер перед свиньями и проигрывать. Дорогая, наберись терпения, у них сдадут нервы. Этот вшивый контингент я хорошо изучил. Несмотря, на свирепый и грозный вид, они не отличаются отвагой и твердостью воли.

Стужина опасливо оглянулась на, не сводящих с нее глаз, мужланов и с тревогой продолжила:

– Они настроены слишком агрессивно. Добавят градусов и снова начнут приставать, как голодные самцы.

– Нет, не станут рисковать, – спокойно возразил юрисконсульт. – После того, как они узнали, что я офицер милиции и готов вызвать ОМОН и «Беркут» вряд ли полезут на рожон. Не захотят мотать срок за «колючкой». Хочешь, я заставлю эту малиновую рожу принести тебе извинения, опуститься на колени? Так и напрашивалось продолжение «поцеловать

руку», но Лещук вовремя понял, что это прозвучит бестактно, не хватало, чтобы этот шакал еще слюнявил руки такой очаровательной женщине.

– Нет, нет, не нужны мне его гнусные извинения, – возразила она. – Все повторится сначала. Не желаю видеть его физиономию.

Павел наполнил рюмки коньяком и предложил:

– Давай выпьем, тебе надо снять стресс.

– Хорошо, – согласилась Стужина.

– Ника, я восхищен тобою! – произнес он, бережно лаская изящные пальцы ее покорной руки. – Не ожидал от тебя такой отваги, не побоялась, влепила быку пощечину. Не каждая женщина способна так решительно отреагировать. Это говорит о твоём горячем темпераменте и пламенной страсти...

– Не преувеличивай. Это реакция обостренного чувства справедливости и собственного достоинства, неприятия зла, насилия и хамства, от кого бы оно не исходило, – уточнила она. – Человек, если он не раб и не лакей, только так и должен реагировать на грубость и дикость. Возможно, что он растерзал бы меня, но ты вовремя пришел на помощь. Искренне тебе благодарна. Этот случай для меня станет уроком, подальше держаться от питейных и злачных мест, где есть риск быть ограбленной, изнасилованной или убитой.

– Ника, выкинь из головы эти мрачные мысли. Проверю я у этих жлобов паспорта, кто они и откуда? Вдруг находятся

в розыске, – ощутил он профессиональный интерес.

– Оставь их в покое, не связывайся, – всполошилась она, охваченная внезапным страхом, в оправдание прошептала. – Павел, ты один, а их трое, очень опасно. В любом случае скандал может серьезно навредить нашей деловой репутации.

– Тогда выпьем за то, что обошлось без больших потерь, – предложил юрисконсульт. И в этот момент, очевидно подслушав их разговор, с виновато-покаянным видом подошел малиновый и двое его собутыльников с фужерами, наполненными коньяком.

– Майор, мадам, мы погорячились. Пацаны захотели парашют пузырить, – произнес виновник конфликта. – Давай выпьем. Кто старое помянет, тому глаз вон! И ты, цесарка кудрявая, не дуйся, как мышь на крупу. Кто ж знал, что ты президент, думал, что дурку валяешь, строишь из себя королеву Марго.

Лещук молчаливо взирал на посетителей, а Стужина, прикрыла лицо ладонями, словно таким способом стремясь от них отгородиться.

– Нэ бижайся началнык, осечка получилась, на старух бывает прорух, дырк от баранк. А твой баб, пальчик оближешь, – пояснил смуглолицый коренастый мужчина с черными, как смоль усами на скуластом лице. В нем юрисконсульт безошибочно определил «лицо кавказской национальности». Третий его соотечественник держал фужер в дрожащей руке и,

словно попугай, повторял:

– Тому глаз вон, тому глаз вон...

– Нет, господа фартовые, в другой раз, – примирительно, решив не злить зверя, произнес Лещук.

– Брезгуешь, начальник-гренадер, – изобразил обиженную мину бывший зэк и залпом выпил коньяк. Другие последовали его примеру.

– А ты, еще горько пожалеешь, что побрезговала нами, – процедил сквозь зубы Малиновыи, пронзив женщину злым взглядом. Когда они присели за свой столик, Стужина поинтересовалась:

– Ты знаешь, кто они такие?

– Впервые вижу, но догадываюсь, чем занимаются. Тот, что в малиновом пиджаке, из ранее судимых, бывший уголовник, скорее всего иногородний, приبلудный, прибывший на гастроли, чтобы сорвать куш. Прежде наши пути с ним не пересекались. Да и подельники, ему под стать.

– Они могут нам отомстить, в глухом месте или в темном подъезде.

– После того, как ты его припечатала пятерней, нам сам черт не страшен. К тому же не забывай, что я кандидат в мастера спорта по боксу, рукопашному бою и боевому самбо. Пусть только сунуться.

– Павел, ты мой спаситель, рыцарь без страха и упрека. Спасибо, ты, действительно, последний из могикан, – с благодарностью и нежностью призналась она и положила свою

теплую ладонь на его большую и сильную руку. Лещук ощутил, как в груди тепло толкнулось сердце, охваченное хмельной истомой. Этот жест он воспринял, как знак доверия и неизбежной награды. А Ника подумала о том, что ее красота магически воздействует на мужчин, возбуждая в них похотливые чувства и поэтому очень рискованно появляться одной в ночных клубах и питейно-развлекательных заведениях. Своим появлением она невольно провоцирует захмелевших мужчин на сексуальные домогательства, поэтому дала зарок не посещать ресторанов, казино и баров в ночное время.

В следующее мгновение ее осенила мысль. «А не подговорил ли Павел своих бывших коллег разыграть эту душеспиритную сцену, чтобы преподнести себя в героическом виде и тем самым завоевать ее благосклонность? – неожиданное сомнение закралось в ее сознание. – Уж слишком классически, в духе водевиля исполнены роли, тем более, что до физических действий, травм, увечий и крови дело не дошло». Ника отогнала прочь эту версию, радуясь тому, что все обошлось без громкого скандала и значит, ее безупречной репутации ничего не угрожает.

Малиновый вместе с приятелями, покончив с коньяком и водкой, с угрюмыми, озабоченными лицами поднялись из-за стола. У самого выхода главарь задержал на Стужиной испепеляющий взгляд стальных с колючими зрачками глаз. Она не выдержала и опустила взор, пока они не покинули «Голу-

бые грезы».

– Павел, уже поздно, я не желаю оставаться в этом гнусном заведении. Они добавят и опять начнут приставать, – заявила Стужина.

– Хорошо, дорогая, – согласился он, чувствуя, что дальше оставаться нельзя, ибо может спровоцировать скандал. Лещук расплатился. Помог Стужиной облачиться в дубленку. Они вышли на сверкающую в хрустале наледи улицу и словно окунулись в сказку.

– Ника, ты – сокровище! Я готов стать твоим личным телохранителем, чтобы постоянно днем и ночью быть рядом.

– Спасибо, ты меня уже защитил, – улыбнулась женщина. – Но для фирмы намного полезнее в качестве юрисконсульта.

– Жаль. Тогда приглашаю тебя в гости на чашечку кофе.

– Эх, Павел, не торопи меня, я должна глубоко разобраться в искренности, глубине и силе своих и твоих чувств, чтобы в очередной раз не испытать горечь разочарований.

– Дорогая, милая, хотя любви все возрасты покорны, но у нас лимит времени, сколько той жизни осталось? – напомнил Лещук. – Я предлагаю тепло и нежность своего сердца. Поражаюсь твоей стойкости, можно сказать, нордическому характеру. Очаровательная женщина, в расцвете красоты и сил, я тоже – крепкий, здоровый мужчина. Неужели у тебя, Ника, не возникает естественного желания, потребности?

– Не торопи события, – снисходительно улыбнулась она.–

Мы не животные, чтобы по первому сигналу удовлетворять свои похоти. Это примитивная физиология, животный инстинкт. Настоящие чувства озарены любовью. Нам дан разум для управления своими эмоциями, страстями и желаниями. И вообще, об этом неприлично говорить вслух.

– Ты неприступна, как крепость. А ведь жизнь быстротечна и полна неожиданностей, – хмуро заметил он.

– Прекрасно отметили победу над «Трояндой», надолго запомнится, – виновато улыбнулась Стужина.

– Обещаю, что это не последняя победа в пользу фирмы «Nika», – заверил Павел Иванович, ощутив ее искренность. – Так ты мне оставляешь надежду на новую встречу?

– Павел, сама природа настроена против нас, холодно и неуютно, как в ледяном дворце, – заметила женщина. – Давай дождемся весны, а затем и солнечного лета и спрячемся от посторонних глаз на пустынном берегу Азовского или Черного моря. Я знаю живописные, прелестные места вблизи мысов Казантип, Опук, Зюк, Такиль или Ак-Бурун... Только там ощутим себя детьми природы.

Женщина заразительно рассмеялась, воспламенив в нем кровь. Но смутилась, застыдившись своей очень рискованной девичьей шалости. Вспомнила, что именно в юности такой смех стал прелюдией первой интимной близости. Тогда, почти двадцать лет назад, сама того не подозревая разожгла неумемную страсть в юноше, овладевшим ее горячим телом и ставшим через девять месяцев отцом ее первенца.

– Ой, что это я расслабилась, – смутилась она и приложила палец к губам, словно захотела их замкнуть или заклеить.

Лещук ощутил неодолимое желание заключить ее в жаркие объятия. Ника, по тому, как напряглось его сильное тело, лихорадочно заблестели зрачки, ощутила намерение мужчины и испугалась.

– Павел, Паша, только без рук, я пошутила, – сделала она шаг назад и, изловчившись, гибкой пантерой выскользнула из кольца его крепких, готовых сомкнуться на талии рук.

Они приблизились к подъезду ее дома. Лещук, изловчившись, крепко обнял ее за по-девичьи тонкую талию. Стужина ощущала, как от нахлынувших чувств, подкашиваются ноги, а в висках пульсирует горячая кровь. Со страхом осознала, что еще одно мгновение и со вздохом отчаяния уступит своим и его желаниям. «Нет, нет, Ника, ты же не глупая девочка, чтобы поддаваться искушению, не давай волю чувствам, держи себя в руках», – приказала женщина себе и прошептала:

– Павел, Паша, не теряйте голову. Мы – пьяны и можем наделать глупостей. Потом стыдно будет смотреть в глаза друг другу...

–Ника-а, это же так естественно и приятно, не казни себя, не мучайся сомнениями. Никто не узнает,– ответил он. – Мне искренне жаль, что ты живешь неполноценной жизнью, как робот, исполняешь скучные функции президента, обкрадываешь себя.

– Нет, нет, это безумие. Вы, ты, совершенно не владеешь

своими чувствами, с тобой опасно оставаться наедине, – возразила она, истолковав смысл слов «никто не узнает», как призыв к интимной близости. «Значит, он задался целью сделать меня своей любовницей, а потом помыкать и мною, и коллективом, – предположила женщина, пребывая в хмельном то ли от шампанского, толи от возбужденных чувств, состоянии, но в ней проснулся упрямый характер. – Не бывать этому».

Лещук прибег к хитрости, нежно прошептал в ее розоватое от мороза ушко:

– Ника, я, кажется, озяб, пригласи на пару минут. Угости чаем или кофе?

.– Павел, нельзя, видишь свет, – Стужина указала рукой на окна третьего этажа. – Феликс дома, что он о нас подумает? Не хочу выглядеть глупо. Сейчас я проверю на месте ли?

Она в меню мобильного телефона нашла нужный номер, нажала на клавишу вызова и услышала юношеский голос:

– Слушаю, мам.

– Сынок, ты уже дома?

– Да, я никуда и не уходил. А почему тебя долго нет?

– Задержалась на деловой встрече. Скоро буду дома, – ответила женщина, в душе обрадовавшись поводу отказать настырному Лещуку в гостеприимстве.

– Вот видишь, Павел, не судьба, – изобразила она на лице досаду.

–Что у Феликса нет девушки или он домосед?

– Они его пока не интересуют. Есть другое увлечение – ноутбук. Подарила ему на день рождения, и теперь сама не рада, – призналась Ника. – От мышки и клавиатуры невозможно оторвать. Музыка, игры, фильмы, Интернет... Часами просиживает, а ведь это очень вредно для здоровья и особенно, для зрения. Не обижайся, Павел, но в другой раз, когда Феликс будет на занятиях, я тебя обязательно приглашу в гости. А сейчас не место и не время. Сын расценит это, как мою попытку оправдать наше общение. На этот вечер достаточно «ярких» впечатлений, надолго запомнится, голова кругом идет.

– Понимаю твое состояние, – он покорно склонил голову, согретый надеждой на обещанную встречу наедине.

– Спасибо за понимание, – улыбнулась она с благодарностью.

– Тогда поехали ко мне и продолжим наше пиршество?

– Это невозможно. Мы взрослые люди и понимаем, к чему это приведет. Соблазн очень велик, не стоит подвергать себя испытаниям.

Воспользовавшись тем, что Лещук разомкнул руки на ее талии, она снова выскользнула из его объятий.

«Все равно я возьму эту неприступную крепость, добьюсь ее благосклонности и любви. Она сама восплает желанием и посчитает за счастье стать моей, если не женой, то любовницей, – с согревающей его сердце надеждой подумал юрист-консульт. – А не закрутить ли мне для ускорения процесса по

примеру героя кинофильма «Собака на сене» Михаила Боярского роман с Наташей Лаской, чтобы разжечь в Стужиной чувства ревности и зависти? Может это и есть ее «ахиллесова пята», которая сломит гордыню и слишком завышенную самооценку. Многие женщины вначале проявляют строптивость, а потом с удовольствием отдаются во власть страстей.

«Если я уступлю инстинктам и желаниям, позволив Павлу овладеет моим телом, то деловая и моральная репутации окажутся подмоченными, – размышляла Стужина. – Во-первых, я уроню себя в глазах сотрудников и акционеров, так как тайну сохранить не удастся. Ласка уже застала нас врасплох и, конечно, не удержится от оглашения этой пикантной новости. Во-вторых, я попаду в зависимость от своего подчиненного, ведь соблазнившись единожды, невозможно будет потом устоять перед сладким искушением. Чувствую, что он необычный, сильный и страстный мужчина. Куда неуклюжему и покладистому Рэму до него. С Павлом я бы познала блаженство любви, но скована цепями служебных отношений и правилами светской этики. Пожалуй, придется пожертвовать личным счастьем и сладкими соблазнами. Может, не следовало его принимать на работу, чтобы не осложнять личную жизнь? Хотя с другой стороны он опытный и полезный для фирмы профессионал».

– Павел, у меня из головы не выходит этот гнусный тип с корявым лицом, – призналась она, инстинктивно прижавшись к Лещуку и испуганно вглядываясь в темноту. – Он

ведь пригрозил, что обид не прощает. Из-за моего отказа пойти танцевать проиграл пари на бутылку коньяка. Вдруг серьезно решил отомстить?

– Не принимай близко к сердцу. Пустой треп, бравада, – ответил Лещук.

– Что мне теперь делать?

– Шить сарафаны и легкие платья из ситца, – пошутил юрисконсульт, вспомнив слова из некогда популярной песни.

– Павел, я серьезно, мне не до юмора, – обиделась она.

– Продолжай работать и радоваться жизни. Не принимай близко к сердцу. Забудь о нем, чтобы не отравлять себе настроение, – посоветовал Лещук. – И знай, что по первому зову я готов поспешить на помощь.

– Спасибо, утешил, – мягкими губами женщина поцеловала его в гладко выбритую, но все же жесткую, словно задубевшая кожа, щеку.

– Ника, родная, хорошая, еще ни одна женщина так не волновала мою кровь, – признался он, тронутый ее нежностью.

– Признайся, только честно, не обижусь. Может я третий лишний и у тебя есть счастливый обожатель, с которым тайно встречается?

– Никого у меня нет. Мое сердце давно уже свободно.

– Тогда я не врублюсь. Красивая, в расцвете физических и душевных сил женщина и не имеет достойного мужчины.

Это совершенно ненормальное, даже абсурдное положение, нонсенс, – сделал он вывод.

– А почему ты считаешь, что женщина обязательно должна с кем-то спать. Я вполне обхожусь без этого. Кроме секса, на котором многие помешаны, есть множество других интересных и полезных занятий для реализации способностей и удовлетворения потребностей: литература, театр, живопись, рукоделие, цветоводство...

«Не слишком ли я сурова с ним? Павел в сложной и даже опасной ситуации показал себя настоящим мужчиной, не побоялся вступить за мою честь. Его следовало бы отблагодарить, как это способна сделать женщина – подумала Стужина, путаясь в сомнениях. – Другая женщина, окажись в моей ситуации, ни минуты не раздумывала бы и охотно отдалась во власть чувств и страсти, ни в чем себя не укоряя. Отблагодарила бы пылкой нежностью. И в этом нет ничего предосудительного. Чувства, инстинкты владеют мужчиной и женщиной с тех древних времен, как они живут на грешной земле. А может один раз уступить в знак благодарности? Нет, стоит только один раз уступить, поддаться прихоти и тогда невозможно будет остановиться перед соблазном еще и еще раз испытать блаженство. Что же тогда меня сдерживает? Осторожность, трезвый холодный рассудок, боязнь скомпрометировать себя, низко пасть в глазах подчиненного и прослыть женщиной легкого поведения.

Чужая душа – потемки. Вдруг он вздумает меня шанта-

жировать, угрожать. Скандал, подрыв репутации и крах карьеры. Надо все хорошо взвесить, чтобы чувства, инстинкт не возобладали над разумом. А. если взглянуть на ситуацию с другой стороны, то не будь этого визита в «Голубые грезы», то не произошла бы досадная встреча с Лаской и ее студентом. На все сто процентов можно быть уверенной, что завтра все сотрудники будут знать о моем свидании с подчиненным. И уж тем более не возникла бы этой мерзкой встречи с наглым и похотливым уголовником и еще неизвестно, какое будет продолжение. Таких непредсказуемых субъектов лучше обходить десятой дорогой.

Первопричиной этих неприятных инцидентов стало приглашение Лещука и мое согласие провести злополучный вечер. Откажи я ему в самом начале и ничего бы не случилось. Поэтому, вступившись за меня, Павел исправил свою же ошибку, загладил вину. Моя уступчивость его желаниям была бы несоразмерна значимости его поступка. Нет, нет, на такую жертву, перечеркнув свое положение и репутацию, я не пойду. У него не должна возникнуть иллюзия легкой победы. Ведь то, что легко достается, впоследствии столь же низко цениться и может получиться, как в песне: «Была без радости любовь, разлука будет без печали». Мне ни к чему этот душещипательный эксперимент над чувствами и моральными терзаниями, а в перспективе скандальная слава покинутой женщины, мол «поматросил и бросил».

– О чем ты задумалась, Ника? – спросил Лещук, озада-

ченный ее отрешенным видом.

– Поздно, пора расставаться. Завтра много работы, – стремясь свернуть горячую тему, будничным, слегка уставшим голосом, промолвила Стужина и ощутила, что действительно устала от слишком острых и неожиданных впечатлений вечера.

– Все же тревожно, я и за тебя Павел, опасаясь. Вдруг эти трое верзил поджидают в глухом месте с пистолетом, ножом или арматурой в руках, – предположила Стужина.

– Волка бояться, в лес не ходить. Таких гавриков я пачками отправил по этапу в места не столь отдаленные...

– Могут отомстить.

– Конечно, могут, – охотно подхватил он ее мысль и пошел на хитрость, с надеждой взирая на женщину. – Поэтому, Ника, самой судьбой уготовано эту ночь провести вместе. Надо торопиться жить и любить, ведь время необратимо.

– Павел, не искушай меня без нужды. Мы пьяны, а такими делами надо заниматься на трезвую голову. Вспомни слова из молитвы «Господи, не введи нас в искушение и избавь от лукавого».

– Молитвами сыт не будешь. Ника, ты от меня не услышишь ни одного упрека, лишь одни восхищения! Обещаю, клянусь! – заявил он с жаром и надеждой и подумал: «Дорога временем, я не привык к длительной осаде крепостей. Но в отличие от других женщин, готовых легко отдаться, Ника стоит того, чтобы ее долго добиваться. Внешне она холодна,

словно стужа, но внутри пылает огонь неутоленной страсти, обещающей радость блаженства».

Он силою воли подавил желание, и эта резкая перемена Стужину озадачила: «После такого напора, когда она уже готова была уступить, вдруг неожиданная апатия? Значит, это мимолетный флирт, игра. Серьезность и прочность чувств проверяют время и испытания. Поживем— увидим, как дальше станут развиваться события и отношения. Не буду драматизировать ситуацию, все, что не делается, к лучшему».

– Эх, Ника – золотая мечта поэта и... следователя, – после долгой паузы вздохнул он с обреченным видом. В полночь они расстались у подъезда дома, где находилась квартира президента фирмы.

7. Яблоко раздора

На следующее утро Стужина, пребывая в добром настроении, расположилась в кресле. Рабочий день по привычке начала с просмотра свежих газет и журналов, дабы быть в курсе событий, не пропустить интересные и полезные публикации, в том числе, задевающие интересы фирмы. А уж затем углубиться в изучение текущей документации, перед тем, как поставить свою подпись и скрепить ее оттиском печати. Хотя она и находилась под негативным впечатлением от вчерашнего вечера в «Голубых грезах», но утешало то, что смогла устоять перед искушением. Листала страницы, лишь

вскользь обращая внимание на заголовки публикаций. «Все же надо иногда отрываться от дел и устраивать маленькие праздники,— подумала она.— В этом есть большая польза.

В неформальной обстановке, в непринужденной беседе и раскованности от хмеля, лучше узнаешь сотрудников, их потенциальные способности и возможности, замыслы, мечты, грезы и, не обязательно голубые, а может и сиреневые. Не случайно на Западе, да и в странах Востока, боссы часто практикуют пикники и другие формы корпоративов для неформального общения с коллегами».

А еще раньше, за полчаса до начала рабочего дня Рэм Анисимович появился в своем служебном кабинете. Прежде за ним такого рвения не водилось, хотя причина в другом. Обрюзгший и вялый с покрасневшими от бессонницы веками и тусклым взглядом он был не в своей тарелке. Его вывел из равновесия, встревожил вечерний звонок Ласки, сообщившей о том, что она застала Стужину в обществе Лещука в кафе «Голубые грезы». Вспомнился короткий диалог. Желая оправдать поступок президента, Тяглый поинтересовался у секретаря-референта:

– Возможно, деловая встреча?

– Если бы, я тоже так вначале подумала. А потом раскусила, что любовное свидание. На этот счет у меня интуиция верная.

– Почему вы так решили?

– Во-первых, по ее одежде, вместо обычного строгого де-

лового костюма, вечернее платье, а на столе ваза с розами, коробка с шоколадными конфетами, шампанское, коньяк, блюда, – живописно представила натюрморт застолья и выдала на-гора пикантную информацию Наташа, обожавшая любовные романы и приключения. – Во-вторых, приподнятое настроение, таинственно-загадочный блеск в глазах. И, в-третьих, они танцевали танго, плотно прижавшись друг к другу. Павел Иванович обнимал за талию, не сводя с Ники Сергеевны влюбленных глаз.

– Наталья Васильевна, это плод ваших фантазий, воображения. Я же знаю, что вас хлебом не корми, дай только пошудачить на интимные темы. Любите поинтриговать, – укорил он Ласку.

– Рэм Анисимович, я к вам хорошо отношусь, сочувствую и поэтому посчитала своим долгом предупредить о развитии новых отношений, которые могут привести к бурному роману и свадьбе. Вы же сами знаете, как тяжело ее вытянуть на пикники или в ресторан для коллективного отдыха, как она трепещет над своей деловой репутацией, чтобы ни одного темного пятнышка на белом платье. И вдруг так легко согласилась, к чему бы такая неожиданная перемена? Павел Иванович настойчиво клеится к Стужиной. имейте это в виду.

– Да, к чему? – следом за ней повторил огорченный мужчина.

– Только к одному, чувствует, что годы уходят, но нет нежности и любви. Рэм Анисимович, не просиживайте вы ча-

сы напролет в своем кабинете, как медведь в берлоге. Почаще, а не только по приглашению, общайтесь со Стужиной, – наставляла его секретарь-референт. – Будьте раскованней и общительней, постоянно держите улыбку на лице. Женщины предпочитают сильных и жизнерадостных мужчин, способных быть надежной опорой и защитой. А вы постоянно пребываете в мрачном настроении, словно обиженный судьбой и чем-то недовольный. Это угнетающе действует на сотрудников, у вас должна быть светлая, излучающая добро и тепло, аура.

– Да, обижен. Лишь дураку все до лампочки и жизнь кажется прекрасной и удивительной, – ответил он. – Не могу же я постоянно, как американец или англичанин, держа фигу в кармане, скалить зубы. Еще подумают, что свихнулся, упрячут в психушку.

– Не комплексуйте, Рэм Анисимович, и у вас все получится, как надо, – обнадежила Ласка.

После этого разговора Тяглый долго не мог заснуть. И теперь, сидя за столом в кабинете, с горечью размышлял: «Шансы мои очень и очень призрачны. Стужина считает меня стариком, ведь разница в возрасте без трех месяцев пятнадцать лет. Но мой потенциал еще не исчерпан и, если бы Ника согласилась, то рождение ребенка связало бы нас прочнее любых пут. Ведь любовь проходит, а взаимная ответственность и забота остаются до конца жизни. Конечно же, она в этом не признается, но предпочтет более молодого и

энергичного Лешука, который старше ее лишь на четыре года. Похоже, что мой поезд ушел, упустил я свой шанс еще два года назад, когда овдовел. Надо было до появления майора действовать решительно, многим женщинам нравится, когда их добиваются, берут, как неприступную крепость, штурмом или осадой.

Полагал, что Стужина сама созреет и обратит на меня свой божественный взор. Если и не полюбит, то хотя бы пожалует одинокого вдовца. Увы, женщина – загадка. Неизвестно, как в той или иной ситуации она поступит? Часто, вопреки логике и здравому смыслу, руководствуясь чувствами, ощущениями, интуицией. И чем ее мог покорить этот самонадеянный солдафон? Надо что-то делать? Ника не должна ему достаться. Если не моя, то значит ничья. Она – достоинство всего коллектива, фирмы. Необходимо вокруг нее создать запретную зону».

Движимый этой целью, он вошел в приемную, довольный тем, что Ласки еще нет на месте и удастся наедине объясниться со Стужиной.

Президент, будучи из породы сов, пребывала на рабочем месте.

Миновав тамбур, Тяглый попал в просторный кабинет.

– Доброе утро, Ника Сергеевна, – без улыбки на лице и энтузиазма в голосе произнес он.

– Доброе, Рэм Анисимович. Что это вы, ни свет, ни заря в такую рань? – удивилась президент его визиту. – Вы же

по своей инициативе редко переступаете порог. Суров и глаза красные. Не конъюнктивит ли прицепился? Рекомендую слишком не увлекаться компьютером, вредно для здоровья и зрения, чаще делайте перерывы.

– Спасибо за совет, я не собираюсь жить до ста лет, не трясусь над своим здоровьем. Нет смысла, коптить этот свет, – сухо заметил Тяглый.

– Рэм Анисимович, не будьте пессимистом, выше голову, – поощрительно улыбнулась Стужина. – Что-нибудь случилось?

– Нет повода для телячьей радости. Это я удивлен, почему вы так рано в офисе после бурного вечера и ночи в обществе этого ловеласа-сердцеда Лещука? – с осуждением отозвался он. – Поди, очень устали, следовало бы отдохнуть от дел амурных?

– Откуда вам это известно, как я провела досуг?

– Земля слухом полнится, – ответил вице-президент и, не дожидаясь приглашения, опустил свое грузное тело, в кресло и продолжил. – Ника Сергеевна, вспомните, сколько раз я приглашал вас в театр, музей, на концерты, выставки живописи, в ресторан...

– В ресторан? Но вы же не пьете, гастрит?

– Ради вас я бы выпил фужер шампанского или рюмку коньяка. Но вы посчитали, что такая безобидная встреча коллег повредит вашей безупречной репутации, породит сплетни и подозрения, дали мне от ворот поворот, лишив послед-

ней надежды.

– И продолжаю так считать. Отношения должны быть исключительно деловыми и в стенах офиса.

– Тогда объясните, почему этот хлыщ, едва поманил за собой, и вы растаяли, как школьница? Готовы исполнять его капризы и прихоти.

– Неприлично было отказать, так как Павел Иванович выиграл дело в суде. Следовало его поощрить и вдохновить на успех, – пояснила Стужина. – К тому же это была деловая встреча, а не свидание, как вы могли предположить. Рэм Анисимович, вы превышаете свои полномочия, вторгаетесь в частную жизнь, я не обязана перед вами отчитываться.

– Эх, сами ведь, еще до появления Лещука, неоднократно заявляли, что не желаете жертвовать личной свободой, независимостью и кому-то доставаться в жены в ущерб карьере.

– Да, и остаюсь при своем мнении, – подтвердила она.

– Тогда у вас происходит раздвоение личности, слова расходятся с поступками, – упрекнул Тяглый. – Я ведь тоже не чай гоняю и кроссворды разгадываю, а словно вол, работаю на авторитет и процветание фирмы. Однако меня вы отвергли, а у этого майора идете на поводу. Если и дальше так дело пойдет, то известно, кто в скором времени станет не номинальным, а реальным президентом «Nika».

– Поэтому и не хочу никого к себе приближать.

– Так ли? Свежо предание, да вериться с трудом. Вы ведь целовались с ним в подъезде, – произнес Тяглый и потому,

как женщина опустила глаза, понял, что не ошибся.

– Ника Сергеевна, несмотря на то, что вчерашний вечер, а возможно, и ночь вы провели с Лешуком, я все же прошу вашей руки, – заявил Тяглый.

– И после таких намеков вы полагаете, что я должна с радостью броситься в ваши объятия? Глубоко заблуждаетесь, коллега.

– Простите, не хотел обидеть.

– Рэм Анисимович, не стройте иллюзий. Вы же знаете, что я не признаю служебных романов, семейственности и кумовства.

– Готов уволиться из фирмы, найти другую работу.

– Не надо таких жертв. Брак должен быть не по расчету, а по любви, – напомнила Стужина. – Рэм Анисимович, будьте тактичны, не выходите за рамки приличия, – возмутилась она. – Вы следили, это отвратительно, гнусно, не делает вам чести.

– Нет, предположил ход событий и понял, что попал в «яблочко», вы сами сознались.

– От поцелуев дети не родятся, – не подумав, смущенно прошептала Стужина, пряча за ладонью слегка припухшие от дерзких поцелуев юрисконсульта, подведенные перламутровой помадой, губы. Сконфузилась, окончательно выдав себя.

– Не хватало еще между вами секса, – проворчал вице-президент, следя за ее реакцией.

– Не ожидала от вас такой пошлости и бесцеремонности.

– А я от вас, Ника Сергеевна, легкомыслия и распущенности, – продолжил он и вытащил из колоды последний козырь. – Вы же еще недавно были ярым противником семейственности, кумовства, предупреждали сотрудников, а теперь сами встали на этот скользкий путь?

– О какой семье вы говорите?

– О будущей, тайной, ведь вы с Лещуком уже сожительствуете в гражданском браке, – сделал он неутешительный для себя и оскорбительный для женщины вывод.

– Рэм Анисимович, в чем собственно дело? Это клевета. Прежде вы моей личной жизнью не интересовались. Что вас встревожило или огорчило? – удивилась она осуждающему тону его голоса.

– Прежде вы себе не позволяли таких вольностей. Не к лицу президенту солидной фирмы шляться с мужчинами по питейно-развлекательным заведениям, да еще с таким экзотическим названием, как «Голубые грезы», где собираются геи.

– Рэм Анисимович, прекратите за мною следить, подглядывать в замочную щель. Как это некрасиво, никогда бы не могла подумать, что вы на такое способны, – упрекнула она.

– Мне и самому эта роль неприятна, но я вынужден так поступать из благих намерений и позывов души, чтобы уберечь вас и фирму от скандалов, – аргументировал он. – Вы же, надеюсь, не желаете стать “героиней” грязных компромети-

рующих публикаций в бульварной прессе, с разоблачающими фотографиями и гнусными выводами. Наши конкуренты за это схватятся и раздуют скандал, потирая от удовольствия руки. Подумайте о репутации, если не личной, то фирмы, носящей ваше имя.

– Рэм Анисимович, не преувеличивайте последствия, – возразила она. – Если следовать вашей логике, то теперь кроме офиса, я нигде не должна появляться, шарахаться от собственной тени? Ну, это уже какая-то навязчивая мания?

– Я не ограничиваю вашу свободу, но не в обществе мужчин, что дает повод для сплетен и разных инсинуаций.

– Во-первых, я была не с мужчинами, а с коллегой, – ответила президент. – Собиралась пригласить в кафе и вас, но мне напомнили о проблемах с вашим здоровьем. Вы ведь кроме минеральной воды, соков, спиртных напитков, не употребляете. Сидели бы и скучали, так ведь?

– Кто напомнил, кто проявил трогательную заботу о моем здоровье? Не новоиспеченный ли юрисконсульт?

– Да, он, Павел, – призналась она.

– Тогда все понятно, вы его уже панибратски Павлом, Пашей называете. Ника Сергеевна, я бы не отказался от приглашения, – признался он с грустью. – Самому одиноко, хоть волком вой.

– Я вам искренне сочувствую, поэтому впредь учту, не обижайтесь, это была сугубо деловая встреча, акт или жест вежливости, – подчеркнула Стужина. – Я не вправе была от-

казать юрисконсульту за его усердие и успехи. Теперь он вдохновился и будет трудиться с еще большей энергией и результативность.

– Получается, что я лодырь, тунеядец? Пашу, так вол, не меньше его и ни слова благодарности, как должное. Ника Сергеевна, голубушка, станьте моей женой?! Умоляю и заклинаю, – в порыве смелости и страсти заявил Тяглый. Взял ее руку и попытался поцеловать, но Стужина проявила строптивость.

– Рэм Анисимович, сейчас же прекратите, сюда могут войти Наташа или другие сотрудники. Как вам не стыдно?

– Пусть входят. Я столько лет ждал этого момента, измаялся, извелся до предела, – признался он. – Ника Сергеевна, вы – моя судьба, мое счастье, дарованное Богом...

С мольбою, туманной поволокой в глазах он с нескрываемым вожделением взирал на Стужину.

– Скажите «да» и я стану носить вас на руках?

– Рэм Анисимович, вы меня озадачили, это так неожиданно, что я не могу прийти в себя, – уклонилась женщина от ответа.

– Разве вы не видите, что Лещук, который не дает вам проходу, солдафон, эгоист, надзиратель, – увещевал претендент на женское сердце и руку. – С ним вы будете несчастны, хлебнете горя полной чашей...

– Рэм Анисимович, уймитесь, я не собираюсь выходить замуж, дорожу своей свободой, – возразила она.

– А как же свидание в «Голубых грезах»?

– Не свидание, а сугубо деловая встреча, – парировала Стужина. – Вы же знаете мое доброе отношение к вам. Я высоко ценю вас, как порядочного человека и грамотного специалиста.

– Этого мало, недостаточно. Значит вы, дали мне от ворот поворот, выбрали неотесанного и грубого мужлана? Я всегда считал вас изысканной и утонченной натурой, а у вас дурной вкус, как у фельдфебельской вдовы, – заявил вице-президент. – Вы еще не один раз пожалеете об этой роковой ошибке. Будете локоть кусать, но поздно. Майору нужны ни ваша красота и ум, а деньги, высокая должность и положение в обществе. Вы подумали о том, что о вашем романе разнесет бульварная пресса?

– Рэм Анисимович, не смейте мне угрожать и шантажировать, – обиделась президент. – Вы не имеете права вторгаться в мою личную жизнь, не будучи мужем или любовником. Я не обязана перед вами отчитываться за свое поведение и поступки и выслушивать нотации.

– Ника Сергеевна, будьте тверды и последовательны. Вы сами неоднократно и публично заявляли, что у вас нет личной жизни, она принадлежит фирме, – процитировал он ее тезис и посетовал. – Теперь я убедился, что женщина довольно непостоянное, коварное и непредсказуемое существо, заслуживающее презрения. Не знаю, смогу ли я дальше работать под вашим началом?

– Не думайте дезертировать. Имейте в виду, что заявление об увольнении по собственному желанию я вам не подпишу, – предупредила Стужина. – Если уйдете, то с «вольным билетом» по статье КЗоТ о нарушении трудовой дисциплины. Я ценю вас, как профессионала.

– Вы не должны препятствовать, у нас нет крепостного права.

– Но есть ответственность перед коллективом, моральные принципы. В любом случае отработаете два месяца, а за это время много воды утечет, ситуация изменится. Если я правильно вас поняла, вы приревновали меня к Лещуку? – спросила и попала в самую точку.

– Вы – лицо, эталон фирмы, а ведете себя, как бездомная кошка или подзаборная девка! – вспыхнул Тяглый.

– Не забывайте, Рэм Анисимович, я прежде всего женщина и имею право на личную жизнь! – в сердцах воскликнула она, чувствуя, что словом «кошка» он больно ужалил и слезы обиды наворачиваются на глаза. Она вдруг ощутила себя слабой незащищенной женщиной, которая ради имиджа, постоянно должна держать себя в руках, демонстрировать сотрудникам и партнерам свою твердость, принципиальность и непорочность. Деловая женщина. «Похоже, что и Рэм Анисимович претендует на теплые отношения, коль столь ревностно относится к моему общению с Лещуком, – подумала она, пребывая в расстроенных чувствах.

– Ника Сергеевна, вы об этом еще горько пожалеете, но

будет поздно, – мрачно произнес Тяглый и она, встретившись с его колючим взглядом, невольно содрогнулась.

– Вы мне, угрожаете?

– Нет, предупреждаю, как коллега и... – вице-президент слегка смутился и продолжил, – как равнодушный к вашей судьбе человек.

– Значит, ревнуете, – сделала она вывод. – Рэм Анисимович, роль Отелло вам совершенно не подходит. К тому же я не давала повода для подозрений и обвинений и не обязана отчитываться о своих поступках.

– Своим неформальным общением с подчиненным вы дадите пищу для кривотолков, грязных сплетен...

– На чужой роток не накинешь платок, – вздохнула Стужина и упрекнула. – Прошу, умоляю, не нагнетайте страсти, не подливайте масло в огонь и все уляжется.

Смущенный своей грубостью и дерзостью, Тяглый выбежал из кабинета, едва не столкнувшись в дверях с Лаской. Наташа вовремя отпрянула в сторону, удивившись необычной прыти всегда степенного вице-президента. Хотела спросить, чем он так возбужден, но Рэма Анисимовича и след простыл.

– Ника Сергеевна, я вам завидую, – искренне произнесла Ласка, войдя в кабинет.

– Почему? Зависть – коварное чувство.

– Я завидую по-доброму. Вам не надо делать макияж, тратить на дорогую косметику, красота естественная, а ее ни

за какие деньги не купишь, – польстила секретарь-референт.

– Эх, Наташа, есть такая мудрая присказка: не родись красивой, а будь счастливой. Кроме внешней красоты, на которую в первую очередь западают мужики, есть еще душевная. Ум, интеллект, эрудиция, обаятельность и шарм загадочности, – пояснила президент. – Эти качества играют главную роль.

– Многие мужчины боятся умных женщин из риска окатиться у них под каблуком. Предпочитают красивых и послушных дурнушек для любовных утех, – возразила Ласка.

– Для утех, а в жены выбирают скромных и серьезных женщин, не лишенных очарования.

– Спасибо за полезный совет, – улыбнулась Ласка и возвратилась в приемную. Дверь отворилась, юрисконсульт вошел с пунцово-пурпурной розой на длинной ножке и коробкой шоколадных конфет «Ассорти».

– О-о, Павел Иванович, вы настоящий рыцарь на белом коне! – с восторгом произнесла Ласка.

– Коня я оставил у подъезда. Как говорят мудрые люди, на аллаха надейся, а верблюда привязывай, – шутиливо ответил мужчина.

– Роза, мой любимый цветок! Это вы для меня? – Наташа резво поднялась из-за стола.

– Увы, роза для Ники Сергеевны, есть кому дарить тебе цветы, – ответил юрисконсульт и, подойдя к ней, подал плитку «Короны».

– Это тебе, шоколадка, чтобы и сама была сладкой.

– Спасибо, но я не ваша пассия?– улыбнулась она, поняв его намек на свою сексапильность и хмельные чары.

«Значит вчера вечером или ночью свершилось. Неприступная Ника не устояла перед искушением и отдалась во власть страстей,– сделала вывод Ласка. – По себе знаю, какая это сладкая отравка. Никогда невозможно пресытиться, словно водой от неутолимой жажды».

Лещук вошел в кабинет президента. Широко улыбнулся, но тут же стер улыбку с лица, заметив, что Стужина чем-то огорчена.

– Это вам, Ника, за прекрасный вечер.

Он осторожно, чтобы она не поранилась об острые шипы, вручил розу и коробку конфет.

– Благодарю. Но зачем вы потратились?– сдержанно улыбнулась женщина. – Я имею возможность самостоятельно купить и цветы, и шоколад, и другие продукты и лакомства...

– Считаю ненормальным явлением, когда такая очаровательная особа вынуждена покупать себе цветы. Вам их должны дарить за красоту и радость общения.

– Подарки принимать приятно, но впредь прошу, чтобы никаких знаков внимания, никаких цветов и презентов, тем более, публично,– строго промолвила президент. – Мы не должны забывать о репутации. Что о нас подумают сотрудники? Поползут домыслы, сплетни. Вы же знаете, что злые языки страшнее пистолета.

– Знаю, Ника, но убежден в том, что наши чистые отношения, только возвысят вас в глазах сотрудников.

Между тем Стужина достала из сумки косметичку и, глядя в зеркальце, принялась припудривать щеки, поправлять сбившуюся прическу. Он, как психолог, по внешнему виду, мимике, движениям, понял, что Стужина чем-то огорчена.

– Что случилось, Ника? Какая-нибудь неприятность или кто обидел? На вас больно смотреть. Вчера были веселой, очаровательной и загадочной, а сегодня печаль и обида в глазах?

– Да-а, обидел, Рэм Анисимович. Грубо отчитал, как провинившуюся гимназистку, обозвал кошкой, – пожаловалась она. – За ним такое прежде не водилось, сорвался, нервы, изменило хладнокровие, выдержка. Ну, да ладно, будет плакаться, бывали и покруче разговоры.

– Суть причины? – насторожился майор. – Ведь он ваш зам, правая рука, интеллигентный человек, без пяти минут кандидат экономических наук, готовится к защите диссертации, а там и на докторскую степень замахнется. Мужик лобастый, как Сократ. Прекрасны перспективы, размах и вдруг хулиганство? Может, у него с психикой нелады, помешался на цифрах, перегрелся и завис, как компьютер?

– Причина банальная, Павел Иванович, – вздохнула президент. – Он приревновал меня. Три года назад от онкологического заболевания умерла его жена, а у сына и дочери свои семьи, да и живут в России, вот и скучно ему одному

стало. Мужчине без женщины одиноко и неудобно. Но до сегодняшнего случая относился ко мне, как к президенту, а не к женщине. Не следовало нам вчера уединяться или все же следовало пригласить Рэма Анисимовича, он бы не отказался. Чувствовала, что этот поход в «Голубые грезы» добром не кончится, да и вам интуиция подсказала, когда вроде бы шутили, заменив грезы на слезы...

– Да, что-то вещее, похоже на мистику, – согласился он. – Напрашивается рифма «розы», но, увы, голубых роз вроде бы в природе не существует, а черного цвета селекционеры в Никитском ботаническом саду, что вблизи Ялты, вывели.

– Досадно, – посетовала Ника Сергеевна. – Теперь между мною и Тяглым образовалась трещина. Как только в коллективе появляются личные, сердечные, амурные отношения, так возникают сложности, конфликты, интриги, что деморализует коллектив.

– Ника, ты даже в грусти-печали, в расстроенных чувствах прекрасна и восхитительна, – польстил юрисконсульт. – Дай тебя обниму, приласкаю и утешу, моя родная.

Он широко раскинул руки для объятий и Стужина не успела опомниться, как оказалась в стальном, но нежном обруче.

– Павел Иванович, уймитесь, сейчас же прекратите! Не забывайте, что вы на службе и обязаны вести себя прилично, – потребовала она, ощутив приятную слабость в подкопившихся ногах. – Умоляю вас, отпустите, вдруг кто-нибудь

войдет и что о нас подумают?

И, действительно, встревоженная громким голосом президента, а более распираемая любопытством, Ласка живо проникла в тамбур и осторожно отворила вторую дверь. Опешила, увидев, что Лещук держит Нику в объятиях, пытаясь поцеловать в губы.

– Извините, я решила, что нужна помощь, – виноватым тоном произнесла секретарь-референт.

– Наташа, сколько тебе раз говорить, чтобы ты без приглашения не заходила в кабинет, – смущенно напомнила Стужина.

– Еще раз извините, я не знала, что у вас продолжение вчерашнего свидания, – промолвила Ласка, поспешно ретировалась и подумала: «Если они на работе себе такие нежности позволяют, то, трудно вообразить, что вытворяют, оставшись наедине. Эх, Ника Сергеевна, строгая и неприступная женщина. Перед такой сладкой отравой, как секс, самая никто не устоит. Толи еще будет? Дело у них идет к свадьбе».

Наташу так и подмывало с кем-нибудь поделиться впечатлениями от увиденной сцены, ибо она не умела хранить чужие тайны.

– Павел Иванович, вот видите, к чему привела ваша несдержанность, неспособность управлять своими эмоциями, – освободившись из пылких объятий, укорила она Лещука, когда они остались наедине.

– Не расстраивайтесь, мелкий конфуз и не более. Наташа

– порядочная девушка и никому не расскажет.

– Эх, Павел Иванович, плохо вы знаете женщин, – усмехнулась Стужина, поправляя складки блузки. – Их хлебом не корми, а дай посудачить на интимные темы.

– Пустяки, поговорят и тут же забудут. А с Рэмом я разберусь, чтобы со своим суконным рылом не совался в калашный ряд.

– Прошу, умоляю, не делайте этого, не подливайте масло в огонь, – с испугом в глазах промолвила она.

– Безнаказанность порождает вседозволенность и рецидив, – достал он из архива памяти тезис следователя.

– Это недоразумение. Рэм Анисимович культурный и образованный человек и, возможно, на почве ревности сорвался. С ним это впервые, – вступилась Ника за вице-президента.

– Тоже мне Отелло? Пусть купит себе резиновую куклу и пудрит ей мозги. Этот факт грубости подчиненного оставлять без реагирования, спускать на тормозах не следует, – сурово изрек Лещук. – Я расцениваю подобное оскорбление, как личное и поэтому обязан постоять за поруганную честь женщины. Это дело офицерской чести. Прежде оскорбления, позор смывали кровью обидчика.

– Не надо, не надо, упаси Господь! – встрепенулась Ника Сергеевна. – Не хватало еще в нашем офисе разборок. Думаю, что Рэму Анисимовичу самому неловко, нечаянно вспылит и сорвался. Наверное, чувствует себя не в своей та-

релке. Тоже не меньше огорчен, ведь обиды обладают свойством бумеранга, возвращаются и бьют по источнику.

– Мне не важно, в какой он находится тарелке или миске, плевать на его душевные терзания, но он нанес тебе обиду и должен публично извиниться, – твердо произнес юрисконсульт. – Это возвысит тебя в лице коллектива и покажет, кто здесь хозяин, кто правит бал. Авторитет надо лелеять, как цветок взращивать, поливать.

– Я не настаиваю, никаких публичных порок и экзекуций, не раздувайте из мухи слона, – заметила Стужина. – О, Господи, зачем я только вам, глупая, все рассказала, поддалась всплеску эмоций. Но вы на меня действуете магически, словно гипноз и я не смогла ничего утаить.

– Искусство следствия в том и заключается, чтобы заставить человека говорить правду, не кривить душой – не без гордости сообщил майор. – Эта способность дана не каждому, достигается в результате многолетнего опыта, аналитического склада ума..

– Вы тоже, Павел Иванович, повели себя, как собственник, вроде супруга или любовника, – упрекнула женщина. – Не нужна мне ваша защита, я и сама могу за себя постоять. Не создавайте на ровном месте проблем. Скандала нам еще не доставало для подрыва деловой репутации. Все должно остаться между нами в стенах этого кабинета. Советую охладить свой темперамент, усмирить чувства, ведь вы такой же сотрудник, как и Рэм Анисимович и роль Отелло вам

совершенно не подходит. Будем считать, что это досадное недоразумение, производственные издержки и они не должны негативно отразиться на микроклимате фирмы.

– Вы, что же мне уже не доверяете? – обиделся юрисконсульт.

– Доверяю, но у каждого человека должны быть заповедные зоны, недоступные для других людей.

– Хорошо, пусть будет по-вашему, – согласился он, хотя в мыслях все же вынашивал планы при удобном случае помужски поговорить с Тяглым, чтобы тот оставил мечты и претензии на сердце и руку Стужиной, поскольку сам имеет на нее виды, лелеет мечту владеть и обладать ее, как желанной женщиной.

В полдень, выйдя в коридор, Лещук увидел вице-президента и пошел на таран, словно буйвол с налившимися кровью глазами. Они сошлись почти вплотную, тяжело дыша в лица друг друга.

– Что с вами, Павел Иванович? – оторопел Тяглый. – Уступите дорогу, я старше вас по должности и возрасту. Соблюдайте субординацию и этику, имейте совесть и честь...

– Кто бы заикался о чести, я старше по званию, – упрямо произнес юрисконсульт, не желая сделать шаг в сторону в узком коридоре. – Вы, Рэм, ослепли от ревности и зависти. Разуйте глаза, не видите, кто идет? Стоять, смирно! Руки за спину!

– Это вас, наверное, поразила катаракта или глаукома, –

не сдвинулся с места Тяглый, расправив покатые плечи.

– Тебя сейчас поразит медвежья болезнь, боров ты этакий жирный, – завелся Лещук. – Ты, поди, по званию ефрейтор или сержанта, а я – старший офицер и ты по уставу обязан мне не только дорогу уступать, но и отдавать честь.

– Здесь вам не казарма! – возмутился вице-президент. – Не суйтесь со своим уставом в чужой монастырь.

– Как ты посмел обозвать Нику кошкой? – грудью напирал Лещук. – Я «Троянду» положил на лопатки и вытряс все долги, а чем вы, Рэм, отличились, целыми днями просиживая в кабинете? Протираете штаны, рискуя заработать геморрой. Валяете Ваньку, играя на компьютере, – усовестил вице-президента юрисконсульт. – Без меня конкуренты, рэкетирь или рейдеры давно бы разорили фирму.

– К вашему сведению, я занимаюсь финансовыми вопросами, отслеживаю поставки и сбыт товаров на торговых точках, контролирую финансовые потоки, чтобы нас никто не обанкротил, – с обидой сообщил Тяглый и перешел в атаку. – Что вы носитесь с этой «Трояндой», как дурень со ступой. Мы с Никой Сергеевной, Тамарой Львовной и другими сотрудниками с голого места начинали, а вы пришли на все готовое и теперь приписываете себе чужие заслуги, нахрапом права качаете. Нехорошо, будьте скромнее, не высовывайтесь.

В ответ юрисконсульт, словно невзначай, поддел вице-президента своим крутым, твердым, словно чугуном, пле-

чом, едва не сбив с ног. При этом вместо извинения с ядовитой ухмылкой процедил сквозь зубы:

– Ну-ка, Отелло, интеллигент вшивый, слабо со мной тягаться? Зато женщину проще пареной репы, обидеть по всяким пустякам, довести до слез. Для совершения гнусной пакости большого ума не надо.

– Как вы смеете, насаждать здесь полицейские порядки?! – возмутился вице-президент с побагровевшим от негодования лицом, как пойманная рыба, хватая воздух полуоткрытым ртом.

– Смею. Долг каждого настоящего мужчины постоять за честь женщины, незаслуженно обиженной и оскорбленной, – твердо произнес Лещук и подтянул его за фалды костюма, едва не вырвав с мясом пуговицы, – Если еще хоть раз обидишь Нику, или хоть один волос упадет с ее головы, то будешь иметь дело со мной. У меня глаз меткий и кулаки свинцовые. Одним ударом пошлю в нокаут.

Для пущей убедительности он поднес кулак к носу оторопевшего финансиста. Тот попытался протиснуться массой.

– Стоять! Куда прешь, деревня Петушки? – осадил вице-президента юрисконсульт. – Не таким фраерам рога обламывал, поэтому не рыпайся. Понюхай, чем пахнет?

– Сурком, скунсом. Оставьте меня! Не распускайте руки! – кричал Рэм Анисимович. – Здесь солидное учреждение, а не бордель и ваши замашки с рукоприкладством и угрозами не пройдут. Я буду жаловаться в прокуратуру. На-

стою на том, чтобы вас оштрафовали за хулиганство и посадили на пятнадцать суток. Тогда у Ники Сергеевны будет основание уволить по статье. Выдадут «волчий билет» и кончите свою жизнь вонючим бомжем под забором.

– Не дожدهшься, крыса канцелярская. Жалуйся, хоть Папе римскому или принцу датскому, – усмехнулся юрисконсульт. – Это же надо до чего додуматься – на почве ревности или неврозов обидеть слабую, одинокую женщину, зная, что она не сможет адекватно ответить. Раскатал губу на красивую женщину, постыдился бы и поискал себе вдовушку в другом месте по возрасту и зубам.

Лещук, используя прежние навыки, резко, согнув в локте, заломил его руку за спину и тот взвыл от боли.

– Ох, ой! Пусти, больно же, – взмолился он.

– Эх, нет под рукой наручников, я бы тебе показал, где раки зимуют, – пригрозил юрисконсульт. – И запомни, за Нику я любому фраеру руки поотбиваю и голову откручу.

На шум в коридор из ближайшего кабинета степенно вышел Крот и, застав сцену экзекуции Тяглого, застыл с открытым ртом. Тут же Ласка и другие сотрудники окружили забияк.

– Уймись, быки колхозные, – после того, как Лещук отпустил согнутую в локте руку соперника, Вениамин Яковлевич попытался разнять напирających друг на друга мужчин.

– Что вы, как два глупых барана на узкой горной тропе. Прекратите безобразничать! Соберу профактив и зака-

таю каждому по строгачу, на собрании или профкоме, как следует пропесочу! – ощутив свою значимость с лихорадочным блеском в глазах заявил Вениамин Яковлевич. – Впредь неповадно будет нарушать трудовую дисциплину, плевать на общественную мораль.

– Крот, пошел ты со своей дисциплиной и моралью! – осадил его Лещук. – Не суй свой горбатый нос в чужие дела. Сопи в две дырки и, как та канцелярская крыса, ройся в макулатуре своих протоколов. Мы с Рэмом сами разберемся в своих отношениях.

– Напишу докладную и Ника Сергеевна за недостойное поведение, оскорбляющее социальную мораль, лишит вас квартальной премии. Дорого вам обойдется хулиганство в общественном месте. Ставьте тогда черный крест на карьере и деловой репутации. Я вам покажу, как нервировать, возбуждать коллектив! Лихо пропечатаю в прессе, там у меня блат,– с радостью, что, наконец, представился шанс громко заявить о своем существовании, вошел в административный раж профбосс.

– Кишка тонка. Прошло твое время, поэтому не размахивай тупой шашкой, не занимайся шапкозакидательством. Веня, ты же крот, хотя ни хрена не видишь, но знаешь, где деньги лежат,– уязвил его юрисконсульт и бесцеремонно, словно громоздкий шкаф, отодвинул в сторону.

– Да, знаю, где лежат. Поживи с мое, у меня ума палата, бесценный опыт и уникальная интуиция, – не без гордости

заявил профбосс.

– Погоди, Динозавр, без тебя разберемся.

– И вижу, и слышу, – возразил Крот, деловито протирая выпуклые стекла очков в старой оправе.

– Не вмешивайся в мужской разговор. Иди со своим строгачом подальше, в каптерку, – отозвался Павел Иванович и предупредил соперника. – А вас, Рэм, если не прекратите гнусные придирки к президенту, вызову на дуэль. И будьте уверены, не промахнусь, как дикого кабана, завалю с первого выстрела. С сотни метров пули ложу прямо в «яблочко». Вы, наверное, работая калькулятором и на компьютере, никогда и оружия в руках не держали?

– В отличие от вас с бандитами не якшался и поэтому мне пистолеты и автоматы ни к чему, – признался вице-президент.

Неизвестно, сколько бы еще продолжалась перепалка, до какой степени накалились бы страсти, если бы на шум и голоса в коридор не вышла Ласка. Поняла суть конфликта и с пылающим лицом и блеском в глазах вбежала в кабинет президента.:

– Ника Сергеевна, сидите и ничего не знаете. В коридоре за вас мужики, словно задиристые петухи, дерутся.

– Какие еще мужики? – встревожилась Стужина.

– Рэм Анисимович и Павел Иванович, а Крот пытается их разнять. Это так интересно и прикольно! Если бы за меня кто из мужчин подрался, я от гордости и радости на крыльях

летала бы, а защитника расцеловала...

– Эх, Наташа, молодо -зелено, – упрекнула и быстро следом за Лаской вышла в коридор. На лице вспыхнул девически нежный румянец.

– Рэм Анисимович, Павел Иванович, – призвала она одного и другого. – Что вы на самом деле, как задиристые пацаны, сцепились? Будьте благоразумны, пощадите мою репутацию, да и об авторитете фирмы подумайте. Представляете, какая дурная слава пойдет и до каких объемов ее раздуют завистливые конкуренты. Не устраивайте здесь корриду с мордобоем. Мне дурно от вида и запаха крови...

– Живо проси у Ники Сергеевны прощение. Причем публично! – велел юрисконсульт. – Я тебя, вшивого интеллигента, заставлю целовать ее ручки и ползать у ног.

– Долго ждать придется, – насупился Тяглый.

– В таком случае я поставлю вопрос ребром о взыскании, вплоть до увольнения и возбуждения уголовного дела за оскорбление личности. У меня в милиции сохранились хорошие связи. Года на два-три загремишь за «колючку» на нары. Там тебе мозги быстро вправят.

– Ника Сергеевна, я с таким беспределом и произволом мириться не намерен. Выбирайте: я или мент? Кто вам дороже? – поставил вопрос ребром Тяглый. С лицом, словно красный фонарь, он напряженно дышал и норовил заручиться поддержкой своих коллег, с которыми проработал не один год, в то время, как пришлый варяг лишь два месяца.

– Почему вы так категоричны и бескомпромиссны?– с досадой произнесла Стужина. – Я же не третейский судья, чтобы решать ваши судьбы. Обуздайте свои непомерные амбиции.

– Не казните себя, Ника Сергеевна, – промолвил Лещук. – Мы, действительно, немного погорячились. Но считаю, что на этом конфликт исчерпан. И пусть информация о нем останется в стенах этого здания, чтобы не навредить нашим общим интересам.

Обернулся к сопернику и, глядя мимо него, сухо произнес:

– Честь имею.

– Кроме чести, надо и совесть иметь,– угрюмо ответил Тяглый, демонстративно отвернувшись в сторону.

– Не учите меня жить! – юрисконсульт в ответ бросил фразу из лексикона Элочки-людоедки. – Да будет вам известно, что я майор милиции, а у вас какое звание?

– Я, я ... без пяти минут кандидат экономических наук, а ты кто?– моргая белесыми, как у свиньи, ресницами, и дергая рыжими усами, сообщил Рэм Анисимович.

– Наверное, за сало степень покупаешь, а я о воинском звании спрашиваю? – напирал юрисконсульт.

– Я в армии не служил. Плоскостопие.

– Не служил? Медвежья болезнь. Значит, даже на рядового не тянешь, – куражась, заявил Павел Иванович. – Поэтому, сударь, не забывайте народную мудрость о том, что

гусь свинье не товарищ. – Это кто, кто свинья?! – вздрогнул всем телом вице-президент, надвигаясь на соперника. Конфликт готов был разгореться с новой силой, но Стужина смело встала между ними, оттолкнув их своими изящными руками. Обменявшись все еще неприязненными взглядами, Тяглый и Лещук, как упрямые быки, разминулись в коридоре, разошлись по своим кабинетам. Их примеру последовали и другие сотрудники.

«Интересно, как дальше будут развиваться события? Уступит ли Тяглый пальму первенства в притязаниях на сердце Ники более молодому и решительному сопернику? – размышляла Ласка, словно прочитав первые страницы с завязкой захватывающего дух романа. Ей наскучили монотонные, без ярких и острых впечатлений трудовые будни.

Лещук, натолкнувшись на строптивость Стужиной, раздумывал над тактикой действий. Однажды на пути в суд его внимание привлек плакат, с которого взирала красивая блондинка с золотистыми локонами волос и завораживающим взглядом глаз с малахитовыми зрачками. Витиеватая вязь слов взывала: «Провидица Люба делает приворот и отворот на ягодах облепихи и кореньях хрена. Гарантия – 100 процентов. Оплата валютой».

«Может обратиться к этой симпатичной колдунье, чтобы приворотила ко мне Нику, – неожиданно посетила его мысль. – А что, если с этой красавицей Любой закрутить бурный роман, чтобы у Ники вспыхнула ревность. Даже самая

стойкая женщина не останется равнодушной к такому повороту событий. И в зависимости от реакции Ники Стужиной, на пару с колдуньей дурачить слишком суеверных и доверчивых лохов? Ведь это химера, типичная авантюра для выкачивания денег. Впрочем, обойдусь собственными силами. Еще ни одна «крепость» не устояла перед моим штурмом. Даст Бог и эта вскоре выбросит белый флаг».

8. Последний вечер

В начале рабочего дня Стужина лишь на несколько минут появилась в офисе, зашла в кабинет, чтобы взять бумаги, таблицы с цифрами экономических показателей фирмы. Возвратившись в приемную, сообщила секретарю-референту:

– Наташа, если меня будут спрашивать, то до полудня я в горисполкоме, в конференц-зале на совещании представителей среднего и малого бизнеса по регуляторной политике.

– Хорошо, Ника Сергеевна, я запомнила, – ответила Ласка и тут же поинтересовалась. – А у нас, какой бизнес?

– Пока средний, но добьемся, чтобы сделать его крупным, – с улыбкой заверила президент. – Для того, чтобы выйти на уровень крупного бизнеса, надо довести оборот до нескольких сотен миллионов гривен и выйти на внешний рынок. Предполагаю, что создав сеть филиалов фирмы в других городах, года через три-четыре добьемся этой цели.

– Так долго придется ждать, хотя время и быстротечно? – изобразила на лице разочарование Ласка.

– Что ж ты хотела. У нас нет депутата-лоббиста ни в парламенте, ни в горсовете, поэтому приходится преодолевать массу препятствий, отбивать наезды и атаки вымогателей, козни чиновников-коррупционеров из исполкома и фискальных органов. Слава Богу, у Павла Ивановича это хорошо получается. Он знает уязвимые места бюрократов, коррупционеров и бьет ни в бровь, а в глаз.

– Значит, Лещук наша палочка-выручалочка?

– Возможно, – улыбнулась Стужина.

– С его приходом в фирму, словно гора с плеч свалилась.

– Завидный жених, надежная опора, – сделала вывод Наташа.

– Я его ценю, как полезного и надежного сотрудника, готового постоять за интересы фирмы, – парировала ее намек женщина.

Ласка любила, когда начальство отсутствовало и эти часы можно было посвятить себе, так как никто не докучал приказами, поручениями, просьбами заварить кофе и тому подобное.

Стужина удалилась, а она по привычке зарегистрировала в книге входящих документов поступившую по почте корреспонденцию, перелистала страницы свежих номеров газет и журналов, отдав предпочтение красочному женскому журналу «Натали», подписанному по ее просьбе. Рассматривая

иллюстрации, она успевала отвечать на звонки, однообразно сообщая о том, что президент отсутствует, на совещании. А на одном звонке задержалась, узнав голос Муравича.

– Привет Натали, солнечная женщина. Ласка – ты сокровище и сказка, – нежно произнес он, взволнованно дыша в трубку. – Я тебе посылаю свои флюиды, а ты ноль внимания.

– Привет, коль не шутишь, – отозвалась она, польщенная тем, что студент назвал ее солнечной женщиной, сокровищем и сказкой, хотя первый эпитет больше бы подошел не брюнетке, а блондинке.

– Давай вечером встретимся в сквере летчиков, я без тебя не могу жить, – признался Эдуард.

– Так уж и не можешь? – не поверила Ласка. – До знакомства мог и не страдал, обхаживая свою Марину.

– Наташенька, ну сколько можно упрекать, это все в прошлом, – возразил он. – Вспомни, что Есенин написал, «как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок». Так это и обо мне. Отношения с Мариной были одной из моих ошибок.

– Может и наши отношения ты через месяц-другой посчитаешь ошибкой, – поймала она его на слове. – Мне кажется, что это твое хобби, коллекционируешь девушек, а потом перед друзьями похваляешься, что с каждой из них переспал и не один раз. Ну, что, разве я не права?

– Как ты так можешь, Натали? Ты у меня единственная и неповторимая, – с жаром произнес он. – Я сгораю от стра-

сти, утешь мое сердце. – Ладно, Ромео или дон Жуан. Встретимся в сквере, только на многое не рассчитывай, я не глупая девчонка, которую легко обмануть красивыми словами обещаниями женитьбы. Сначала венец свадебный, роспись в ЗАГСе, а потом и медовый месяц. Я не признаю гражданских браков, которые на руку аферистам и альфонсам.

– Ты неисправима, Наташенька, живешь старыми бабушкиными предрассудками, – потухшим голосом упрекнул студент. – На дворе XXI-й век, сексуальная революция, эмансипация...

– Вот с другими и занимайся революцией, – рассердилась Ласка и он испугался, что приятное свидание может сорваться.

– Так ты придешь? – нежно спросил он.

– Пристал, как банный лист, – вздохнула она. – А у меня работа стоит. Приду, а если будешь доставать, то и передумаю.

– До встречи, – обрадовался Эдуард, предвкушая радость общения с Наташей, неспособной устоять перед сладким искушением.

– Пока, – ответила она, убежденная в том, что мужчину надо держать на дистанции, лишь иногда балуя нежностями, тогда больше будет ценить и сильнее любить.

Устав отвечать на телефонные звонки, Ласка перевела их на автоответчик, а сама, чтобы скоротать время, углубилась в чтение любимого журнала. В обеденный перерыв в прием-

ную вошел Лещук.

– Привет, референт! Какие новости?

– Здравствуйте, Павел Иванович. Никаких новостей, одна рутина,– в тон ему ответила девушка. Напустив на лицо строгость, юрисконсульт деловито спросил:

– Ника Сергеевна у себя?

– На совещании бизнесменов в горисполкоме. Будет во второй половине дня. Может, что-нибудь передать, когда появится?

–Нет, Наташа, у тебя и без того забот много,– улыбнулся он.– Я буду в суде, гора неотложных дел, задержусь допоздна, сегодня вряд ли увидимся. До завтра. Впрочем, пусть Ника Сергеевна, как только появится в офисе, мне позвонит по мобильному телефону.

– Хорошо, сообщу. У вас, Павел Иванович, постоянно гора дел. И когда вы их только разгрэбаете?– усмехнулась она снисходительно.

– Не тороплюсь, иначе без работы останусь,– резонно заметил он.

– Если так, то всего доброго,– пожелала она. Юрисконсульт с озадаченным видом вышел из приемной, а Наташа продолжила чтение журнала. Вопреки предположению, Стужина появилась в офисе в начале шестого вечера. Уставшая, с грустными глазами:

– Наташа, где Павел Иванович?

– До полудня работал в своем кабинете, а перед ухо-

дом предупредил, что допоздна задержится в суде. У него ведь, как обычно, гора неотложных дел,— процитировала она юрисконсульта и, озорно подмигнув, продолжила. — Очень вами интересовался, просил позвонить по мобильнику. Может, ему что передать? Я готова по факсу или электронной почте сбросить информацию в суд? Вы не стесняйтесь, я с большим удовольствием, ведь это моя работа, функциональные обязанности?

— Спасибо, Наташа, я сама с ним свяжусь по мобильнику. Нет необходимости лишней раз пользоваться факсом,— заметила Стужина. Увидела, как наивно доверчивый взгляд Наташи сменился разочарованием. Она поджала капризные губы, слегка очерченные малиновой помадой. “Вот артистка, наверняка хочет выудить из меня пикантную информацию,”— подумала президент и, чуть помедлив, предложила:

— Зайди ко мне на минутку, поговорим по душам, ведь общение, как точно подметил кто-то из мудрых философов, это самое великое благо, только люди его не ценят.

— А куда же тогда девать любовь? — озадачилась, поднимаясь со своего вращающегося кресла, Ласка.

— Так и любовь, в том числе и та, от которой до ненависти один шаг, тоже входит в сферу человеческого общения, — пояснила президент. Наташа следом за ней послушно прошла в кабинет, присела напротив за широким с блестящей лакированной поверхностью столом. Стужина обратила на нее по-матерински теплый взгляд. Она улыбнулась в ответ, пытаясь

догадаться, чтобы это значило?

– Наташенька, ты очень умная девушка и к тому же хороша, пригожа собой, что для женщины исключительно важно, – мягко промолвила Ника Сергеевна. – Давай я тебя познакомлю со своим Феликсом. Он тоже парень видный, статный, но немного замкнутый и застенчивый, весь в отца пошел, а ты девушка боевая, задорная быстро его взбодришь. Понимаю, что ему тоскливо и одиноко. Думаю, что вы дополните друг друга. Даст Бог понравитесь, возникнет сильное чувство, породнимся. Я бы очень хотела иметь такую прелестную и любознательную невестку.

– Ника Сергеевна, вы же и раньше обещали свести с вашим сыном? Наверное, за текучкой дел позабыли, а я чтобы не прослыть слишком навязчивой и своекорыстной, не осмелилась вам напомнить. Еще бы подумали, что сама набиваюсь, чтобы не упустить богатого женишка, – призналась секретарь-референт и вздохнула. – В то время я еще была свободна, маялась без приятеля. А теперь, увы, у меня есть парень.

– Жаль, могла бы мне и напомнить, ты же знаешь, что у президента гора неотложных дел, голова кругом идет. Бывает, что не до семейных забот, на сына совсем мало времени остается, – посетовала Стужина. – В таких делах скромность вредит. Гордости бы своей не уронила.

– Наверное, сглупила, что не воспользовалась уникальным шансом, – призналась Наташа.

– Кто твой избранник? Я его знаю?

– Знаете, его зовут Эдиком, студент. Это я с ним тогда была в кафе «Голубые грезы», – ответила секретарь-референт. – Простите великодушно за вторжение, не смогла, тогда преодолеть любопытства.

– Ах, эти «Голубые грезы», не напоминай мне о них, – вздохнула президент. – После той деловой встречи, действительно, остались голубые грезы, а вместо роз – слезы...

– ...любви и радости, – продолжила мысль Ласка, но женщина не стала развивать эту тему, перевела диалог в другое русло. – Твой жених, вероятно бедствует?

– Как и большинство студентов, у которых нет пап – богатых Буратино. Эх, Ника Сергеевна, нелегко найти хорошего, надежного, а тем более, идеального мужа без недостатков, – вздохнула Ласка.

– Это почему же? При твоих внешних данных, красоте, общительности и проницательном уме?

– Если претендент на сердце порядочный и честный, то, к сожалению, беден, а если богат, то обязательно – бандит, грубиян или извращенец, – заметила Наташа. – Не хочу быть канарейкой в золотой клетке, красивой куклой для сексуальных утех.

– В таком случае следует выходить замуж не по расчету, а по любви, – сказала Стужина и пояснила.

– Наташенька, как далеко зашли твои отношения с Эдуардом?

– Кто же в этом сознается, – ответила, слегка смутившись, но по румянцу, вспыхнувшему на ее щеках, Стужина поняла, что “далеко”. К тому же от ее опытного и зоркого взгляда не ускользнуло, что за последний месяц Ласка стала более женственной, умиротворенной с загадочным блеском глаз и внешне произошли изменения: четко обозначились округлые бедра, за белой блузкой, сочно выпирающая грудь, которая по ее наблюдениям даже Лещука не оставляла равнодушным, не говоря уже о водителе Сене. Все это указывало на, что Наташа созрела для активной половой жизни и, наверное, не отказывает себе в плотских утех.

– А ты часом не того? На соленое, кислое тебя не тянет? Признайся, чтобы новость не обрушилась, как снег на голову. Я должна знать, чтобы заранее на время твоего декретного отпуска подыскать достойную замену – грамотную, скромную и коммуникабельную.

– Вас интересует, не подцепила ли я? – простодушно уточнила вопрос секретарь-референт. – Предохраняюсь, знаю свои безопасные дни.

– Имей в виду, милочка, что контрацептивы не являются полной гарантией, всегда существует риск.

– Постоянно ем лимоны, – сообщила Наташа, с видом как будто раскрыла большой секрет.

– Эх, девочка, я тоже в твои годы ела лимоны, апельсины, хурму, гранат и другие цитрусовые, а в итоге родила Феликса, – неожиданно призналась Стужина.

– Значит, вы его нагуляли? – сорвалось с губ Ласки, удивленной неожиданной откровенностью начальницы.

– Была замужем, но первая любовь недолговечна, – уклонилась она от прямого ответа.

– Почему бы вам, Ника Сергеевна, не рискнуть еще раз? Мужчины при виде вас шалют, у них уровень тестерона повышается.

– Я подумаю над твоим советом. Хотя незавидная наша женская участь – дарить любовь, а получать шипы, – взгрустнула Стужина. – Как дочку, которой у меня, к сожалению, нет и, наверное, уже никогда не будет, прошу тебя не слишком увлекайся, ведь чувства, страсти, не сдерживаемые разумом, подобны отраве. Наступает миг, когда за удовольствия и сладости приходится дорого платить, разочарованиями и другими неприятными последствиями. Впрочем, ты взрослая женщина и отлично понимаешь о чем речь. Поэтому не слишком отдавайся плотским утехам и наслаждениям. На сей счет у поэта Евгения Евтушенко есть мудрые стихи: «Очарованья ранние прекрасны, очарованья – ранами опасны». О девушках твоего возраста, о признаках влечения, влюбчивости, когда весь мир представляется сквозь розовые очки, без пороков, пошлости и измен. Помни, что каждый человек кузнец своего счастья.

– А что же вы, не куете свое счастье, ждете манны небесной? – не удержалась от вопроса секретарь-референт.

– Высоко ценю личную свободу, – ответила президент.

– А мне кажется, что вы обедняете себя, ограничив себя работой и карьерой,– возразила Наташа. – Женщина, по моему глубокому убеждению, в первую очередь рождена для любви, гармонии чувств и материнского счастья.

– Материнское счастье я, пожалуй, уже испытала,– призналась Стужина,– А вот для настоящей верной любви нет достойного рыцаря, человека, который бы делил с тобой и радости, и печали. Если человек не мил, то сердцу не прикажешь. Как завещал персидский поэт и философ Омар Хайям, уж лучше жить одной, чем с кем попало.

– Что же и Павел Иванович не мил? Все сотрудники только и ждут, когда вы поженитесь. Это была бы красивая пара. У вас, мне кажется, слишком завышенные требования.

– Павел Иванович, юрисконсульт, сотрудник фирмы, мой подчиненный и этим все сказано,– сухо подчеркнула она, дав понять, что продолжение этой темы ей неприятно.

– Простите, за бестактность,– покаялась Ласка, склонив на плечо прелестную голову, изобразила ангельское наивно-доверчивое создание, которому невозможно не простить любые шалости.

– Ладно, Наташа, это не только твой каприз. Все женщины, за редким исключением, по своей природе любознательны, обожают чужие и, особенно, интимные тайны,– с улыбкой сказала Стужина. – Ты из той же породы. Хуже было бы видеть тебя ко всему равнодушной и холодной. Но в отношениях с Эдуардом будь сдержанной и осторожной. Помни,

уж лучше жить одной, чем с кем попало. У мужчин ведь одна цель – овладеть женщиной, получить от нее максимум наслаждений, а о последствиях, нежелательной беременности они редко задумываются, считая, что это забота самой женщины. В этом мы очень уязвимы и ранимы.

Ласка возвратилась в приемную, а Ника Сергеевна достала из сумочки и раскрыла изящную черного цвета косметичку. Вгляделась в зеркальце и, заметив, едва обозначившуюся морщинку, огорчилась и подумала: «Если даже и появится седина, то в светлых локонах она будет незаметна, а вот морщины через два-три года, даже несмотря на крем и грим, проявятся. Что я жду от жизни, теща себя надеждами и иллюзиями? Унылая и одинокая старость. Ведь рано или поздно Феликс женится и останусь я сама коротать долгие вечера. Легкомысленно и глупо ждать доблестного рыцаря Айвенго на белом коне, когда тебе под сорок. Тем более, что идеальных мужчин, как и женщин, в природе не существует, главное, чтобы недостатки не преобладали над достоинствами.

Возможно, Павел, действительно меня любит, коль такой настойчивый. Другой бы сразу отступил, а он тверд и решителен в достижении заветной цели. Если он снова станет предлагать руку и сердце, то я, пожалуй, соглашусь. Павел мне симпатичен и за ним я буду, как за каменной стеной. Женская красота и очарование недолговечны и их невозможно с помощью косметики, подтяжки кожи лица поддерживать до бесконечности. Скоро наступит момент, когда не я

буду выбирать спутника жизни из множества претендентов, а вынуждена буду согласиться с первым же предложением. Господи, убереги меня от роковой ошибки. Что готовит мне судьба, счастье или проклятие? Может быть, это последний шанс обрести семейное счастье в любви и мужской защите.

Итак, вечером должна решиться моя судьба. Или сегодня, или никогда. Пусть для Павла это станет долгожданным подарком. Уж слишком он настойчив и, похоже, по самые уши в меня влюблен. Рожу от него ребеночка, а то ведь годы, как птицы летят и после сорока рожать сложно, а там не за горами климакс. Надо думать о будущем, с кем останется Феликс после моей смерти? Будет один, как перст, без родни. Сегодня или завтра утром дам согласие. Все, Рубикон перейден! Павел от счастья будет на седьмом небе и мне это решение доставит радость. Хотя есть категория мужчин, которым большое удовольствие доставляет сам процесс покорения женщин, а после обладания ими, охлаждаются.

Буду надеяться, что Павел к их числу не принадлежит, останется верен мне до конца жизни. Может сейчас же сообщить ему? Нет, пусть будет сюрпризом. Словно гора с плеч спадет. Поутихнут разговоры, пересуды насчет нашего тайного служебного романа. А то ведь сотрудники, та же Ласка, обижаются, что сама кручу роман, а для других табу. А после моего замужества и Рэм Анисимович быстрее выберет себе спутницу жизни, поймет, что я окончательно определилась. Перестанет себя тешить несбыточными надеждами. Что-то

я слишком легкомысленная, размечталась». Она устыдилась своих тайных мыслей. Слегка припудрила лоб, щеки и, обратив взор на табло часов, закрыла косметичку.

Секретарь-референт вовремя возвратилась в приемную, потому что телефон настойчиво трезвонил. Подняла трубку и услышала Эдуарда:

– Натали, это снова я.

– Почему тебе нейдет?

– Ты одна?

– Несколько минут назад возвратилась Ника Сергеевна.

– Как себя чувствует богатая госпожа?

– Вполне нормально. Вскоре за ней приедет водитель Семен. Кажется, у нее вечером наклеивается свидание с Лешуком. С тем юрисконсультом, которого ты видел в «Голубых грезах».

– Вот видишь, в отличие от нас, они даром время не тратят, ценят каждый миг общения и близости, одаривая друг друга любовью и нежностью. Нам молодым, да ранним, надо брать с них пример. А когда твоя начальница выезжает из офиса?

– Минут через пятнадцать-двадцать, – ответила она, подумав, зачем ему эти подробности.

– Наташенька, я сгораю от страсти, от желания каждую секунду быть с тобой рядом. Так ты придешь в сквер летчиков?

– Надейся и жди, – пропела она шутливо.

– Я буду тебя ждать у памятника. Посидим в кафе, выпьем пивка, на пару бутылок “Славутича” и пакетик орешек или фисташек, что-нибудь наскребу. А потом без проблем ко мне в общагу. Обещаю тебе пик блаженства, райское наслаждение.

– Ладно, не переоценивай своих способностей, а деньжата свои прибереги для лучших времен, – посоветовала Наташа. – У меня есть на вино, бутерброды и кофе. Я все же работаю в приемной президента и располагаю средствами для скромных потребностей. А ты лучше рассчитайся с ребятами, а то в следующий раз на порог меня не пустят или потребуют плату натурой.

– Ни за что, пусть даже и не мечтают, никому тебя не отдам, ты у меня единственная и неповторимая, – признался Муравич. – Жду тебя с нетерпением после восьми вечера. До встречи, горячо обнимаю.

Ласке очень хотелось узнать, прямо распирало упругую девичью грудь любопытство о планах Стужиной и Лещука, но двери кабинета были непроницаемы для звука.

«Господи, дай мне разум и силы, убереги от роковой ошибки, – попросила Ника. – Нет больше сил томить свои чувства и тайные желания. сегодня вечером или ночью решиться, перейду через Рубикон. Если Павел, поймает мои биотоки, почувствует и пригласит к себе в гости, то я сопротивляться не стану. Глупо в моем возрасте мечтать о рыцаре на белом коне, когда рядом есть достойный и надежный

мужчина. Я сама виновата, установила себе табу, нагородила искусственных преград, определила дистанцию в отношениях и теперь пожинаю плоды одиночества. Правда, Павел, иногда бывает жестким, но это последствия его долгой работы в милиции и время такое, что преуспевают не романтики, а прагматики, трезво оценивающие события и нештатные ситуации. К тому же, идеальных людей не существует в природе.

У Лещука достоинства доминируют над недостатками. Он всегда в трудную и опасную минуту, рискуя жизнью, готов подставить плечо, защитить. Наташа, пожалуй, права, считая, что мы будем красивой парой. Пока еще не увяла моя красота и не исчез шарм женственности и я имею право выбора, а года через два-три мне самой придется ждать, когда меня кто-то выберет. Надо торопиться и даст Бог, за праведный образ жизни и долготерпение он одарит меня настоящей любовью и семейным счастьем». Мечты чистым светом отразились на ее милом одухотворенном лице.

Нажимая тонким пальцем на кнопки, набрала номер телефона Лещука. – Слушаю, – прорезался голос юрисконсульта.

– Павел Иванович, мне Наташа сообщила, что вы просили срочно позвонить, – произнесла Стужина. – Могли бы и без посредников о себе дать знать по мобилке?

– Не отважился.

– На вас это не похоже, – рассмеялась она заразительно. – С какого это времени вы оробели? Хватит из себя разыгрывать

пай-мальчика.

– С того момента, как увидел вас. Ника, давайте вечером встретимся? Разве ты не видишь, как я страдаю, мучаюсь от неутоленной страсти. Ты на меня своей красотой, женскими чарами действуешь магически и сама, наверное, из-за своей сдержанности страдаешь, – с жаром произнес он и поколебал ее твердость. – Милая, я жду твоего ответа?

– Да, да, – невольно вырвалась у нее из груди, но тут же в схватку с чувствами и тайными желаниями вступил бдительный страж – разум и Стужина поспешно прошептала. – Нет, нет.

– Так да или нет? Не пойму, какое-то раздвоение личности, – спросил Лещук и замер в томительном ожидании.

– Нет, нет, я еще психологически не готова к резким переменам, – дрогнувшим голосом из жалости к себе призналась она. – Павел, ты неукротим, ведешь себя, как мальчишка и я становлюсь легкомысленной. Прямо какое-то наваждение, со мной это происходит впервые. Какое-то тревожное предчувствие? Где вы находитесь в данный момент?

– В суде, гора неотложных дел.

– А я в офисе, – ответила женщина. – Немного задержусь. Ты, Павел, слишком не переутомляйся. Рационально используй свой интеллект и энергию, – посоветовала она, представив себя в роли жены.

– Ты права, я, пожалуй, после суда отчалию домой.

– С ЗАО «Прометей» по части договорных отношений

возникли трения, недоразумения, что чревато для нас убытками. Ты утром загляни ко мне и мы обсудим как быть, разработаем тактику действий, чтобы избежать штрафных санкций и финансовых потерь.

– Куда к тебе, домой или в офис?

– Павел Иванович, вы неисправимы, – рассердилась президент. – Мы же с вами договорились, больше не касаться этой горячей темы. Оглянитесь вокруг себя, сколько молодых, даже юных, красивых детородного возраста женщин, страдающих из-за неразделенной любви. На мне свет клином не сошелся.

– Ника, ты их всех затмила своей красотой, – возразил он.

– Давай не будем торопить события, – попросила она. – Время покажет, насколько сильны наши чувства.

– Ника, давайте встретимся в неформальной обстановке и все обсудим, – произнес он с надеждой в голосе.

– Нет, я не хочу стать объектом для сплетен, грязных интриг, косых осуждающих взглядов, – упорствовала она. – Вы сами же сказали, что я жертвую личным счастьем ради благополучия фирмы «Nika».

– Павел, почему за минувшие тысячелетия люди, общество не достигли совершенства и гармонии в отношениях между собой и природой. Люди, по-прежнему, алчны, коварны и порочны.

– Если было бы по другому, то жизнь утратила бы свою драматичность и остроту, – заметил он.

– У меня такое впечатление, что кто-то всесильный, со-творивший мироздание, проводит над людьми, флорой и фауной глобальный эксперимент, – продолжила она. – Но, несмотря на усилия, все тщетно. И когда Творцу это занятие надоест, то он наказывает человечество за грехи страшными болезнями – СПИДом, раком, саркомой и другими. Или, чтобы уничтожить цивилизацию одним махом, столкнет Землю к огромным астероидом, кометой или растворит в «черной дыре». Страшно подумать, что человек песчинка в беспредельном пространстве, для которого не существует придуманной Альбертом Эйнштейном теории относительности с четырьмя измерениями, в том числе и временем.

– Слишком мрачный у тебя прогноз. Мне не нравится твой пессимизм, – заметил Лещук. – Не грусти, на наш век планеты хватит, а там и трава не расти. Загадывать не будем. В одном научном издании я прочитал, что астрономы прогнозируют гибель Земли, ее охлаждение через 50 миллионов лет, поэтому, дорогая Ника, дыши ровно.

– Спасибо, обнадежил.

– Вот и прекрасно. Ты меня избавила от душевных сомнений, – призналась юрисконсульт.

– Не забудьте, завтра ровно в девять часов утра я жду вас в моем кабинете, – напомнила президент. – До встречи!

– Пока, – отозвался Лещук. Стужина попыталась отключиться, забыть этот телефонный разговор, но он острой занозой застрял в ее сознании. «Его настойчивые попытки при-

ведут к тому, что я не выдержу и сдамся, уступлю его прихотям,— размышляла она.— Я же не каменная баба, не бесчувственная женщина, не солдат в юбке, а такая же, как и все из живой плоти, живущей помимо моей воли по законам естества и требующей удовлетворения, как в пище, воздухе, воде, так и в сексе. Но, если я заключу брак, пусть и гражданский, то придется поставить крест на собственной карьере. Павел обязательно захочет иметь ребенка и, наверное, не одного. Засосут меня, как в трясины семейные заботы, быт и превращусь из деловой, всеми уважаемой женщины, в раздобревшую на харчах и пассивном малоподвижном образе жизни домохозяйку. Хорошенькая перспектива, быстро обабиться и постареть раньше времени. А с другой стороны, годы ведь идут, скоро пятый десяток разменяю, еще пять-шесть лет и завяну, перестану нравиться мужчинами.

Сейчас модно и престижно и, не только среди интеллигенции, литературной и театральной богемы, иметь жен на двадцать-сорок лет моложе мэтров театра, кино, эстрады, но и в среде деловых людей. Надо быть готовой и к тому, что сын Феликс выпорхнет из родного гнезда, обзаведется собственной семьей и придется остаток дней куковать в одиночестве. Надо что-то менять в личной жизни, иначе обыденность, монотонность и серость, превратят ее в скучное существование. Необходима срочная смена декораций, интерьера. Но, как поется, и хочется, но колется и мама не велит. Хотя уже сама почти двадцать лет, как мама и замуж вышла

в неполные восемнадцать. Ах, первая любовь, сладкие свидания и жаркие хмельные ночи обожгли пламенем страсти.

Эта извечная, не дающая покоя борьба, противостояние между разумом и чувствами. И редко происходит, когда достигается их полная гармония. Разве что в сладкие мгновения любви, чистой, самоотверженной и бескорыстной. Но бывает ли она в реальности, а не в фантазии писателей, поэтов и художников?»

Стужина так и не смогла найти для себя однозначный ответ, придя к мысли, что любовь слепа, в нее бросаются, как в омут. Женщина переложила с одного края стола на другой стопки бумаг. Потом встала и спрятала их в сейф. Взглянула на табло электронных часов, закрепленных над входной дверью. «Вот и еще один рабочий день истек. Угас тихо и блекло в делах и заботах. Такой же серый, как череда предыдущих, из которых запомнился разве, что вечер в «Голубых грез»».

Может быть Лещук дарован мне судьбой и именно тот сильный мужчина, который мне, лишь внешне волевой, а на самом деле слабой и хрупкой женщине нужен? – подумала она.— Но его пока, я не разберусь в своих чувствах нельзя близко подпускать к своему телу, чтобы не попасть в сексуальную зависимость. Впрочем, и слишком отвергать глупо. Пусть живет и тешит себя надеждами». Ей вдруг вспомнилась Маргарита Терехова, прекрасно сыгравшая роль в пьесе испанского драматурга Лопе де Вега “Собака на сене”. Придется и ей, скрывая свои чувства, проявить актерские спо-

собности».

Ход ее мыслей оборвала Ласка. Она бесшумно открыла двери и появилась в кабинете. Обратила на президента свой ангельский взор.

– Ника Сергеевна, я, пожалуй, пойду, если на сегодня нет никаких срочных дел и поручений? Кстати, вы дозвонились до Лещука?

– Дозвонилась, все в порядке, он в суде, много дел, исполнительный, ответственный работник, ради интересов фирмы жертвует личным временем. Вот с кого надо брать пример, – похвалила она юрисконсульта за усердие. – А ты, Наташенька, не торопись. Минут через пять выйдем вместе и Сеня довезет тебя до дома, нам ведь по пути. Это будет намного быстрее, чем стоять на морозе в ожидании автобуса или маршруток. Так ведь? Или у тебя другие планы?

– Конечно так, – улыбнулась Ласка. – Чуткая у вас душа, доброе сердце. Я всегда мечтала о таком руководителе.

– Ладно, не льсти, – остановила ее Стужина. – Не переносу фальши и лицемерия.

– Я совершенно искренне, – обиделась Наташа и возвратилась в приемную. Едва она присела за стол, как дверь распахнулась, стремительно вошел Рябко. Лихо направился к кабинету президента, сделав приветливый знак рукой.

– Что ты, Сеня, такой бодрый, заводной? – приостановила его Ласка. – Наверное, назначил свидание или выиграл автомобиль в «Семейное лото»? Глаза блестят, как у мартов-

ского кота.

– И то, и другое, Наташка-ромашка, – не остался он в долгу.– Знаю тайну, ты тоже поди, со своим студентом Эдиком даром время не теряешь, забавляетесь по полной программе. Теперь я точно знаю, кто нашей недотроге Наташке залез под рубашку. А ведь притворялась девочкой-недотрогой?

– Если знаешь, то помалкивай, – смутилась она. – Это мое личное дело и никого не касается.

–Земля слухом полнится. Моя тетка, Жанна, в студенческой общаге вахтершей работает. Суровая женщина, как командор, мимо нее мышь не пробежит, в корень зрит. Она вас и застукала.

Ласка густо зарделась, прикрыла лицо ладонями.

– Не робей, нынче вся молодежь такая, раскованная, без цепей. Никому не скажу, могила, – пообещал водитель, хитро подмигнув ей. Ласка благодарно улыбнулась:

– Спасибо тебе, Сеня, за сочувствие. Подвезешь меня домой, а то Ника Сергеевна затормозила?

– С удовольствием, – улыбнулся Рябко.– Только, чем расплачиваться будешь, а Наташка-ромашка?

И откровенно оглядел ее, словно раздевая, с головы до пят, с неподдельной грустью заметил:

– Хороша Наташа, да почему-то не наша. Все же будь ко мне ласкова. Тебя ведь даже фамилия к нежности обязывает. Мне о тебе тетка много чего пикантного сообщила. Утешь, согрей и меня когда-нибудь. Сама понимаешь, что я сей-

час на голодном пайке, благоверная не подпускает к своему знойному телу.

– Да, мир, а особенно, город тесен, – посетовала она. – Нигде невозможно от чужих глаз спрятаться. Сеня, держи язык за зубами.

– Без твоего поцелуя и ласки не получится, – ухмыльнулся он.

– Ах, мелкий шантажист, ты же женат?

– Жена – не стена, может подвинуться.

– У тебя, одно на уме, – смутилась она. Семен, отворив дверь кабинета и не заходя, с порога сообщил:

– Ника Сергеевна, я готов. Карета подана, у подъезда.

– Выхожу, – отозвалась Стужина. Втроем по ступеням мраморной, кое-где выщербленной лестницы, они с четвертого этажа спустились вниз. Здание офиса никто не охранял, двери были бронированные, а на окнах первого этажа – стальные решетки.

Короткий зимний день погас. Багрово-красный диск солнца закатился за нависшую над городом Митридатскую гряду и конусы цепи древних курганов вокруг Джарджавской балки с извилистой лентой реки.. Вечер опустил свой темный полог. Небо было хмурое, свинцово-тяжелое, с косматыми массивами туч, сквозь которые иногда был на короткий миг виден скользящий серп луны. Ударившая накануне оттепель почти полностью съела снег и его сиротливые, словно лоскуты белой ткани островки были разбросаны в пали-

садниках, на влажной желтовато-бурой траве газонов. Было пустынно и неуютно. С моря долетал норд-ост, принося йодистые запахи моря, навевая мысли о дальний странствиях и теплых экзотических странах.

– Весной запахло. Скоро появятся подснежники, цикламены и желтыми крапинками зацветет мимоза,– нарушила молчание Стужина, кутаясь в меховой воротник оранжевой дубленки.

– Скорее бы, а то надоел холод и сырость, – отозвалась Наташа, тоже зябко кутаясь в пальто и следуя на ней. – Весна – прекрасная пора, время светлых надежд и ожиданий, ярких впечатлений.

– Очень даже понимаю,– улыбнулась президент.– Ты молода, красива, все еще впереди и любовь, и карьера ...

– Да и вы тоже, Ника Сергеевна, в расцвете сил, очень привлекательны. В сорок пять, в сорок пять, баба ягодка опять, – пропела, вспомнив мотив некогда популярной песни, Ласка.

– Ну спасибо тебе, дорогуша, за комплимент, утешила, – вздохнула президент. – До сорока пяти мне еще далеко, да и на толстую бабу я вроде еще не похожа?

– Ой, простите, великодушно, я не хотела вас обидеть. Но сами понимаете, из песни слов не выкинешь,– покаялась секретарь-референт, укорив себя за то, что поторопилась с песней, не вдумавшись в смысл стихов. Действительно, Ника стройна, изящна и элегантна.

– А ты подбирай удачные песни, а не те, что на ум взбре-

дут. Впрочем, уж, сочтемся славою, как говорил поэт, ведь мы свои же люди,— с грустью произнесла Стужина.— Все мы на этой грешной земле заложники времени, оно, увы, необратимо, а молодость недолговечна. Но не будем печалиться, мы ведь оптимисты?

— Конечно! — с радостью подтвердила Наташа, почувствовав мягкость и искренность в ее голосе.— Мне очень импонирует, что вокруг вас столько солидных, богатых и импозантных мужчин вращается и каждый из них мечтает покорить ваше сердце и заслужить благосклонность. Я ведь не слепая и все замечаю, какое магическое влияние вы на них оказываете. При желании могли бы из них веревки вить.

Войдя в азарт, Ласка хотела было намекнуть насчет любовных притязаний Лещука, но благоразумно промолчала, решив, что это уж слишком откровенно и бесцеремонно, тем более в присутствии Рябко, и может больно уязвить психику Стужиной, покруче, чем песенка “В сорок пять, в сорок пять баба ягодка опять”.

— Пусть мечтают, меня их капитал совершенно не волнует, я вполне самодостаточная женщина и превыше всего ценю личную свободу,— призналась президент и обратилась к Рябко, внимательно всматривающемуся в темноту. — Сеня, завтра будь добр, за мною приезжай пораньше к восьми часам. Хочу с утра на свежую голову поработать, чтобы никто не беспокоил своими проблемами.

— Ника Сергеевна, зачем вам жертвовать личным време-

нем, прикажите и я никого в ваш кабинет не допущу,— пообещала Наташа.— Дальше приемной никто не сунется. Вы с посетителями будьте поосторожнее. Вот если бы я была президентом, все бы передо мной на цыпочках ходили, пушинки бы сдували и разговаривали шепотом.

— Станешь, станешь,— рассмеялась Стужина.— У тебя к этому есть все задатки: общительность, очарование, упорство и хитрость. Кстати, можешь проявить себя и в политике, сделать головокружительную карьеру. Власть открывает широкие возможности, доступ к благам, а иммунитет неприкосновенности оберегает от неприятностей в случае противоправных действий. Имей это в виду, у тебя большой запас времени.

— Эх, я бы и не прочь пробиться в парламент, но для этого нужен солидный капитал и влиятельный протекже, — заметила Ласка. — А, если капитала нет, то приходится пускаться в ход свои женские чары, оболъщение. Но мне это претит. Не желаю быть канарейкой в золотой клетке какого-нибудь старого толстосума, который будет относиться, как к вещи, кукле для своих старческих забав и прихотей. Нет, настоящая любовь, свобода превыше всяких благ. Это еще Чехов отметил, что праздная жизнь не бывает чистой.

— В этом смысле мы с тобой, Наташа, родственные души, — с похвалой отозвалась Стужина. — Но есть женщины, готовые пожертвовать всем, только бы схватить за хвост Жар-птицу.

— Вы, Ника Сергеевна, в расцвете сил. При ваших уме,

красоте, прочих талантах и популярности самое место в политике.

– Нет, Наташа, я не амбициозная, мне вполне достаточно бизнеса, – возразила президент фирмы и с грустью продолжила. – В нашей стране политика – грязное и опасное дело. Правда, сейчас и происходит синтез бизнеса и политики и самые напористые стремятся стать депутатами, чтобы лоббировать свои бизнес-интересы. Но это не моя стихия.

– Очень жаль. Я бы с удовольствием погрелась в лучах вашей политической славы, – призналась секретарь-референт.

– Не печалься, погреешься в лучах собственной славы. Это намного приятнее и престижнее быть самостоятельной и независимой от кого-либо, чтобы не попрекали куском хлеба.

– Мне до вашего уровня и положения еще расти и расти, – вздохнула Ласка. – Но ведь сейчас бизнесом заниматься опасно, наезжает рэкет, нередки кровавые разборки?

– Мне это не грозит, с деловыми партнерами ровные отношения. Никому проблем не создаю, поэтому нет причин для опасений, – с уверенностью ответила Стужина. – Самое главное правило в условиях жесткой конкуренции честно заниматься бизнесом без использования «теневых» схем и не «кидать» своих партнеров, ибо это рано или поздно аукнется, больно ударит бумерангом. Об этом надо всегда помнить, чтобы не нажить себе неприятностей.

Они подошли к иномарке, среагировавшей на прибли-

жение звуковым сигналом. Рябко открыл дверцу «Ford» и услужливо пригласил:

– Прошу вас, Ника Сергеевна.

– Спасибо, Сеня, – она, приподняв полы длинной дубленки, устроилась на переднем сидение. Положила на колени кожаную сумочку, на мгновение сверкнув бриллиантом золотого колечка, нанизанного на длинный палец левой руки.

– А почему передо мной дверцу не открываешь? – обиделась Ласка, тронув за рукав водителя.

– Вот, когда станешь президентом, тогда с большим удовольствием, – пошутил Семен и, отворив заднюю дверцу авто, галантным жестом пригласил Наташу.

– Мерси, – одарила она его чарующей улыбкой, польщенная таким вниманием и заметила. – Хорошо все же быть президентом даже фирмы, не говоря уже о масштабах страны.

Стужина промолчала, поглощенная своими мыслями, а Наташа уютно разместилась в салоне. Рябко обошел автомобиль и сел на водительское место запустил двигатель. Он заработал ровно, без перебоев, успокаивающе. Вдруг дверца со стороны водителя резко открылась и Наташа увидела громоздкий пистолет в руке, облаченной в черную перчатку. Послышался выстрел, подобно хлопку, и Семен без единого звука уткнулся головой вниз. Тело задергалось в предсмертных конвульсиях.

– Что вы делаете? Кто вы такой? – крик отчаяния вырвался из груди Стужиной, в последний миг осмыслившей дра-

матизм происходящего. Прозвучал еще один выстрел, и пуля пробила дубленку на груди президента. Голова Ники Сергеевны завалилась набок, обронив песцовую шапку, а из полукрытого рта с жемчужинами зубов змейкой полилась кровь.

В следующее мгновение Наташа увидела ствол пистолета перед своим лицом. Сжалась в комок, затрепетала всем телом, закрыла лицо ладонями, словно это могло спасти от выстрела. На несколько секунд она потеряла дар речи, потом сдавленный шепот отчаяния вырвался из ее груди:

– Дяденька, родной не убивайте меня, я очень хочу жить...хочу жить, пожалейте мою маму, у нее больное сердце.

Ласка с ужасом ждала выстрела или его ответа, но он действовал словно глухонемой, молча и хладнокровно. Наташа приоткрыла одну из ладоней и увидела голову убийцы в черной из ткани маске с узкими прорезями для глаз. Он, а может и она, медленно опустил пистолет, и отвернулся, чтобы не встретиться взглядами. Взял с колен обмякшей и безмолвной Стужиной сумочку и закрыл дверцу. Слышен был лишь ровный гул работающего двигателя, замершего месте, словно удерживаемого невидимой силой автомобиля, салон которого пропитался запахом крови, обагрившей коврики и одежды убитых.

Ласка пребывала в наркотически-шоковом состоянии, каждую секунду ожидая, что преступник возвратиться и за-

вершит свое черное дело. Убийца исчез в темноте, словно приведение. Вокруг ни единой живой души, лишь гул двигателя, работающего на холостых оборотах и шум ветра, налетевшего с Азовского моря.

– Сеня, Сеня, очнись? – тихо позвала она, немного придя в себя. В ответ ни звука, лишь ровно на холостых оборотах работал двигатель. – Ника Сергеевна, отзовитесь, – попросила она в надежде, что Стужина ранена и жива. Ей вдруг показалось, что женщина задремала, склонив голову на бок. Наташа прикоснулась к ее груди и, ощутив что-то вязкое и теплое, с ужасом одернула руку. Пальцы слиплись и она поспешно вытерла их о бархатный чехол сидения. Приторный запах свежей крови обострил в Ласке инстинкт самосохранения.

9. Шок и действия

После оцепенения и страха, сковавших ее тело, Ласка постепенно начала осознавать суть происшедшего. “Надо срочно сообщить в «Скорую помощь» и милицию, – пришла к ней первая мысль. – Может Нику Сергеевну и Сеню еще есть шанс спасти? Но сумочку Стужиной, в которой находился мобильный телефон, убийца похитил, но такой же телефон есть на ремне у Рябко и по нему можно было бы связаться и с медпомощью и милицией.”

Глядя на неподвижное мешковатое тело водителя, Ната-

ша поняла, что никакая сила не заставит ее прикоснуться к нему, расстегнуть окровавленную куртку и снять с ремня мобильник. Пожалела о том, что сама, несмотря на предложение Стужиной о приобретении для нее за счет фирмы мобильника, из-за опасения, что ее по каждому поводу будут выдергивать из дома, отказалась от такого подарка. Сейчас бы телефонный аппарат очень и очень пригодился. Ласке, порой, казалось, что ничего не произошло и все происшедшее ей приснилось в кошмарном сне. Но стоило бросить взгляд на неподвижные тела Стужиной и Рябко, и память возвращала ее к жестокой реальности.

“Что же я сижу здесь? Прочь, надо прочь бежать отсюда, пока этот страшный убийца не возвратился,” – она осторожно переместилась к дверце. Отворила и, словно ошпаренная кипятком, выскочила из машины. Путаясь в полах длинного пальто и опасливо оглядываясь, Наташа побежала к параллельно расположенной главной улице, по которой то приближаясь, то удаляясь золотым роем ос сверкали фары и сигнальные, габаритные огни автомобилей. Она испытывала ощущение, что ее кто-то преследует и в любой миг может схватить за горло.

Пересекла тротуар и, тяжело дыша, остановилась у обочины дороги. Взмахнула правой рукой, намереваясь остановить приближающуюся иномарку. Но водитель даже не сбавил скорость, очевидно приняв ее за “ночную бабочку“, вышедшую на дорогу, чтобы подзаработать. И тогда, боясь, что

и следующий автомобиль промчится мимо, она смело вышла на проезжую часть и водителю белой «Audi» пришлось совершить маневр но все же остановиться.

– Помогите, спасите, там люди умирают!– с мольбой в голосе, бросилась она навстречу к явно озлобленному широкому в плечах мужчине в теплой кожаной куртке.

– Куда ты, шалава, прешь под колеса!? Жить надоело?– воскликнул он, надвинувшись угрожающе на девушку. – Наверное, наркоманка, проститутка? Я с такими не таскаюсь и париться из-за тебя на нарах нет желания. Поищи на свою задницу другие приключения...

– Там люди умирают, напал бандит с оружием,– упавшим голосом произнесла Наташа и слезы обиды потекли из ее глаз. – Надо срочно сообщить в неотложку и милицию...

– Мне некогда, тороплюсь,– проворчал детина, сел в авто и лихо рванул с места. Почувствовав свою беспомощность, женщина впала в отчаяние и в этот момент, ослепив ее светом фар, остановились гранатового цвета «Жигули» седьмой модели.

– Что пригорюнилась, красавица, бизнес не заладился?– из приоткрытой дверцы окликнул ее молодой мужчина, оценивающе разглядывая фигуру. – Может, прокатимся с ветерком? Не пожалеешь, я не обижу, щедро одарю за услуги? Обожаю очаровательных незнакомок..

Для убедительности он показал плотный портмоне.

– Покатаемся, но потом, не сейчас,– пошла на хитрость

Наташа.— Сначала поедем на станцию «Скорой помощи». Сейчас не до секса, люди умирают надо спасать. Каждая секунда на вес золота.

— Заметано! — обрадовался водитель и поманил рукой. Едва незнакомка присела на переднее сиденье, он подал руку и представился:

— Андрей, менеджер.

— Наташа,— ответила она, ощутив теплое прикосновение его ладони, и велела. — Быстрее гони в “скорую”, от этого зависит жизнь людей. Каждая секунда дорога.

— Есть, товарищ командир, — улыбнулся он доверчиво.— Только вот гаишники не дают разгуляться на полной скорости.

Однако, ловко маневрируя по улицам города, Андрей быстро доехал до расположенного в центре города здания станции «Скорой помощи». Остановил машину у ворот внутреннего двора, где на площадке, находились готовые к выезду кареты скорой медпомощи.

— Я пойду с тобой, чтобы не улизнула,— устремился Андрей за Лаской, придерживая ее за тонкую талию.

— Как хочешь,— вздохнула она и вошла в помещение диспетчерской, где за панелями пульта, принимая телефонные звонки-вызовы, сидела женщина в белом халате и шапочке с красным крестом. Она обратила свое лицо к появившейся за стеклянной перегородкой девушке.

— Пожалуйста, сообщите в милицию, что на президента

фирмы «Nika». Стужину и ее водителя Рябко у здания офиса совершено нападение. Они убиты или ранены преступником. Нужна срочная помощь.

– Когда это произошло? – спросила диспетчер.

– В начале седьмого вечера.

Женщина тут же набрала номер телефона дежурного по УВД и сообщила о происшествии, а затем дала команду дежурной бригаде на выезд по указанному Наташей адресу.

– Я с ними поеду, – попросила Ласка.

– А вы сами не ранены?

– Нет, он меня пощадил, не тронул.

– Тогда живо в карету! – велела диспетчер и связалась по радиостанции с врачом дежурной медбригады. – Задержитесь на несколько секунд. С вами поедет девушка, она свидетель преступления.

– Наташа, я, пожалуй, отчаливаю, – поняв, что речь идет о преступлении, поднята на ноги милиция и ему ничего не обломится, – произнес Андрей, посчитав благо разумным retirроваться.

– Не обижайся, – виновато улыбнулась пассажирка и прошептала обнадеживающе. – В другой раз как-нибудь.

– До встречи, – ответил он, пожав ее мягкую ладонь, поцеловал в щеку. Она не отстранилась, позволила.

– Спасибо, Андрей, что не проехал мимо.

Он вышел, а секретарь-референт в составе группы врачей – терапевта и кардиолога, реаниматора и медсестры на каре-

те «Скорой помощи» по ночным улицам умчались под звуками сирены с проблеском маячка, тормозя транспорт, к месту трагедии.

Когда они прибыли к зданию офиса, оперативники уже были на месте. Автомобиль «Ford» в радиусе пяти метров был огражден желтой лентой. Сотрудники милиции и прокуратуры проводили осмотр места преступления. Здесь же находились эксперт-криминалист капитан милиции Самуил Юльевич Ельницкий, следователь прокуратуры по особо важным делам Валерий Янович Зуд, оперуполномоченный уголовного розыска капитан милиции Георгий Степанович Чибис, кинолог старшина милиции Валентин Егорович Хижняк со служебной немецкой овчаркой Дусей на длинном кожаном поводке.

Врачи констатировали смерть Стужиной и Рябко в результате огнестрельных поражений. Вызвали спецавтомобиль для доставки тел в морг на вскрытие и проведение судебно-медицинской экспертизы. Минут через десять прибыли прокурор города Марат Рудольфович Грецких и начальник УВД полковник милиции Геннадий Витальевич Резцов. Они осмотрели место происшествия, тела убитых. Потом прокурор позвал к себе следователя Зуда.

– Валерий Янович, посоветовавшись с полковником, мы решили назначить вас, как опытного профессионала, руководителем оперативно-следственной группы, – произнес Грецких и Резцов подтвердил это кивком головы. – Вы сами под-

берете себе в группу сотрудников.

– А что подбирать, они все здесь,– ответил Зуд.

– Я завтра подпишу постановление,– сказал прокурор.

– Благодарю за доверие,– ответил следователь и возвратился к хлопотавшим у «Ford» с заглушенным двигателем.

– Ищите, ищите гильзы,– велел он эксперту-криминалисту.– Их должно быть не меньше двух по количеству выстрелов. Обследуйте каждый квадратный сантиметр, ищите эту зацепку.

Обернулся к Хижняку:– Чем порадуешь, что скажешь, старшина, унюхала твоя Дуся след?

– Поначалу было взяла, а потом потеряла, заметалась, – развел он руками. – Наверное, преступник скрылся на автомобиле.

– Наверное? Надо точно знать? – упрекнул его следователь.– Чаще дрессировкой занимайся, тогда и результат будет.

Наташа, не решаясь пройти за ленту ограждения, со стороны наблюдала за происходящим. Увидела, как подъехал автомобиль с закрытым наглухо фургоном. Из него вышли два санитара в темно-зеленых халатах. Положили тела Стужиной и Рябко на носилки и погрузили, затолкав в темное, словно склеп, чрево фургона.

Спецмашина уехала, а Ельницкий и Чибис продолжили поиск гильз и других вещественных доказательств уже в салоне автомобиля. Но, судя по настроению, мрачным лицам

сотрудников, эти попытки оказались тщетными. «С этим делом придется изрядно повозиться,— предчувствуя его сложность и запутанность, подумал Валерий Янович.— Преступник, на редкость, хитрый, осторожный и хладнокровный. Рискуя быть замеченным, постарался не оставить гильзы —вескую улику для проведения технической и баллистической экспертиз. Но зато оставил в живых свидетельницу и это не укладывается в логику действий». После пережитых страхов Ласке очень хотелось домой, но следователь велел ей не отлучаться. По завершению осмотра места преступления, автомобиль отправили на штрафплощадку ГАИ, а Наташа вместе с Валерием Зудом отбыла в УВД для дачи показаний.

10. Расчет или оплошность?

— Ой, какой ужас. Меня до сих пор трясет,— произнесла Наташа, присаживаясь к столу, за которым восседал Зуд. По выражению ее лица, испуганным глазам он понял, что она пребывает, если не в шоковом, то в стрессовом состоянии, под впечатлением от пережитого. «Возможно, это и позволит узнать от нее наиболее существенные детали, ибо в такие мгновения человеческая, зрительная память действует, как фотоаппарат»,— подумал Валерий Янович.

— Наталья Васильевна, страшное уже позади и теперь вы в безопасности, — сообщил он, подавая стакан с минеральной водой.— Но все же я вызвал психолога, который после

нашей беседы займется вашим здоровьем. А пока постарайтесь вспомнить, что произошло, и, пожалуйста, в деталях, не упускайте ни одной мелочи.

– Какой ужас, он меня тоже мог убить,– она вздрагивала телом, пытаясь сдержать рыдания. Сделала несколько глотков и, расплескивая воду, поставила стакан на край стола. Сцепила тонкие пальцы рук, не зная, куда их деть, прижала к груди, а потом положила на колени. Опустила голову, не выдержав его пронизательного взгляда.

– Вспомните с того момента, когда вы покинули офис и сели в автомобиль,– помог следователь собраться ей с мыслями.

– Обычно я заканчиваю работу, как и положено, в шесть вечера,– ответила Наташа. – Ника Сергеевна нередко задерживалась допоздна. На этот раз она была в хорошем настроении и сообщила, что подвезет меня домой, поэтому я осталась. А вскоре появился ее водитель и охранник Семен Рябко и сообщил, что карета подана к подъезду, так он называл иномарку. Мы по лестнице спустились вниз, сели в автомобиль. Стужина рядом водителем, а я на заднем сидении. И только собрались отъехать, как дверца со стороны водителя отворилась и я увидела руку, в которой был зажат пистолет. Раздался выстрел, наподобие хлопка и Сеня уткнулся лицом в баранку. Ника Сергеевна вскрикнула: Кто вы кто, что делаете? Но прозвучал второй выстрел и она затихла, склонив голову.

– Вы видели нападавшего человека. Его лицо?

– Оно было в черной маске с прорезями для глаз, как в кинофильмах показывают, в разных там детективах, – ответила Ласка. – Я даже не поняла, мужчина или женщина? Но на всякий случай предположила, что все-таки мужчина.

– Почему так решили?

– Потому, что женщина на такое злодейство не способна.

– Очень даже способна, – возразил следователь. – Некоторые из мастеров спорта по стрельбе и биатлону из-за того, что остались после развала единой страны не у дел, подались в киллеры. А среди женщин-спортсменок немало метких снайперов. Коль есть спрос, особенно у главарей преступных группировок и бизнесменов, сводящих счеты с конкурентами, то и есть предложение. Вы, Наталья Васильевна, не возвращаетесь в той среде и не знаете, какие там царят жестокие нравы. Дай Бог вам подальше быть от опасности. Храни вас ангел.

– Спасибо, Валерий Янович, – произнесла она, выжав из себя виноватую улыбку.

– Продолжайте, пожалуйста.

– Потом он или она, направил пистолет на меня. Не убивайте, взмолилась я и закрыла лицо ладонями. Посчитала, что это конец. Но он, наверное, сжалился, передумал. Взял с колен Стужиной сумочку из крокодиловой кожи и исчез в темноте. Я так была напугана, что несколько минут не шевелилась, забилась в угол. Боялась, что он возвратиться.

– Вы могли бы опознать убийцу по внешнему виду?

– Только в той одежде, что была на нем во время нападения.

– Сколько ему лет?

– Трудно сказать, но энергичный.

– А по голосу могли бы узнать?

– Он не произнес ни одного слова, ни одной угрозы, молчал, словно рыба или глухонемой.

– Вы видели его руку? Правую или левую?

– Правую.

– Она была в перчатке?

– Да, в темной.

– А тип оружия могли бы определить?

– Пистолет, такой большой.

– Наталья Васильевна, вспомните, может вы когда-нибудь раньше встречали убийцу по характерным приметам, движениям, жестам или другим особым признакам?

– Нет, нет, я его раньше не встречала и, и не приведи Господь, когда-нибудь еще в жизни встретить.

«Да, у страха глаза велики, только они ничего не видят. Такой вот парадокс, – подумал следователь.– И это происходит, к сожалению, со многими очевидцами преступлений, оказавшимися в экстремальных ситуациях. Стресс, шок и даже потеря сознания. Но удивляет довольно странное поведение преступника, алогичное, ведь в подобных ситуациях свидетелей в живых не оставляют. Оплошность или осознан-

ный расчет. Не исключено, что впоследствии, под угрозой разоблачения он решит исправить допущенную ошибку. Поэтому жизнь Ласки под угрозой. Надо позаботиться об обеспечении ее безопасности, иначе оборвется единственная ниточка».

– Наталья Васильевна, какие вещи похитил преступник? – после паузы возвратился Валерий Янович к разговору.

– Дамскую сумочку у Ники Сергеевны.

– Вы знаете, что в ней находилось?

– При мне она туда положила телефон “Nokia“ и, наверное, косметичку и деньги. А вот кольцо золотое с бриллиантом он почему то с ее пальца не снял. Может, не заметил? У Сени тоже не стал шарить по карманам. А ведь у него кроме пистолета, были деньги и меня почему-то не стал грабить и насиловать? Станный какой-то тип. Может, сумасшедший маньяк? От собачьей жизни люди звереют и сатанеют, с ума сходят и бросаются на первых встречаемых.

– Почему он вас оставил в живых? – вырвался у следователя, вертевшийся в голове вопрос и, заметив ее реакцию, Зуд пожалел о том, что, не подумав, его озвучил.

– А вы хотели, чтобы он меня убил и я сейчас лежала бы в морге? – с обидой и упреком ответила она и на ее глаза навернулись слезы.

– Ради Бога, Наталья Васильевна, не обижайтесь, я не хотел вас обидеть, – поспешил Зуд с объяснениями. – Возможно, вы с ним когда-нибудь встречались, и он пожалел, иначе

трудно понять его действия?

– Вы у него об этом спросите сами, – сухо сказала она.

– Спрошу, как только задержу, но без вашей помощи это сделать непросто, ведь вы главный свидетель обвинения. Почему вы решили, что в сумочке кроме мобильного и косметички были деньги?

– Стужина все же была президентом и даже не гендиректором, – не без гордости заявила секретарь-референт.

– Титул, название должности еще ничего не значат, – улыбнулся Зуд. – Нынче мода пошла на громкие должности, почитай в каждом хуторе свой президент.

– Ника Сергеевна охотно одалживала деньги сотрудникам, но редко кто торопился с возвратом, – пояснила Наталья. – Кто бы к ней не обратился, никому не отказывала.

– Она мало платила, что вынуждены были одалживать?

– Вполне достаточно и прилично. Но сами знаете, что деньги никогда лишними не бывают и имеют свойство быстро заканчиваться.

– Понимаю, у женщин большие запросы. Наталья Васильевна, будучи секретарем-референтом, вы посвящены во многие события жизни коллектива и обладаете информацией о взаимоотношениях, тем более, что Стужина была свободной женщиной, жила с сыном. Наверное, ни один мужчина почитал бы за честь с нею обручиться?

– Ника Сергеевна была эффектной женщиной, преуспевающей, но строгих нравственных правил. Хотя любой жен-

щине нравится, когда за ней ухаживают, любят, осыпают букетами роз и подарками.

– Что вы скажите по поводу ее взаимоотношений с Лещуком и Тяглым? Возникали ли между ними конфликты?

– С Павлом Ивановичем у нее были ровные, деловые и даже трогательные отношения, набирал обороты красивый служебный роман.

– Почему вы решили, что роман?

– Однажды, это было три недели назад, я случайно застала президента и Лещука в кафе «Голубые грезы». Это было их первое любовное свидание. Среди сотрудников упорно ходили слухи, что дело идет к свадьбе. Из них бы получилась прекрасная пара. Жаль, что этому теперь не суждено сбыться. Рука злодея оборвала жизни Стужиной и Рябко.

– А с Тяглым, вице-президентом, какие были отношения?

– Рэм Анисимович после того, как узнал о свидании Стужиной с юрисконсультантом, пребывал в расстроенных чувствах. Наверное, и он, будучи вдовцом, имел на нее виды, но в отличие от Лещука не отличался решительностью. На почве ревности Тяглый поссорился со Стужиной, нагрубил ей, а с Павлом Ивановичем, решившим постоять за ее честь, произошел конфликт и все с интересом ждали развязки. Тяглый зачастил в стрелковый тир, непонятно к чему он готовился, ведь прежде оружием не увлекался? Но с убийством обожаемой им женщины, все рухнуло.

– Да, ревность – это сильное чувство. Оно, порой, ослеп-

ляет разум человека. Прав был великий Шекспир, создавший “Отелло”, бессмертную трагедию,— вздохнул Валерий Янович. — Кто-нибудь из деловых партнеров угрожал Стужиной? Может, это происходило в вашем присутствии? Помните, пожалуйста.

— Не припомню такого случая. Ника Сергеевна была человеком коммуникабельным, доброжелательным, толерантным и открытых врагов у нее не было, а о тайных, мне ничего неизвестно.

— Да в этом и проблема, что никто не обладает полной информацией,— посетовал следователь и ободряюще улыбнулся, чтобы поддержать уставшую женщину. — Наталья Васильевна, пожалуйста, вспомните, где в момент убийства находились Тяглый и Лещук?

— Рэм Анисимович, сославшись на то, что ему нездоровится, примерно в четыре часа вечера отправился домой, чтобы там поработать со срочными документами, а Павел Иванович всю вторую половину дня провел в суде и в офис не возвращался. Похоже, что в последний момент Стужина разговаривала с ним по мобильнику. Я предложила связать ее обычным телефоном, но она отказалась. Наверное, решила не посвящать меня в суть разговора. Может они об очередном свидании договаривались, но сорвалось. А вы что, Валерий Янович, подозреваете их в причастности к убийству?

— Вопросы задаю я, а вы отвечайте, правдиво и четко,—

строго напомнил он. – А если не терпится узнать мое мнение, то вне подозрения только жена Юлия Цезаря.

– Значит и я нахожусь под подозрением, тем более, что осталась жива, когда должна была бы получить пулю в сердце или голову?– резонно заметила Ласка. – Но ведь я слабая, хрупкая и трусливая женщина, не умеющая владеть оружием. Меня один вид крови приводит в ужас...

– О вас это не скажешь. В экстремальной ситуации вели себя очень разумно и логично. Иногда действия женщины непредсказуемы. Почему вы остались живы, вот и поищите ответ на этот вопрос и как только найдете убедительную версию, то позвоните мне по этим телефонам,– Зуд подал ей визитку.– В любое время суток. Если вспомните что-нибудь новое и важное. А сейчас подскажите мне домашние адреса Тяглого и Лещука. Надеюсь, что у вас есть сведения о месте их постоянного проживания, номера телефонов?

– Конечно, и не только о них, но и других сотрудниках фирмы, ведь это моя работа и я обязана в случае острой необходимости вызвать любого из них, – ответила она. – Давайте я соединю вас с ними?

– Пока этого делать не надо и вообще об этом преступлении никому не давайте никакой информации, ни сотрудникам, ни журналистам, которые в погоне за сенсацией, столько нагонят страха, что в городе возникнет паника, пойдут слухи о серийном убийце-маньяке и беспомощности милиции и прокуратуры.

Наташа достала из сумочки записную книжку, продиктовала адреса и номера телефонов. Он переписал, заранее намечая тактику действий: «Возьму их с постельки тепленькими, чтобы не смогли заранее обеспечить себе алиби. Эффект неожиданности нередко гарантирует успех. Надо действовать по “горячим следам”, не откладывая назавтра, то что можно сделать за вечер и ночь».

Ласка вдруг вспомнила о предложении Муравича по поводу Стужиной, но промолчала, не веря в то, что Эдик способен на такое ужасное убийство. Хотя, как говорится, чужая душа потемки и в тихом болоте черти водятся. «Но он после стольких встреч и близости не чужой мне человек, – с грустью подумала она.– Пусть все идет своим чередом. Нет смысла усложнять и без того, запутанную ситуацию».

– Что-то важное вспомнили?– насторожился он, уставившись на Ласку пронизательным взглядом.

– Нет, нет, Очень жаль Нику Сергеевну, мне с ней хорошо, легко работалось,– нашла Наташа с ответом.

– Такова судьба-злодейка и ничего уже не изменить,– произнес следователь с грустью.– Но если что-либо ценное знаете, то не таите, ведь преступник остается на свободе и, возможно, постарается избавиться от единственной свидетельницы.

– От меня? – обратила Наташа взор.

– Будьте осторожны. О вашей безопасности мы, позаботимся, – пообещал Валерия Янович.– Но береженного Бог

бережет. Вы в свою очередь ограничьте количество своих встреч и свиданий. Хотя я понимаю, что в молодом и цветущем возрасте это сделать непросто. Однако потерпите, пока мы не задержим убийцу.

В знак согласия женщина кивнула головой.

– А у вас, извините за вынужденный вопрос, есть постоянный приятель, жених или бойфренд? – неожиданно спросил следователь.

– А зачем вам знать? Это мое личное дело, с кем спать.

– Конечно, личное, никто в этом не сомневается, – заверил он. Но когда события касаются уголовного дела, то любой вопрос, в том числе о людях из вашего близкого окружения, весьма уместен. К тому же не о чем предосудительном или постыдном я вас не спрашиваю. Такая красивая, очаровательная девушка, женщина не может не иметь друга.

– Дружу со студентом Эдуардом Муравичем, – призналась Ласка. – Но он к убийству не имеет никакого отношения.

– Хорошо, что вы в нем так уверены, но и мы должны в этом убедиться на конкретных фактах.

– Вы что, будете его пытаться?

– Не пытаться, этот метод следствием не практикуется, ибо грубо нарушает права человека, презумпцию невиновности, – поправил ее Зуд. – А возьмем у него показания. Не исключено, что он обладает ценной для следствия информацией.

В кабинет заглянул оперуполномоченный угрозыска Чи-

бис:

– Валерий Янович, психолог прибыл.

– Хорошо, очень вовремя. Наталья Васильевна, спасибо, теперь пообщайтесь с психологом.

– Я устала и мне не нужен никакой психолог, – возразила Ласка. – Хочу домой, мне надо срочно позвонить, чтобы родители, мама не волновались. У нее больное сердце.

– Наталья Васильевна после беседы с психологом вас обязательно отвезут домой я уже об этом распорядился.

Она вышла из кабинета, а следователь жестом подозвал Чибиса:

– Вот что, Георгий, ты приставь к этой красавице толкового оперативника. Если она причастна к убийству или в сговоре с преступником, то надо проследить все связи, используем ее, как подсадную утку. К тому же есть вероятность, что ее могут ликвидировать, как свидетеля. Ее жизнь находится под угрозой, поэтому отвечаешь за Ласку головой.

– Вас понял, Валерий Янович. Надо же такая редкая фамилия.

– Хорошо, что ты такой понятливый. Но охрану и наружное наблюдение в отношении ее следует провести аккуратно, чтобы не спугнуть, тех или того, на которых мы охотимся. Ясно?

– Так точно!

– А сейчас давай-ка, не откладывая в долгий ящик, займемся ближним окружением Стужиной. Для начала прошу-

паем Тяглого и Лещука.

– Валерий Янович, сейчас уже второй час ночи, может по-
дождем до утра? Неудобно беспокоить, поднимать с постели?

– Неудобно штаны через голову одевать. Никаких до утра,
куй железо пока горячо,– строго велел следователь.

– Тяглого может и возьму на пушку, вытяну из квартиры,
а вот Лещука не гарантирую. Он же знает нашу кухню и, на-
верняка, заартачится, начнет права качать, требовать санк-
цию прокурора на арест.

– Нам нельзя терять ни секунды.

Чибис исчез за дверью кабинета, а следователь углубил-
ся в размышления. «Почему он оставил Ласку в живых? –
назойливо сверлил его сознание этот вопрос, – Могут быть
несколько причин. Во-первых, не исключено, что преступ-
ник в сговоре с Наташей и теперь она искусно играет роль
перепуганной женщины. Во-вторых, вполне возможно, что
она случайно оказалась в автомобиле, но знакома с убийцей
и потому он к ней проникся симпатией и пощадил. Но это
не исключает и другие, на первый взгляд, невероятные вер-
сии, ведь мотивы для ликвидации Стужиной и ее водителя
до конца не выяснены».

11. Жуткая весть

Лещук уютно расположился в кресле у журнального сто-

лика с початой бутылкой армянского коньяка, наполненным золотистым напитком хрустальным фужером и тремя для разнообразия бутербродами на фаянсовых блюдечках: с обжаренным салом бекон, сыром и колбасой.

Он наполнил фужер и тут же выпил, закусив бутербродом с сыром. «Хорошо все же после напряженного дня, суеты уединиться, отдохнуть душой и телом. Никто тебя не пилит и не докучает своими нудными нотациями. Однако, надо знать меру. Когда человек пьет наедине с самим собой, то это симптом, признак алкоголизма. Не следует слишком увлекаться, иначе может возникнуть зависимость, – подумал Лещук, знающий меру, не склонный к злоупотреблению спиртными напитками.– Теперь, когда завелись большие деньги проблем по поводу того, где на ночь снять смазливую и длинноногую женщину у него не возникало. Они сами липли, прознавши о его состоятельности и щедрости. После развода с бывшей первой женой Тиной, размена трехкомнатной квартиры и раздела имущества, супруге и дочери Даше досталась двухкомнатная и большая часть имущества, мебель, холодильник, телевизор и прочее, Лещук переселился в однокомнатную “хрущевку” с личными вещами и скромным скарбом».

Его размышления прервал резкий телефонный звонок, ранее незаметно покоившийся в полутемной прихожей на подставке трюмо. Чуть помедлив, Павел, нехотя поднялся и снял с рычага трубку.

– Слушаю, – произнес он беспристрастно, как робот.

– Павел Иванович, Павел..., – прозвучал, очень отдаленно мужской голос, явно, судя по интонации, чем-то встревоженный.

– Он самый, слушаю, – повторил юрисконсульт.

– У нас беда, трагедия, – с надрывом в голосе сообщил мужчина.

– У кого это, у нас? – недоумевающее спросил Лещук. – Я вам не бюро добрых услуг для утешения.

– В фирме «Nika». Вы что, Павел Иванович, меня не узнали!? Я – Тяглый Рэм Анисимович, вице-президент.

– О-о, Господи, Рэм Анисимович, простите великодушно, действительно не признал. Значит, жить долго и счастливо будете. Голос у вас какой-то необычный, чужой, осипший, поэтому и не признал. Вам нездоровится или перепили, хватили лишку!

– Как вы так можете! – обиделся вице-президент. – Вы же знаете, что я спиртное не употребляю, у меня хронический гастрит.

– Ах, да, Рэм Анисимович, совсем запамятовал, сколько дел в голове крутится, Ваша информация о болячках вылетела или стерлась. Очень сочувствую по этому поводу.

– Всем нам теперь надо посочувствовать, – оборвал его Тяглый и простонал, тяжело дыша в трубку.

– А что случилось? Может, кто из партнеров крупный иск выставил, не впервой отобьемся, с моими то связями в суде?

– Случилось, не приведи Господь, – вздохнул вице-президент. – Вечером у здания нашего офиса какой-то ненормальный злодей застрелил нашу Нику Сергеевну и ее водителя Сенью Рябко, а вот Наташа чудом уцелела, осталась живой.

– Не может этого быть! – воскликнул юрисконсульт. – Я вам не верю! Как вы смеете так шутить и разыгрывать меня? До первого апреля еще больше двух месяцев!

– Такими вещами не шутят, – осадил его Тяглый. – Мне об этом несколько минут назад сообщила Ласка. Туда съехались работники милиции и прокуратуры, ведут расследование.

– Если это не утка, то Рэм Анисимович, вы обязательно, как ее заместитель, сейчас должны быть там. Да, и я не останусь в стороне, это наш и служебный, и человеческий долг. Я до утра не смогу уснуть.

– Я с вами полностью согласен, но Наталья Васильевна сообщила, что их трупы уже увезли в морг, поэтомуждемся утра, чтобы не мешать работникам следствия.

– Кто следователь, как его зовут?

– Наташа сказала, что какой-то Зуд или Зудила из прокуратуры, – сообщил Тяглый. – Я с работниками компетентных органов не общаюсь, стараюсь держаться от них подальше, чтобы не навлечь неприятности. С ними лучше не связываться.

– А-а, Зуда я знаю, старый, матерый волк, Валерий Янович, следователь по особо важным делам, – сообщил юрисконсульт. – Не одну сотню преступников за решетку и на “хи-

мию” отправили. Если ему потребуется моя помощь, то готов подставить плечо.

– Сами договаривайтесь,– вздохнул Рэм Анисимович.– Вы в угрозыске, криминалистике профессионалы, а я дилетант. Моя стихия – финансы, здесь я, как рыба в воде.

– Уверен, что со следователем договорюсь и мы быстро выведем убийцу на чистую воду. Кровь Ники и Семена будет отмщена,– пообещал Лещук.– Жаль, что в этот опасный момент никого из нас с нею рядом не было. Своим присутствием помешали бы киллеру.

– Но ведь Семен был при оружии и сам погиб?

– Какой из Рябко сторож, а тем более телохранитель,– посоветовал юрисконсульт. – Он привык баранку крутить. Надо чем-то одним заниматься, либо водить авто, либо постоянно тренироваться, поддерживая физическую форму, метко стрелять, чтобы в любой момент и в любой ситуации оказать сопротивление, защитить человека, доверившего свою жизнь. Совместительство недопустимо. Крутил баранку, поэтому и не успел применить оружие. Я об этой серьезной ошибке говорил Нике Сергеевне, когда однажды она предложила мне место телохранителя. Но, видимо, она не придала этому замечанию большого значения и поплатилась за утрату бдительности и доверчивость. Забыла, что живем в жестокий период криминала, накопления капитала, раздела некогда общенародной собственности, созданной трудом и потом миллионов людей.

– Ладно, Павел Иванович, сейчас не время читать и слушать лекции, – нетерпеливо остановил его Тяглый. – Соберайтесь. Нам надо срочно прибыть на место трагедии, как это и предусмотрено инструкцией в случае ЧП, – заявил вице-президент.

– Рэм Анисимович, не паникуйте, не порите горячку, – отозвался юрисконсульт и резонно заметил. – Коль трупы погибших отправлены в морг, то на месте никого нет. При острой необходимости нас туда доставят с комфортом.

– Кто доставит? – не понял намека Тяглый. – Милиция или прокуратура. Я знаю Зуда, да и здравая логика подсказывает, что он будет действовать по «горячим следам», – сообщил Лещук. – Это стандартная практика. Я тоже обычно начинал расследование с таких действий. Подключал сотрудников опергруппы, судмедэксперта, сыщиков, эксперта-криминалиста, кинолога с овчаркой для тщательного осмотра места преступления, поиска улик и распутывания следов, пока они не остыли. Чем быстрее будут проведены оперативно-розыскные мероприятия, тем выше шансы раскрыть преступление и задержать злодеев. Рэм Анисимович нам следует оставаться на месте и ждать незваных гостей.

– Каких еще гостей? – насторожился вице-президент.

– Валерий Янович, а интуиция меня не обманывает, обязательно включит нас с вами, да и других сотрудников, близко общавшихся со Стужиной, в круг подозреваемых лиц и начнет методично и настойчиво обрабатывать версии. У него

хватка, как у гепатитного клеща.

– Но это уму непостижимо, – возразил Тяглый. – Чтобы кто-то поднял на Нику руку? Пусть она у него отсохнет.

– Я тоже так считаю, но для следствия важны факты, доказательства, а не эмоции и слезы, – пояснил юрисконсульт. – Вне подозрения, если помните, только жена Цезаря – Клеопатра. Не раскисайте, будьте мужчиной с нордическим характером, готовым к нервотрепке.

– Спасибо за информацию, а то я в вопросах юриспруденции не специалист и перед работниками компетентных органов теряюсь, – признался Рэм Анисимович. – Ой, кто-то настойчиво звонит в двери. Странно, кого это, на ночь глядя, нелегкая принесла?

– Будьте осторожны, Рэм Анисимович, не исключено, что это работники милиции или киллер, убивший Стужину и Рябко. Он для маскировки может быть одет, как в милицейскую, так и камуфляжную форму, раздобыть их сейчас не составляет большого труда. Если даже назовутся работниками милиции или прокуратуры, то все равно потребуйте предъявить удостоверения личности. Пусть в развернутом виде покажут перед дверным “глазком”. На всякий случай, чем-нибудь вооружитесь. Проявляйте твердость и решительность, так как с волевыми, сильными личностями больше считаются, чем с хлюпиками. Рэм Анисимович, будьте предельно осторожным. Желаю успеха, до завтра. Утром встретимся и обсудим ситуацию, отработаем тактику действий. Не

держите на меня зла, теперь мы оба осиротели.

– Да осиротели, – подтвердил вице-президент. Связь оборвалась, а в бронированную дверь уже стучали и она звенела словно тяжелый литой колокол на пожарной каланче.

12. По «горячим следам»

Тяглый из гостиной прошел на кухню и, вооружившись топориком для разделки мяса, направился к входной двери.

– Кто там? – сурово произнес он, тем самым, выразив смешанное чувство тревоги и протеста.

– Открывайте, гражданин Тяглый Рэм Анисимович, милиция! – властно потребовал капитан Чибис.

– По какому праву?

– Проверка паспортного режима.

– У меня режим нормальный, с пропиской все в порядке, один живу, посторонних нет, – сурово отозвался он.

– Необходимы ваши показания по факту убийства Стужиной и Рябко, – смягчил строгий тон офицер.

– Но я ничего не знаю, меня там не было.

– Вот это мы и хотим выяснить, в ваших же интересах.

– Предъявите ваше удостоверение. Раскройте его перед дверным “глазком”, – велел Тяглый. – Я должен убедиться, что вы действительно работник милиции, а не грабитель.

Он плотно прильнул лицом к дверному «глазку» и увидел в руках мужчины красную книжицу:

– Где ваш ордер?

– Зачем ордер, мы ведь вас не арестовываем, а лишь вызываем для дачи показаний, – возразил Георгий. Вице-президент внял его объяснениям и сбросил медную цепочку и, отжав защелку, открыл тяжелую стальную дверь, подаренную Стужиной ко дню ангела. Чибис вместе с бойцом ПБР «Беркут», облаченным в камуфляжную форму, вошли в прихожую. И в следующий момент Рэм Анисимович почувствовал, как запястье его правой руки, в которой он держал кухонный топорик, словно дужками капкана, стиснули крепкие пальцы бойца. Тяглый вскрикнул от боли и из его онемевших пальцев топорик упал на пол.. Боец, явно играючи заломил его его правую руку за спину.

– Пустите, больно ведь, – простонал хозяин квартиры.

– Так-то вы радушно встречаете милицию, – укорил его Чибис и велел с азартом проявившему свою подготовку бойцу – Отпусти его, в целях профилактики вполне достаточно.

– Я же ради личной безопасности, самообороны, – сконфузившись, пояснил вице-президент, растирая руку.

– Живо собирайтесь гражданин Тяглый, поедем в УВД, – велел капитан, придиричиво осматривая жилище, одежду на вешалке. – Вы что же один, как байбак, живете? Поди, девиц, баб на случку водите?

– Один, как перст, – хмуро отозвался тот. – Не к лицу мне, президенту солидной фирмы, быть бабником. Прошу быть корректным.

- Согласен. А где находились сегодня вечером?
- Здесь, дома. Читал газеты, смотрел телевизор.
- Ладно, одевайтесь, в управлении продолжим разговор.
- К чему такая спешка?
- Это не вам решать, – сухо оборвал его Георгий.

Спустя пятнадцать минут, Тяглый уже сидел на жестком стуле перед следователем Зудом. Валерий Янович, верный своей старой методе, не торопился с вопросами. Изображая занятость, он шелестел служебными документами, украдкой наблюдал за поведением доставленного Чибисом гражданина. Рэм Анисимович беспокойно ерзал на стуле.

– Где вы находились с 17.45 до 18.20? – неожиданно спросил следователь. Вице-президент, озадаченный ситуацией, не сразу понял, что вопрос адресован ему и машинально оглянулся на двери, словно там у порога кто-то мог находиться.

– Я вас спрашиваю, или у вас проблемы со слухом, заложило? – вперил в него жесткий взгляд Валерий Янович.

– Слышу вас хорошо. Был дома, у себя в квартире.

– Кто это может подтвердить?

– Кто? – Тяглый призадумался, туго соображая, а потом с заметным удовлетворением заявил. – Ласка Наташа, Наталья Васильевна, наш секретарь-референт. Вы у нее и спросите.

– Она, что именно в то время была рядом с вами? У вас близкие отношения? Она ваша любовница?

– Нет, не близкие, а деловые, служебные, она мне в дочери

годится, – смутился он бесцеремонного вопроса.– Но Наташа знала, что я находился дома. Я ей об этом сообщил перед уходом из офиса.

Почувствовав этот довод неубедительным, он потускнел.

– Ну, знаете, Рэм Анисимович, это еще бабушка надвое сказала. Зыбкое у вас алиби, вилами по воде писано, ни в дугу. Где вы находились в момент совершения преступления остается только предполагать, – сказал следователь.– Значит, у вас нет свидетелей или свидетеля, который бы подтвердил, что в обозначенное время вы находились дома?

Тяглый угрюмо молчал, опустив крупную голову и ощущая, как его тело сжимают стальные обручи западни.

– Гражданин! – строго окликнул его Зуд, возвращая Тяглого к реальности. – Сотрудники фирмы в последние дни обратили внимание на ряд странностей в вашем поведении и действиях.

– Какие еще странности? – насторожился он.– На что вы намекаете, господин следователь по особо важным делам?

– Запомните, прокуратура – это не любительский клуб по интересам, а солидное государственное учреждение, – сурово изрек Валерий Янович.– Я оперирую не домыслами и намеками, а неопровержимыми фактами и доказательствами. Во-первых, мне известно о вашем конфликте с юрисконсульт-том Лещуком на почве ревности, связанной с симпатиями к Стужиной. Вам не понравилось, что после его свидания с ней в кафе «Голубые грезы», между ними, возможно, возникли

интимные отношения. Вы ведь, наверняка, и сами не были равнодушны к Нике Сергеевне, лелеяли надежду на ее взаимность и благосклонность?

– Какое это теперь имеет значение, когда она убита, – вздохнул он горестно. – Я преследовал не меркантильные интересы, а заботился о репутации, имидже президента, а значит и фирмы. От этого, сами понимаете, зависит судьба бизнеса, его прогресс или упадок.

– Понимаю, но не сбрасываю со счетов ваши отношения с Лещуком, ибо они сыграли в этой ситуации роковую роль?

– В каком смысле? – вице-президент отважился на вопрос.

– Надеюсь, вы знакомы с содержанием трагедий Шекспира и, в частности, “Отелло”, – начал издали Зуд и, дождавшись его утвердительного кивка, продолжил. – Хорошо, что кроме финансов, интересуетесь и мировой классикой. Так вот, ревность – очень коварное чувство. Оно ослепляет, пробуждает, даже во внешне сдержанном и спокойном человеке, дикие животные инстинкты, провоцирует состояние аффекта. У вас, похоже, к этому есть склонности.

– На что вы снова намекаете?

– На то, как вы с топором в руках встретили моих сотрудников в своей квартире и один из них вынужден был применить физическую силу, ибо в тот момент вы, не отдавая отчет своим действиям, представляли реальную опасность для их жизни и здоровья, – пояснил следователь.

– После того, что произошло со Стужиной и Рябко, не то что с кухонным топориком, а с ружьем и базуккой станешь встречать незваных гостей, особенно в ночное время,– довольный удачным ответом, произнес Рэм Анисимович.– Полагал, что преступник, погубив Нику Сергеевну, и со мной решил разделаться.

– Откуда вам известно, что Стужина и Рябко убиты?

– Мне об этом до приезда ваших сотрудников сообщила Ласка. Это ее первейшая обязанность о всех ЧП в любое время суток сообщать руководству. Одно из главных условий трудового контракта. “Верь после этого в ясные девичьи глаза”,– подумал Валерий Янович, впрочем, без осуждения и продолжил давить на Тяглого фактами:

– Во-вторых, в последние две недели у вас, по сообщению Натальи Васильевны, проявился интерес к разным видам стрелкового оружия. Посещали тир, упражнялись в стрельбе из малокалиберной винтовки ТОЗ. Эти данные подтвердились в ходе проверки. Любопытное совпадение – неожиданный интерес к оружию и убийство. Что вы скажите на это? Не слишком ли странное хобби для бухгалтера с пухленькими ручками?

– Я объясню, я все объясню, а руки у меня трудовые,– подался вперед грузным телом Тяглый, ощутив пробежавший по спине холодок.– Дело в том, что мне не довелось служить в армии, в университете не было военной кафедры, поэтому все эти годы я, как мужчина, ощущал ущербность, ком-

плекс неполноценности. Особенно после появления в фирме Лещука, майора милиции, подчеркивавшего свое превосходство. Вот и решил восполнить этот пробел в огневой подготовке.

– И восполнили? Поражаете мишени в “яблочко” или в “молоко”?

– В «молоко», – посоветовал Рэм Анисимович. – Плохой из меня стрелок. Постоянно мажу, как говорит инструктор, делаю дырки в воздухе. Бросил я это безнадежное занятие. Наверное, зрение нуждается в лазерной коррекции надо бы посетить офтальмолога.

– В упор несложно и муху убить, – заметил следователь. – Не ко времени, очень не ко времени вы решили заняться огневой подготовкой. Хотя по теории вероятности и возможны такие редкие совпадения, но слишком они подозрительны. Из ТТ стреляли?

– А что это такое?

– Пистолет конструктора-оружейника Токарева.

– Нет, не стрелял. Там только учебные винтовки.

– ТТ с большой убойной силой. Хотели бы стрельнуть? – попытался подловить его на признании следователь.

– Это не мое хобби. Моя стихия – финансы и аудит, – твердо и не без гордости заявил вице-президент.

– Рэм Анисимович, у Стужиной были явные или скрытые враги? Может вы слышали угрозы, или она жаловалась вам по этому поводу?

– Нет, Ника Сергеевна была прекрасным президентом, умела сглаживать конфликты с деловыми партнерами. А с приходом на должность юрисконсульта Лещука финансовые отношения стабилизировались, увеличилась прибыль и повысился авторитет фирмы, – ответил Тяглый. – Поначалу все в коллективе встретили майора настороженно, с неприязнью, подозревая, что его специально послали в оперативных целях для выявления нарушений и разрушения фирмы. Но вскоре убедились в его профессионализме. Стужина, надо отдать ей должное, была психологом, самородком от природы, тонко разбиралась в людях. Нам ее сейчас очень не хватает. Истинную ценность человека познаешь с его утратой.

– Да, время и события необратимы, и ничего уже нельзя исправить, – посочувствовал Зуд.– Рэм Анисимович, вы взрослый, грамотный человек, понимаете, что факты упрямая вещь и они сейчас, как это не прискорбно, не в вашу пользу. Я вынужден в отношении вас избрать более мягкую меру пресечения подписку о невыезде, то есть вам запрещено без моего разрешения выезжать за пределы города. Это решение я не стану афишировать, сообщать средствам массовой информации.

– Вы что же меня подозреваете? – привстал со стула Тяглый.

– Таковы требования УПК, – уклонился от прямого ответа следователь и сообщил.– Если вы ощущаете за собой вину, то чистосердечное признание и раскаяние облегчат вашу

участь, снимут тяжелый камень с грешной души. Можете написать явку с повинной. Помните поговорку: повинную голову меч не сечет, хотя совершенное злодеяние очень тяжкое и тянет на высшую меру— пожизненное заключение, поскольку смертная казнь два года назад была отменена. Подумайте хорошенько, взвесьте все “за” и “против”. Я не отступлю, пока не выведу преступника на чистую воду. Это дело моей профессиональной чести, безопасности других граждан, которые могут стать очередными жертвами.

– Я же, я же... весь вечер находился дома, работал с документами! – в отчаянии произнес Рэм Анисимович. – Я вам покажу эти документы, все до единого, хотя это коммерческая тайна.

– Успокойтесь, гражданин Тяглый, сохраняйте хладнокровие.

– Какое может быть хладнокровие, когда вы шьете мне громкое дело! – возмутился он, размахивая руками, словно пингвин крыльями.

– Присядьте, прошу вас, – на сей раз, поднялся из-за стола Валерий Янович. – Вы неадекватно реагируете на ситуацию.

– Нормально реагирую. Вы на глазах шьете мне дело?

– Никто не шьет вам дело, но все же, придется пройти судебно-медицинскую экспертизу, – заметил следователь. – Не обессудьте, это обязательная для всех участников процесса процедура. В этом нет ничего предосудительного и оскорбительного.

– Я здоров, как бык и ни в каких экспертизах психиатрах не нуждаюсь. Дорожу своим временем,– заявил вице-президент.

– Именно, так утверждают и те, кто возомнили себя “наполеонами”,– парировал его реакцию Валерий Янович и велел.– Оставьте кабинет и пригласите ко мне капитана Чибиса, а сами подождите у двери. Через несколько минут вас отвезут домой, а пока я выпишу вам направление к судмедэксперту.

С озабоченным выражением на лице Рэм Анисимович вышел из кабинета и появился Чибис. К тому времени следователь оформил на Тяглого направление к психиатру.

– Георгий, вручи это направление Тяглому и отвези его домой, а затем живо за Лещуком,– приказал Зуд.

– Не знаю, получится ли вытянуть из квартиры Павла Ивановича, он же знает, что закон на его стороне,– усомнился Чибис.

– Попытка не пытка. Он не откажется от нашей просьбы,– заверил Валерий Янович. – Его показания очень важные для закрепления улик, так как подозрение пало на Тяглого, под которым “поплыла” почва. Надо его только дожать железными фактами и расколется, как орех.

– Так вы считаете, что дело в шляпе?– с оптимизмом спросил оперуполномоченный.

– Пока еще не уверен на сто процентов, но предпосылки налицо, – обнадежил его следователь.– Кончай дискуссию,

гони на всех парах за бывшим майором Лешуком. Кажется, ты одно время служил в его подчинении. Не забывай, что имеем дело с профессионалом.

13. Ночной визит

Без десяти два ночи, допившего остатки коньяка и крепко спавшего юрисконсульта поднял с постели серебряный звук электрозвонка. “Никак коллеги прибыли,— подумал он с досадой.— Только они способны так бесцеремонно вторгаться в чужие жилища, в частную жизнь граждан. Могли бы и подождать до утра. Но это не в правилах Зуда”. Набросил на плечи халат и в комнатных тапочках проследовал к двери.

– Кого черт принес? Все нормальные люди спят,— грубо крикнул он в ожидании ответной реакции.

– Павел Иванович, вас беспокоит капитан Чибис, извините за столь поздний визит, но время не терпит,— узнал он знакомый голос оперуполномоченного угрозыска.

– У вас всегда время не терпит, только откуда “сухари” берутся? Имитируете кипучую деятельность, чтобы получить очередную звезду на погон, – укорил он за низкий уровень раскрываемости преступлений. И, не глядя в “глазок“, смело распахнул двери. На лестничной площадке в гражданской одежде стоял смущенный капитан.

– Извините, Павел Иванович, сами понимаете, служба есть служба.

– Ладно, Чибис – птица залетная, будет тебе изображать из себя невинную девицу, – произнес юрисконсульт, подавая ему широкую ладонь. – Мы ведь с тобой одной крови, под одними знаменами служили, а ты до сих пор служишь, но мент остается ментом, даже будучи в отставке. Я тебя отлично помню молодым скромным лейтенантом, выпускником Одесской спецшколы милиции. Гляжу, заматерел, стал нахрапистым, быстро освоил волевые методы работы. Знаешь ведь, что нарушаешь целый “букет“ законов?

– Знаю, – понурил голову Чибис, а Лещук, как в детской присказке о сороке-белобоке, которая кашку варила, деток кормила, принялся поочередно загибать пальцы на правой руке, акцентируя внимание на фактах нарушений. Во-первых, неприкосновенность жилища, во-вторых, личности, в-третьих, презумпция невиновности. А в-четвертых, для задержания и ареста необходим ордер, санкция прокурора или решение суда. Чему тебя, капитан, в спецшколе милиции учили, коль не считаешь конституционные права гражданина?

– Павел Иванович, я человек подневольный, служивый, мне приказано вас доставить, вот и выполняю приказ. В теории все прекрасно, а на практике, в жизни закон нередко подменяется целесообразностью, – посетовал Чибис. – Вы думаете, мне доставляет радость и удовольствие по ночам слышать в своей адрес проклятия. Лежал бы сейчас в теплой постели с женошкой-красавицей.

– Ладно тебе, мечтатель, еще успеешь с женой натешиться, – оборвал его Лещук. – Никто тебя на службу в милицию не тянул, сам сделал выбор, поэтому и дальше тяни ляжку. Так кто тебе приказал?

– Зуд велел пригласить для дачи показаний по факту двойного убийства Стужиной и ее водителя Рябко.

– Могли бы и до утра подождать.

– Так ведь по “горячим следам”. Время не терпит.

– Для дачи показаний вызывают повесткой и не в ночное время суток, когда все нормальные люди спят, – напомнил юрисконсульт.

– Но вы же по себе знаете, товарищ майор, какой у нас режим работы. По “горячим следам”, пока не упущено время и следы не остыли, больше шансов раскрыть преступление.

– Поди, остыли уже следы? – снисходительно произнес юрисконсульт. – Старшина Хижняк со своей Дусей, наверное, как обычно, потерпел очередное фиаско?

– Да-а, от кинолога и собаки никакого толку, только зазря средства и корма переводят, – вздохнул капитан, дабы смягчить позицию, неуступчивость юрисконсульта. И, похоже, ему это удалось. Интуиция не подвела следователя с его прогнозом.

– Конечно, я мог бы тебя вместе с Зудом послать подальше, – признался Лещук. – Но сам заинтересован, чтобы дело было побыстрее расследовано и кровь убитых была отмщена, а убийца угодил за решетку. Без моей помощи это дело

может попасть в разряд “сухарей”, поэтому, как говорится, по коням!

Резво, как по тревоге, оделся и велел в приказном тоне:

– Вези меня, капитан, к своему зануде Зуду, поживей, что ты возишься, как блоха на сковороде или танцор, которому яйца мешают.

– Павел Иванович, товарищ майор, оставьте свой менторский тон, – обиделся Чибис. – Не забывайтесь, я не ваш подчиненный и перед вами не безусый мальчишка, а капитан при исполнении, не на дружеской вечеринке или пикнике.

– Да, усы у тебя, как у прусака и ты хотел сказать ментовский тон, – усмехнулся майор и холодно заметил. – Я ведь могу обидеться и не поехать. Более того, напишу заявление прокурору Грецких или выше о нарушении моих прав и с тебя взыщут по полной программе за ночное вторжение в мое жилище.

– Ваше дело, Павел Иванович, – сник Чибис, поняв, что допустил ошибку, не сдержав в себе разыгравшее честолюбие.

– Ладно, Жора, не будем осложнять друг другу жизнь, отравлять отношения, – пошел на компромисс юрист-консульт. – Я ведь отлично знаю крутой нрав Валерия Яновича, его строптивость и упрямство. Он с тебя взыщет, если не доставишь меня по назначению. Поэтому поехали. Поди, Тягло уже взяли за жабры? Бедный Рэм Анисимович, он не привык к подобному обхождению. Еще гляди, в ИВС отправили, в вонючую камеру с бомжами и клопами?

– Не волнуйтесь за него, Павел Иванович, отпустили Тяглого, отвез его домой и сейчас он, наверное, дрыхнет, – сообщил офицер.

– Спасибо за информацию. Не обижайся, что погорячился. Отвык я от ночного режима работы, иногда нервы сдают, – признался юрисконсульт. – На службе в доблестной милиции расшатались, подорвал здоровье. Вот прослужишь еще лет десять и на себе испытаешь. Не случайно ведь после двадцати пяти лет выслуги нашего брата на пенсию выталакивают, чтобы на почве психических расстройств, глупостей не наделали.

Лещук запер дверь квартиры и они по лестнице спустились к поджидавшему у подъезда УАЗу.

– Мне сюда, что ли? – пошутил он, указав рукой на задний отсек автомобиля, в котором обычно перевозят правонарушителей и служебно-розыскных собак.

– Что вы, товарищ майор, – смутился оперативник. – Садитесь в салон, вы ведь свидетель, а не подозреваемый, а я рядом с водителем и велел сержанту. – Трогай!

– Спасибо капитан за доверие, а то я, грешным делом подумал, что повязали меня без суда и следствия?

– Нет оснований.

– И не будет, – твердо заверил юрисконсульт.

Минут через десять УАЗ остановился перед фасадом здания УВД, где в одном из кабинетов в целях координации действий оперативно-следственной группы, разместил-

ся Зуд.

– Извини, Павел, что поднял в столь поздний час, малость превысив свои служебные полномочия, – поднялся он из-за письменного стола навстречу Лещуку, подавая руку.

– Очень мягко сказано, малость, – усмехнулся юрисконсульт. – Смахивает на произвол. Впору с протестом к уполномоченному по правам человека обращаться, чтобы навела порядок. Но у Нины Ивановны Карпачевой и без того хватает работы с проверками содержания арестованных в СИЗО, ИВС и осужденных в ИТК.

– Ладно, не обижайся, – примирительно произнес следователь. – Не будем сюда вмешивать большую политику и чиновников, постараемся разобраться сами. Ты же знаешь, что законы пишутся для идеальных ситуаций, а у нас, что ни преступление, то сложная нестандартная, ситуация, поэтому и вынуждены, иногда перегибать палку. Если бы мы педантично соблюдали все требования УПК в условиях обвала злодеяний, то сколько бы смогли уголовных дел расследовать? С гулькин нос. Вот тогда бы точно никому не поздоровилось. Получается, что с одной стороны надо строго блюсти закон, а с другой добиваться повышения уровня раскрываемости преступлений для благополучия статистической отчетности. Для тебя это не секрет.

– Да-а, жизнь многообразна и сложна. Ее в рамки закона не загонишь и все случаи детально не распишешь, – согласился Лещук. – Хотя я ночью предпочитаю спать, а не да-

вать, как сейчас принято говорить, эксклюзивное интервью. Но все же не столько обижаюсь, сколько сочувствую и готов, если конечно, в этом возникнет необходимость. поделиться своим скромным опытом оперативно-розыскной деятельности.

– Хорошо, буду иметь в виду, – сдержанно улыбнулся Зуд и велел Чибису. – Капитан, завари нам и себе для бодрости духа и тела по чашке кофе, а то в сон клонит, а у нас еще дел невпроворот.

– Коль среди ночи поднял, мог бы коньяком угостить, а не дежурным кофе, – заметил юрисконсульт.

– Ничего, пока ограничимся кофе, хотя, если не ошибаюсь, ты уже успел принять «на грудь»?

– Успел, я себе в приятных удовольствиях не отказываю, один раз на свете живем. А коньяк считаю лекарством от стрессов.

– Я без претензий, имеете право. Выпью сто-двести граммов коньяка, когда задержу убийцу и обмою звезды, если они, упадут на погоны, – усмехнулся Зуд. – Ты ведь дослужил до майора, а мог бы стать подполковником или даже полковником. Сейчас бы помышлял о генеральских погонах и лампасах. Чибису тоже надоело ходить в капитанах.

– Да, большие звезды не помешали бы, – ответил тот.

– В общем, на раскрытие этого преступления мы возлагаем большие надежды, – продолжил следователь. – Хотя дело не в карьере, почестях и наградах, а в выполнении служеб-

ного долга, в профессиональной состоятельности и чести.

Между тем, Георгий заварил кофе и ароматный запах заполнил кабинет. Они, обжигаясь, пригубили чашки.

– Закурить можно? – спросил юрисконсульт.

– Валяй, чувствуй себя раскованно. Давай сообща потолкуем, как говорится, один ум хорошо, а два – лучше. Коль решил помочь следствию, то выкладывай свои версии, – усмехнулся Зуд. – Что тебе подсказывает интуиция? Или на «вольных хлебах» разучился логически, нестандартно мыслить?

– Не разучился, потому, что мент до гробовой доски остается ментом, – заметил Лещук.

– А как же оборотни в погонах?

– Да, бывают исключения. В прокуратуре тоже не без уродов.

– Так с какой версии начнем? Может, как это сейчас модно, с политической, – продолжил следователь.

– Только не с этой, – возразил юрисконсульт и пояснил. – Нику Сергеевну совершенно не интересовала политика. Разве, что в части налогового законодательства, давления на бизнес. Хотя я ей предлагал подумать о политической карьере, стать депутатом городского совета, а еще лучше крымского парламента. Об мандате нардепа и думать не стоило. Нужны влиятельные покровители и большие деньги. Нынче простым работягам туда путь закрыт. Такая вот лукавая демократия, власть народа. Что уж теперь об этом. Потерявши голову по волосам не плачут.

– Может убеждения, взгляды Стужиной кого-то из ее сотрудников не устраивали? – навел на мысль Валерий Янович.

– А ведь не исключен и такой мотив, – согласился Павел Иванович. – В фирме есть коммунист-ортодокс, председатель профкома Крот Вениамин Яковлевич, люто ненавидящий олигархов, бизнесменов. Он – любитель хорошо выпить и закусить и его функции сводятся к организации торжественных, мероприятий по случаю праздничных событий и юбилейных дат с обязательными застольями и речами. Вдруг ему по пьяной лавочке моча в голову стукнула и решил выместить злость на Стужиной. Не лично, а подговорил за плату какого-нибудь отморозка.

– Возьмем и его в оперативную разработку, – сказал следователь. – К сожалению, политические фанатики, типа Бориса Савинкова, еще не перевелись. Хотя Стужина могла стать и жертвой конфликта бизнес-интересов? Конкуренция чревата кровавыми разборками

– Эта версия наиболее предпочтительна. До моего прихода в фирму «Ника» Стужина по доброте своей душевной корректно вела себя с деловыми партнерами. Если одни должники и возвращали деньги за товар и услуги, то с большим опозданием и без учета неустойки и инфляции, а некоторые втягивали в бесконечные судебные тяжбы. Кроме того, Ника Сергеевна занималась не столько спонсорством, то есть корысти ради, сколько меценатством – выделяла финансы для детей-сирот, ветеранов войны, инвалидов, спортсменов и та-

лантливых детей. Да и благотворительному фонду «Порядок» не отказывала...

– Прокуратуре кое-что перепало из этого фонда, – подтвердил Зуд. – А то ведь до того доходило дело, что не хватало средств на канцтовары, бумагу для протоколов.

– С первых дней работы я повел жесткую, в рамках закона политику во взаимоотношениях с партнерами, – продолжил юрисконсульт. – Дал понять, что дружба дружбой, а деньги любят счет, халява кончилась и дальше не пройдет. Кому-то такая тактика могла не понравиться?

– Кому именно?

– Сложно сказать. Но первые дела по искам я выиграл у фирм «Троянда» и «Эдельвейс». Фактически предрешен вердикт в пользу «Nika» и в отношении штрафных санкций к фирме «Прометей».

– Считаешь, что за активность по взысканию долгов они могли пойти на убийство президента?

– Почему бы и нет, когда алчность криминальных и полукриминальных авторитетов не знает пределов. За копейку готовы не сами, как по пословице, а другого удавить. Теперь я казню себя за эти выигранные иски. Не Бог вещь, какие большие деньги, но дело касалось принципа, наведения элементарного порядка во взаимоотношениях с деловыми партнерами. Такой жесткий прессинг мог стать причиной гибели Стужиной. Могли бы на мне отыграться, но зачем убивать женщину и ее водителя? Жаль, что нам не дано пред-

видеть последствия своих действий, их причинно-следственную связь.

– Для этого надо обладать даром ясновидения, – заметил Зуд.

– Значит, ты выбил долги, а они пошли на крайнюю меру, в отместку выбили ее из бизнеса. Может такое быть?

– Вполне. Пути Господни неисповедимы и никому неизвестна судьба человека, – вздохнул Павел Иванович.

– Коль так, то я вынужден буду для того, чтобы проследить движение товаров и финансов, характер отношений с партнерами и для вскрытия теневых схем, произвести выемку деловой и финансовой документации и наложить арест на банковские счета, – сурово изрек следователь.

– Валерий, по-дружески прошу вас не делать этого, – вскочил с места юрисконсульт. – Мало того, что гибель Ники Сергеевны подорвет престиж фирмы, оттолкнет партнеров, так и вы этими действиями парализуете ее работу. Это чревато падением товарооборота и банкротством.

– А как бы ты на моем месте поступил? – прервал его Зуд.

– У каждого следователя своя тактика и методика, но во всяком случае, если с выемкой документов еще можно смириться, хотя и это влечет нарушение коммерческой тайны, то арест счетов равнозначен параличу, наказанию тех, кто и без того пострадал. Я бы на вашем месте проявил мудрость и гуманность, – посоветовал Лещук.

– Эх, Павел, сняв погоны, стал штатским человеком и над

вами не висит дамоклов меч УК и УПК. Я буду действовать в соответствии с требованиями этих кодексов, потому что не приемлю вольностей.

– Валерий, в случае ареста счетов, я от имени фирмы подам иск в суд на незаконность действий, – пообещал юрист-консульт. – Я буду защищать интересы акционеров, это моя работа.

– А моя задача – как можно быстрее найти и обезвредить преступника, – сухо возразил следователь.

– Я тоже жажду возмездия, но коллектив не должен страдать, поэтому не следует рубить сплеча, там, где можно найти оптимальное решение, – произнес Лещук. – Ника Сергеевна занималась честным, а не теневым, бизнесом. Даю слово офицера, иначе бы я не потерпел криминала. Не лишена логики и версия об убийстве с целью ограбления. Но подобное происходит в редких случаях. Из практики знаю, что обычно грабители стараются обойтись без «мокрухи».

– Преступник похитил лишь сумочку Стужиной, а драгоценные украшения остались на ней. Но самое странное, что оставил в живых свидетеля Наталью Васильевну Ласку.

– Да, это не поддается логике, – согласился юрист-консульт. – Так профессиональные киллеры не поступают.

– Есть еще одна версия – убийство на почве ревности. Сказывают, то Тяглый ревновал тебя к Стужиной.

– На этой почве у меня с ним был конфликт. Но не поверю, чтобы бухгалтер, тихоня, мог поднять руку на женщину. Он

собственной тени боится...

– Ну, знаешь, в тихом болоте черти водятся, – напомнил следователь. – Он мог нанять убийцу. Поди, его зарплата позволяет?

– Да, позволяет.

– Павел, ты бы мне вкратце охарактеризовал сотрудников из наиболее близкого окружения Стужиной.

– Не имею права по внутренней инструкции давать конфиденциальную информацию о сотрудниках, – заявил Лещук. – Просьба не по адресу, я не отдел кадров. Дорожу своим местом. Хотя фирма лишилась президента, а Рэм Анисимович для меня не авторитет, однако давать характеристики не стану. Попросите об этом Вениамина Крота. Он в этом деле ни одну собаку съел и с большой охотой откликнется на просьбу. К тому же я в фирме без году неделя, поэтому о сотрудниках имею поверхностное, субъективное мнение.

– Тогда вызовем Крота на откровение, – промолвил следователь плавно перевел разговор в официальное русло. – Ладно, размялись, а теперь по сути. У меня к вам, чисто формальности ради, несколько вопросов для чистоты следствия.

– Я весь внимание.

– Павел Иванович, где вы находились с 17.45 до 18.20 в тот вечер, когда произошло двойное убийство?

– Где, где? В суде среди служителей Фемиды теперь часть моей жизни проходит, – ответил юрисконсульт. – Отбиваюсь от претензий, выигрываю иски, в общем, никакой романти-

ки, рутинная бумажная работа по отстаиванию интересов фирмы. Упражняюсь в красноречии.

– Кто может подтвердить, что в этот период вы находились в суде?

– Кто? Многие меня там видели, всех не упомнишь. Например, адвокат Елена Григорьевна Узлова, судья Олег Семенович Ярицкий, зав. канцелярией Светлана Тихоновна Плясова и другие, с которыми в течение дня пересекался. Если потребуется, то я составлю список, на досуге напрягу свою память?

– Не надо, достаточно и этих лиц. Когда вы в последний раз виделись или разговаривали со Стужиной?

– Утром Нику Сергеевну не застал, она была на совещании, а во второй половине дня я в суде, – пояснил Лещук. – Но нам удалось переговорить по мобильному телефону, причем по инициативе Стужиной. Она пригласила меня на утро для обсуждения текущих вопросов.

– В какое время вы переговаривались?

– Точно не помню, но приблизительно в 18 – 18.10.

– У Ники Сергеевны были явные или скрытые враги?

– В фирме работаю, чуть больше двух месяцев, поэтому еще не постиг всех подводных течений и камней, – признался юрисконсульт. – Может, кто-то свел старые счеты, совершив дерзкое нападение? Об этом мог бы сообщить вице-президент Тяглый.

– Откуда вы знаете, что дерзкое?

– Вице-президент еще до ночного визита Чибиса успел мне сообщить, а ему доложила секретарь-референт Ласка.

– Вы, что же с Рэмом Анисимовичем помирились?

– Общее горе сплотило, – вздохнул Лещук. – Нет причин для вражды. Ника Сергеевна, царство небесное, своей смертью примирила нас.

– Может, к этой трагедии причастен Тяглый, на почве ревности, нервного срыва, в состоянии аффекта?

– Чужая душа – потемки. Это вопрос к психиатру, – заметил Лещук. – Но мнение одного даже крупного специалиста в этой области, светила науки субъективно. Для точного, достоверного диагноза необходим консилиум. Но среди сотрудников, еще до моего прихода в фирму, утвердилось мнение, что Рэм Анисимович слабовольный, корректный человек, муху не обидит.

– Павел, это расхожий стереотип, – усмехнулся следователь. – Есть такой тип людей, хитрых и осторожных. Муху он может и не обидят, потому что она маленькая и шустрая, а вот замочить человека при определенных условиях и обстоятельствах проще пареной репы. Я в своей практике встречался с разными типами, отморозками, которые ради жизни родную мать и отца не пощадят. В человеке испокон века таится звериное начало, даже внешне спокойный и тихий субъект способен на дикие поступки и, особенно под градусами алкоголя или наркотиками. Не случайно существует поговорка, что в тихом болоте черти водятся. Поэтому не

идеализируйте Тяглого, я доверю только фактам.

– Вполне с вами согласен, коллега, – подтвердил Лещук.

– Самая большая тайна природы – это человек, его психика, мотивы действий, – продолжил Зуд и пристально взглянул на собеседника. – Не буду вас долго утомлять, но напоследок еще один вопрос. Но только ответьте, как на духу и не для протокола, как мужчина мужчине.

– Постараюсь, – пообещал Павел Иванович.

– У вас были со Стужиной интимные отношения?

– Результаты вскрытия что-нибудь показали?

– Акты заключения судмедэкспертизы будут лишь утром.

– Значит, вас интересует, удалось ли мне переспать с Никой? – уточнил вопрос юрисконсульт. – Нет, говорю, как на духу, хотя она мне очень нравилась и я имел на нее виды, предлагал сердце и руку. Но Стужина не торопилась, ибо на первом плане у нее был бизнес, интересы фирмы, карьера. Знаете, современная деловая женщина, ограничивающая себя в земных удовольствиях и радостях. Жаль, что в ее лице потеряли прекрасную женщину и умелого незаменимого руководителя. Может быть по-другому сложилась бы судьба.

– Да мир жесток, а человеческая жизнь хрупка и, особенно, в период реформ, передела собственности и сфер влияния, – сказал Зуд. – Здесь без кровавых разборок, выстрелов не обходиться. Дикий, пещерный капитализм, преступное накопление первоначального капитала. И пока продолжается прихватизация некогда общей собственности, будет

литься кровь. Выпустили джина из бутылки.

– Валерий Янович, вашими устами глаголит истина, – подержал его суждения Лещук и доверительно произнес. – Если вам потребуется моя помощь, опыт, то не скромничайте, подключайте. Это дело нашей чести найти и наказать убийцу.

– Благодарю, Павел, но сил у моей оперативно-следственной группы пока достаточно, хотя чувствую, что предстоит много черновой рутинной работы, изучение хозяйственно-финансовой документации, деловых и прочих связей Стужиной с партнерами по бизнесу, а это сотни лиц. Товарищ майор, я бы охотно воспользовался вашими услугами, но, увы, частный сыск пока под запретом.

– Понимаю, Валерий Янович, – согласился с доводами следователя юрисконсульт. – Я тоже, используя свои связи в угрозыске, постараюсь, насколько это будет возможным, выйти на след преступника. Дело чести офицера, ведь Ника в ближайшие два-три месяца могла стать моею женой. Конечно, речь не идет о кровной мести, так как ненависть ослепляет, а следователь должен быть беспристрастным, но все же злодей не должен уйти от заслуженного наказания. Как нас учили на юрфаке, за законность надо бороться культурно и принцип неотвратимости наказания за совершенное преступление, незыблем.

– Впрочем, Павел Иванович, коль вы сами проявляете инициативу, как говорится, рветесь в бой, то присмотритесь,

понаблюдайте за Тяглым, если что-то в его поведении посчитаете странным, то сообщите. Коллеги должны быть солидарны.

– Хорошо, будет сделано. А что, он попал под подозрение?

– Непростой, странный субъект. Угрюмый, замкнутый, слова из него клещами не вытянешь. Типичный бухгалтер, – посетовал Зуд и, чуть помедлив, признался. – Для начала объявил ему меру пресечения – подписку о невыезде. Железных доказательств пока маловато, да и те косвенные, требуют дополнительной проверки, закрепления, чтобы в суде не рассыпались, словно песочный замок..

– Да, необходимы железные доказательства, – подтвердил юрисконсульт. – Это прежде прокуратура в процессе играла первую скрипку, а теперь пальма первенства за судом.

– Павел, тебя доставят домой, извини за беспокойство, – поднялся следователь из-за стола, подавая руку.

– О чем речь, какие наши годы, ведь мы свои же люди, пусть нашим общим памятником будет правопорядок и борьба за жизнь, – перефразировав стихи Маяковского, юрисконсульт вышел из кабинета.

14. В поисках зацепки

“Явно выраженных, серьезных причин для физического устранения Стужиной, а заодно и Рябко, не было, – размышлял, рассматривая материалы дознания, акты судмедэкспертиз, медицинское заключение о вскрытиях, следова-

тель Зуд. – Расчеты с деловыми партнерами производились своевременно и в полном объеме и нередко, с предоплатой. Нападение с целью ограбления? Но оно для этого слишком дерзкое. Ради грабежа не часто идут на “мокрое дело” из-за каких– то нескольких тысяч гривен. В таких случаях, как правило, нападают на банки, инкассаторов, либо крупных бизнесменов, заведомо зная о наличии больших сумм валюты, либо драгоценностей. Здесь должны быть иные мотивы. Типичный грабитель не оставил бы на пальце убитой Стужинной золотое кольцо с бриллиантом и серьги с топазами в мочках ушей. Обязательно бы обшарил карманы, в том числе и у Рябко, изъял бы из его кобуры пистолет Макарова, которым тот не успел воспользоваться. Но самое странно, что он оставил в живых свидетельницу Наталью Ласку. Целой, невредимой, не ограбленной и не изнасилованной, хотя девушка соблазнительная. Значит, нападение не было мотивировано лишь хищением имущества. Очень непросто очертить круг подозреваемых лиц. Кто-то из ближайшего окружения или из числа конкурентов на рынке сбыта товаров и услуг?»

Эти мысли с утра одолевали Валерия Яновича, уединившегося в служебном кабинете. Они не оставляли его и во время сна, наплывая словно туман загадочными и замысловатыми композициями. Поток размышлений прервал телефонный звонок.

– Валерий Янович, приветствую вас!– узнал Зуд необычно бодрый голос капитана Георгия Чибиса.

– Доброго здоровья, коль не шутишь.

– Не шучу, потому, как нам улыбнулась фортуна. Сверлите дырки на мундире и на погонах для ордена и звезд! – с азартом велел капитан. – Заговорил, наконец похищенный у Стужиной мобильный телефон. Подозреваемый сегодня в восемь утра позвонил своей подруге на квартирный телефон и этот сигнал на АТС зафиксировали, разговор записали на пленку. Надежная улика. Будем брать, пока не догадался, что его “вычислили”, а то ведь сбежит, нельзя ни минуты мешкать. Ищи его тогда, свищи по всему бывшему Союзу, а может и в дальнем зарубежье. На Интерпол надежды мало, у них своих дел по борьбе с международным терроризмом невпроворот. Будем брать а? Сейчас же бегу в оружейку за бронжилетом, каской и пистолетом.

– погоди, Георгий. Для начала успокойся, не пори горячку. Такие операции с кондачка, шашки наголо, не проводятся. Надо все трезво оценить, – не разделил его оптимизма Зуд. – И запомни мы работаем, вернее служим Отечеству, не ради карьеры и наград, а для защиты граждан от злодеев, для искоренения преступности.

– Без карьеры, наград и славы все же скучно, нет стимула, – возразил Чибис. – Признание заслуг человека окрыляет, мобилизует знания и энергию для полезных дел.

– Будет тебе стимул. Выяснил, кто такие?

– Он, Леонид Андреевич Шуйко, студент техникума, двадцати двух лет от роду, а она – Екатерина Витольдовна Бо-

кова, девятнадцать лет, работает реализатором ширпотреба на центральном колхозном рынке. Сегодня у нее отгул. Пришлось на время задержать и изолировать, чтобы не сообщила об операции Шуйко. Сейчас находится в дежурной части.

– О чем они по телефону переговаривались?

– Обычный молодежный треп. Он сыпал комплименты, убажбал ее слух о том, что она красивая и бесподобная, а она действительно хороша. Валерий Янович, мы теряем драгоценное время. У Шуйко могут возникнуть подозрения. Приготовится к отпору, а пистолет ТТ – пушка убойная... Завяжется перестрелка и без крови не обойдется ...

– Ох, как тебе, Жора, хочется пострелять по живой мишени. Давно что ль на стрельбище не был?

– Давно, патроны, бензин все приходится экономить при нынешнем хилом снабжении милиции, – посетовал он. – Ни обмундирования, ни обуви, одно жалкое жалованье.

– Ладно не плачь, прокуратура не лучше вашего живет, – оборвал его следователь и упрекнул. – Напрасно ты вытащил Бокову из квартиры, там и следовало бы ее контролировать. Может быть, они что-нибудь интересное для нас наговорили, а ты аккуратно записал бы на диктофон.

– Да, надо было ее “попасти”, не врубился сразу, – покаялся за оплошность Чибис и принялся за свое. – Валерия Янович, упустим зверя. Надо срочно ехать в техникум. Для надежности прихватите двоих бойцов из “Беркута”, а то они маются без дела, улицы в городе метут, как дворники. Нам

ведь придется блокировать учебный корпус техникума, пути отхода подозреваемого. Человек, совершивший столь тяжкие преступления, знающий, что ему угрожает без боя в руки не сдаться. Надо быть готовыми к худшему варианту, не исключено, что придется пристрелить при попытке к бегству.

– Это ты, капитан, загнул. Насмотрелся, наверное, детективов и у самого руки зачесались, – не разделил его опасений Зуд. – Думаю, что мы и сами справимся с одним студентом.

– Я бы не рисковал, во всем нужны осторожность и бдительность, – не согласился Георгий. – Помните, что бережного Бог бережет.

– Хорошо, но я считаю, что и одного беркута нам вполне достаточно для устрашения, серьезности намерений. Ты ведь не разучился стрелять, да и я тоже, – произнес следователь. – Надеюсь, что до перестрелки дело не дойдет. Но табельное оружие возьми, не на свадьбу едем?

– Я тоже так считаю, – обрадовался Чибис, почувствовав прилив адреналина в крови.

На милицейском темно-зеленом УАЗе вчетвером, включая водителя-сержанта, они подъехали к двухэтажному зданию техникума. Автомобиль с портативной радиостанцией, оставили возле глухой торцевой стены, чтобы раньше времени не привлечь внимание. Водитель остался в автомобиле возле радиостанции.

Они вошли в приемную, озадачив своим неожиданным появлением, пожилую пенсионного возраста секретаршу.

Она не сводила испуганного взгляда с бойца в зеленовато-бу-
рой камуфляжной форме с автоматом Калашникова на пере-
вес. Зуд и Чибис – в штатской одежде представились, предъ-
явив удостоверения личности.

– Борис Аронович, к вам представители из прокуратуры и
милиции в сопровождении автоматчика, – сообщила она ди-
ректору и, выслушав ответ, разрешила:

– Войдите, он ждет, только оружие оставьте. Вдруг стрель-
нет?

– Не стрельнет, – возразил Зуд. Вошли в просторный с
жалюзи на окнах кабинет. Из-за массивного стола с пристав-
ленными по сторонам стульями, поднялся небольшого роста
с аскетическим выражением желтовато-бледного лица муж-
чина лет пятидесяти пяти от роду.

– Доброго здоровья, – произнес Валерий Янович за всех.

– Добро пожаловать! – ответил Борис Аронович. – Чем
обязан, визиту столь уважаемых гостей? Может мои студен-
ты набедокурили или кто из преподавателей в дурных дея-
ниях уличен?

– Насчет преподавателей, судить не могу, берут они взят-
ки или не берут, соблазняют ли молоденьких студенток или
нет, а вот к одному из студентов у нас есть вопросы.

– К кому именно?

– К Леониду Шуйко, – ответил следователь.

– Есть такой, будущий механик, учиться на четвертом
курсе, – сообщил директор. – Прилежный студент, на “отлич-

но” сдает экзамены и зачеты. Нет, как у других “хвостов”. Ставим его другим в пример. В чем же он провинился? Или, как говорят, в тихом болоте черти водятся?

– Мы постараемся выяснить. Необходимо с ним побеседовать.

– Он на занятиях, но сейчас пригласим,– директор нажал кнопку селекторной связи и попросил в микрофон. – Роза Елисеевна пригласите ко мне в кабинет студента Леонида Шуйко, прямо с занятий.

– Георгий на всякий случай проверь его и сопроводи, – велел Чибису Валерий Янович.– Да поаккуратнее, не вздумай в пылу азарта заламывать ему руки, если конечно, не окажет сопротивление.

– Он занимается восточными единоборствами в секции кикбоксинга и таэквондо,– предупредил директор.

– Так, что мотай на ус, парень – не подарок, может и сдачи дать, приняв тебя за боксерскую грушу,– усмехнулся Зуд.

Минут через десять в сопровождении Чибиса вошел долговязый, но крепкий в куртке и синих потертых джинсах парень. Остановился у порога, держа в руке мобильный телефон.

– Проходите, Леонид Шуйко, – велел, жестом руки указав на стул с противоположной стороны стола, Зуд.

– Может мне вас оставить на время беседы? – поинтересовался Борис Аронович.

– Да, если не возражаете, либо мы переместимся в другое

место?

– Нет, оставайтесь, ведь это ненадолго?

– Попробуем оперативно разобраться.

Директор удалился, а следователь, выдержав паузу, пристально поглядел на студента. Тот заерзал на стуле в томительном ожидании.

– Леонид, нам известно, что вы примерный студент, спортсмен и семья ваша живет довольно скромно, – начал издали Валерий Янович, стремясь мягкой тональностью голоса расположить к себе Шуйко. – Откуда у вас мобильный телефон? Подарил кто? Может Екатерина Бокова или ее отец, как будущему зятю?

– Компетентные органы все знают, – усмехнулся парень и хмуро ответил. – Телефон я нашел.

– Где? Кто же это такой щедрый, что дорогими мобилками сорит?

– Метрах в пятидесяти от главного входа на центральный колхозный рынок. Аккуратно лежал возле ствола дерева, кто-нибудь из крутых оставил, да поленился нагнуться, чтобы поднять.

– Так уж поленился, – усмехнулся этому предположению Чибис. – У «крутых» среди зимы снега не выпросишь, а тут дорогой мобильник.

– Значит, в стельку был пьян и не заметил потерю.

– Когда вы нашли телефон?

– Три дня назад.

– Можете указать, где именно, место?

– Без проблем.

– Почему не сдали в милицию, в камеру находок?

– Захотелось хоть немного почувствовать себя «крутым», – признался Леонид. – Не им одним же ходить с мобилками, барсетками и растопыренными по бокам руками и пальцами веером.

– Не совсем точный портрет нарисовал, – улыбнулся Зуд. – Кроме мобилки надо иметь шестисотый “мерс” или навороченный джип и валютный счет в банке. Не в стеклянной конечно.

– На халяву поболтать с девушкой по мобилке тоже для начала неплохо, – освоившись с обстановкой, признался Леонид.

– За услуги бы выставили счет.

– Кому и куда? Это уже не мои проблемы, – ухмыльнулся Шуйко.

– Сначала бы владельцу телефона Стужиной Нике Сергеевне, – пояснил следователь.

– Так ее же недавно убили. Какой ужас. Так значит, я пользовался ее телефоном? – встрепенулся студент. – Честное слово я не знал. И теперь на нем отпечатки моих пальцев?

– Да, отпечатки, – подтвердил Валерий Янович, заметив, как Шуйко украдкой и осторожно отодвигает от себя трубку.

– Не суетись Леонид, мы у тебя итак мобильник изыдем,

но в присутствии понятых, чтобы не возникло претензий.

– Счет тебе все же придется оплатить.

– Я всего то два или три раза и говорил,– сознался он.– Как только бы аккумулятор сел, постарался бы от него избавиться, потому что эта штука мне не по карману. Бедный студент, ничего не попишешь.

– Кому-нибудь из друзей, или подруг давали звонить?

– Смотрели, трогали, но звонить я не разрешал, экономил заряд для себя и вот получается, что влетел.

В присутствии понятых составили акт изъятия мобильного аппарата. Чибис записал показания Шуйко и проехали вместе с ним на место, где был найден телефон. Тщательный осмотр места, где весьма оживленное движение и транспорта и пешеходов, улики не принес.

Ни Зуд, ни Чибис в искренности показаний студента не сомневались. Мобильник был подброшен с единственной целью пустить следствие по ложному пути. Ведь проще всего было его уничтожить, продать рискованно. Но тот, кто его подкинул, отлично знал, что на рынок и с рынка идут тысячи людей и обязательно кто-то поднимет и воспользуется. Велико искушение нажать кнопки и из любого места города связаться с родными или знакомыми людьми. Хорошо, что Леониду раньше не пришла в голову мысль, перепродать аппарат и поиски усложнились.

Валерий Янович собственноручно в полиэтиленовом пакете доставил мобильник в экспертно-криминалистический

отдел (ЭКО) и попросил аса этой службы капитана Ельницкого:

– Самуил Юльевич, любезный, хоть под микроскопом или телескопом обследуй, но отыщи хоть какую-нибудь зацепку. Дело застопорилось и может попасть в категорию безнадежных? И тогда возникнет вопрос о профпригодности, последует серия взысканий, понижений в должностях и прочие неприятности. Но самое опасное и обидное, что преступник до сих пор разгуливает на свободе, а городе усиливается волна слухов о неуловимом маньяке и беспомощности милиции и других органов правопорядка. Это нам с вами, укор.

– Да, Валерий Янович, но, увы, возможности криминалистики ограничены, хоть и есть прогрессивные разработки научно-исследовательских институтов, том числе способах фиксации запахов преступника, и создании такого банка данных. Но из-за скудного финансирования мы еще нескоро сможем иметь такие точные дорогостоящие приборы и оборудование, не говоря уже о приборе «Полиграф» – детекторе лжи, определяющем степень достоверности ответов допрашиваемых по датчикам, фиксирующим волнение и другие признаки состояния организма, – пояснил Ельницкий.

– Прогресс очевиден, но между теорией и практикой еще большая пропасть, – согласился Зуд. – Однако подобные преступления должны быть в любом случае раскрыты, иначе безнаказанность порождает синдром вседозволенности и неукротимой дерзости и жестокости. Постарайтесь Самуил

Юльевич и за мною, как руководителем оперативно-следственной группы, дело не станет. Походатайствую о вашем поощрении. Криминалист аккуратно вынул из полиэтиленового пакета мобильник. Оглядел его через выпуклые стекла очков, покачивая при этом головой:

– Этот аппарат, после того как он был похищен у Стужинной, столько раз лапали, а возможно и неоднократно протирали, что на нем нет чистого, живого места. Да и тот, кто подбросил его, знал, что делает, предварительно уничтожив все отпечатки, хотя и действовал, наверняка, в перчатках. Ему ничего не стоило выбросить мобильник в речку Приморскую, либо в пруд, озеро, которых в окрестностях Керчи предостаточно, однако решил реализовать свой умысел – пустить следствие по ложному следу.

– Самуил Юльевич, вся надежда на тебя, других крепких зацепок у меня пока нет. Вы же знаете, что обычно опытные киллеры сбрасывают оружие на месте преступления, чтобы оборвать следы, а этот слишком уверенный в себе. Есть опасение, что ствол «заговорит» в другом месте. Мы не должны этого допустить, – сказал Зуд и с грустью подумал о том, что же докладывать Грецких, а тому в свою очередь “наверх” по инстанции прокурору республики Шубину. Неужели тупик, глухая стена? Недовольство начальства и угроза отстранения от ведения дела. Пришлют какого-нибудь варяга, чтобы нос утер аксакалам.

– Возможно, киллер жадный или взял оружие напрокат?

– Только идиот или недоумок способен одолжить оружие, – возразил следователь. – Умный заказчик не станет совать свою голову в петлю. Похоже на то, что убийца отличается хладнокровием и дерзостью. Впрочем, до сих пор неизвестно кто, мужчина или женщина?

Из экспертно-криминалистического отдела Зуд возвратился в кабинет, где его уже подждал Георгий Чибис. По мимике его лица, энергичной жестикуляции нетрудно было догадаться, что оперативник настроен весьма решительно – рвется в бой. Не успел следователь расположиться в кресле, как он подступил с предложениями:

– Валерий Янович, может нам поднажать на Тяглого и он расколется, как грецкий орех, начнет давать признательные показания и мы лихо разделаемся с этим делом?

– Не торопись, капитан, на мой взгляд, Рэм Анисимович еще не созрел. К тому же мы не можем, как это практиковалось при Вышинском, когда признание считалось царицей доказательств, психологически воздействовать на подозреваемого. Это незаконные методы, которые не приблизят нас к истине, к раскрытию преступления.

– Но в любом случае, допрашивая подозреваемого, мы оказываем на него психологическое воздействие, – возразил капитан.

– Только отчасти. Все зависит от степени воздействия, чувства меры, без перегиба палки, – заметил Зуд. – Это, как игра в шахматы, состязание ума, интеллекта, опыта, такти-

ки. Подозреваемый должен быть загнан в угол не силовыми, психологическими методами, ущемляющими его достоинство, а неопровержимыми уликами, вещдоками, актами судебных и прочих экспертиз, показаниями потерпевшей стороны, свидетелей, фактами и аргументами, лишаящими его шанса все отрицать. Хотя несогласие с обвинением, отказ от дачи показаний, как форма защиты, предусмотрены законодательством. Что касается Тяглого, то у нас еще недостаточно оснований для его ареста. На данном этапе следствия я ограничил его свободу подпиской о невыезде. Повременим неделю-другую, когда ситуация созреет. Возможно, он и сам осознает тяжесть содеянного и обратится с повинной и это упростит нашу задачу. Постоянные угрызения совести, ночные кошмары – не менее серьезные испытания для психики, чем лишение свободы.

– Сбежит ведь, как пить дать сбежит! – с запальчивостью произнес Чибис.– Валюты у него, поди, куры не клюют, на коммерции, спекуляции за время работы в фирме немало наварил. Рванет в дальнее или же ближнее зарубежье. Для него это не проблема и ищи тогда ветер в поле.

– Далеко не убежит, для него же хуже будет.

– Смотрите, Валерий Янович, я бы на вашем месте не медлил, а брал бы его за жабры без всяких размышлений. СИЗО – не санаторий и там у параши и на хреновой каше он бы быстро созрел в компании урков, охотно стал бы давать признательные показания. Мы бы с вами поставили точку в

этом громком деле.

– Поставим, не сомневайся, Георгий,– улыбнулся Зуд.– Но всему свое время. Спешка в нашем деле, нередко оборачивается поражением, а мы не имеем права на ошибку.

– Да будет вам известно, Валерий Янович, что Тяглый, еще тот фрукт, уперся рогом и категорически отказывается пройти обследование у психиатра, – выложил последний козырь капитан.

– Каковы мотивы?

– Он считает, что визит к психиатру унижает его человеческое достоинство. Бьет себя в грудь, заявляя, что здоров, как бык. Что с ним, таким упертым хохлом, делать?

– Живо доставь его в психдиспансер на обследование в принудительном порядке. Возьми двоих ребят из конвоя и дуй к нему в офис. Не пожелал по-хорошему и тихо, берите его публично и в наручниках. Пусть ему впредь наукой будет за упрямство.

– Будет сделано! – с азартом охотника заявил Чибис.

15. Выбор преемника

В десять часов утра, как ранее и было обозначено в объявлении, акционеры ЗАО «Nika». собрались в конференц-зале офиса. Помещение было оформлено в соответствии с траурной атмосферой, царившей в коллективе. В глубине сцены за распахнутыми тяжелыми багрово-красными шторами порт-

реты Стужиной и Рябко в черном обрамлении и с лентами на уголках. Рядом несколько оплывших свечей. Окна наглухо задрапированы, зеркала в холле закрыты темной тканью. Мужчины и женщины в темных одеяниях, говорят вполголоса, словно покойники еще не вынесены из зала и их души присутствует в каждом уголке. Тягостное ощущение чего-то тяжелого, каменной плитой давящего к земле.

В президиуме за столом, покрытым темной скатертью профсоюзный вожак Вениамин Крот и секретарь Наталья Ласка. Председательствующий с озабоченным видом взглянул на наручные часы, когда-то подаренные за пропаганду марксистско-ленинского учения. Обвел всех печальным, как у бульдога взором и хрипловатым голосом произнес:

– Уважаемые господа или товарищи, как кому угодно. Наш коллектив, нашу фирму постигло большое горе. Злодейская, коварная рука унесла жизни прекрасного руководителя и душевного чуткого человека президента Ники Сергеевны Стужиной и ее водителя и охранника Семена Рябко. Память о них навсегда сохранится в наших сердцах. Почтим их память минутой молчания. Прошу всех без исключения встать.

Все послушно поднялись. В тягостной тишине слышно было, как потрескивают оплывшие свечи, бросая блики на портреты убиенных, да за окнами гудит ветер. Наташа опустила голову, едва сдерживая рыдания. Многие из женщин в зале вытирали платками набежавшие на глаза слезы. Им ка-

залось, что глаза Ники, взирающие с портрета, их молчаливо осуждают, мол, не смогли уберечь.

Вениамин Яковлевич еще двадцать лет назад в период «развитого социализма» почившего в бозе, усердно занимался в университете марксизма-ленинизма и сохранил конспекты лекций с цитатами из многотомных трудов классиков. Он часто, чтобы блеснуть эрудицией, вытаскивал крылатые изречения и афоризмы из своей памяти или блокнота на божий свет. Для Ласки, родившейся за четыре года до заката СССР, партийные корифеи-авторитеты, на которых ссылался ветеран, представлялись дремучими динозаврами из далекой эпохи, по сути, первого тысячелетия.

– Итак, товарищи, господа, как сказал великий Ленин, вождь мирового пролетариата, угнетенных народов, бытие определяет сознание, – торжественно, озирая зал, изрек профсоюзный деятель.

– Эх, ешки-матрешки, не уберегли кормилицу-поилицу! Кому только Ника Сергеевна могла дорогу перейти? Если бы знал, что такое случится, то охранял бы, как зеницу ока, жизни бы своей не пощадил, – сорвался с места Панкрат Хребец. – Будя, тебе, Веня, заливать насчет мирового пролетариата, без нас разберутся. Туземцы живут в Африке, Америке и Азии и не знают, что у них есть такой вождь-бурлак с Волги. У папуасов, эфиопов, арабов, индейцев и прочих разноцветных аборигенов свои вожди с перьями на голове и о Ленине они ни хрена не знают, поэтому не разводи здесь ка-

нитель, не мути воду. При живой Стужиной ты насчет идеологии молчал, как рыба, лишь глазами лупал, боялся высунуться, как бы чего не случилось. А теперь хвост распустил, кочетом ходишь.

– Если бы Ника была жива, то и не собирались бы по этому поводу, – ответил Крот. – А бытие было неплохое, хватало и выпить, и закусить. Надобно выбрать достойного преемника. А то ведь не ровен час, если дела пойдут худо, то придется милостыню просить.

– Оказывается Ника Сергеевна не такой уж и ангелочек с белыми крылышками, – с лукавой ухмылкой заявил Хребец. – Оставила нам пустую казну, как хочешь, так и выживай, хоть зубы на полку.

– Молчать! – оборвал его Лещук и напомнил. – О мертвых хорошо или ничего. Святые заповеди следует почитать.

– Ты мне рот не затыкай, здесь не ментовка, – возразил Панкрат Лукич. – Демократия, имею право на личное мнение. Так вот, наши кровью и потом заработанные деньги Стужина транжирила налево и направо. То ментам в их фонд «Правопорядок», то детям-сиротам в интернат. Блюстители и так сидят на шее у трудового народа. А насчет детей, то тот, кто их строгал, получая удовольствие, и должен их кормить.

– Панкрат Лукич, не богохульствуй, – попросила Бабей.

– Не отвлекайтесь от повестки дня, – велел Крот.

– Что же ты Веня, выдающийся профсоюзный деятель, сидел рядом со Стужиной и не хрена не видел, как она наши

трудо­вые день­ги пу­ска­ла на ветер. Ты же по­сто­ян­но гор­ло дер­ешь, что го­тов лечь ко­стью­ми за ин­те­ре­сы ра­боче­го клас­са.

– А ты, Пан­крат, по­про­бо­вал бы не сдать день­ги в фонд «Правопорядок», то со­труд­ни­ки ко­мпе­тен­тных ор­га­нов за­бо­да­ли бы фир­му про­вер­ка­ми, раз­ри­ли и ли­ши­ли ли­цен­зии, – двинул кон­тра­р­гу­мен­ты проф­босс. – А де­тей-си­рот не смей ха­ить и оби­жать. Они – бу­ду­щие стро­и­те­ли ко­мму­ни­зма. Я верю, вспых­нет еще ре­во­лю­ция про­тив бур­жуев, Кро­во­пий­цев тру­до­во­го на­ро­да. До­ве­дут они сво­и­ми ре­фор­ма­ми ра­бочий клас­с до бе­ло­го ка­ле­ния го­ря­че­го ки­пе­ния, воз­му­тятся тру­же­ни­ки за то­по­ры, ко­сы и ви­лы. Нам бы Ле­ни­на, Иль­ича для та­ко­го су­рье­з­но­го де­ла, а о ведь на­ро­д, что ста­до, нужен смелый во­ждь. По­хе­ри­ли со­ци­а­лизм, его за­во­е­ва­ния без боя от­да­ли оли­гар­хам, бур­жуям. Вот вам зве­ри­ный ос­кал ка­пи­та­ли­зма. В со­вет­ское вре­мя та­ких ди­ких уби­йств не бы­ло.

– Не рви серд­це, Веня. Твои же ко­мму­ни­сты-ате­и­сты раз­ва­ли­ли мо­гу­чий Со­юз, раз­бре­лись по на­ци­о­наль­ным «квар­ти­рам», пре­вра­ти­лись, кто в бур­жуев, кто в по­ме­щи­ков и по­пов, а кто в кон­фор­ми­стов и ты у них на служ­бе, – на­по­м­нил Хре­бец. – Сы­ро­сть не раз­во­ди, не при­ки­ды­вай­ся си­рым и убо­гим, как тот ев­рей, в лю­бую щель про­ле­зешь. И пре­жде, ок­ро­мя соб­ра­ний, за­се­да­ний, ор­га­ни­за­ции бан­ке­тов-фу­рше­тов ни­чем дру­гим в жи­зни не за­ни­ма­лся, бак­лу­ши бил. А та­кие де­ма­го­ги нын­че в по­че­те. При­стро­и­шься к ка­кой-ни­бу­дь неф­тя­ной или га­зо­вой фир­ме, а вот нам, бе­до­ла­гам, тру­дно

придется.

– Ладно, Панкрат Лукич, не нарушай регламент. Здесь тебе не вечер воспоминаний и причитаний, а официальное собрание, – осадил его строгим голосом ветеран. – Слез до этого много пролили, а теперь за дело. Ника Сергеевна почила, а нам еще барахтаться в мирской суете, в заботах о хлебе насущном и ненасытном чреве.

– Да, чрево, брюхо у тебя, Веня, дай Бог каждому, – ухмыльнулся Панкрат. – Как у штангиста тяжеловеса или японского борца сумо.

– Не путай праведное с грешным. Это мой трудовой мозоль, – возразил Крот. – Ты бы посидел на собраниях, заседаниях, симпозиумах по пять-шесть часов кряду, у тебя бы не только живот вырос, но плоскостопие и геморрой появились.

– Так у тебя, еще и геморрой?! – из радости или сочувствия воскликнул неугомонный акционер.

– Нет, Бог миловал, хотя у чиновников и депутатов это профессиональная болезнь, им не позавидуешь. Ладно, Панкрат, не сбивай меня с понталыку, не уводи в сторону от повестки дня. Я свои убеждения не меняю, как некоторые оборотни из высшей партноменклатуры, с ними, как большевик ленинской закалки, и в гроб сойду. Прошу строго соблюдать регламент, не превращайте собрание в базар. Переходим к повестке дня внеочередного собрания акционеров.

– Что ж мы так быстро, скупо о Стужиной? Девять дней

лишь минуло, а на сорок и совсем позабудем, – подала свой голос заведующая планово-финансовым отделом Тамара Львовна Бабей.– Надо бы на здании о ней и Семене память увековечить мемориальной доской, а на месте гибели установить мраморную стелу.

– Тамара Львовна, не забегайте вперед, не вы одна такая умная и сердечная, эти вопросы уже решаются в рабочем порядке, а на повестке у нас другие, поэтому прошу строго соблюдать регламент. Главный вопрос – выборы президента. Фирма не может долгое время работать без руководителя, иначе потеряет свой престиж и имидж. Обязанности исполняет вице-президент Тяглый Рэм Анисимович, но это временное явление. Президент должен быть правомочным, чтобы потом не возникло юридических коллизий. Правильно я выражаюсь, Павел Иванович?

– В принципе да. Президент должен быть наделен акционерами властными полномочиями, чтобы ни у кого не возникло сомнений в его легитимности, – подтвердил Лещук.– Никто из серьезных деловых партнеров с и. о. считаться не станет. Ведь сегодня этот и. о. в кресле, а завтра– его под зад коленом могут вытурить. И все договоры, контракты– коту под хвост! Ведь так издавна повелось, что новая метла по-новому метет. Кто бы не занял кресло президента, начнет воплощать свои идеи.

С этими доводами акционеры согласились. Избрали секретариат собрания, членов счетной комиссии.

– Предлагайте кандидатуры на должность президента, а уж тот, кто будет избран, назначит себе заместителя и проведет другие кадровые перестановки. Это его право, – продолжил Крот. – Только прошу ответственно подойти к этой процедуре, глубоко проанализировать и оценить деловые качества претендентов, чтобы не ошибиться в выборе.

– Предлагаю в президенты Рэма Анисимовича, – поднялась Бабей. – Знаю его, как грамотного специалиста-финансиста. Он с первого дня работает в фирме и много сделал для ее процветания. Думаю, что если бы Стужина была жива, то одобрила бы наш выбор.

– Если бы Стужина была жива, то нам здесь, собираться не пришлось. Ей теперь все по барабану, а нам в этом серпентарии еще жить-поживать и добра наживать, – перебил ее акционер Панкрат Хребец среднего роста колченогий крепыш с рыжеватой-медной прической и жесткой щетиной на скуластом лице и ястребиным взглядом по-азиатски раскосых глаз. Живущий исключительно на дивиденды и прожигающий деньги в питейных заведениях из-за отсутствия постоянной жены, а значит и контроля за семейным бюджетом. Он перевел дыхание и продолжил:

– Ничего не имею против Рэма Анисимовича. Трудолюбивый, как вол, грамотный бухгалтер. У него ни одна копейка не пропадет, все исправно и в срок платит, но есть один серьезный недостаток.

Все насторожились и кто-то отчетливо спросил:

– Какой еще недостаток?

– Ешки-матрешки! Он совершенно не употребляет спиртные напитки, в любой компании выглядит белой вороной, – разрядил обстановку оратор и смех прошелестел по рядам.

– Это достоинство! – донеслось из зала. – Я тоже трезвенник, занимаюсь спортом и очень прекрасно себя чувствую. Нам еще премию полагается давать за пропаганду здорового образа жизни.

– Да, да, именно недостаток! Во-первых, отказываясь от покупки спиртного, вы, саботажники, тормозите товарооборот, а значит, сдерживаете динамичное развитие экономики, – настаивал Панкрат. – Во-вторых, несколько раз при встречах я предлагал Рэму выпить за здоровье и вечную дружбу, причаститься и закусить за мои кровные, то есть на халяву, так он ни в какую. Считаю это серьезным недостатком. Он же на презентациях, на разных совещаниях, форумах и совещаниях, где без банкетов и фуршетов не обходится, будет выглядеть белой вороной. Ведь там нередко напиваются в дрезину. Не представляю, как закоренелый трезвенник будет заключать деловые сделки, устраивать презентации, а? Я вас спрашиваю, как человек, достаток которого зависит от того, кто правит фирмой. Или мне уже надо сбывать акции, пока они не упали в цене или вовсе не сгорели? Не хочу превращаться в бомжа и умирать с голоду от такой хреновой прихватизации, когда криминальным буржуям – все, а бедным – дырка от бублика. Коль пошла такая свистопляска,

то я тоже хочу быть президентом.

– Кто тебя выдвинет? Хотеть не вредно. Всех под монастырь подведешь, – бросил реплику руководитель маркетинговой службы Серафим Дробицкий. – Никто за тебя, любителя Бахуса, не поручится.

– Никого не прошу, имею по уставу право на самовыдвижение, – заявил акционер. Своими аргументами и амбициями Хребец озадачил зал. Ведь действительно, не к лицу президенту быть белой вороной на банкетах и фуршетах, когда вокруг пьют, гуляют, поют. и танцуют. Посчитают чем-то недовольным или безнадежно больным. Особенно лоббисты из числа депутатов, чиновников или деловых партнеров.

– В интересах фирмы, я готов иногда, когда в этом будет слишком острая необходимость, пожертвовать здоровьем. Но лишь немного элитного коньяка или вина, но ни грамма самогона или другой гадости, – заявил Тяглый и этой фразой вернул себе симпатии сомневающихся акционеров и уже иронично добавил. – Если почувствую, что не справляюсь, то назначу штатным завсегдаем банкетов-фуршетов господина Хребца, у него отменная закалка и луженая глотка по уничтожению водки, коньяка...

– Рэм Анисимович, к вашим услугам, всегда готов. Сегодня же и начнем тренинг, – ответил довольный исходом дискуссии Панкрат. – Берите пример с нашего профсоюзного босса, он никогда от рюмашки-другой не отказывается. Поэтому до гробовой доски быть ему нашим профсоюзным во-

ждем. Он знает, что надо рабочему человеку для поднятия бодрости и тонуса. Если ответишь на мой вопрос, в чем состоит искусство бухгалтера, то проголосую за вашу персону.

– Если коротко, то в финансовой дисциплине, в том, чтобы дебит сходился с кредитом, снижалась себестоимость продукции и нарастала рентабельность, то есть прибыль, – без запинки, как на экзамене ответил Тяглый.

– Эх, Рэм Анисимович, ни хрена ты в финансах не разбираешься. Я бы не дал диплом, – ухмыльнулся Хребец. – Искусство бухгалтера и кассира состоит в том, что гонять руль на счетах до тех пор, пока он не окажется в кармане...

По залу прокатился хохот и, когда он угас, обескураженный Тяглый промолвил:

– Панкрат Лукич, если следовать вашей логике, то это быстро приведет к банкротству. Я исхожу из того, что за движением финансов должен быть жесткий контроль и учет, так называемый аудит. Мой главный принцип: копейка рубль бережет.

– А-а, Рэм Анисимович, с тобой все ясно, типичная акула капитализма. Как только станешь президентом, то ни дивидендов, ни бонусов за ударный труд нам не видать, как собственных ушей. Всех посадишь на голодный паек. На мой голос не рассчитывай, я ишо из ума не выжил, чтобы рыть себе могилу, – заявил акционер.

– Не сейте панику, ни обостряйте ситуацию, я буду действовать по свести в соответствии с законами и уставом на-

шей фирмы, – пообещал кандидат в президенты.

– Давайте дадим и юристу немного порулить. Он в суде уже успел несколько дел выиграть, в том числе у фирм «Троянда» и «Эдельвейс», – предложил кто-то из акционеров.

– Пусть Лещук сначала слово скажет, свою программу двинет. Может и не исполнит ее, зато порадует обещаниями, – велел Хребец и спрогнозировал. – Чтобы не получилось, что выберем кота в мешке, а он потом покажет нам дулю с маком. Все под себя начнет грести. Ешки-матрешки, у каждого своя плошка и ложка.

– Панкрат Лукич, соблюдайте культуру полемики, – с удовольствием сделал ему замечание Крот и обратился к акционерам. – Рэма Анисимовича мы, как облупленного знаем, а вот Лещук для многих из нас варяг. Поэтому Павел Иванович, прошу на трибуну, народ жаждет услышать, толкните речь, что нас ждет в ближайшей перспективе?

Юрисконсульт бодрым шагом прошел по залу и поднялся на сцену за трибуну с логотипом фирмы «Nika». Расслабил узел галстука и набрал в легкие воздух, окинул аудиторию радушным взглядом.

– Дамы и господа, леди и джентльмены! Товарищи, друзья! – с оптимизмом произнес он. – Даю слово офицера, что в том случае, если вы изберете меня президентом, то я переориентирую нашу фирму с продажи оргтехники, которая уже не приносит высокой прибыли на прогрессирующий и процветающий топливно-энергетический и ликероводочный

бизнес.

Для начала организуем продажу ГСМ с бензовозов на самых оживленных трассах, а потом построим сеть АЗС. В магазинах и киосках наладим реализацию водки, вина, пива и других спиртных напитков и табачных изделий. Такой товар на прилавках и полках не залеживается, всегда в обороте и приносит огромные прибыли. Через год-другой у каждого из наших акционеров появится иномарка и другое дорогое движимое и недвижимое имущество. Заживем прекрасно, как у Бога за пазухой...

— Я готов в ущерб своему здоровью ради процветания фирмы в поте лица своего трудиться главным дегустатором, — предложил свои услуги Хребец и с гордостью констатировал. — В напитках я толк знаю, много чего попробовал и остался жив и здоров, чего и вам всем желаю.

— Эх, Павел Иванович, вашими бы устами да мед ласкать, — вступил в полемику Тяглый, обеспокоенный симпатией аудитории к юрисконсульту, как серьезному сопернику. — Для осуществления этих наполеоновских проектов-прожектов необходимы большие капиталовложения. Скромные оборотные средства, активы фирмы пока не позволяют широко развернуться. К тому же, для смены рода предпринимательской деятельности на топливно-энергетический и ликероводочный бизнес потребуется лицензия, а чиновники ее за красивые глаза не дают.

Придется не один месяц обивать пороги кабинетов, неся

расходы на взятки и прочие презенты. Коррупция, как и мафия, бессмертны. Поэтому Павел Иванович ваш план нереален, это благие пожелания, миф. Без покровительства и лобби в высшем эшелоне власти на сверхприбыльный рынок нефтепродуктов и спиртных напитков никто и на пушечный выстрел не подпустит.

– Валюта, доллары и евро, открывают самые прочные и неприступные двери депутатских и чиновничьих кабинетов, – заверил Лещук. – Поэтому в парламент по партийным спискам прошла алчная орда родственников, кумовьев, сватов и прочих плутов и недоумков с купленными дипломами, учеными и почетными званиями и наградами. После развала царят беспорядок, коррупция и бардак. Политическая «элита» живет и действует не по законам, а по понятиям. Глядя на них, также жируют местные депутаты и чиновники. Я в депутаты не попал, за проходное место в списке требовали большие бабки, а у меня в кармане вошь на аркане. Так может на этот раз повезет – стану президентом. Чем я хуже других? Тоже хочу кушать хлеб с маслом и икрой, не кабачковой, а черной и красной. Дайте и мне хоть немного порулить, если не страной, то хотя бы коммерческой фирмой.

– Вы не открываете Америку, это общеизвестно, – парировал его реплику и.о. президента. – Только где ж их взять в семи, шестизначных цифрах? Такие деньги с неба не упадут и на дороге не валяются.

– Возьмем долгосрочный под выгодные проценты кредит

в банке, – не отступал Павел Иванович.

– Кредит очень сердит, – неожиданно для всех в рифму изрек Тяглый и пояснил. – Банки неохотно расстаются с валютой и, если предоставляют кредит, то под высокие проценты и в залог потребуют недвижимость и другие материальные ценности. Очень большой риск и есть опасность оказаться банкротом, пойти с молотка. Мы не вправе ставить под удар благополучие своих акционеров.

– Обойдемся без авантюрных экспериментов, – поддержал Рэма Анисимовича Дробицкий. – Радужные обещания райской жизни, прозвучавшие из уст Лещука, мне напомнили анекдот. Спрашивают, сколько килограммов яблок съест слон? Отвечаю: слопаёт он много, центнер, а может и два. Да только кто ему столько даст.

В зале дружно рассмеялись, вдохновив Серафима и он продолжил развивать мысль, нанося нокаутирующий удар:

– Вот и вы, Павел Иванович, сгоряча не разобравшись в ситуации, наобещали всем золотые горы и реки полные вина. Лучше синица в руке, чем журавль в небе. А Тяглого мы столько лет и зим знаем, грамотный, семь пядей во лбу, осторожный, семь раз отмеряет, прежде, чем отрезать, не лезет на рожон. Верно, говорят, только Рэм Анисимович, не обижайтесь, такова присказка, старый конь борозды не испортит.

– Правильно, правильно! – послышались возгласы акционеров.

– Надо выбирать Тяглого, мы его знаем, не подведет, а Лещук в фирме без году неделя и в финансовых делах дилетант, может наломать кучу дров со своими бензовозами и водочными и табачными изделиями, – заявил Крот, уловив перемену настроений в зале в пользу Рэма Анисимовича и аргументировал свои предпочтения. – Беда в том, что на нефть и водку, как мухи на мед, слетаются инспектора, ревизоры и контролеры фискальных органов, милиции, ГАИ, ДПС, прокуратуры, КРУ, налоговой и экологической инспекций, пожарнадзора, санэпидемстанции. Да и рэкетирсы сядут на шею под предлогом обеспечения «крыши» от наездов конкурентов и криминальных структур. Каждый постарается свою пайку от нашего пирога отхватить и нам ничего не останется, сожрут с потрохами. Поэтому овчина выделки не стоит.

– Отобьемся, у меня надежные связи, – без прежнего энтузиазма, поняв, что удача змеей выскользнула из рук, произнес юрисконсульт. – Тогда вы станете жить в достатке и роскоши, как белые люди, не будете считать жалкие гроши, чтобы при постоянном росте цен и инфляции хватило от зарплаты до зарплаты. А Панкрат позабудет о пропахших мочой и брагой кабаках, превратится в завсегдатая казино, элитных ночных клубов, ресторанов. Вместо паленой водки и зеленой бормотухи будет пить армянский коньяк, «Наполеон», «Жан-Жак» и другие дорогие и изысканные спиртные напитки. Но в том случае, если окажите доверие.

– Bravo, Павел Иванович! – заплодировал Хребец. – Предлагаю голосовать за господина Лещука. Он – мужик надежный, упрямый, как вол или конь-тяжеловес. Выведет фирму вперед по всем технико-экономическим показателям. Главное – увеличится прибыль и возрастут дивиденды. Всегда будет, что выпить и плотно закусить.

– Панкрат Лукич, коль ты самозванец, то есть самовыдвиженец то твой черед излагать программу, – напомнил Крот. Хребец лихо, почти галопом проскакал через зал и оседлал трибуну.

– Дорогие граждане, земляки! Я тоже лыком не шит и долго размышлял над тем, как повернуть дело, чтобы деньги не к олигархам-мошенникам, а к нам сами поплыли, – признался Панкрат. – И придумал ноу-хау. Если вы сделаете меня своим президентом, то я перепрофилирую здание нашего офиса в отель с пятью звездочками, как коньяк. Часть помещений будем сдавать в аренду под казино с рулеткой и игровыми автоматами, салоны красоты, брачные и модельные агентства, сауны и бильярдные, а номера состоятельным господам и женщинам для интимных встреч. Питейно-развлекательный бизнес, построенный на потребностях и азарте богачей, страдающих лудоманией, не менее прибыльный, чем нефтяной и водочный...

– Панкрат Лукич, ты никак с глузду зыхав?! – возмутилась Бабей. – Тож будэ ни офис, а публичный дом для распутных баб. Дэ мы будэмо працоваты? Поруч со шлендами.

– Тамара Львовна, а тебе, какая разница, главное, чтобы деньги платили, они ведь не пахнут, – отбил атаку Хребец.

– Панкрат, пошел ты к черту со своим ноу-хау. Так договоришься до того, что предложишь заняться сбытом наркотических и психотропных веществ, – бросил реплику Дробицкий.

– Между прочим, прекрасная идея, – оживился акционер и сообщил. – Наркобизнес после продажи оружия по прибыльности занимает второе место, а уже потом следует проституция. Но в нашем отеле можно будет и гейшам выделить офис, чтобы обслуживали гостей.

– И тот же Зуд, въедливый, словно кислота, всех нас повяжет и отправит по этапу на нары и казенные харчи, – нарисовал мрачную перспективу юриконсульт, похоронив «прекрасную» идею. – Я сам десятка три-четыре наркоманов и содержателей притонов загнал в ИТК и не желаю с ними встретиться за «колючкой». Противно и аморально зарабатывать на проститутках, лудоманах и наркоманах. Мы – не сутенеры, а порядочные люди. Правильно я говорю?

– Правильно! – слышались возгласы из зала.

– Как хотите, ради вас же мозги сушу и парюсь. Думаете, Панкрат, за свою шкуру дрожит? – вошел в раж оратор. – У меня за вас, страдальцы, душа болит. Если наша фирма лопнет, как мыльный пузырь, то я без работы не останусь. У меня светлая голова и золотые руки. Недавно один предприниматель предложил обслуживать два био-туалета для мужи-

ков и баб, так я отказался. Понял, что при плохой кормежке людей на их дерьме много не заработаешь. К тому же, наш сообразительный народ привык справлять нужду за углами и под кустами....

– Панкрат, кончай разводить демагогию о туалетах. Соблюдай правила приличия! – осадил его Крот.

– Вы еще горько пожалеете, что меня не послушались, – покидая трибуну, обиделся Хребец на акционеров, не оценивших его инновационный проект. – Вы – близоруки и не способны видеть перспективу. Я беру самоотвод, снимаю свою кандидатуру в пользу Лещука.

– Прошу раньше времени ни агитировать, каждый сделает свой выбор. Дамы и господа хорошие, предлагайте больше кандидатур, – оживился за столом президиума польщенный Крот. – Должна быть альтернатива, иначе никакой демократии и выбора. Не интересно, когда все наперед известно. Какие мнения по поводу Лещука? Включаем его в бюллетень для голосования?

– Павел Иванович, хоть и успел отличиться, отстаивая интересы фирмы, однако работает в ней без году неделя, – заметила Бабей. – Пусть еще проявит себя, поработает в прежней должности, а потом и за продвижением по служебной лестнице дело не станет. Ника Сергеевна не торопилась с новыми назначениями, а присматривалась к людям, оценивала их потенциальные возможности.

– Мы включим юриста в бюллетень, ибо не имеем права

лишать его шанса,— разумно заметил Вениамин Яковлевич, памятуя о том, что с юрисконсультom всегда можно сообразить на двоих, а с Рэмом каши не сваришь.— Что касается сроков работы, то вопрос весьма спорный. Другой сотрудник и за десять лет неспособен себя достижениями проявить, а другому и несколько месяцев достаточно, чтобы наворочать кучу дел.

— Делами тоже надо с умом ворочать, чтобы они не стали уголовными. А Рэму Анисимовичу пожелаю, чтобы он иногда, ради общего дела, здоровьем жертвовал, а жизнью нет. Нам хватило горя, что похоронили Стужину и Рябко, — вновь проявил активность Хребец. — Вениамин Яковлевич, а почему бы вам самому не потряхнуть стариной, коль так печетесь о прежнем порядке? У вас огромный опыт партийно-хозяйственной и профсоюзной работы, почитай не одну собаку в этом деле съели. Старый конь, как говорится, борозды не испортит. Вот и впрягайтесь ради общего блага, светлого будущего, а не отсиживайтесь в тени, марая бумагу протоколами и резолюциями, страшая сотрудников выговорами, которые уже потеряли свое воспитательное значение.

— Эх, Панкрат Лукич, когда-то и мы тоже были рысакami,— вздохнул Крот.— Но, как в старой песне поется, молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет. Хотя какой нынче к черту почет, многие старики доживают остаток лет в нищете, людьми и Богом забытые. Нет, мое время ушло пусть молодые, да резвые рулят.

– Что, укатали Сивку крутые горки,– усмехнулся довольный полемикой Хребец, прославивший закоперщиком.

– Будя тебе мозги пудрить, это тебе не бенефис, не вечер одного актера. Или может сам в президенты метишь? Так не валяй Ваньку, а прямо признайся. Хотя тебе, баламуту, опасно фирму доверять, все добро, недвижимое по ветру пустишь, – остановил оратора начальник маркетинговой службы Серафим Дробицкий.

– А впрочем, господа-товарищи, если вы настаиваете, то я не против попытать счастье, как говорится, по многочисленным просьбам трудящихся. Тряхну стариной, где наше не пропадало, – вдруг проявил интерес профбосс.

– Bravo, Веня! Так держать! – завопил Хребец и призвал. – Голосуйте за Крота! Старый конь борозды не испортит. Будет идти по следам Стужиной, а значит, никто из нас не пострадает, а наоборот, получит от бизнеса солидные дивиденды.

– Предлагаю прекратить выдвижение кандидатур, подвести черту, а то дело дойдет до того, что и наша техничка Бронислава пожелает вместо швабры и веников порулить фирмой, —предложил Дробицкий. —Каждому надо трезво оценивать свои знания, опыт, организаторские способности, а не мнить себя Наполеоном. Если таковы есть, то им необходимо срочно обратиться к психиатру. Я ведь не рыпаюсь, критически оцениваю свои возможности и тоже советую другим. Для голосования достаточно в бюллетени и двух

кандидатур, Тяглого и Лешука. И, пользуясь случаем, спрашиваю у Павла Ивановича, почему его друзья из милиции мышей не ловят? Будет ли найден, задержан и наказан убийца наших сотрудников? И почему бы ему самому не подключиться к расследованию, ведь не каждый до майора способен дослужиться.

– Как же не ловят мышей? Ловят, – поднялся со стула юрисконсульт. – Но первую скрипку играют не сотрудники милиции, а прокуратуры, так как следственно-оперативную группу возглавляет следователь по особо важным делам прокуратуры Валерий Янович Зуд. Он – человек своеобразный, тщеславный, посторонних к делу не допускает, все лавры мечтает взять себе. На все вопросы один ответ – следственная тайна. Но, по информации из достоверных источников, осуществляются розыскные мероприятия. Недавно у одного из студентов техникума был обнаружен мобильный телефон, похищенный во время убийства у Стужиной. Я не утратил профессиональных навыков и хватки, но судя по всему, Зуд и другие сотрудники опергруппы в моих услугах не нуждаются. Но это вовсе не означает, что я равнодушен к памяти Стужиной и Рябко. Внимательно отслеживаю ситуацию, ход расследования, видя в нем явные проколы и дилетантство, намерен заняться частным сыском. Клянусь найти убийцу нашей дорогой и горячо любимой Ники. Ее кровь вызывает к нашей совести и чести, должна быть отмщена. Попадись мне убийца, то без суда и следствия, вот этими руками задушу

гадину!

– Павел Иванович, а разве можно без суда и следствия, ведь это произвол? – заметил Крот, считавший себя знатным юристом, социологом, политологом и прочих наук.

– Можно и должно, любезный Вениамин Яковлевич, при попытке к бегству или при острой необходимости самообороны, так как преступник вооружен и опасен. Поэтому надо действовать на упреждение.

– Одобряю, достойный настоящего мужчины и офицера благородный порыв, – похвалил профбосс. – Я бы вам, Пал Иваныч, охотно помог, но уже годы не те, только мешать буду, в ногах путаться без толку.

– Вениамин Яковлевич, как пить и кутить, так вы всегда готовы, а как преступника ловить, так в кусты, здоровье не позволяет, – упрекнула профвожака Бабей.

– Вы, Тамара Львовна, не перекручивайте факты, не провоцируйте публику, – огрызнулся ветеран.

– А по мне, так Богу – богово, а кесарю – кесарево, – подал голос Тяглый. – Чтобы не наломать дров, лучше в это дело не вмешиваться. Пусть милиция и прокуратура занимаются расследованием. Они – профессионалы и за это хлеб с маслом едят.

– Рэм, как всегда, прав, – поддержал его Хребец. – Пусть сыщики ловят бандитов, им за это большие деньги платят и звания повышают.

Фамилии Тяглого и Лешука были вписаны в бюллетени, другие претенденты взяли самоотвод. Состоялось тайное голосование в кабине, установленной в холле. Процедура заняла не более получаса. Еще столько же счетная комиссия во главе с Бабей подсчитывала голоса. После антракта вновь собрались в конференц-зале в нетерпеливом ожидании результатов. Тамара Львовна и четверо других членов комиссии, как обладатели тайны, были торжественно-величественны, а претенденты внешне равнодушны, хотя, конечно же, по необычному поведению, мимике несложно было догадаться, что охвачены волнением. Бабей, тучная, давно утратившая присущую женщинам конфигурацию изящной скрипки, как монумент поднялась на трибуну. Окинула взглядом аудиторию.

– Дамы и господа!– как на торжественном светском рауте, начала она речь. – Счетная комиссия, тщательно изучив бюллетени, исследовав их, чтобы не было фальшивых, подвела итоги голосования. В бюллетени было внесено две кандидатуры на должность президента ЗАО «Nika». В голосовании приняли участие 167 акционеров. Недействительных, испорченных бюллетеней – один.

– Это Хребец дал маху! – донеслась реплика из зала.– Слишком перегрелся мужик от речей или лишку тяпнул.

– С утра ни в одном глазу, трезв, как стеклышко,– обиделся акционер.– За кого отдал свой голос, пока промолчу. Авось президент оценит и повысит дивиденды, тогда выпью

за его здоровье.

– Не мешай, Панкрат, вот демагог, хлебом не корми, дай только речь толкануть! —прикрикнули на него.— Тамара, не томи душу.

Бабей выдержала паузу, пока зал не притих, и продолжила. добавив бронзы в свой и без того зычный, как у рыночной торговки, голос:

–Против всех претендентов проголосовало 38 человек. За Крота – 13, Лещука – 55 и за Тяглого – 60 человека. Таким образом, президентом фирмы «Nika». избран Рэм Анисимович Тяглый.

«Всего шести голосов не хватило до победы, – с досадой подумал Лещук. – Этот старый боров Вениамин, все карты спутал, раздробил голоса. И сам не гам, и другому не дам. А ведь его симпатии могли бы проголосовать за меня. Интересно кому отдали предпочтение Ласка и Хребец? Надо бы у них об этом спросить, так ведь солгут, хотя будут уверять, что за меня. Эх, пролетел, как фанера, над Парижем».

В зале раздались бурные аплодисменты.

– Чертова дюжина тебе, Веня, на рыло, а не пост президента, – сквозь шум прорезался язвительный голос Панкрата.

– Типун тебе на язык, – не остался в долгу Крот, огорченный низким рейтингом. Он сидел с виноватым видом, часто моргал потускневшими за стеклами очков глазами.

– Прошу вас утвердить протокол счетной комиссии,—

предложила Бабей. Акционеры проголосовали поднятием рук.

– Рэм Анисимович, поздравляем вас с избранием на высокую должность и надеемся, что вы оправдаете доверие коллектива, станете достойным преемником Ники Сергеевны, – торжественно с расстановкой провозгласил Крот и, действительно, тряхнув стариной, бросил клич. – Виват! Победа будет за нами! На этом повестка дня исчерпана, собрание считаю закрытым.

– Как закрыто? А где культурная часть? Банкет и фуршет, как полагается, чтобы кресло было в самый раз, не изменяла фортуна, – произнес Хребец. – К тому же, Рэм Анисимович обязан выполнить данное нам обещание, дернуть стопку, причаститься. С него причитается. Вот и проверим, хозяин ли он своего слова? А если нет, то тут же отправим в отставку, нам слюнтяи не нужны.

Все обступили кольцом новоиспеченного президента, принимающего поздравления, пожимающего протянутые руки. Вот, что значит скиперт власти. Еще давеча, вроде бы и не замечали вице-президента, пребывавшего в тени Стужиной, а тут он в одночасье воспарил над всеми, несмотря на центнер с гаком живого веса.

– Рэм Анисимович, я вас искренне поздравляю с заслуженным успехом, – поздравил его Лещук. – Дорогой коллега, я ни секунды не сомневался в вашем высоком рейтинге, авторитете и победе. И не сердчайте, не держите камня за па-

зухой по поводу прежних недоразумений и обид, да и повода нет. Ника Сергеевна, царство ей небесное, оставила нас обоих. Поэтому в память о ней забудем о горьких днях. Как говорится, кто старое помянет, тому глаз – вон.

– Да я уж обо всем и позабыл, обиды и жажды мести в сердце не держу, – великодушно признался Тяглый. – Все, что плохое между нами было, быльем поросло.

– И насчет моего участия в выборах не обижайся, – продолжил юрисконсульт. – Охотно взял бы самоотвод, но, понимаешь, тебе ведь нужна была альтернатива, иначе это было бы пародией на демократию и выборы. Оценивалось бы нечто вроде назначения.

– Юрист, адвокат, довольно президента утомлять, кормить соловья баснями! – крикнул неутомимый Панкрат Лукич. – Соблюдай регламент. Почитай, каждый теперь считает за счастье пообщаться с Рэмом Анисимовичем. Вы им спуску не давайте, господин президент, иначе залезут на шею и еще погонять станут. Будьте строги, суровы, но справедливы и у вас все получится. А сейчас у нас по программе, как в солидных, уважающих себя конторах, праздничный фуршет.

Тяглый с роскошным букетом алых роз, врученных Лаской по поручению акционеров, под овации поднялся на сцену. Подождал, когда воцарится тишина и с улыбкой произнес:

– Дамы и господа, товарищи, дорогие друзья, коллеги! Сердечно признателен вам за оказанное доверие. Откровен-

но скажу, что для меня это приятная неожиданность. Я никогда не был карьеристом и не претендовал на роль руководителя, тем более на фоне достижений нашей незабвенной Ники Сергеевны. Но коль мне предназначено вами и судьбой продолжить ее светлое и славное дело, то коль взялся за гуж, то не говори, что не дюж. Я полагаю, что с вашей помощью наша «Ника», название фирмы ни при каких обстоятельствах не изменим, и впредь будет процветать. Бесспорно, позаботимся и о судьбе ее родителей и сына Феликса, о семье Рябко, его невесте, а вернее жене, а теперь вдове, которая ждет ребенка. Это наш гражданский, гуманный долг. Своим заместителем, вице-президентом назначаю Тамару Львовну Бабей, грамотного трудолюбивого и уважаемого вами специалиста и человека. Об остальных перемещениях в связи с вакансиями, я сообщу позже. Теперь по доброй традиции, приглашаю всех в банкетный зал. Отведаем, дамы, господа и товарищи, что Бог послал, тому и рады.

Расположенные, а вернее сдвинутые буквой П, столы были щедро сервированы. Спиртные напитки, минеральная вода, соки, жаркое, бутерброды, заливная и жареная рыба, салаты, желе, морс и прочие деликатесы аппетитно благоухали. Тяглый и Бабей устроились во главе стола. Профбосс, дабы пальму первенства не перехватил Панкрат, взял на себя приятную миссию тамады. Велел наполнить фужеры, призвал мужчин поухаживать за дамами и торжественно провозгласил тост:

– Во славу президента, дай Бог здоровья счастья и долголетия!

– Наш Рэм не боится проблем, у него лоб, как у Сократа, и ума – палата!– в довесок к тосту воскликнул Хребец, довольным взором обозрев коллег с наполненными фужерами.

– Без тебя, Панкрат-плутократ, здесь и конь не валялся, – упрекнул его тамада. Мужчины выпили стоя. Прозвучало еще три-четыре тоста и тогда с фужером, наполненным коньяком, поднялся Павел Иванович: – Давайте выпьем за то, чтобы в судах любой инстанции победа всегда была за нашей фирмой! Чтобы мы были на коне, а не под конем.

Его охотно поддержали. Даже при упорной сдержанности Тяглому пришлось выпить граммов двести коньяка и по заверению Панкрата, это можно считать первым боевым крещением. А очередные не за горами, ибо пообещал приобщить Рэма к искусству питья. Президент почувствовал себя раскованно и решил сразу же взять бразды правления в свои руки, проявить твердость характера, мол, никому не позволит на себе воду возить и вить веревки».

– Дамы и господа, вы не должны забывать народную мудрость о том, что копейка рубль бережет, – заявил он менторским тоном.

– Но жить ведь хорошо и красиво хочется, – напомнила Ласка.

– Хотеть не вредно, Наталья Васильевна, – осадил ее Тяглый. – Во всем должна быть разумная мера, режим учета

и экономии. Чтобы поправить финансовое положение, привлечь инвестиции частных лиц следует часть акций выставить на аукцион...

– Фиг вам с маком, – Панкрат ловко свернул кукиш. – Свои выставляй, а мои не тронь. Не хочу ни с кем делиться своей долей прибыли и быть последним лохом. Я это так понимаю, что, если скажем, сейчас мы делим яблоко на четырех, то, когда прибавятся новые рты, голодранцы, его придется резать на десятерых. Категорически против!

– Умерь свои потребности, – посоветовал Дробицкий. – А то ведь ни хрена не делаешь, а живешь, как у Бога за пазухой.

– Кто на что учился, – срезал его Хребец. – Никому не позволю на моем хребту наживаться.

– Остыньте пустой спор. Дурень думкою богатеет, – напомнил юрисконсульт и со знанием дела продолжил. – Ситуация такова, что после гибели Стужиной и Рябко, никто на акции фирмы не позарится. Вряд ли найдутся желающие рисковать своими кровными. Дохлый номер.

– Да, Павел Иванович совершенно прав, – согласился Тяглый. – Этот вариант придется отложить до лучших времен. Будем выживать за счет жесткой экономии собственных средств.

– Рэм Анисимович, я, как видный профсоюзный деятель, защитник интересов трудящихся, а не буржуазии, эксплуатирующей наемную рабсилу, не потерплю ущемления наших прав. Обязан вам напомнить, что главной мотивацией

для плодотворного труда является высокая зарплата и другие стимулы, – строго, словно с трибуны, произнес Крот. – И в первую очередь материальные, так как моральными уже сыты по горло. Людей интересуют деньги, валюта, а не почетные грамоты, дипломы, жидкие сувениры или благодарности. Ника Сергеевна это отлично понимала и охотно прислушивалась к моим мудрым советам. Чтобы не доводить ситуацию до забастовок и голодовок, следуйте ее примеру и все у нас получится. Официально заявляю, что профсоюз своих активных членов не даст никому в обиду!

– Я двумя руками и ногами поддерживаю Вениамина, Рэм, ну ты и жлоб! – возмутился Хребец. – С такой политической экономии ты скоро всех нас с гармонью или балалайкой загонишь в подземный переход или на вокзал. Пустишь по миру с сумой. Лучше бы я не драл за тебя глотку, а проголосовал за Пал Иваныча, нашего доблестного майора. Последней радости выпить и закусить лишаешь. Ника Сергеевна, царство ей небесное, не обижала, щедро платила и я приучил свой организм к коньяку и бренди, а теперь придется лакать гнусный самогон и паленую водку.

– Тоби, Панкратэ, не звывать, – заметила Бабей.

– Вынужденная мера, надо свести дебит с кредитом, ликвидировать дисбаланс, возникший при Стужиной, потом легче будет. Подниму и зарплаты, и премии, – заверил Тяглый. – Надо немного потерпеть. Я понимаю, что денег много не бывает, но надо войти в положение...

– В положение пусть Ласка входит, она молодая, созревшая в самый раз рожать, – перебил Панкрат.

– Лучше синица в руке, чем журавль в небе, – усмехнулся Крот и на манер Бабей, упрекнул. – Бачилы очи, шо купувалы. Мягко Рэм стелил, да жестко будет спать. Поглядим, что он за гусь, если станет нас, трудящихся, как липку драть, то через месяц переизберем к чертовой маери. У нас много достойных людей, способных рулить.

– Устала моя терпелка, в горле пересохло, – вздохнул Панкрат и, имея в виду спиртное, сообщил. – Надобно для полной кондиции еще принять на «грудь», пока Рэм не объявил «сухой закон».

Бокал мускатного шампанского взбодрил Наташу и в приемную она возвратилась в веселом настроении. Была довольна и тем, что наконец то в кабинете президента появится хозяин и она почувствует себя уверенно. Не будет вздрагивать при мысли, что за плотно закрытой дверью находится призрак Ники Сергеевны. Ей, порой, даже мерещилось незримое присутствие Стужиной, ее легкие шаги и приятный певучий голос. “Закажу завхозу новую табличку с именем Тяглого и настою, чтобы Рэм Анисимович, как можно быстрее переселился в президентский кабинет и кресло”, – с удовлетворением подумала она. Раскрыла косметичку и припудрила покрасневшие щеки, аккуратный носик. Услышала зуммер телефона и сняла трубку.

– Натали, где ты запропастилась? Я места себе не нахожу,

от тебя никаких известий, – донесся до нее встревоженный голос Муравича.

– Это от тебя ни одного звонка за неделю, – с недовольством ответила Ласка. – Наверное, не страдал, нашел замену в своем гареме?

– Извини, родная, но я не осмелился тебя побеспокоить. Полагал, что коль ты не пришла на свидание, то, как говорится, «сожгла мосты», – пояснил он. – Сама ведь предупредила, что не прочь сойтись с Феликсом, сыном богатенькой начальницы. Я ничего не забыл, у меня память на такие замыслы отличная.

– Не пришла потому, что случилась беда, трагедия. В тот злополучный вечер какой-то сумасшедший маньяк убил Никку Сергеевну и охранника. Об этом до их пор в городе на каждом углу, кому не лень судачат. Эдик, ты себе представить не можешь, какой ужас я испытала за несколько секунд, чуть не поседела. Пришлось бы перекрашиваться в блондинку, менять свой имидж и шарм.

– Ты в любом цвете очаровательна, обольстительна и очень желанна, – заверил студент.

– Самому лютому врагу такой пытки не пожелаешь, – продолжила она. – Ведь преступник и меня мог убить и уже готов был выстрелить, но я взмолилась и он оставил меня в живых. Я ощутила леденящее дыхание смерти. Слава тебе, Господи, что спас, что в сердце убийцы проявилась жалость и сострадание и он отвел пистолет.

– Жаль, что меня рядом с тобой не было. Я бы вас защитил, поднял шум, тревогу, – заверил он. – Наверное, я в этот момент находился в сквере летчиков. Больше часа тебя прождал и не осмелился тебя побеспокоить. А потом подвернулась выгодная шабашка. В разлуке понял, что не могу без тебя жить.

– Эдик, это ты сейчас такой смелый, а в той ситуации у тебя тоже бы душа в пятки ушла, – с грустью произнесла секретарь-референт. – Только сейчас немного пришла в себя. А ты, почему вдруг позвонил? Наверное, соскучился и плоть требует?

– И то, и другое, милая, конечно требует, я же живой человек, – с радостью признался он, почувствовал теплоту в ее голосе. – Давай вечером встретимся, приглашаю тебя в ресторан «Зюйд».

– О-о, я смотрю на тебя, мое предостережение положительно подействовало, – рассмеялась она. – Откуда у тебя, бедного студента, финансы? В казино, в рулетку выиграл, откопал клад или наследство от богатых родственников из дальнего зарубежья получил? Может, одолжил или кого-нибудь ограбил?

– Что ты, такое говоришь, – обиделся студент. – Привыкай к тому, что есть такое понятие, как коммерческая тайна.

– Все помешались на этой тайне, – заметила Ласка.

– Ты же сама мне посоветовала заняться бизнесом для улучшения финансового материального положения, – напом-

нил он. – Вот я и занялся, чтобы не чувствовать себя бедным ущербным родственником, не быть, подобно альфонсу, на твоём содержании. В свободное от учебы время подрабатываю. Но ты не ответила на мое предложение?

– Какая женщина в силах отказаться от подобного предложения и других соблазнов и удовольствий, – обнадежила она студента.

– Я обещаю пиршество любви, столько нежности накопилось, ты не будешь разочарована, – с жаром пообещал Муравич. – Жду тебя в девятнадцать ноль-ноль.

И, затаив дыхание, после короткой паузы неожиданно нежно пропел:

Эх, краса Наталия – изящная талия.

Милые глаза разлюбить нельзя.

– С каких это пор тебя на стихи потянуло? – удивилась Ласка, довольная тем, что он не забыл о ней.

– С того момента, когда повстречал тебя. Сам сочинил, всю ночь не сомкнул глаз в поисках удачных рифм.

– Ой, не лги, наверное, у классиков поэзии позаимствовал?

– Я плагиатом не занимаюсь. – возразил он. – Своими чарами ты из любого прозаика поэта сотворишь. Но, увы, как писал дед Сергею Есенину, «поэтам деньги не даются». А нынче в эпоху коммерции и криминала, поэзия вообще никому не нужна. Пииты бедствует и Муза их не кормит, а Пегас бьет копытом. – Ко дню ангела я себе такой подарок сде-

лал, – интригуя, произнес Эдуард.

– Какой подарок?

– Послушай, – и после паузы продекламировал:

*Поэту стих никто не сочинит,
лишь потому, что он и сам пишет.*

*Поэтому, голубчик, не ленись,
а за перо гусиное берись.*

*Любви чтоб не иссякло питание,
держи всегда в готовности копые.*

– Ты в своем репертуаре. Одно неистребимое желание овладеть и насладиться, – рассмеялась Наташа. – А почему перо гусиное, а не стальное или золотое?

– Я предвидел этот вопрос и готов ответить, – вдохновился он. – Потому, голубка, что раньше гусиными перьями писали вечные мысли, а ныне вечными перьями царапают гусиные мысли.

– Очень точно и мудро. Сам придумал?

– А то как же, котелок у меня варит! – с оптимизмом заявил студент, утаив, что этот афоризм прочитал в журнале. – Я открыл в себе поэтический дар.

– Эх, Эдик, сейчас мне не до поэзии, не до стихов, я до сих пор в шоке, – вздохнула Ласка.

– Что так? – удивился он. – Кто тебя обидел? Я ему рога обломаю, шею сверну и копыта отбросит.

– Ты разве не слышал? Весь город гудит, – удивилась она.

– Что я должен слышать? Меня не было в городе, был в

командировке, полчаса, как возвратился, – сообщил он.

– Нику Сергеевну и ее водителя Сеню, какой-то сумасшедший маньяк на моих глазах из пистолета застрелил.

– Какой ужас!

– Самое странное, что осталась живой и это у следователя с такой смешной фамилией Зуд вызывает подозрение. Убийце ничего не мешало произвести еще один выстрел.

– Твоей гибели я бы не пережил. Наверное, у тебя сильный ангел-хранитель, – предположил Муравич.

– Я до сих пор в шоке. Кому Ника Сергеевна могла перейти дорогу? Она ведь была воплощением порядочности, доброты, не имела явных врагов. Может, кто на почве зависти или ревности? Злодей у нее похитил мобильник, деньги, а вот кольцо с бриллиантом не взял. Дикость лишать человека жизни из-за мелочей.

– Ты права, но не бери близко к сердцу, жизнь продолжается. Я благодарю Бога, что тебе удалось избежать страшной участи. Обычно убийца свидетелей не оставляет.

– Откуда ты знаешь?

– Из книг и кинофильмов. Натали, у нас есть повод встретиться в «Голубых грез» или в другой кафешке, чтобы помянуть твою бывшую начальницу и ее водилу. А потом ко мне в общагу и по полной программе, как прошлый раз. Ладь?

– Мне кажется, что ты слишком спокойно воспринял весть о гибели Ники Сергеевны и Семена, – упрекнула Лас-

ка.

– Нормально, без паники, – заметил он. – А как, по твоему, я должен реагировать? Она же для меня чужой человек. Конечно, жаль тетку, но я с ней не пересекался.

– Зато для меня она была, как старшая сестра, с которой можно было пооткровенничать, – с обидой призналась Наташа.

– Не обижайся, я тебе очень сочувствую. Пойми, каждый день кто-то умирает, кого-то убивают, а другие сами счеты с жизнью сводят. Это же естественно, так было, есть и будет всегда. Поэтому надо воспринимать, как должное и неотвратимое. Если обо всех скорбеть, слезы лить и голову пеплом посыпать, то можно свихнуться. Надо радоваться жизни, ценить каждый ее миг.

– Не будь циником, речь о моих коллегах, – оборвала она его философские суждения.

– Как насчет приятного свидания?

– У тебя же нет денег?

– Я раздобыл финансы.

– Интересно узнать где? – допытывалась Наташа.

– Это секрет фирмы, – вновь уклонился Эдуард от ответа.

– А говорил, что у тебя от меня, твоей невесты и жены, нет секретов, – обиделась она.

– Хорошо, при встрече доложу. Это не телефонный разговор, – пообещал студент. – А то ведь, не ровен час, нас могут подслушать менты и затаскают, начнут мурыжить. От греха

подальше. Сейчас все мои мысли только о тебе, я даже стих сочинил. Послушай.

*Приходи, Наташа, и не зря,
накопилось много янтаря.*

Мне другие женщины не надо.

Ты одна моей души отрада.

– Эдик, ты меня смущаешь своими откровенными намеками.

– Милая, запомни, что естественно, то не безобразно, – возразил студент. – Нормальный секс с приятной девушкой полезен для здоровья, поднятия тонуса, омоложения и активного долголетия. Я тебя крепко обнимаю и целую. До встречи.

– Тебе о долголетию еще рано рассуждать.

– Потом поздно будет, ведь недаром говорят, что вторая молодость пришла к тому, кто первую сберег.

У Ласки не нашлось аргументов для возражений. Она осторожно положила трубку на аппарат и в который раз подумала: «Эти любовные утехи с Эдиком, как сладкая отравка, от которой невозможно избавиться, могут привести к зачатию и тогда придется либо рожать, либо делать аборт? Опасный риск, но трудно устоять перед сладким соблазном».

– Я подумаю, – сухо отозвалась Ласка и нажала на кнопку.

В тот вечер свидание не состоялось. Муравич несколько раз выходил на связь, уговаривал, грозил разрывом отношений, но Наташа осталась непреклонной. Какое-то смут-

ное чувство тревоги удержало ее от соблазна снова оказаться в постели любвеобильного студента. Хотя с гибелью Рябко угроза разоблачения ее интимных отношений с Эдуардом миновала. Вместе с шантажом и по поводу того, кто «Наташке залез под рубашку» и домогательствами секса. «Бог шельму метит», – подумала она, это ее немного утешило.

16. Крот-паникер

– Пал Иваныч, пошли ко мне, выпьем, – встретив Лещука в коридоре, неожиданно предложил Крот.

– По какому случаю?– удивился юрисконсульт.

– Чувствую, придется нам паковать чемоданы, – вздохнул профвожак. – Двум медведям в одной берлоге не ужиться, а трем и подавно. Рэм не простит нам конкуренцию, изгонит из фирмы, чтобы замутив воду, не подсидели. У меня родилось мудрое предложение.

– Валяйте, партайгеноссе.

–Давайте пойдем к президенту и покаемся, мол, мы не собирались занять его кресло, – заявил Вениамин Яковлевич. – Скажем, что выставили свои кандидатуры в качестве альтернативы для соблюдения принципа демократии. Поклянемся служить ему верой и правдой.

– Унижаться и ползать в ногах не стану, – твердо ответил Лещук.

– Ты – майор, офицерская честь и гордость не позволяют,

а я пенсионер, с меня взятки гладки. Надеюсь, что Рэм оценит мои большие заслуги перед профсоюзным движением?

–Надейся и жди, а лучше не паникуй, не суетись. Не следует показывать свою тревогу и озабоченность, надо выдерживать паузу, – посоветовал юрисконсульт. – Вы – бесценный работник, особенно по части ритуалов, церемоний и банкетов, лучшего тамады не сыскать, да и я чего-то стою. Рэм опытными кадрами жертвовать не станет. Поэтому пить за упокой не будем, хватит нам поминальных трапез. Держу пари, через неделю выпьем за здоровье.

– Оптимист. Я вам завидую.

– Иначе нельзя, а то ведь заклюют, как куры. И потом не забывайте, когда человек горюет, пребывает в подавленном состоянии, его поражает рак, заедают вши и другие паразиты.

–Фу, какая гадость.

–Гадость, а звучит красиво онко и педикулез.

– Чихал я на такую красоту, – ответил Крот, и с озабоченным видом посетовал.– Павел Иванович, пора принимать превентивные меры, объединяться, пока Рэм нас тихой сапой, поодиночке не вытурил из фирмы, Оппозицию под боком он не потерпит из опасения, что сколотим блок и подсидим, сбросим с кресла.

–У вас то, Яковлевич, опытного бойца советской, почти сталинской закалки, нет причин для тревог и паники, – заметил юрисконсульт. – Трудовое законодательство на вашей

стороне.

– Преклонный возраст меня смущает, скоро ведь семьдесят пять стукнет, – посетовал ветеран.

–А-а, пустяк, нынче пенсионерам не запрещено работать до тех пор, пока ногами вперед не вынесут.

–Есть и другие веские причины для беспокойства.

–Какие именно?

–Во-первых, Рэм еще при Стужиной вынашивал мысль о ликвидации профсоюзной организации, а значит и моей должности, для сокращения затрат на содержание аппарата. Но тогда, при поддержке Ники Сергеевны и Панкрата Хребца, любителя застолий и разных праздников, удалось сохранить профсоюз – школу коммунизма и защитницу интересов рабочего класса, крестьянства от эксплуататоров. Остался на своей должности, ведь профсоюз без талантливого руководителя, вожака все равно, что автомобиль без мотора или яхта без паруса.

– Считаете себя мотором и парусом? – усмехнулся Лещук.

– А то как же, двигатель жизни, прогресса, – воодушевился Крот. – Во-вторых, причина в том, что Рэм считает себя умелым менеджером и патологически против банкетов, фуршетов, которые по его мнению вредят здоровью сотрудников и ведут к потерям рабочего времени. Он убежден, что я организатор застолий и поэтому готов повесить на меня всех собак. А я ведь, как тот замполит в армии, контролирую ситуацию, чтобы по пьяной лавочке морды не набили или брю-

хо не пырнул ножом. Вы ведь тоже с Рэмом из-за Ники, царство ей небесное, сцепились, как два бульдога. Если бы не мое решительное вмешательство, неизвестно, чем было дело закончилось, к каким тяжелым последствиям привело бы? Вовремя развел вас в разные стороны.

– Да, вы здорово тогда помогли. Премного вам благодарен, – с иронией произнес Лещук. – Раздули кадило. Почитай спасли меня от смерти или страшных увечий. Где мне было с таким быком колхозным, почитай шкафом, как Тяглый, справиться.

– Без всякого кадило и молитв профсоюз в любом деле полезен, – не понял юмора ветеран. – Теперь Рэм мне все припомнит. Из-за вас и пострадаю. Верно, говорят: не плюй в колодец, придется напиться.

–Твое дело – труба! Крот, рой запасной ход.

–Так может вдвоем наострим лыжи, в какую-нибудь солидную фирму устроимся. Профсоюз везде нужен, – предложил он. —У тебя старые связи в милиции, прокуратуре, СБУ, а теперь и в суде, посодействуют. Это мои приятели давно отошли от дел. Одни дали дуба, а другие ковыряются на дачах, занимаются рыбалкой, сбором грибов и ягод., то и бутылок. Только я по-прежнему на переднем фронте борьбы.

– Товарищ Веня, вы везде нужны как... корове седло, – усмехнулся юрисконсульт, а Крот, обидевшись, проворчал:

–Так то вы уважаете и почитаете профсоюз, активистов, ветеранов движения и их заслуги перед Отечеством.

– Пишите мемуары о профсоюзных делах и своей роли в жизни государства, – предложил юрисконсульт, дав понять, что разговор окончен. Интуиция ему подсказала, что старый лис не случайно полез к нему в душу, чтобы узнать планы и доложить новому президенту. Тем самым, он хочет доказать, что недаром ест хлеб с маслом и красной икрой, пьет коньяк и знает, кто, чем дышит и что замышляет.

– Пал Иваныч, все-таки пошли ко мне, выпьем с горя, – пригласил профбосс. – У меня завалилась бутылка коньяка «Гринвич». Я иногда принимаю для бодрости духа и стабилизации давления. Давай подумаем о тактике совместных действий.

– Не опережайте события и не паникуйте.

– Потом поздно будет, Рэм непредсказуем, как раненый кабан. Его отца после войны репрессировали и поэтому патологическая ненависть ко всему советскому, а меня он считает ортодоксом, носителем, олицетворением той славной эпохи. Все время мстит...

– С удовольствием дегустировал бы коньяк, но меня ждет гора неотложных дел, – посетовал Лещук. – Претензии, иски, рекламации. Это у вас работа не бей лежащего, к людям пристаете, дурака валяете..

– Я – боец невидимого фронта, — возразил Крот. — Создаю благоприятный морально-психологический климат в коллективе для плодотворной работы с большим экономическим эффектом.

У юрисконсульта не нашлось возражений, ведь профбосс, действительно, во все дела совал свой шнобель. С пользой или нет, но считал себя причастным к позитивным результатам работы фирмы. Они расстались с осадком недоверия и разобщенности, в нетерпеливом ожидании кадровых решений нового президента.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

17. Знак доверия

Под занавес рабочего дня, выйдя в место, отведенное в тамбуре туалета для курения, юрисконсульт лицом к лицу столкнулся с Тяглым.

– Все дымим, как паровоз, подрываем свое драгоценное здоровье, – иронически заметил Рэм Анисимович, только бы не пройти молча.

– Куда денешься, привычка – вторая натура, – отозвался Лещук. – Курево, табак помогают сосредоточиться, успокаивают...

– ...и ослабляет организм, провоцирует разные болезни, в том числе и рак легких, – напомнил президент.

– Что ж, каждому свое. Жизнь так устроена, а судьба непредсказуема, поэтому чему быть того не миновать. Не знаешь когда и от чего опрокинешься, – философски заметил Павел Иванович.

– Другой, как зеницу ока, бережет свое здоровье, прячется от сквозняков, чесноком и луком отгоняет от себя грипп, ничем не злоупотребляет, а глядишь, неровен час, на ровном месте споткнулся и шею себе свернул, а то и под колеса авто угодил. На все, как говорится, воля Господня и, к счастью, нам не дано знать свой смертный час.

Никто ведь и подумать не мог, что такое случится с Никой Сергеевной. В нынешней ситуации с долбанными реформами, переделом сфер влияния, земли, собственности, недвижимости, одни, как скорпионы или тараканы в банке, а мы с вами, словно саперы, на минном поле. Шаг влево, вправо и взлетел в воздух, одни резиновые калоши остались. Поэтому курил и буду курить, пил – и буду пить. Конечно на досуге, женщин люблю и впредь, пока стучит сердце, этим же буду заниматься, потому, что многие из них обделены мужской лаской. Стужиной недоставало мужского тепла и опоры. Может излишняя самостоятельность и самоуверенность ее и погубили. Будь кто-то из нас ее избранником-супругом, то уберегли бы от коварных выстрелов киллера.

– Логично, – с грустью улыбнулся Тяглый. – Занятное и немного завидное у вас кредо. Однако, Павел Иванович, не обессудьте, но я решил в нашей фирме вплотную заняться пропагандой здорового образа жизни, физкультуры и спорта, культуры, искусства, литературы. Больше никаких банкетов и фуршетов. У нас не питейное заведение.

– Введите еще и производственную гимнастику?

– Неплохо бы, мы должны из прошлой эпохи брать все ценное и полезное, – ответил президент. – Ведь от крепости здоровья сотрудников, напрямую зависит их работоспособность, значит и рост экономических показателей. А для вас, Павел Иванович, у меня особое предложение. Хотя от вредных привычек вам придется постепенно избавиться и чем быстрее, тем лучше и выгоднее для вас.

– Интересно, что за предложение?

– Пошли, – велел Тяглый, слегка тронув его за рукав костюма. Они вошли в приемную, где Ласка прихорашивалась, глядя в зеркальце косметички перед завершением рабочего дня.

– Рэм Анисимович, я вам еще нужна? – спросила она.

– Да, Наталья Васильевна, побудьте еще минут двадцать, никого не пускайте, я занят, – ответил президент почти механическим, без заметных эмоций голосом, не помышляя о том, чтобы молоденькую секретарь-референта называть просто Наташей, как это делала Стужина. Но он принципиально решил держать сотрудников на дистанции, дабы не стали потом по панибратски понукать, сев на голову. Велел ей одеваться построже в темные тона и не оголять свою тонкую талию, живот и длинные стройные ноги до самых бедер.

– Наталья Васильевна, опять вы в неглиже? – укорил он.

– Рэм Анисимович, какой вы, право, несовременный, ведь чем на женщине меньше одежды, тем больше изумительной красоты, – заметила Ласка. – У нас же не монастырь, а совре-

менная фирма, офис. Мне что же прикажите во все черное одеваться, в мешковину, рубище до самых пят? Кто же тогда разглядит мои красивые ножки, тонкую талию и бедра?

– Наталья Васильевна, здесь не стриптиз-клуб. Может вам еще шест посреди приемной установить? У нас не бордель, а солидное учреждение, – сурово произнес Тяглый. – Всему свое место и время.

– Хорошо, Рэм Анисимович, буду одеваться монашкой, – сухо ответила Ласка, а он по-хозяйски потянул на себя добротную дубовую дверь с умилявшей и тешившей его честолюбие табличкой «Тяглый Рэм Анисимович, президент ЗАО «Nika».

Вошли в просторный кабинет, из которого за месяц после гибели Стужиной выветрились запахи дорогих духов. На тумбочке стоял небольшой портрет Ники Сергеевны с черной лентой на уголке. Тяглый решил убрать его из кабинета лишь после сорока дней с момента убийства, чтобы не напоминал о трагической участи, не травмировал психику.

Он успел обжить кабинет, на столе вместо сугубо женских предметов, появились его, перемещенные из прежнего кабинета, который заняла вице-президент Тамара Бабай. После избрания Тяглого президентом, многие из сотрудников не сомневались, что дни юрисконсульта в фирме сочтены. Рэм Анисимович, мол, не простит майору публичное унижение и, как и обещал, выдаст ему «волчий билет», с которым ни одно солидное учреждение не примет на работу.

Но, вопреки этим мрачным прогнозам, новый президент оказался незлопамятным. Тем, кто пытался форсировать изгнание бывшего милиционера с теплого места, чтобы по благу-протезе устроить своего родственника (семейственность и кумовство, внучки, жучки на «хлебных местах» обрело ранг кадровой политики), он отвечал с виноватой улыбкой: «Гибель Ники Сергеевны нас примирила. У меня к Павлу Ивановичу претензий нет, а значит и оснований для увольнения». Одни в этом узрели слабость и нерешительность президента, другие, напротив, благородство, доброту и бескорыстие. Глухая вражда уступила место сотрудничеству.

Лещук, сохраняя самообладание, воспринимал такое отношение, как должное, ибо его заслуги в престижности и прибыльности фирмы были бесспорны. Чувствовал себя достаточно уверенно, поэтому следуя за Тяглым, неприятных сюрпризов для себя не ожидал.

– Прошу вас, Павел Иванович, – Рэм Анисимович жестом указал на кресло и сразу взял быка за рога. – Охотно назначил бы вас на должность вице-президента, но, увы, для этого обязательно экономическое образование. Поэтому это место и заняла Тамара Львовна. Она опытный финансист. Ни одну собаку в этом деле съела.

– Я не претендовал на это место, – отозвался юрисконсульт. – Поэтому вы мне ничем не обязаны. Каждый сверчок знай свой шесток. Меня вполне устраивает нынешняя должность.

– Без стимула, стремления к карьере работать неинтересно. У меня есть для вас очень заманчивое предложение. В связи с трагической гибелью Стужиной и Рябко, с согласия членов правления и наблюдательного совета, решено ввести должность начальника охраны или безопасности. Как вам больше понравится, так и назовем. А по сути, кроме контроля за охраной, будете выполнять функции моего телохранителя. За опасность и риск будете получать на двести-триста долларов больше. Итого, не менее восьмисот долларов в месяц. Плюс квартальные премии, а значит даже больше, чем у вице-президента. И это логично, ведь придется рисковать. Сами понимаете, что я не желаю разделить судьбу нашей незабвенной Ники Сергеевны. Деньги любят счет и никто их нам бесплатно не дает, но я не жмот, как думают некоторые. Просто экономный человек и тех, кто действительно работает в поте лица, стараюсь не обижать, а тунеядцам и нахлебникам, среди которых и этот ортодокс или, как вы его очень метко назвали Динозавром. Вениамину Яковлевичу уготовано увольнение. Жду вашего позитивного ответа?

– Не обижайтесь, Рэм Анисимович, если бы с таким предложением ко мне обратилась женщина, я бы не отказал, но мужчина? – задумчиво произнес Лещук и пояснил свою позицию. – Я глубоко убежден, что каждый мужчина, если он осознает себя таковым, обязан сам за себя постоять, а не прятаться за чужую спину. Предлагал свои услуги Стужиной, но она, к сожалению, отказалась, самонадеянно посчитав, что

у нее нет ни явных, ни тайных врагов, и с этой функцией справится Семен, Конечно, в отличие от дилетанта Рябко, в опасной ситуации я действовал бы, как профессионал, и неизвестно, чем бы закончился поединок со злодеем. Хотя годы дают о себе знать, реакции уже не та, что прежде, а преступник всегда имеет преимущества..

– Какие еще преимущества?

– Во-первых, за ним выбор более удобного для совершения убийства места и времени. Во-вторых, важен эффект неожиданности, в-третьих – обеспечивает себе оптимальный путь отхода, в-четвертых – не оставляет свидетелей и улики и в-пятых– заранее готовит себе алиби.

– Но ведь Ласку он оставил в живых?

– Это серьезный прокол, который может оказаться для него роковым. Хотя, находясь в состоянии шока, прострации, Наталья вряд ли что ценное может сообщить.

– И все-таки, Павел Иванович, мое предложение остается в силе, – напомнил о сути разговора Тяглый.

–Нет, Рэм Анисимович, при всем уважении к вам, я не хочу брать на себя ответственность за вашу жизнь, да и самому она еще не надоела. Вы же понимаете, для этого не надо иметь семь пядей во лбу, что первая пуля предназначена телохранителю. Когда он сражен, то для киллера доступ к телу главного объекта открыт. Живой или даже раненный телохранитель способен поразить киллера или помешать исполнению заказа.

– За риск будете получать дополнительный бонус.

– Для меня деньги не играют большой роли. Рэм Анисимович, для безопасности купите себе бронежилет и носите под костюмом или свитером. Конечно, импортный, а не громоздкий, милицейский весом в пуд, – посоветовал юрисконсульт.

– Сколько стоит импортная броня?

– Не меньше десяти тысяч долларов.

–Ого-го, это же расточительно. «Жигули», «Лада» дешево стоят.

– Жизнь намного дороже и экономия неуместна. После убийства Стужиной и Рябко сотрудники вас поймут и не осудят.

– Допустим, надену я бронежилет, а как быть с головой? Она ничем не защищена и к тому же большая, как у Сократа.

– С головой проще. Могу достать вам каску пехотинца.

– Меня же в коллективе засмеют, станут презирать за трусость. Президент в каске, комедия, смех. Нет, не хочу выглядеть шутком, чучелом.

– Ваше дело, но мерами безопасности не следует пренебрегать. А почему вы вдруг всполошились? Кто-то угрожает?

– Сами ведь знаете, что после того, как вы одержали успех в суде, отношения с некоторыми из партнеров испортились, осложнились. Вдруг кому-то из них моча в голову ударит.

– Да, вы правы, чужая душа – потемки. Наивная самона-

деянность стоила Стужиной и Рябко жизни. Больно и тяжело. Но, как говорят, потерявши голову по волосам не плачут.

– Вы, Павел Иванович, гляжу, прогрессируете по части овладения фольклором, часто используете в речи поговорки и пословицы, золотые россыпи народной мудрости, – заметил Тяглый.

– Это заслуга Ники. Она собиралась вывести меня в светское общество, в элиту, заставила заняться лексиконом, изящной словесностью, – признался юрисконсульт. – Поэтому я вечерами вместо того, чтобы развлекаться в казино и ресторанах, молодых девок щупать и мять, как гимназист или студент штудировал классику, запоминал яркие изречения, афоризмы писателей, поэтов, философов. Чего ради женщины не сделаешь, даже вопреки собственной воли. Теперь все забросил к чертовой матери, нет стимула для самоусовершенствования.

– Но вокруг столько молодых и ярких женщин?

– Вот именно, ярких, крашенных со слоем косметики на лицах, – усмехнулся Лещук. – Сегодня она блондинка, завтра – шатенка или брюнетка, а послезавтра с сиреневой или фиолетовой копной на голове. В отличие от этих навязчивых «охотниц за счастьем и жирными, богатыми котами» Стужина косметикой и красителями не злоупотребляла, была естественной, женственной, искренней и беззащитной перед опасностями. А вы сами, Рэм Анисимович, еще крепкий мужик, почему от женщин шарахаетесь, как черт от ладана?

– По той же причине, что и вы, потерял к ним интерес, да и годы берут свое, – посетовал Тяглый. – Чувства, любовь угасли и уже не вспыхнут, как в юные и молодые годы. А с кем попало связываться неохота. Есть такие стервы, что едва переступит через порог, требует не только официально оформить брак, но прописать и завещать ей жилплощадь, счет в банке и все имущество, якобы совместно нажитое. После всех этих формальностей, того и гляди, раньше срока отправит к праотцам, добавит какой-нибудь гадости в чай или кофе. А, если молодая и темпераментная, то еще и любовника заведет, станут доить, угрожая, вымогая деньги.

– Вы проницательны и предусмотрительны, – похвалил юрисконсульт. – В моей следственной практике нередки такие случаи. Перспектива печальна и вы совершенно правы, с красотками лучше не связываться, за минутные удовольствия потом придется долго и нудно расплачиваться. Я вам искренне сочувствую. С гибелью Ники мы оба осиротели. Остро ощутили, как многое она для нас значила, хотя и шансы на брак были небольшие. Она вела себя, как феминистка, держала мужчин на дистанции. В память о ней предлагаю мужскую дружбу, забудем все обиды. Кто старое помянет, тому глаз вон! Рэм Анисимович, давай своего краба!

Президент, чуть помедлив, подал руку с пухлой бухгалтерской ладонью. Лещук пожал ее, но не крепко, представив, что это пухленькая женская, изнеженная ладонь.

– Мне бы в телохранители холостяка, такого, как вы, что-

бы в случае гибели не пришлось платить страховку. Каждая копейка на счету, – при звался Тяглый. «Вот скупердяй, хочет и рыбку съесть, и на . . . сесть», – подумал юриконсулт, но произнес. – Да, конечно, для семьи потеря кормильца – большая трагедия и никакими деньгами эту боль и горе не заглушить. А, что касается сравнения, то вы заблуждаетесь, я не одинок. У меня взрослая дочь Дашенька. Правда, живет она с матерью, то есть моей бывшей женой, в другом городе. Будет, кому обо мне печалиться. . .

– Поздравляю, я не знал, – стушевался президент.

– Насчет предложения стать телохранителем, то я признателен вам за доверие, – возвратился Лещук к началу разговора. – Мои годы тоже, как шальные скакуны, не стоят на месте. Уже нет прежней реакции, резвости в действиях. Часы приходится просиживать в судах, поэтому стал медлителен и ленив. Для того, чтобы поддерживать отличную физическую форму, высокий тонус надо ежедневно не меньше трех-четырёх часов заниматься до седьмого пота в спортзале, отрабатывать точность в стрельбе из разных видов оружия в стрелковом тире. А у меня на это нет ни времени, ни желания. Укатали Сивку крутые горы. Тебе на роль телохранителя нужен крепкий, смелый, выносливый и психически устойчивый мужчина в возрасте до тридцати лет, но не моложе двадцати пяти, чтобы обладал бойцовским характером и навыками, трезво оценивал ситуацию, а не хватался за ствол по пустяковому поводу, не бил копытом, как дикий конь.

– Все же порекомендуй мне надежного, проверенного в деле человека, – попросил президент.

– Извини, Рэм, у меня, конечно, есть две-три кандидатуры, но не хочу никого рекомендовать. Дело очень ответственное.

– Почему? – удивился Тяглый. – Мы же договорились дружить и помогать друг другу?

– Потому, что, во-первых, личного телохранителя выбирают, как невесту, будущую жену. Хотя нет, женщины склонны к измене. Выбирают, как преданного, верного пса, готового погибнуть защищая своего хозяина. Обязательна психологическая совместимость характеров, интересов, вкусов и пристрастий, – резонно подчеркнул Лещук. – Во-вторых, не желаю брать на себя ответственность чтобы не навлечь неприятности, претензии в том случае, если рекомендованный мною в телохранители человек, придется ни ко двору. Или, если, упаси Господь, в экстремальной ситуации проявит трусость и ты пострадаешь. Упреков тогда не оберешься, если не скажешь в глаза, то подумаешь, что специально «удружил и подставил». К тому же, имейте в виду, что человек с оружием опасен не только для недругов хозяина-работодателя, но и для него самого. Вспомни, что президента Индии Индиру Ганди, также, как и русского певца Игоря Талькова, застрелили телохранители.

Поэтому пойми меня правильно, я умываю руки. Жизнь меня пропустила через свои жернова и кое-чему научила.

Понял, что нередко за доброе дело люди платят черной неблагодарностью. Поищи себе охранника по собственным каналам, тогда и винить никого не придется.

– Логично и убедительно, – согласился Тяглый и призадумался. – Что если дать объявления в прессе и на телевидении о вакансиях охранников и устроить для претендентов конкурс для отбора лучших?

– На первый взгляд идея заманчива, но не советую.

– Почему?

– Потому Рэм, что тем самым, вы сообщите о своей незащищенности, о том, что в данный момент не имеете телохранителя. Такие дела совершаются тайно, без широкой огласки.

– Я не стану указывать, что именно мне нужен телохранитель?

– Тот, кого интересует ваша персона, без проблем сможет это вычислить. Наберет номер приемной и Наташа ему выложит все.

– Предупрежу, а потом она должна следовать инструкции о неразглашении любых сведений о работе фирмы, – напомнил президент.

– Еще раз искренне признателен вам, Рэм Анисимович, за доверие, но я уже староват для такой роли. Мой поезд ушел, – признался Лещук. – К тому же еще хочется десяток-другой лет пожить на этом грешном свете. А профессия телохранителя довольно опасная и даже самыми высокими

окладами ее невозможно оценить. Первая пуля, удар финкой или обрезком трубы и арматуры достаются охраннику. Рядом с вами зона повышенной опасности. Я, конечно, человек не робкого десятка, в разных экстремальных ситуациях довелось побывать во время службы, и на пули, и на ножи шел, но не настаивайте, это дело добровольное.

– Так вы, Павел Иванович, считаете, что мне уготована участь нашей незабвенной Ники Сергеевны? – побледнел, вытирая со лба пот Тяглый, пристально глядя карими глазами на юрисконсульта.

– Эх, Рэм Анисимович, я ведь не пророк, – вздохнул Лещук. – Сам не знаю, что меня ждет. Чтобы узнать, что день грядущий вам, да и всем нам готовит, надобно к какой-нибудь бабке-ворожеи или деду-ясновидцу наведаться для душевного спокойствия или наоборот, тревоги и страха, в зависимости от того, что они напроорочат. Хотя я считаю, что это пустая трата времени и валюты. Вам действительно, необходим надежный телохранитель. Никто не обладает даром предвидения, поэтому в таких случаях говорят, пути Господни неисповедимы. Остается надеяться на лучшее, на своего ангела-хранителя. Не обижайтесь, но должность юрисконсульта меня вполне устраивает. Я – одинок, веду аскетический образ жизни. Средств на безбедную жизнь пока хватает. А если, когда, как это делала мудрая Ника Сергеевна, поощрите меня за труды мои праведные, то буду вам очень благодарен, ведь деньги лишними не бывают.

– По трудам и почести, – произнес президент, заметно огорченный отказом Павла Ивановича. – Невольно не буду, это дело сугубо добровольное и рискованное. У вас сохранились связи в милиции, прокуратуре и других силовых органах. Помогите мне с подбором кадров. Подыщите кого-нибудь из молодых, двадцати– тридцатилетних спецназовцев или омовцев из службы безопасности, военной контрразведки или милиции. Но только, чтобы не был слишком ретивым с апломбом и психика в норме, иначе по всякому поводу будет палить из пушки по подозрительным гражданам. Проблем и неприятностей не оберетесь.

– Универсального спеца найти непросто? – ответил юрист-консульт, не торопясь с ответом, неопределенно пожал плечами. Пауза затянулась и тогда ее разрядил Тяглый.

– И все же не может быть такого, чтобы у вас на примете не осталось толковых сотрудников, настоящих профессионалов. Предлагайте фамилии, время не ждет, – поторопил Рэм Анисимович.

– Это весьма деликатное и даже интимное дело, – подчеркнул майор. – Речь ведь не об охране склада, магазина или рынка, а о безопасности. Я – человек серьезный и не могу себе позволить легкомыслие. Поэтому Рэм Анисимович, избавьте меня от этой миссии. А выход есть. Организуйте закрытый конкурс на замещение вакантной должности телохранителя с указанием обязательных характеристик по возрасту, образованию, огневой и специальной подготовке и

уверен, что желающих при нынешнем низком уровне жизни, не востребованности многих специалистов, найдется немало.

У вас будет возможность из нескольких десятков крепких ребят, конечно, после экзаменов в спортзале, в тире и тестирования, отобрать самого достойного. Исключительно важна ваша с ним психологическая совместимость, подобно тому, как подбирают космонавтов в экипажи. Иначе, если он будет к нам, как к личности равнодушен, то в критической ситуации вряд ли станет рисковать своей жизнью ради вашего спасения, не подставит свою грудь под пули или удар ножа. Вы должны понимать друг друга с полуслова. Не случайно настоящего телохранителя ценят, как члена своей семьи и многое ему доверяют.

– Не подозревал, что это целая наука,– признался президент.– Человеческие отношения всегда были самой сложной из наук, а особенно, в экстремальных ситуациях, когда цена ошибки – жизнь, а вернее, гибель человека,– заметил Лещук. – И еще один очень важный аспект. Желательно, чтобы телохранитель не был семейным или же были высокие гарантии, что в случае гибели при исполнении им служебных обязанностей, его жена и дети получают солидную страховку. Но лучше, конечно, брать холостяка, чтобы в смертельно опасный момент у него не болела душе о жене, детях и он действовал бы хладнокровно, как робот.

– Очень признателен вам, Павел Иванович, за совет. По-

жалуй, так и сделаю, устрою конкурс на вакансию,— сказал Тяглый. — Но при выборе из числа претендентов без вашей помощи мне не обойтись.

— Хорошо, я во время испытательных экзаменов подскажу вам, кто и чего из претендентов стоит, но окончательный выбор за вами, Рэм Анисимович. Почему бы нам в целях экономии слов и времени не общаться по именам и на “ты”?

— Я согласен, Павел Иванович, но только в неформальной обстановке, вне публики,— одобрил президент и они обменялись крепким рукопожатием. «Ника Сергеевна, также соглашалась общаться на «ты», но в неформальной обстановке, — вспомнил Лещук, но промолчал, ибо это бросало тень на женщину. Ему казалось, что в этот момент она присутствует рядом, все зрит и слышит. Но это уже из области мистики и для людей суеверных, мнительных, легко поддающихся чужому влиянию и панике. Юриисконсульт был убежден, что он из твердой породы и не склонен к сентиментальности.

— Впрочем, Рэм Анисимович, поступайте, как считаете разумным. Я всего лишь юриисконсульт и подобные советы не входят в мою компетенцию. А по случаю примирения, соблюдая традицию, следовало бы выпить и закусить, — произнес юриисконсульт.

— Крепких напитков в кабинете и дома не держу, чтобы не было соблазна. Я предпочитаю минералку или кофе.

— Не слишком увлекайтесь, есть печальные примеры, —

предостерег юрисконсульт. и в подтверждение сообщил – Маститый французский писатель Оноре де Бальзак, написавший кучу романов, по ночам, чтобы не заснуть за рукописями, взбадривал себя кофе. По сути, стал кофеманом и сравнительно рано дал дуба.

– Еще неизвестно, кто его в гроб загнал. Кофе или женщины, к которым он питал слабость? – возразил президент.

– Это сладкая отравка, яд для всех мужчин, – согласился Лещук. – И все же для стерилизации организма, профилактики против инфекции, даже врачи рекомендуют водку, коньяк, вина и бальзамы. Не случайно целебные травы настояны на спирту.

– Вы же знаете, у меня гастрит. Опасаюсь спровоцировать язву или грыжу, – продолжал упорствовать Тяглый.

– Грыжа вам не грозит, ведь тяжелее ручки и лишь иногда фужера или рюмки, вы ничего не поднимаете, – заметил Лещук. – Жаль, что у вас отсутствует НЗ на всякий пожарный случай, для знатных гостей и близких друзей. Но безвыходных ситуаций не бывает. Прошу минутку, у меня в сейфе завалялась початая бутылка коньяка «Ай-Петри». Специально храню для деловых встреч и полезных людей.

– Павел Иванович, может в другой раз? – смутился Тяглый.

– Нет, Рэм Анисимович, славную традицию нельзя нарушать, иначе это станет дурным тоном. Дорога ложка к обеду.

– Если настаиваете, то чисто символически по трид-

цать-пятьдесят граммов, – согласился Тяглый. Лещук вышел в приемную и велел Ласке:

– Наташенька, будь добра, нарежь дольками лимон и завари кофе для поднятия жизненного тонуса президента. А то он ради нашего благополучия трудиться до упадка сил. Таких трудоголиков надо ценить и беречь от физического истощения и психических нагрузок.

– О, кей, Павел Иванович, – улыбнулась секретарь-референт. Поднялась с кресла и подошла к шкафу, где хранился электрочайник, чайный и кофейный сервиз, пачки черного и зеленого с жасмином чая, баночки кофе и сахар. К моменту, когда Лещук возвратился с бутылкой коньяка, Ласка принесла в кабинет на подносе блюдечко с дольками лимона, а вскоре и две чашечки ароматного бразильского кофе. Юриисконсульт наполнил принесенные из своего кабинета рюмки золотистым напитком и предложил тост:

– Виват! За дружбу и братство вовеки веков!

Выпил и Тяглый последовал его примеру. Закусили дольками лимона и шоколадом, запили кофе.

– Рэм Анисимович, может еще по рюмашке? Для таких крепких мужиков, как мы, пятьдесят граммов, что капля в море. Не серьезно и не солидно, – заметил юриисконсульт.

– Да у меня дел гора, – смутился президент.

– Поэтому для моторности и надо выпить. Коньяк дает калории, заряжает энергией, расширяет сосуды и снижает давление. Врачи рекомендуют людям с избыточным весом в ка-

честве профилактики против гипертонии и инсульта, – прошептал Лещук.

– Если полезно, то давайте на посошок, – согласился начальник. Павел налил в рюмки до краев.

– Тогда за прогресс нашего бизнеса! – произнес президент.

– За успех и удачу! – поддержал юрисконсульт. Пожевал лимон, повертел бутылку с остатками напитка.

– Рэм Анисимович, негоже слезы оставлять, дурная примета. Как сказал великий Наполеон, если бутылка укупорена, то она должна быть выпита до дна. Давайте прикончим ее и все дела. Бог троицу любит, – предложил он. Тяглый призадумался, а потом подал рукой знак согласия и Лещук охотно наполнил рюмки и признался. – Я уж грешным делом подумал, что вы меня после той досадной стычки в коридоре выставите за порог. Начал зондировать почву в поисках «запасного аэродрома».

– Вы – опытный профессионал и Ника Сергеевна, царство ей небесное, не ошиблась в выборе. Таких специалистов и холить, – ответил заметно охмелевший от ста пятидесяти граммов коньяка хозяин кабинета и в знак доверия подал руку и юрисконсульт ее с благодарностью пожал.

– Эх, жизнь хороша и жить хорошо! – потянулся в кресле юрисконсульт и с лукавством взглянул на президента. – Рэм Анисимович, может продолжим, вспомним, как поет Алла Пугачева, шальную молодость свою, хоть и безденежные, но

золотые студенческие годы? У меня в резерве бутылка «Хортицы». Живо сгоняю...

– Нет, нет! Павел Иванович, довольно питания и чревоугодия. Я – на строгой диете, – замахал руками президент. – Не желая вас огорчать отказом, слишком увлекся. Не забывайте: делу – время, а потехе – час. Что о нас сотрудники подумают?

– Президент всегда прав.

– У меня гора важных дел, – напомнил Тяглый.

– У каждого свой Эверест.

– Да, конечно, Павел Иванович, я без претензий, – Рэм Анисимович поднялся из-за стола, дав понять, что аудиенция окончена.

И когда Лещук намеревался последовать его примеру, дверь с шумом распахнулась и в кабинет ворвались капитан Чибис и двое милиционеров из патрульно-постовой службы. Следом за ними вбежала смущенная Наташа с густым румянцем на лице.

– Рэм Анисимович, я им велела не входить, сказала, что вы заняты, но они, наверное, привыкли двери ногами открывать. Никакой деликатности и этикета, – возмущалась секретарь-референт, взирая то на президента, то на суровых посетителей – дюжих парней в камуфляже.

– Чем обязан, господа? – поднялся президент. – Почему такая бесцеремонность? Мой офис, частная территория неприкосновенны.

– Рэм Анисимович, наш визит для вас не должен быть неожиданным. Я вас неоднократно предупреждал, назначал сроки посещения психиатра, но вы эти требования представителя власти проигнорировали, – сухо сообщил капитан милиции Чибис. – Поэтому не обессудьте, мы с вами в бирюльки и в кошки-мышки играть не собираемся. И если вы такой занятой человек, что на безобидную процедуру не можете выкроить полчаса времени, то мы вас доставим в психдиспансер с комфортом и теперь вы пройдете обследование по полной программе. Своим упрямством, нежеланием обследоваться только усугубили свое положение. У нас есть основание полагать, что у вас серьезные проблемы с психикой.

– Я здоров, отвяжитесь от меня..., – стушевался президент. – Вот только гастрит иногда беспокоит...

– Уже слышал, что вы здоровы, как бык. Типичная отговорка тех, у кого пошаливают нервишки. Там вас от всяких болячек избавят, – осадил его Чибис и скомандовал. – Берите его, ребята, «браслеты» на запястье, чтобы не брыкался и в задний отсек УАЗа.

Оба милиционера, звеня стальными наручниками, надвинулись на президента. Он опешил, с надеждой взирая на вроде бы безучастного к происходящему Лешука. Неожиданно юрисконсульт поднялся в полный рост и властно крикнул:

– Стоять на месте!

Милиционеры замерли, не зная кому подчиняться, а майор уже крепко взял бразды правления в свои руки, прида-

вив пристальным взглядом Чибиса. – Жора, ну, когда ты перестанешь нарушать закон, элементарные права человека? Предъяви санкцию прокурора или решение суда на арест гражданина Тяглого. Ну, что, полный облом?

– Как вы посмели, я президент фирмы!– пришел в себя Рэм Анисимович, почувствовав в лице майора надежную опору. – Предъявите ваши документы и санкцию прокурора, как вам приказывает майор милиции, самый здесь старший по званию.

Оперуполномоченный угро развел руками и заявил:

– Это приказ следователя Зуда. Будь вы, Рэм Анисимович, хоть Папой римским, а мне приказано вас доставить по назначению. Поэтому приказы не обсуждаются, а выполняются. Вперед и с песнями!

– Отставить песни! Жора, Георгий, не горячись, не плюй в колодец, из которого придется напиться, – твердо произнес юрисконсульт. – Не подставляй свою голову, а то ведь схлопочешь взыскание. Пусть Валерий Янович, если он такой умный, сам пожалует, а не перекладывает ответственность на твои плечи, а значит и погоны. Ребята, вы свободны. Этот номер у вас не прошел, не на тех нарвались. Поищите лохов в другом месте, а свои права мы знаем назубок.

Милиционеры несколько секунд потоптались посреди кабинета по мягкому зеленому паласу и ретировались на исходную позицию.

– Павел Иванович, по старой дружбе, я вам не советую

брать на себя роль адвоката, – проворчал огорченный исходом капитан. – Это вам может выйти боком. Подумайте, кого вы защищаете?

– А ты меня, Жора, не стращай, я давно не из пугливых и ты об этом отлично знаешь, на бандитские стволы и ножи грудью шел, за чужие спины не прятался, – спокойно отозвался Лещук.

– Так вы, господа-граждане подшофе, неадекватны. Не фирма, а черт знает что, пьют среди бела дня, не просыхая, – с раздражением произнес оперуполномоченный угрозыска. – Поэтому и неудивительно, что стреляют, как в тире.

– Уйдите прочь! Частная собственность неприкосновенна! – заявил Тяглый, напрягая воспаленное алкоголем сознание.

– На вашу частную собственность и титул я не посягаю, – возразил Георгий. – Вы обязаны были пройти медосвидетельствование у психиатра на предмет вменяемости.

– Я вам ничем не обязан! – осмелел президент. – Освободите служебное помещение, а то я вызову охр...!

И застыл манекеном, вспомнив, что охрана лишь в проекте.

– У вас, действительно, проблемы с психикой, взвинчены и агрессивны, – удрученно покачал головой Чибис. – Придется вызвать санитаров, чтобы сделали инъекцию и надели смирительную рубашку.

– Только попробуйте, – Рэм сжал пухлые от избытка жира

кулаки.

Незванные и посрамленные гости в мрачном настроении удалились. Находясь в УАЗе, капитан связался с Зудом:

– Валерий Янович, доставка Тяглого к психиатру сорвалась. За него вступился Лещук, они вместе в кабинете квазили и майор попер на нас буром. Я решил не обострять ситуацию, чтобы не дошло до стрельбы. Вы же знаете ребят из «Беркута», сразу хватаются за оружие.

– Правильно сделал, хотя ты тоже большой любитель пострелять, – одобрил следователь.

– Сколько еще водить хоровод, выписывать кренделя? Надо брать этого президента-финансиста, жирного борова за жабры, пока тихой сапой не сбежал в Израиль.

– Почему именно в Израиль, а не в Монголию, Гондурас или на Кипр? – удивился Зуд.

– А потому, что все бегут в Тель-Авив или Хайфу. Израиль не выдает своих граждан, они не подлежат экстрадиции, – пояснил капитан. – До сих пор подозреваемого в убийстве эстрадного певца Игоря Талькова, помните его прекрасные песни «Чистые пруды», «Летний дождь» и другие, следствие не может достать. Его бы следовало, как Лейбу Троцкого ледорубом по тыкве...

– Но, по данным ОВИР, Рэм Анисимович не имеет еврейского гражданства, – возразил следователь.

– Зато имеет валюту и может попросить политическое убежище.

– Ты явно преувеличиваешь его возможности.

– Спасибо вам, Павел Иванович, – поблагодарил Тяглый, после того, как незваные гости ретировались. – Они меня замордовали этим направлением к психиатру. Не вступишь ты, повязали и опозорили бы перед коллективом. Прижали к стенке своими глупыми подозрениями, хоть стреляйся. У меня ни то, что на человека, на муху рука не поднимется.

– Не следует ни стреляться, ни лезть в петлю и падать духом. Сохраняйте хладнокровие, хотя вам не позавидуешь. Круто они вас взяли в оперативную разработку, – посочувствовал юрисконсульт.

– Что значит в разработку?

– То, что вы главный подозреваемый, они вас усердно пасут, готовят, как ягненка, на заклание.

– Пасут, я ведь не животное, не парнокопытное и травоядное?

– Наверняка, установили наружное наблюдение, прослушивают ваши телефоны, копают, чтобы собрать побольше доказательств вины и довести уголовное дело до суда, который вынесет приговор. Поэтому, если действительно, грешны и чувствуете за собой вину, то лучше чистосердечно признаться и раскаяться. Явка с повинной засчитывается, как смягчающее вину обстоятельство. Им хочется быстрее сбегать это дело, получить награды, звания, повышения по должности и другие почести от вышестоящего начальства.

– Да, что вы, Павел Иванович, о какой растакой вине ве-

дете речь? Я за свою жизнь мухи не обидел, – возмутился Тяглый.

– Муху может и не обидел, а вот Нику Сергеевну оскорбил, приревновал без всяких причин, – напомнил юрисконсульт. – За этот аргумент они и уцепились, чтобы размотать клубок.

– Каюсь, было дело, но вы дали повод, ведь дыма без огня не бывает, – вздохнул президент. – Я тогда сам мучился, места себе не находил, но так и не отважился извиниться. Все собирался, да не успел. Пусть она мне простит, ведь встреча на том свете для каждого из нас неизбежна.

– Да, все мы временщики на этой грешной земле, но лучше туда, будь там хоть рай, не торопиться, – заметил Лещук. – Потому что никто оттуда не возвратился и неизвестно каково там в загробном мире. Коротка и слишком хрупка человеческая жизнь, как струна, которая в любой момент может лопнуть.

– Я вам очень признателен за помощь, – возвратился к теме президент. – Почему я остерегаюсь эскулапов, того же психиатра, потому, что у меня нет доверия к нынешним людям в белых халатах и шапочках, ибо руки у многих из них перестали быть чистыми, а сердца добрыми и благородными. Упекли бы меня в психушку и сгинул в полном забвении.

– Вы правы, коррупция поразила все сферы жизни, без взяток и подарков дела не решаются. Довели нас чиновники и депутаты до ручки, только власть предержавшие по всей

вертикали процветают, а простые поданные бедствуют, – развил мысль юрисконсульт.

– Павел Иванович, защитите меня от этих рьяных блюстителей, они ведь не смирятся. Вы в накладе не останетесь. Казна фирмы фактически в моих руках и поэтому щедро вознагражу, – доверительно проговорил Тяглый и признался. – Я перед блюстителями робею словно школьник, чувствую себя, как кролик перед удавом. Конечно, финансовое состояние нашей фирмы не ахти какое. Многие деловые партнеры после гибели Стужиной решили от нас дистанцироваться. Ведь отношения складывались на их личных симпатиях к Нике Сергеевне. Да и вы большого шороха произвели. Коммерсанты, банкиры бояться иметь дело с бывшим следователем, который при желании и связях в компетентных органах способен отправить в колонию.

– Запомните, Рэм Анисимович, следователь, как чекист или разведчик не может быть бывшим, – подчеркнул Лещук. – Это звание пожизненно, он уносит его в могилу под залпы оружейного салюта.

– Извините, не знал, – покаялся президент. – Так вот, чтобы не обанкротиться, придется нам затянуть ремни, отказаться от ежемесячных премий, а некоторым тунеядцам снизить оклады или подвести под сокращение штатов в связи с реорганизацией. Но для вас я сделаю исключение, как для опытного и ценного профессионала.

– Благодарю за доверие, рад стараться, – с едва заметной

иронией, боднув головой воздух, произнес Лещук. – Ничего, Рэм Анисимович, вместе мы прорвемся, держитесь за меня. Они сами дрожат за свою шкуру, когда я напоминаю о законе, которым норовят ворочать, как дышлом. Что касается вознаграждения, то деньги меня интересуют постольку поскольку без них пока не обойтись, но они для меня не являются фетишем. Есть в этой жизни ценности повыше. Но если, когда оцените мой скромный труд, то буду благодарен. Добрые дела, как впрочем, и плохие, долго не забываются.

– Павел Иванович, позор то какой! – встревожился президент и багровые пятна, словно от аллергии, проявились на его испуганно-печальном лице. – О чем вы, коллега?

– Так ведь этот представитель власти, блюститель закона запишет в протокол, что застал меня, да и вас, в рабочее время в пьяном состоянии и за бутылкой коньяка, – посетовал Тяглый. – Дурная слава облетит город. Эх, подмочил я вашим коньяком, будь он неладен, свою деловую репутацию. Очень неудачное стечение обстоятельств, привязались они ко мне с этим психиатром, как будто более важных дел у сыщиков нет. Упаси Бог, чтобы информация не попала в газеты и на телевидение, ославят на всю Ивановскую. Останется голову пеплом посыпать..

– Рэм Анисимович, не впадайте в панику, не драматизируйте, – снисходительно усмехнулся Лещук. – Мои бывшие коллеги – не ангелы, пьют по-черному под предлогом снятия стресса из-за опасности и вредности службы. Чибис вряд

ли станет сочинять протокол. Для него любая писанина, что пытка. Вот погоняться за преступником, пострелять из Макара, экстрим с адреналином для него одно удовольствие, хлебом не корми. Конечно, Жоржик Зуду доложит, что мы были «навеселе» и я его отшил. Но в таком случае у следователя больше будет претензий ко мне, а вы дышите ровно, а то всех собак навесят.

– Все-таки не следовало так много пить, – вздохнул Тяглый.

– Все что не делается, к лучшему, – заверил юрисконсульт. – Будучи под «мухой», вы проявили твердость воли и решительность, как и подобает настоящему президенту. В следующий раз хорошенько подумают, прежде, чем сунуться. Допинг пошел на пользу, поэтому Рэм Анисимович, не пренебрегайте коньяком, имейте в запасе. Очень полезный напиток для поднятия жизненного тонуса.

– Всего должно быть в меру, – ответил президент и посмотрел на часы, дав понять, что аудиенция закончена. На этой оптимистической ноте они расстались. Павел Иванович прошел в приемную, сдержанно улыбнулся Ласке, встревоженной визитом сотрудников милиции. Он подметил в ней разительные перемены: после гибели Стужиной и Рябко Наташа стала более задумчивой, менее веселой и разговорчивой. Едва Лещук вышел из приемной, как Наташу вызвал президент.

– Подготовьте приказ в отношении Крота на увольнение

в связи с сокращением штатов и по состоянию здоровья, – строго велел Тяглый.

– Но ведь Вениамин Яковлевич здоров, за последние два года ни разу на больничном не был? – удивилась секретарь-референт.

– Выполняйте без рассуждений и комментариев, – пресек он ее сомнения. – Вместо этого бездельника, демагога и любителя «заложить за воротник», примем на работу группу охранников, пользы больше будет. Подготовьте объявления в газеты. Надо оптимизировать количество сотрудников для экономии средств.

Ласка молча внимала его голосу, в котором начал звучать металл.

Вскоре в нескольких рекламно-информационных еженедельниках было опубликовано объявление следующего содержания: «ЗАО «Nika» срочно требуются охранники в возрасте 25-30 лет, прошедшие воинскую службу, спортсмены силовых видов, самбо, бокс, каратэ, кикбоксинг, таэквондо, ушу и других восточных единоборств, отлично владеющие всеми видами огнестрельного и холодного оружия. Предпочтение отдается бывшим сотрудникам спецподразделений «Альфа», «Вымпел». «Беркут», «Сокол», а также МВД и СБУ. Оплата высокая, по договоренности».

Одно из объявлений попало на глаза Лещука. Он прочитал и подумал: «Все же Рэм решил форсировать события. Хотя и не указал в объявлении для каких целей подбираются

охранники, однако по повышенным требованиям к претендентам не сложно догадаться, что для охраны vip-персоны. А ведь в вопросах личной безопасности следует быть предельно осторожным и проницательным, чтобы в будущем не разделить трагической участи Ники и Семена».

18. Под одними знаменами

– Рэм Анисимович, хоть вы и президент фирмы, а ведете себя, как будто за вашими плечами держава. Умерьте амбиции и гонор. Перед законом все без исключения равны, – спустя час после конфликта, заявил Зуд, прибывший вместе с двумя бойцами ПБР «Беркут» в офис фирмы «Ника». – Дурной пример вы подаете своим подчиненным? Пьете среди бела дня в рабочее время. Меня ведь информировали, что вы трезвенник, страдаете от гастрита, а сами пьете, как сивый мерин?

– Да, страдаю, поэтому не употребляю, – вздохнул Тяглый. – Извините, господин следователь, бес попутал.

– Мг, бес? А может Павел Иванович соблазнил?

Рэм Анисимович сник, готовый кивнуть в знак согласия, но Лешук опередил: – Хотя бы и так. Негоже со своим уставом соваться в чужой монастырь, а точнее, в офис. Частная собственность неприкосновенна.

– Никто не претендует на вашу собственность, но трудовое законодательство, распорядок рабочего дня касается

всех без исключения.

– Виноват, исправлюсь, – покаялся Тяглый.

– Все же я должен убедиться, что вы вменяемы, а судя по тому, как себя ведете, складывается впечатление, что неадекватны, агрессивно реагируете на законные требования, – наседали Зуд.

– Вас никто об этом не просит, – все еще находясь подшофе, Тяглый нервно забарабанил по столу короткими толстыми пальцами. – Отстаньте, отвяжитесь от меня, не мешайте нормально работать. Никогда не имел и не желаю иметь дел с прокуратурой, милицией и другими компетентными и фискальными органами.

– Почему вы отказались пройти медицинское обследование у психиатра? Оказали сопротивление капитану Чибису и другим представителям власти? Это можно квалифицировать, как административное и даже уголовное правонарушение.

– Валерий Янович, сколько еще вам объяснять, что я совершенно здоров и категорически против этой унижительной процедуры, – упорствовал президент и обратился на въедливого следователя свой печальный взор. – Как вы себе это представляете? Приду в дурдом и скажу доктору: проверьте, будьте добры, не псих, не шизофреник ли я?

– Зачем в дурдом, к психиатру в клинику, у вас на руках направление, – усмехнулся Зуд. – И специалист точно определит, психопат вы, шизофреник или обычный симулянт?

«Ну, и зануда же, недаром такая фамилия приклеилась», – со слабым злорадством подумал Рэм Анисимович и в сердцах воскликнул: – Эх, не было хлопот, купила баба поросю!

– Процедура не стоит выеденного яйца, а вас почему-то заклинило. Некоторые граждане, дорожащие своим здоровьем, по собственной инициативе посещают психиатра, – заметил следователь. – сами же себе вредите, усугубляете подозрение и создаете лишний ажиотаж вокруг своей персоны. Или вам нужен черный пиар?

Тяглый молчал, насупившись и тогда следователь подал команду двум сотрудникам:

– Хватит тянуть волынку, сопроводите Рэма Анисимовича, президента к машине. и доставьте в клинику к психиатру на прием. Глаз с него не спускайте, чтобы не сбежал.

Оба бойца в камуфляжной форме и экипировке с пистолетами и наручниками на ремне с двух сторон, отрезав путь к отступлению, с суровыми обликами надвинулись на Тяглого. Он судорожно схватил одну из телефонных трубок и, услышав отзыв, завопил:

– Павел Иванович, спасите, снова ваши друзья закадычные меня арестовывают, берут за горло! Что делать?

– Рэм Анисимович, без паники. Кто арестовывает?

– Да, этот Зуд из прокуратуры, пристал, как банный лист. Собирается везти в дурку, а там через неделю после уколов и смирительной рубашки нормальный человек свихнется, – пожаловался он и попросил. – Выручайте, в долгу не оста-

нужь. Это же позор! Завтра в прессе прославят, каждый будет тыкать пальцем.

– Держитесь, Рэм Анисимович, вы – президент и баста! Никто вам не указ, – обнадежил Лещук и через пару минут появился в кабинете, бросил на следователя острый, как рапира, взгляд. – Валерий Янович, это произвол! Где постановление суда об аресте?

– Это не арест, а принудительная доставка в клинику, поскольку гражданин Тяглый злостно уклоняется от выполнения предписания прокуратуры, – сухо, с нотками раздражения, заявил Зуд. – Павел Иванович, не рекомендую вам вмешиваться в следственные действия, иначе вынужден буду и к вам применить санкции.

Он подал знак одному из бойцов и тот демонстративно звякнул стальными наручниками. «Черт возьми, ситуация. Повяжет ведь и будет прав. Попробуй потом доказать, что ты не верблюд, – прикинул он. – Сам ведь нередко при задержании подозреваемых действовал подобным образом. Придется уступить, да и чего ради лезть на рожон».

– Рэм Анисимович, придется подчиниться, – нарушил он тягостную паузу. – У меня нет желания из-за вашей строптивости кормить клопов в ИВС и питаться обедками.

– Как же так, Павел Иванович? – опешил и захлопал белесыми ресницами президент, заблокированный бойцами «Беркута».

– Все равны перед законом и плетью обуха не переши-

бешь, – вздохнул юрисконсульт и обнадежил. – Не впадайте в панику. Обычная формальность, через которую проходят тысячи людей. Если нет вины, то нечего бисер метать и слюни пускать.

– Благоразумный совет, коллега, – заметил следователь. Опустив голову, Тяглый в сопровождении конвоя вышел в приемную. Встретился с обескураженным и сочувствующим взглядом Ласки. Зуд и Лещук последовали за ними, вышли в холл.

– Павел Иванович, хреново выходит, – подал голос следователь.

– О чем речь? – насторожился юрисконсульт.

– Создаете проблемы на ровном месте. Отшили Чибиса и я вынужден транжирить драгоценное время.

– Затравили Рэма Анисимовича, как волка. Больно на него смотреть. Он жену похоронил, до сих пор не пришел в себя, а тут очередные напасти. Он очень впечатлителен. Не выдержит психологического прессинга, еще в петлю полезет или другим способом сведет счеты с жизнью, – предостерег Лещук. – Кто в таком случае возьмет на себя вину? Или спишите ЧП на несчастный случай?

– До суицида вряд ли дойдет, а вот вам не советую совать палки в колеса следствия. Знаете, ведь чем это чревато.

– Валерий Янович, а как бы вы поступили, если бы вашего шефа Марата Рудольфовича постоянно третировали?

– Аргумент или пример неудачен, прокурор сам за себя

может постоять, – усмехнулся Зуд и подумал: «Грецких, еще тот поплавок, всегда на поверхности, умеет перед высшим начальством себя показать в выгодном свете, пустить пыль в глаза».

– Ладно, коллега, не обижайтесь, у меня для вас ценная информация, – примирительно произнес юристконсульт. – Хотел сам раскрутить эту перспективную версию. Но у вас больше сил и возможностей. Поэтому охотно, безвозмездно делюсь.

– Какая информация? – остановился следователь и Лещук жестом указал на кресло в холле. Они расположились за журнальным столиком, в то время, как конвоиры сопроводили Тяглого к автомобилю УАЗ.

– Так уж и быть, Валерий Янович, скажу тебе по-дружески, под одними ведь знаменами на фронте борьбы с криминалом служили, – начал издали Павел Иванович. – Во время моей встречи со Стужиной в кафе «Голубые грезы», когда я на несколько минут отлучился, чтобы покурить, произошел инцидент. В кафе находилась группа довольно мрачных, подозрительных субъектов. Один из них высокий в малиновом пиджаке, как позже выяснил из бывших зэков, так как шпарил по фене, а другие мигранты – лица кавказской национальности, проявили навязчивый интерес к Нике Сергеевне. Они с момента нашего появления положили на нее глаз, очевидно, посчитав меня сутенером, а ее «ночной бабочкой». Все время пялили глаза, не забывая накачиваться

коньяком и водкой. Не докурив сигарету, я услышал Никин голос.

Она звала на помощь, я рванулся на крик. Вижу тот, Малиновый, выкручивает ей руку. Стужина не растерялась и вlepила ему звонкую оплеуху. Он готов был обрушить на ее голову свой пудовый кулак, но я перехватил руку. Попытался провести болевой прием, заломить его руку за спину, но он, бычара, оказался слишком крепким. Пришлось мне представиться работником милиции, показать старое удостоверение майора милиции, следователя.

Только после этого он немного остыл и его кореша тоже сникли. Одного быка я бы завалил без больших проблем, а вот с тремя совладать было бы трудно, без травм и увечий не обошлось бы. Поэтому и решил спустить конфликт на тор- мозах. Малиновый уговаривал меня отдать Нику им напро- кат, но я, понятное дело, его отшил. Хотел вызвать наряд ми- лиции, но Стужина, опасаясь огласки и скандала, не позво- лила. Эх, напрасно я ее тогда послушался. Повязали бы ре- бята этих жлобов, посадили бы суток на десять-пятнадцать в ИВС и может быть события повернулись по-другому? А теперь, черт знает, где их носит? Залегли на дно в какой-ни- будь блат-хате, пока не стихнет шум. Верно, говорят, знать бы, где упадешь, то и соломки бы постелил.

– Почему раньше молчал? – упрекнул Зуд.

– Хотел сам выйти на их след и повязать, – признался Ле- шук. – К тому же Стужина, не желая скандала, возражала

против вмешательства милиции. Теперь вижу, что сил и времени не хватает, да и сноровка уже не та, годы свое берут. А у тебя под рукой оперативники, целая группа, шире возможности для розыска и задержания.

– Понятно, изначально решил мне нос утереть.

– Не обижайся, Валерий Янович, ты же знаешь, что между милицией, прокуратурой и службой безопасности всегда натянутые отношения и конкуренция, – напомнил юрисконсульт. – Ревностно и с завистью относятся к успехам друг друга и готовы вставить «фитиль». Вспомни, как люто враждовали глава КГБ Юрий Андропов с министром МВД Николаем Щелоковым и чем это закончилось для последнего. Вот и я до сих пор не избавился от этого пережитка.

– Ладно, Павел, не надо мне объяснять. Этот пережиток еще долго будет отравлять нам настроение, вредить общему делу борьбы с преступностью, – вздохнул следователь. – Теперь этих кавказцев не достать, наверное, далеко или залегли на дно? Придется объявить в международный розыск. Границы ведь между государствами бывшего Союза прозрачны, сел на паром, переправился через Керченский пролив и уже в России, а там и до Грузии, Абхазии, Азербайджана или Армении рукой подать. Когда существовало единое государство, то преступник, разве что в дремучей тайге мог затаиться, а нынче мигрирует из одной республики в другую, заматавая следы. Интерпол не страшен, по тому, как наши бандиты для западных полисменов великая загадка. Поэтому они

в панике от «русской мафии», бояться ее, как черт лаdana.

– Да, сыскная работа усложнилась после того, как упал «железный занавес» и развалился Союз, – согласился юрист-консульт.

– Они выяснили личность Стужиной? – возвратился в русло разговора следователь. – К сожалению, да. Ника Сергеевна, на мой взгляд, допустила роковую ошибку. Когда я находился в курилке, она, чтобы отвести Малинового, назвала свою должность президента и название фирмы «Nika», которую в городе каждая собака знает. Фактически, сама того не желая, сделала точную наводку. Сообщила мне об этом, когда они ретировались. Не исключено, что «троица» и воспользовалась этой ценной информацией для совершения ограбления, а убийство произошло спонтанно, так как водитель мог помешать. Если они не сами напали, то дали наводку опытному киллеру.

– Во время конфликта угрозы в адрес Стужиной звучали?

– Конечно, Малиновый заявил, что он ее сфотографировал и обязательно добьется своего, то есть переспит с ней, – ответил юрист-консульт. – Похвалялся, что еще ни одна женщина от него без пистона не ушла. Надеюсь, понимаешь, о чем речь?

– Бандитский жаргон мне понятен, – кивнул головой следователь. – Волей-неволей приходится изучать эту муру в интересах дела. – А почему вас не насторожили эти угрозы?

– Посчитал, что Малиновый блефует, оскорбленный в

своих мужских чувствах. И потом ведь Ника не хотела, чтобы конфликт вышел за стены кафе и превратился в скандальную историю.

– Спасибо, Павел Иванович, информация, действительно, ценная. придется срочно вносить коррективы в ход и тактику следствия, – произнес Валерий Янович и крепко пожал руку Лещука.

– Я по своим каналам постараюсь разыскать этих жлобов, – пообещал юриконсульт. – Хотя мало вероятности, что они затаились в городе. Тактика у гастролеров известна: убили, ограбили и слиняли.

– Однако, странный гастролер. У Стужиной похитил лишь сумочку и мобильный телефон, а мог бы сорвать все драгоценные украшения, которых на ней было на три с половиной тысячи долларов, – подметил Зуд. – А к Рябко вообще не прикоснулся, не взял пистолет и другие личные вещи. К тому же, и автомобиль никто не мешал угнать. Спрятать в гараже и раскурочить на запчасти...

– Его карты могла спутать Ласка, которую он не ожидал там увидеть, – предположил юриконсульт. – Наверняка, рассчитывал, что в авто будут только президент и водитель.

– Наталью ничего не мешало ликвидировать, как опасного свидетеля. Но этого не случилось, где логика. Может девушка с ним в сговоре? Странный преступник. Чтобы это значило? – поставил вопросы следователь, не находя на них убедительных ответы.

– Я тоже над этими противоречиями и странностями ломаю голову, – признался Павел Иванович. – Ни грана здоровой логики. Хотя какая может быть здоровая логика у хладнокровного убийцы. А может, действительно, это дело рук женщины? Им присуща алогичность, неожиданность и оригинальность в поступках?

– Уравнение с двумя неизвестными, – резюмировал следователь и с надеждой поглядел на собеседника. – Коллега, вы мне во всех деталях письменно изложите приметы незнакомцев, а потом составим фоторобот и я разошлю ориентировки работникам оперативных служб.

– Уверен, что действуя на одном или параллельных курсах, обязательно выйдем на убийцу, – заявил Лещук. – Вопрос лишь во времени. Предлагаю пари на ящик коньяка? Кто из нас первым повяжет злодея, тому и приз. Годится?

– Вполне, – согласился Зуд и улыбнулся. – Значит, решил по старой привычке, «фитиль» мне вставить? Только давай друг другу не мешать?

– Хорошо, но это не исключает обмен ценной информацией, – предложил юрисконсульт. – А то ведь условия неравные. У тебя целый штат оперов, а я, как одинокий волк.

– Информацией? – призадумался следователь. – Ладно, будь по-твоему, но, чтобы достоверной, а не сомнительной.

Ударили по рукам, тем самым заключив пари.

– Один ум хорошо, а два лучше, – констатировал Зуд со сдержанной улыбкой на аскетически жестком лице.

– К вашим услугам, Валерий Янович.

– Свежую информацию по делу сообщай мне в любое время суток, – следователь подал визитку с номерами телефонов.

– Так точно! – с готовностью отозвался Лещук. – Но на паритетных условиях. Это в наших общих интересах. Ника Сергеевна не чужой для меня человек. Если бы не этот трагический случай, возможно, что я в ближайшие два-три месяца покончил бы со своей холостяцкой жизнью и одиночеством. Дело шло к этому. но, жаль, не судьба.

– Сочувствую, держитесь, как подобает офицеру.

– Честь имею!

– В случае успеха, в чем я не сомневаюсь, славой и почестями за активное содействие в расследовании и раскрытии преступления не будете обделены, – пообещал Зуд.

– Проверь Эдуарда Муравича.

– Кто такой?

– Ухажер Наташи Ласки, студент. Он мог пойти на убийство, так как страдает из-за безденежья, а жить красиво, чтобы пустить подружке пыль в глаза, хочется. Парень темпераментный, заводной и не исключено, что это и толкнуло его на преступление. Вспомни наши студенческие годы, когда подрабатывали к жалкой стипендии на погрузке-разгрузке вагонов и другой черной работе. Уголь, цемент, разгружали, как проклятые...

– Да, было дело, – улыбнулся следователь. – Спасибо за

сведения. Поручу Чибису, чтобы проверил студента на вшивость. Чем черт не шутит. Молодежь нынче слишком раскованная, наркотики, алкоголь провоцируют на самые дерзкие преступления.

19. Диагноз и арест

Вскоре Тяглого огорчила неприятность. Кроту, благодаря старым связям в суде, удалось не только восстановиться в прежней должности, но и получить от фирмы компенсацию за материальный и моральный ущерб. Довольный победой, Вениамин Яковлевич сиял, как медный пятак. Организовал фуршет и, к удивлению сотрудников, публично пригласил своего обидчика Рэма Анисимовича, но тот, красный, как вареный рак, от смущения и конфуза, с виноватым видом отказался.

Профбосс остался довольный тем, что посрамил президента. Победа над зарвавшимся администратором придала ему политический вес и авторитет, увеличила значимость профсоюза в защите интересов трудящихся масс от эксплуататоров-кровопивцев.

Спустя час после отъезда Валерий Янович снова появился в офисе. Резко с шумом распахнул дверь в кабинет. Несмотря на протесты обескураженной Ласки, решительно вошел в приемную, а затем в кабинет. А следом, еще недавно посрамленный, Чибис и конвоир в камуфляже и с автоматом

Калашникова на груди.

– Стоять! – приказал следователь, бегло взглянув на стол с остатками закуски и напитков, упрекнул. – В разгар рабочего дня принимаете «на грудь», шикаете. Некрасиво, господа бизнесмены, закон попираете, дурной пример подчиненным подаете. Пир во время чумы.

– Мы лишь грамульку коньяка для снижения давления и повышения аппетита, – засуетился Тяглый, смущенный появлением Зуда.

– Кому и чем обязаны столь знаменательному визиту? – с иронией произнес Лещук, закурив сигарету «Кент».

– Рэму Анисимовичу обязаны, *vir*–персоне с гонором и амбициями. Совершенно не выполняет мое предписание о медосвидетельствовании. Я за ним, как за шпаной, вынужден, отрывая сотрудников от важных дел, гоняться и уговаривать.

– Замордовали президента, никакого уважения и чиновничества, – упрекнул юрисконсульт. – Что ни общение с твоими орлами или Чибисами, то факт нарушения прав человека.

– Ладно, о правах подискутируем в другой раз и в другом месте, а сейчас, капитан, – следователь обратился к Георгию. – Надень на него «браслеты» и доставь в УВД.

– У меня гастрит, я соблюдаю диету, грубая, острая и соленая пища мне противопоказаны, – пожаловался Тяглый.

– Не трусь, господин президент, у нас особая кухня и ме-

ню. Баланда – это вам не японское суши, от любых болячек и ожирения излечит! – с оптимизмом заверил Валерий Янович.

– Тогда я возьму с собой персональный ноутбук, – неожиданно заявил арестант. – Не хочу отрываться от срочной работы, бездельничать и скучать на ваших нарах.

– Чем бы дитя не тешилось, – усмехнулся следователь.

– Рэм Анисимович, вы меня удивляете, – сказал Лещук. – У вас в изоляторе не будет времени для работы и игр. Если ноутбук возьмете с собой, то там он и останется. Ценные вещи имеют свойство теряться.

– Господин следователь, давайте я подарю вам ноутбук, только вы от меня отстаньте? – с затеплившейся надеждой произнес Тяглый.

– С большим удовольствием принял бы подарок, но не могу, так как он будет квалифицирован в качестве взятки, – пояснил Зуд. – Я мзду не беру, таков мой принцип. Хотя можете этот компьютер передать в дар милицейскому благотворительному фонду «Правопорядок».

– Жаль, я хотел от всего сердца, – поник президент. – А разным фондам я уже давно не доверю. Афера.

– Валерий Янович, куда доставить задержанного? В ваш кабинет или в изолятор? – спросил Георгий Чибис.

– Определи в ИВС, попросили дежурного, чтобы поместил в седьмую камеру, – велел следователь и, чуть заметно, ухмыльнулся. – Там серьезная, почтенная публика собра-

лась. Ему скучать не придется, быстро адаптируется к спартанским условиям, к новой интересной жизни, а то ведь, наконец, устал от светской жизни с банкетами и раутами.

– Встать! Руки вперед! – крикнул Чибис и не без злорадства произнес. – Доигрался, мурло буржуйское. Теперь вместо отдыха на Канарах и Багамах попаришься на нарах. Ишь, брюхо и холку наел, пришло время клопов, вшей и прочих насекомых кормить.

– Капитан, не груби и не стражай подозреваемого, – властно осек его Зуд. – не забывай, что за законность надо бороться культурно. К этому еще Ленин призывал.

– А-а, вместе с социализмом-коммунизмом вышел вождь из моды, – возразил Чибис. – Сейчас в чести другие кумиры – буржуа, олигархи – отцы и вожди криминальных кланов.

Следователь не нашел аргументов для возражения, а капитан с охотно и ловко защелкнул стальные наручники на пухлых запястьях президента и съязвил. – Дарю, чистая платина, износа не будет.

– Павел Иванович, как же так? – дрогнувшим голосом спросил Тяглый, обратив к юрисконсульту пылающее жаром, толи от выпитого коньяка, толи от волнения, багровое лицо. – Вы же говорили, что они больше не сунутся, что у них нет оснований для задержания и ареста? Ведь существует презумпция невиновности?

– Эх, Рэм Анисимович, это как раз тот случай, когда против лома нет приема, – вздохнул Лещук. – Нет у меня таких

полномочий, как прежде. Если буду противодействовать, то самого повяжут и накажут за сопротивление блюстителям порядка.

Он мгновенно взял со стола бутерброд с сыром, завернул в салфетку и положил в карман президента.

– Вечером поужинаете. Вас не сразу поставят на довольствие, да и меню там, баланда для бомжей, от которой скулы сводит и жидкий стул возникает. Не всякая собака, а тем более породистая, отважится отведать. А параша в камере одна на всех, поэтому постоянно сгонять будут, чтобы воздух не отравлял.

– Спасибо, – тронутый его заботой чуть не прослезился Тяглый. – Павел Иванович, по-товарищески прошу, не оставляйте меня в беде, будьте моим адвокатом. Я вам эти услуги щедро оплачу из личного кармана. Накопил сбережения, у меня ведь ни семьи, ни женщины, а сам не прихотлив в питании и развлечениях, довольствуюсь малым.

– Хорошо, Рэм Анисимович, я согласен, но не ради высокого гонорара, а ради солидарности и принципа справедливости, как говорится, Платон мне друг, но истина, а в нашей ситуации, закон превыше. Насколько это мне удастся, постараюсь вас вытащить из каталажки...

– Павел Иванович, вы моя последняя опора и надежда, – произнес президент с обликом человека, идущего на лобное место, к плахе.

– Георгий, перед тем, как поместить в ИВС, пусть сдела-

ют экспресс-анализ крови. Не забудь составить протокол о распитии спиртных напитков в служебном кабинете в рабочее время, что является нарушением статьи Кодекса законов о труде. Павел Иванович тоже подпишет, как свидетель правонарушения..

– Дудки, ни при какой погоде! – отрезал юрисконсульт. – Вы меня в эту бяку не впутывайте.

– Понятно, вместе пили, – усмехнулся Зуд. – Тогда на двоих составим протокол. По-братски разделите ответственность.

– Хоть на всю фирму. Это частное предприятие, поэтому ваш протокол нам по барабану. Примем к сведению и все дела.

– Понятно, сам себе командир и начальник штаба. Но мы опубликуем информацию о пьянстве в фирме «Ника» в городской прессе. Это подорвет вашу деловую репутацию, отпугнет партнеров.

– Валерий Янович, давайте уладим миром. Дело ведь не стоит выеденного яйца, – всполошился Лещук. – Тем более, что мы выпили граммов по пятьдесят коньяка. Не просто так, а за упокой рабы Ники. Повод понимаете серьезный. Царство ей небесное, все мы на том свете, кто раньше, кто позже встретимся.

– Ладно, Георгий, к черту протокол, поминки – дело святое, уважим, – пошел на компромисс следователь.

Чибис и конвоир сопроводили Тягло до выхода из зда-

ния к темно-зеленому автомобилю УАЗ. Капитан открыл дверцу заднего отсека. Громоздкий, словно шкаф, задержанный остановился перед створом двери, пугливо оглядываясь. На глазах сотрудников, взиравших из окон конвоир грубо затолкал президента в отсек и захлопнул двери. Потянул ручку на себя, проверяя на прочность, что арестант не вывалился в пути. Чибис сел рядом с водителем, а конвоир – в салоне авто, наблюдая через зарешеченное окно за подопечным, угрюмо уставившимся взглядом в одну точку. О чем он размышлял, какие мысли роились в его голове, забитой разными цифрами, схемами, графиками, осталось неизвестно.

Из переулка водитель вырулил на оживленную улицу.

– Павел Иванович, давай объяснимся, – предложил Зуд, когда они из приемной вышли в коридор.

– Давай, – согласился юрисконсульт и пригласил в свой кабинет. И когда Валерий Янович присел у приставного стола, оглядывая интерьер, книжные полки, шкаф, компьютер, Лещук предложил:

– Что будем пить? Коньяк, водку, вино или кофе? Когда еще случай выпадет так посидеть, покалякать, вся жизнь проходит в суете и заботах.

– В другой раз, я при исполнении. От минералки не откажусь.

– Минералка, так минералка. Верное решение, поскольку «Минздрав предупреждает, что чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью», – процитировал юрис-

консульт и налил в стакан из двухлитровой бутылки «Крымская». Зуд выпил полстакана и поставил рядом.

– Павел, признайся, чего ты добиваешься? – перейдя на «ты», миролюбиво спросил следователь.

– Справедливости, приоритета закона.

– Так и я того же.

– Значит, мы разными способами стремимся к одной благородной цели, – сделал вывод Лещук. – А чтобы быстрее достичь результат, надо объединить усилия на раскрытии преступления. Я готов, не жалея личного времени, оказывать помощь. Это дело чести и долга – разыскать и наказать убийцу Стужиной и Рябко.

– О помощи говоришь, а сам палки в колеса суешь, – упрекнул Зуд. – Поэтому мне не понятен алгоритм твоего поведения. Предлагал услуги, обещал содействовать в раскрытии убийства и вдруг такие фортели выкидываешь. Никакой здоровой логики. Вместо помощи препятствуешь задержанию подозреваемого.

– Виноват, прости, Валерий, погорячился, обиделся за то, что ты в самом начале отверг мое предложение, – покаялся юрисконсульт. – А кто, собственно, подозреваемый?

– Рэм Анисимович.

– Рэм? Мг, ни за чтобы не подумал, что этот неуклюжий тюфяк способен на убийство. Это каким же надо быть толстокожим, обладать силой характера и хладнокровия.

– Способен. Чаще всего в тихом болоте черти водятся. Не

знаю, как в твоей, а в моей богатой практике, немало таких случаев и субъектов было, – сообщил следователь.

–Пожалуй, ты прав, чужая душа – потемки, – согласился Лещук. – И все же для ареста Тяглого нужны веские доказательства, неопровержимые улики. Если не будет предъявлено обвинение, то через сорок восемь часов тебе придется его отпустить и принести извинения.

–Не придется. Против него куча фактов.

– Интересно, каких именно?

– Это конфиденциальная информация, следственная тайна.

– И все же, шепни, как коллеге, на ушко. Ведь рано или поздно я узнаю, так как по просьбе Тяглого стану его адвокатом. Это мой не только гражданский, но и моральный долг, как сотрудника фирмы «Nika».

– Хорошо, только между нами, – после паузы согласился следователь. – По моей версии главный мотив преступления – убийство Стужиной на почве необузданной ревности.

– Допустим. Но в таких случаях убийство совершают в состоянии сильного возбуждения, аффекта, причем, если речь идет об измене женщины, то его любовника, но бывает, что и обоих, когда застают в момент соития. Но ведь такой ситуации не было?

– Я уверен, что Тяглый не сам стрелял, а нанял опытного киллера. Заказ выполнен очень профессионально, никаких следов, – отметил Зуд и, пристально взглянув на собеседни-

ка, неожиданно заявил. – А ведь ты и сам причастен к убийству.

– Валерий Янович, ты это серьезно или для затравки? – оторопел Павел Иванович. – Если не шутишь, то выкладывай аргументы, козыри.

– Конечно, не в прямом, а переносном смысле. Здесь все ясно, как божий день, – интригуя усмехнулся следователь. – Если бы ты не пригласил Стужину в кафе «Голубые грезы» на свидание и между тобой и Тяглым впоследствии не возник конфликт и скандал, о котором мне поведала Ласка и Крот, то Рэм Анисимович вряд ли бы решился на этот отчаянный шаг. Яркий пример причинно-следственной связи. У каждого события, происшествия, а тем более, преступления, есть причины, ускоряющие развязку. Тебе, как бывшему следователю мог бы и не пояснять.

– А-а, чистой воды философия, законы диалектики, которые ныне редко кто признает, – усмехнулся юрисконсульт. – Жизнь намного сложнее и многограннее наших умозрительных и иллюзорных моделей и конструкций. Если следовать твоей логике, отслеживая длинную цепочку фактов и действий в пространстве и времени в конечном итоге детонировавших преступление, то количество подозреваемых людей превратится в большую армию. А надо твердо очертить круг подозреваемых, не внедряясь в глухие, непролазные дебри минувших событий.

– И все же, Павел, сам того не желая и не предвидя, ты

симпатией к Стужиной спровоцировал кровавую развязку.

– Не вижу в этом признаков и состава преступления, – уверенно произнес Лешук. – Интересное дело, я что же, по-твоему, не имел право ухаживать за женщиной, будь то Ника Сергеевна или другая особа? Мужчине без женщины невозможно, иначе возникнет комплекс неполноценности. У меня в отношении к Нике были серьезные намерения и только ее неожиданная гибель разрушила планы.

– Имел, поэтому никаких претензий. Я лишь напомнил, как все тесно взаимосвязано.

– Еще бы, ведь работали в одной фирме, – подтвердил юристконсульт. – Для меня, словно снег на голову, этот взрыв ревности со стороны Тяглого. Другое дело, если бы Ника Сергеевна была его женой или любовницей, а так свободная женщина. За десять лет, что они проработали вместе и в последние два года, будучи вдовцом, он мог не один десяток раз затащить ее в постель. Тогда у меня не осталось бы никаких шансов претендовать на сердце и руку Стужиной.

– Бывают такие типы мужчин, как впрочем, и женщин, что если никто не обращает внимания на объекты их обожания и желания, то они спокойны и не проявляют активности и ревности, – пояснил следователь. – Как только ты появился в фирме и стал проявлять интерес, симпатии к Стужиной, то у Тяглого вспыхнули чувства и ревности, и зависти. То, что он ранее был пассивен, вполне объяснимо. Он, судя по темпераменту, флегматик, наверное, робел, не был уверен в своих

сексуальных способностях, либо боялся ее категорического отказа. Мы не знаем, возможно, и состоялись объяснения. Просил ли он у нее после смерти жены руку?

– Не знаю.

– А насчет того, что ее можно было десятки раз затащить в постель, заблуждаешься, – продолжил развивать тему Валерий Янович. – Легче смазливую девицу, посулив ей доллары или подарки склонить к сексу, чем самодостаточную деловую женщину с чувством собственного достоинства. Президент фирмы, звучит величаво и гордо. При таком статусе женщины избирательны и привередливы в выборе спутника жизни.

– Действительно, Ника Сергеевна внешне была сдержанна, даже холодна, неприступна, не отличалась пылкостью чувств, – сообщил Лещук. – За магической аурой я ощущал ее горячий темперамент, неутоленную страсть и блаженство.

– У нее был любовник?

– Нет. Об этом я могу заявить авторитетно.

– Но в коллективе тебя считали ее любовником.

– Да, считали. Эти сплетни, интриги, наверное, и обозлили Тяглого. Но почему он решил убить Нику, а не меня? – задумался Павел.

– Предполагаю, что в его мозгу засела фикс-идея: «Если ты не моя, то не доставайся никому». Обычно эта мысль первой приходит в сознание патологического ревнивца.

– Может Стужина была феминисткой или лесбиянкой?

– Нет, нормальной женщиной, но с независимым характером, чувством собственного достоинства, – ответил юрист-консульт. – Хорошо, что Наташа Ласка уцелела, а то ведь могла от страха тронуться умом или стать зайкой. Но молодец, стойко перенесла стресс, без необратимых последствий для психики.

– Для меня до сих пор остается загадкой, почему убийца оставил ее в живых, а не ликвидировал, как опасного свидетеля? – произнес Зуд.

– Действительно, очень странно, – подтвердил юрист-консульт. – И все же, какие улики против Тяглого?

– Итак, последствия мести за безответную любовь. Психическая неуравновешенность, склонность к вспыльчивости и неадекватному поведению в экстремальных ситуациях.

– Откуда такой вывод?

– Когда ночью, накануне убийства, капитан Чибис попытался доставить Тяглого в УВД для дачи показаний. Ты же знаешь, я привык действовать «по горячим следам», то он встретил Георгия и конвоира с топором для разделки мяса. Повел себя довольно странно и подозрительно...

– Валерий, как бы ты себя повел, за несколько минут до того узнав, что твой начальник, президент фирмы Стужина и ее водитель-телохранитель убиты наповал?

– Но Тяглый же об этом на тот момент не знал.

– В том то и дело, что знал. Ему об этом, как того требует должностная инструкция на случай ЧП, сообщила Ласка.

– Эх, Наталья, Наталья, я же просил ее держать информацию в тайне, – посетовал следователь.

– Девушка поступила правильно, потому что работает и получает зарплату в фирме, а не в прокуратуре, – вступился за секретаря-референта юрисконсульт. – Так вот она сначала позвонила Тяглову, а тот сразу мне и спросил, что делать? Порывался поехать на место преступления, но я отговорил, так как по моим расчетам, к тому времени у здания никого не было.

– Но почему он встретил моих сотрудников с топором в руке?

– Посуди сам, убита президент фирмы. Злодеи могли продолжить охоту и на вице-президента, чтобы полностью обезглавить администрацию, – пояснил Павел Иванович. – Я сам порекомендовал Рэму Анисимовичу быть максимально бдительным, проявить осторожность, если кто-то станет ломиться к нему в квартиру. Вот он, не найдя лучшего оружия для самообороны, в панике схватился за топор. Никто ведь не пострадал и, слава Богу.

– Не пострадал. Значит, ты считаешь, что Тяглый в здравом уме и отдает отчет своим действиям?

– Вполне. Он нормальный, но немного замкнутый чиновник, неуверенный в себе и постоянно действующий с оглядкой.

– В таком случае, чем объяснишь, что в базе данных его компьютера мои специалисты-электронщики обнаружи-

ли файлы, с текстами, содержащими угрозы в адрес Ники Сергеевны. Тяглый за ее, якобы интимную связь с тобой, называет ее легкомысленной женщиной, публичной девкой. Обвиняет ее в распутстве, в подрыве авторитета и деловой репутации фирмы. Шантажирует предложением о переименовании названия фирмы, поскольку Стужина скомпрометировала себя...

– Вот те и на! Для меня это новость. Он, что же угрожал убийством?

– Прямых угроз нет, это послание, отправленное Нике Сергеевне по электронной почте, видимо, нанесло ей серьезную душевную рану.

– Если это действительно так, то Тяглый – сволочь, подонок, заслуживающий презрения, – возмутился Лещук. – Эта грязная клевета могла довести Стужину до расстройств чувств, истерики и самоубийства. Недаром говорят: злые языки страшнее пистолета. Это серьезная улика, тем более, что в УК есть статьи, предусматривающие наказания за клевету и доведение человека до самоубийства.

– Это третий аргумент, а четвертый заключается в том, что ранее совершенно равнодушный к огнестрельному и холодному оружию, Рэм Анисимович, выкраивал время для неожиданного увлечения. Охотно посещал стрелковый тир, брал уроки у опытных тренеров.

– Очевидно, собирался, подобно доблестному рыцарю Айвенго за прекрасную даму сердца побороться со мной на

дуэли, – рассмеялся Павел Иванович и заметил. – Я бы слишком серьезно не воспринимал эти причуды старого ревнивца. Чем бы дитя не тешилось...

– В письменном столе Тяглого и в его квартире в ходе негласного обыска, обнаружена богатая коллекция фотографий Стужиной. Ни эротики, ни порнографии, – сообщил Зуд.

– У меня тоже есть ее фото. Ничего странного и удивительного, ведь она была красивой, очаровательной женщиной и я по-прежнему храню память о ней.

– Полагаю, что фактов достаточно для принятия санкции об аресте, – сделал вывод Валерий Янович..

– Хозяин-барин, тебе и решать, – вздохнул юрисконсульт. – Я не вправе вмешиваться в ход следствия. Жаль, Рэм Анисимович толковый специалист, а вот бес его попутал, что-то в сознании заклинило, замкнуло. Впрочем, не будем торопить события: не пойман не вор, а всего лишь подозреваемый. Надеюсь, не единственный?

– Да, отработываем и несколько других версий, – ответил следователь, не вдаваясь в детали.

Видя, что Зуд приподнялся со стула, Лешук предложил. – Может, примешь на грудь для моторности и бодрости граммов сто отличного коньяка «Коктебель» с пятью звездочками?

– Благодарю, у меня куча срочных, горячих дел, – отказался следователь. По дружески пожал крепкую ладонь и вышел

из кабинета.

20. В камере № 7

Едва за Тяглым с лязгом закрылась стальная дверь с крохотным оконцем в верхней части и глаза не успели привыкнуть к полумраку, как из глубины камеры донесся сиплый, будто простуженный, голос.

– А-а, новый постоялец, квартирант, – поднялся с нижних нар высокий, плотный, бритоголовый и лопухий мужчина с приплюснутым, как у боксера носом, черными пронзительно-колючими зрачками и наглой ухмылкой на круглом лице. – Давай, подваливай к нашему шалашу. Будем знакомиться: я – Домкрат, а эти двое мои кореша закадычные, тот, что рыжий – Ржавый, а с длинным горбатым шнобелем – Крюк. Слышь, гнида, какое у тебя погоняло?

– Я никого не гонял, это меня гоняют, как сидорову козу.

– Не понял? – оторопел верзила. – Ты, шо не врубился или косишь под психа? Я спрашиваю, какое у тебя погоняло?

– А я отвечаю, никого не гонял, только следователь придирается, обвиняет в убийстве? – пожал плечами Рэм Анисимович.

– Ты что контуженный или опущенный? Как тебя зовут?

– Рэмом Анисимовичем.

– Ну, мужик, я от тебя тащусь, – процедил сквозь зубы Домкрат. – Что же теперь прикажешь, тебя по имени-отче-

ству величать. Если у тебя погоняло нет, то будешь у нас Харей. Морда у тебя, что блин, круглая и туша подходящая, кабанья. Коротко и смачно. Запомни, я здесь в камере главный, На свободе и зоне мое слово – закон!

Тяглый увидел, как с нар на правой стороне помещения на него взирают две пары настороженных глаз.

– Господа, где мое место? Я хочу прилечь, ноги устали, – смущенно спросил президент и услышал хохот.

– Господа? Ну, ты блин, даешь, с Луны свалился. Где ты увидел господ, или издеваешься, запаadlo?! – обозлился арестант. – Замочу, урою, в асфальт закатаю!

– Извините, где мое место?

– Твое место возле параша, – сквозь зубы процедил мужчина. – Будешь сторожить «ночную вазу», если кто мимо «очка» наделает, то почистишь унитаз до блеска.

– Домкрат, вздрючь его, как следует, чтобы на всю жизнь запомнил, – посоветовал один из сокамерников.

– Как вы посмели, я – президент фирмы «Nika», не последний в бизнесе человек, – возмутился Тяглый.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Домкрат, держась за живот, а за ним и его кореша. – Удивил, сразил наповал. Да ты знаешь, сучий потрох, что я на нарах в одной камере с будущим президентом парился. Сейчас он Украиной, как малиной, заправляет, а тогда баланду из миски хлебал и на парашу ходил. Братва гордится своим пацаном. Поголовно за него на выборах голосовали, чтобы чаще амнистии проводил

и «мокрушников» миловал.. Вот он президент, а ты – чехол штопанный. Болт тебе с гайкой на рыло! Лихо умыл. Сейчас каждый спекулянт считает себя президентом. Дай чиновнику бабки на лапу и он зарегистрирует вшивую фирму, типа «Рога и копыта».

– У меня настоящая, а не «липовая» фирма.

– Ша, заглохни, гнида! Я – президент это камеры, а тебя назначаю президентом параша, чтобы она блестела, как у кота яйца.

– Они у него не блестят, – робко возразил Тяглый.

– А параша, наша «ночная ваза». Должна блестеть, иначе заставлю языком вылизать

– Параша не мой профиль, я – финансист.

– Зря ты так, надо гордиться за доверие. Завтра, утром займешься капитальной уборкой, а то з.....сь по самые уши. А почему, Харя, ты такой жирный, но вялый, словно тряпичная кукла? – и не ожидая ответ, продолжил. – Наверное, строгали тебя без кайфа, по принуждению на скорую руку. А ну-ка, взбодрись, мне дохляка не нужен.

– Домкрат, лучше я вам прочитаю лекцию на тему: «Финансы и аудит» или «Мониторинг и менеджмент».

– Пошел ты со своей лекцией на хер. Выискался мне доцент, доктор фиговых наук, – огрызнулся детина.

– Я пока еще не доктор, а кандидат экономических наук, но доктором, профессором, а может и академиком обязательно стану.

– Дурак думкою богатеет. Теперь для тебя другая академия, а вместо кафедры параша. Будешь зубрить Уголовный кодекс и феню изучать.

– Какую еще Феню? Она что, тоже здесь сидит?

– Ну, ты, Харя, и даешь стране угля, хоть мелкого, но до х..., – засмеялся Домкрат. – Не поверю, что тебе «мокруху» вешают, ты же баран в наших делах. Феня – тюремная, камерная энциклопедия, книга жизни. А ты, губа не дура, решил, что баба. Их к нам не допускают, а хотца. А ты, я гляжу, пухленький, аппетитный и задница широкая, как лохань у бабы.

Он похотливо облизнул губы.

– Господа, товарищи, я на самом деле президент. У меня не вшивая фирма, а солидный бизнес. Мы продаем компьютеры, ноутбуки, мобильные телефоны, оргтехнику, – пояснил Тяглый.

– Ох, ох, компьютеры, мобилы, удивил, обрадовал, – скорчил рожу верзила. – Ты, президент хренов, расскажи о своих «подвигах», на какой тачке тебя сюда привезли и по какой статье засунули?

– Не знаю, по какой статье. Это недоразумение.

– Недоразумение? Все так говорят, когда жареный петух в одно место не клюнет. Наверное, педик, малолеток пялил. Признавайся, «петух», сколько ты их испортил, совратил в своей конторе?

– Никого я не пялил, вел здоровый образ жизни, не пил,

не курил...

– Колись, гнида! Все равно узнаем, тогда хуже будет. На твоей сытой роже написано, что хитрый педофил.

– Нет, я детей, подростков люблю, не обижаю.

– Знаем, как ты их любишь. Какую тебе статью навесили?

– Кажется, за убийство, – ответил президент, только бы отстали.

– За убийство? – удивился Домкрат. – Так ты, оказывается мокрушник, а с виду такой смирный и ласковый.

– Ребятки, я никого не убивал, пальцем не прикоснулся.

– Ха-ха-ха! Купи себе петуха или резиновую куклу и пудри им мозги, а нам баки не заливай. Суши сухари, Харя, тебе «светит» пятнадцать лет в колонии строгого или усиленного режима. Долго придется срок мотать, весь жир с хари сойдет, а зубы цинга схавает.

– Два трупа, – уныло сообщил Тяглый.

– Так ты матерый рецидивист, – снова удивился сокамерник. – Кранты тебе, пожизненный кичман обеспечен.

– У меня опытный адвокат, бывший следователь, майор милиции. Он меня из этого дерьма вытащит, – сообщил Рэм Анисимович и по злобной гримасе Домкрата понял, что допустил ошибку.

– Подсадная утка, сучий потрох! – вскипел верзила. – С ментами якшаешься. Они тебя специально сунули в нашу камеру, чтобы на нас стучал. Сымай одежду, показывай грудь, спину, руки-ноги с наколками. Щас узнаем, где и за что па-

рился?

– Нет у меня наколок, – по-настоящему огорчился президент.

– Какой же ты тогда рецидивист? Хер ты моржовый, вот кто. Мне сразу твоя жирная рожа не понравилась, – оценивательно окинул взглядом Домкрат. – Лучше признайся, старый боров, СПИДом, сифилисом, триппером или туберкулезом болеешь?

– Что вы, ребята, я совершенно здоровый, не заразный, – обрадовался Рэм Анисимович. – Экспресс-анализ крови отличный и с психикой все в порядке. Сегодня был у врачей на приеме.

– Здоровый, говоришь, это хорошо. Живо сымай панталоны, щас мы тебе сделаем инъекцию от бешенства. Во все дыры будем жарить. Изголодались здесь без баб, – с похотливо-звериным оскалом крупных зубов заявил Домкрат и велел. – Давайте, пацаны, Ржавый, Крюк, держите его за руки и ставьте в раскоряку на четвереньки.

– Да, что вы, мужики! Я совершенно здоровый, никакой опасной инфекции и бешенства, – заупрямился Тяглый.

– Это нам как раз и надо, – заявил главарь. Сокамерники по-обезьяньи спрыгнули с нар и крепко схватили опешившего Рэма за руки, а верзила, сопя от предвкушения, принялся стягивать с него брюки.

– Что вы делаете? Отпустите меня! – завопил Тяглый, попытался вырваться, но урки прочно сковали его руки.

– Тш, не шуми, это обязательный ритуал, боевое крещение. После этого мы примем тебя в свою компанию, – войдя в азарт, пояснил Домкрат, спешно орудуя руками.

– К черту ваш ритуал! Оставьте меня в покое.

– Дебил, сам потом будешь просить.

Президент почувствовал, как неприятный холодок овеял полуобнаженные ягодицы и закричал, что есть мощи:

– Помогите! Товарищ, господин часовой, они меня насилюют. Спасите меня от этих зверюг.

Ржавый попытался зажать ему ладонью рот, но Рэм его укусил и душераздирающий вопль дошел до слуха постового милиционера. Тяглый с радостью увидел, в оконце показалось лицо.

– В чем дело, кто кричал?

– Товарищ часовой, они надо мной глумятся. брюки сдирают, переведите меня в другую камеру.

– Ты думаешь, в других камерах лучше? Глубоко заблуждаешься, такие же отпетые головорезы сидят.

– Это он от радости, оргазма кричал, – ухмыльнулся детина.

– Ладно, Домкрат, не шали, а то схлопочешь под завязку, – предупредил постовой.

– Это я для корешей Домкрат, а для тебя гражданин Грушин Петр Гаврилович. Прошу любить и жаловать, – оскаллился урка.

– Ладно, гражданин Грушин, не лез на рожон, – пригрозил

сержант. – Новичка не трогать. Зуд вам покажет кузькину мать.

Оконце закрылось и Рэм Анисимович невольно содрогнулся, ощутив агрессивное настроение сокамерников.

– Ах ты, гнида, решил сдать нас ментам, – подскочил Ржавый и, воспользовавшись тем, что Тяглый застегивает брюки, ударил его в левый глаз. У президента перед взором поплыли оранжевые круги.

– Что ты делаешь, скотина? – возмутился Рэм Анисимович и неуклюже замолотил в воздухе кулаками, тщетно пытаясь достать обидчика, но тот забрался на нары. Глаз заплыл и он тупо уставился на Ржавого, взмолился:– Поимейте совесть, не издевайтесь. Выйду на свободу и отблагодарю валютой и подарками...

– Ба, праведник явился. Засунь свою совесть в одно место. О свободе размышлялся. Отсюда две дороги. Первая – на зону, в карьер, шахту или на лесоповал, а вторая – на кладбище. Что ты уставился, как баран на новые ворота? Хочешь второй фингал поставлю, живо на нары и молчи, как рыба, чтобы ни единого звука.

Тяглый с трудом, как медведь, вскарабкался на верхние нары и опешил – по голому настилу ползали насекомые.

– Что это за мошки?

– Гэ-гэ, гэ, сам ты мошка. С Луны свалился или кирпичом пришибленный? Это клопы, вши и другие паразиты, – ответил Домкрат. – Учюяли, что появился новенький, свежачок,

вот и сбежали со всей камеры и соседних, чтобы кровь пососать. Мы здесь давно сидим, кожа задубела, а у тебя тонкая вот и корми их от души.

– Фу, какая гадость, – президент хотел слезть с нар.

– Назад! Не тронь. клопа и вошь!– приказал Грушин. – Это наши братки по несчастью, вместе с нами срок мотают.. Не смей обижать кровососов. Они, как пиявки, из тебя дурную кровь убирают. На своей территории никому не позволю командовать парадом. Недавно в нашу камеру сунул свой шнобель прокурор. Проверял, как ему и положено, условия содержания, соблюдение режима. Спросил гнусаво-противным голосом, какие у нас претензии, словно не мы здесь паримся, а он мотает срок. Так его послал на хрен. После этого начальник каталажки капитан Дударь накинул мне еще десять суток ареста.

Среди ночи, ощутив голод, Тяглый вспомнил о бутерброде, заботливо положенном юрисконсульту в карман его пиджака. Достал, развернул салфетку и принялся с удовольствием жевать.

– Ты что, запаadlo, чавкаешь мурло, спать мешаешь! – донесся грозный рык Крюка с нижних нар.

– Проголодался, решил червячка заморить, засосало под ложечкой, – миролюбиво промолвил президент, надеясь на сочувствие. – Я ведь не ужинал, а организм привык питаться вовремя, у него свой режим. У меня ведь хронический гастрит.

– Я те покажу режим. Хомячишь, крысятничаешь, подлюка, от своих братков харчи прячешь. Привык к деликатесам, харю, холку наел, как у борова. От баланды нос воротишь. Ша, заглохни, а то заставлю до утра сидеть голой задницей на параше и кричать, что занято.

– Извините меня, Домкрат и другие господа, я же впервые сюда попал, не знаю ваших тюремных порядков, – покался президент.

– Не знаешь – научим, не захочешь – заставим!

Рэм Анисимович поперхнулся, перехватило дыхание. Положил недоеденный бутерброд в карман и затих.

Всю ночь, опасаясь плотских домогательств, Тяглый просидел на нарах, не сомкнув глаз. А чтобы время бежало побыстрее, нашел себе занятие: то с брезгливостью, то с садистской злостью давил клопов, тараканов. Сокамерники храпели, не слыша специфического хруста погибающих паразитов. Лишь под утро, когда желудок напомнил о своем существовании и потребности организма в калориях, президент доел бутерброд, в душе благодаря юрисконсульту за эту ценную пайку.

21. На допросе

На следующее утро Зуд спустился в ИВС, расположенный в подвале под зданием УВД, и приказал постовому привести в размещенную рядом с камерами комнату для допро-

сов задержанного гражданина Тяглого. Сам расположился за металлическим столом с ножками, также, как и стулья у стены, вмонтированными в бетонный пол. Аскетический интерьер казенного помещения для принудительной исповеди арестантов.

Дверь отворилась, вошел Тяглый и следом конвоир.

– Гражданин Тяглый из камеры №7 доставлен, – доложил милиционер и замер у порога.

– Хорошо сержант, оставьте нас одних, – отозвался следователь и указал взглядом на стул.

– Рэм Анисимович, почему кислый вид? Может клопы спать не давали? – спросил Валерий Янович, хотя по подавленному настроению, осунувшемуся, небритому лицу с заплаканным глазом и красным векам было ясно.

– Если бы только клопы. Сокамерники-сволочи донимали, насильничать пытались, так часовой заступился.

– Ну, здесь вам не санаторий. Какие еще претензии?

– Вы, что издеваетесь, господин следователь?! Зачем вы меня поместили к гомосекам, педерастам? – не сдержал эмоций президент.

– Не горячитесь, Рэм Анисимович, что заслужили, то и получили.

– Я не заслужил скотских условий и хамское к себе отношение, – возразил Тяглый. – Переведите меня в другую камеру.

– Не горячитесь, здесь камеры для президентов не преду-

смотрены. Депутаты, чиновники, бизнесмены зареклись от сумы и тюрьмы, считают себя неприкасаемыми. Поэтому не выделяют средств на оборудование персональных камер с телевизором, ванной и Интернетом. Одним словом, жлобы. Невелика шишка, посидишь в общей. Тем более, что вам светит расстрельная статья...

– Расстрельная? – испуг отразился в его глазах. – Так ведь объявлен мораторий на смертную казнь?

– К сожалению, вы правы. По привычке произнес, – согласился Зуд. – действительно, высшей мерой наказания является пожизненное лишение свободы, как знак гуманизма к социально опасным преступникам.

– Хорош гуманизм, до самой смерти в камере сидеть, словно зверь, в клетке, – возразил Тяглый. – Лютому врагу такой судьбы не пожелаешь.

– Не хотят бандиты отстегивать бабки на создание ИВС, колоний и тюрем для «элиты».

Президент судорожно почесал рукой затылок, шею.

– Что, кусаются твари? – усмехнулся Зуд.

– Нет покоя от паразитов, своими укусами вызывают чесотку, зуд, волдыри и покраснение кожи.

– Встаньте, встряхнитесь, – разрешил он. – А вообще, терпи казак, атаманом станешь.

– Зачем мне атаман, я и так президент, – Рэм Анисимович встал и встряхнулся, сметая с помятого пиджака насекомых. Принялся давить подошвой и каблуками покрытых

слоем пыли лакированных туфель.

– Вы должны осознать, что изолятор, а вам еще предстоит познакомиться с СИЗО, это не элитные гостиница «Ореанда», «Ялта-интурист» или санаторий «Южный». Благодарите судьбу, что не крематорий. Здесь другие условия и контингент.

– В склепе нет вентиляции, душно от смрада, тошнит до рвоты, как в газовой камере. Урки, как скунсы или сурки, непрерывно портят воздух. Они уже привыкли, у меня удушье. Выдайте респиратор или противогаз.

– Да, в седьмой камере нет вентиляции, но в этом есть свои преимущества. Иначе бы туда к теплу и харчам сбегались крысы и мыши, а так полностью изолирована. Вам, Рэм Анисимович, грех на судьбу жаловаться. Или прикажите кондиционер и телевизор в камеру? Арест для того и предназначен, чтобы жизнь медом не казалась.

– А как же Европа, права человека, там тюрьмы образцовые?

– Европа нам не указ, мы сами с усами, – с достоинством ответил следователь и слегка потеревил жесткий ус. – Может вас экстрадировать в Германию, Францию. Или в Турцию, где вы волком завоюете. Так что сидите и помалкивайте.

– Валерий Янович, будьте милосердны. У меня хронический гастрит. От вашей баланды тошнит, пучит и знобит. Вы хотя бы ее майонезом облагородили. Разрешите позвонить коллегам, чтобы привезли сыра, колбаски, маслин, молоч-

ные продукты и десерт...И на вашу долю.

– Довольно, довольно, – жестом руки остановил его следователь, – А то ведь весь гастрономический ассортимент назовете. Так вот, гурман, запомните: ИВС – это не элитный санаторий или ресторан, а изолятор временного содержания правонарушителей и подозреваемых в совершении тяжких преступлений. Задержанных и арестованных кормят в соответствии с нормами, поэтому не обессудьте и на деликатесы не рассчитывайте. Передачи харчей со стороны ограничены, чтобы жизнь за решеткой не казалась медом. Коль провинились, то должны понести наказание. Еще Ленин, которого сейчас лишь партийные ортодоксы почитают, завещал, что «наказание за преступление неотвратимо».

– За мною вины нет, – возразил президент. – Все так говорят, когда прижмут к стенке или загонят в угол, – усмехнулся Зуд. – Это естественная реакция на обвинение, одна из типичных форм защиты. Хотя в вашей ситуации чистосердечное признание предпочтительнее тупого, но безнадежного упрямства. А признание при вынесении приговора смягчит меру наказания. Меньше придется за «колючкой» париться на нарах.

– Вы меня сознательно поместили в камеру с сексуальными маньяками и насекомыми-паразитами, кишат клопы, тараканы, вши... Урки решили, что я стукач. Я всю ночь глаз не сомкнул.

– Вам что же предоставить люкс в пятизвездочном отеле?

– Не люкс, хотя бы одноместный номер.

– Запомните, здесь камеры, а не номера. Что заслужили, то и получили. Это более менее подходящая камера, в соседних – убийцы, разбойники, наркоманы, – сообщил следователь. — Это тот случай, когда друзей не выбирают. А насчет насекомых не порядок. Ради вас похлопочу, чтобы работники СЭС провели дезинфекцию, потравили насекомых-паразитов. Будет комфорт и уют.

– Злейшему врагу такого комфорта не пожелаешь, – промычал президент. – За заботу благодарю, кровопийцы не дают спать.

– Не обессудьте, каждый человек – кузнец своего счастья. За поступки, в том числе и злодеяния, следует отвечать, поэтому снисхождения не ждите. Перед законом все равны, и президент, и бомж. Здесь вам не курорт, здесь климат иной – сурово изрек следователь.

– Зачем тогда спрашивали о претензиях? Для протокола что ли? – с обидой укорил президент.

– Таков порядок. Обязан был спросить для протокола. Это своего рода прокурорский надзор за содержанием арестованных.

– Прекрасное содержание?

– Не иронизируйте, юмор неуместен. Вы, наверное, не отдаете себе отчет, насколько положение незавидное? Два трупа потянут на пожизненное заключение, утрату свободы до последнего вздоха.

– Не шейте мне дело белыми нитками, – прохрипел Тяглый.

– Вы сами сшили его черными нитками на почве слепой, необузданной ревности.

– Да, я ревновал Стужину к Лещуку, но не до такой степени, чтобы лишать ее жизни. Это злодейство, дикость.

– Выйти сухим из воды вам не удастся, – твердо сказал Зуд. – Вы – социально опасный элемент и должны быть надежно изолированы от общества. Я ведь могу провести допрос с пристрастием...

– А что это такое, какие еще страсти?

– Когда арестанту вдалбливают Уголовный кодекс в череп и заставляют искать пятый угол.

– Понял, – округлились глаза у президента. – Это ведь насилие, пытка, запрещенные законом.

– Этим занимаются сыщики, а я мараться не стану. Для меня репутация важнее добытых таким способом признаний, – вздохнул Валерий Янович. – Но вы сами догадываетесь, что мне ничего не стоит передать вас в руки костолому-садисту. Не вынуждайте меня прибегать к этой мере. Вы – интеллигент и лично не отважились бы застрелить Рябко и Стужину. Именно в такой последовательности, как сообщила Ласка, были произведены выстрелы. Сознайтесь, кто и за какую сумму выполнил ваш заказ и где сейчас находится киллер?

– Никого я не заказывал...

– Не упирайтесь рогом, чтобы не пришлось его обломать, – пригрозил следователь. – Только признание облегчит участь.

– У меня нет рога.

– Так говорят о тупых упрямяцах. Какой только черт избрал вас президентом!?! – хладнокровие изменило следователю.

– Это вас не касается.

– Еще как касается. Вы двумя выстрелами не только убили двоих человек, но и освободили для себя кресло президента.

– Кошунство. Никто не гарантировал мое избрание, поэтому и не могло возникнуть злого умысла, – резонно парировал обвинение Тяглый. – Это все равно, что играть со смертью в русскую рулетку.

Этот аргумент озадачил Валерия Яновича и он слегка смягчил тон. – Вы, Рэм Анисимович, не шибко хорохорьтесь. Перестаньте валять Ваньку, снимите камень, грех, с души, сознайтесь в содеянном и, тогда не придется париться в ИВС. После суда по этапу отправитесь в колонию строгого режима. Человек ко всему привыкает, не пропадете.

– Я не валяю Ваньку, мне не в чем сознаваться. Отпустите, ради Бога, здесь неровен час, сойду с ума. Поймите, что фирма терпит убытки, ведь кроме меня никто не имеет права подписи платежных документов.

– Меня проблемы вашей фирмы не волнуют. Сознайтесь и все дела.

– Я честен перед людьми и своей совестью.

– Эх, свежо предание, да верится с трудом, – усмехнулся следователь. – Все отрицают свою вину, откуда только преступники берутся? Психиатр-эксперт сделал заключение, что вы вменяемы, отдаете отчет своим поступкам.

– Вы, что же сомневались?

– Сомневался и вот почему. Как вы, солидный человек, финансист, могли опуститься до такой подлости и пошлости?

– Не понимаю, о чем речь?

– Рэм Анисимович, не притворяйтесь, не косите под простака. Этот номер у вас не пройдет. Передо мной столько разных злодеев, мерзавцев и жуликов прошло, что я их на расстояние чувствую нутром.

– Господин следователь, я действительно не знаю, в чем вы меня упрекаете, чего так упорно добиваетесь?

– Не упрекаю, а обвиняю. Не встретив со стороны Стужинной благосклонности к интимным отношениям, вы сочинили и отправили ей по электронной почте клеветническое послание, в котором обозвали ее легкомысленной женщиной, публичной девкой, шлюхой...

– Ничего я не сочинял и никуда не отправлял.

– Файлы с текстами изъяты из памяти вашего и Стужинной персональных компьютеров. Причем материалы датированы, поэтому подтасовка исключена.

– Это провокация. Да, в последние дни мои отношения

с Никой Сергеевной разладились, – признался Тяглый. – Не скрою, причиной послужило ее свидание с Лещуком в кафе «Голубые грезы», а потом и стычка с юрисконсультутом в коридоре. На этом инцидент был исчерпан и не более того. Я ей напомнил, что эта неформальная связь с подчиненным может породить и породила сплетни, кривотолки, дезорганизовала налаженную работу и подмочила безупречную репутацию фирмы. В кабинетах и кулуарах, только и разговоры, что о близких отношениях президента с юрисконсультутом. Это долго продолжаться не могло и я взял на себя ответственность, чтобы остановить, нарастающую, как снежный ком, деградацию, развал коллектива, а значит и банкротство фирмы. К тому же Ника Сергеевна не одобряла браки между сотрудниками, и особенно начальниками отделов и подчиненными, что стимулировало бы семейственность, кумовство и, как коррозия, разъедало дисциплину.

– И поэтому вы решили ее унижить оскорбительными выпадами, психическим прессингом, – заметил Зуд.

– Нет. Даже в состоянии гнева я бы не позволил в адрес Стужиной, да и любой другой женщины, оскорбительных, грязных высказываний. А к Нике Сергеевне я был не равнодушен, – признался подозреваемый и густо покраснел. – Все десять лет совместной работы я испытывал к ней симпатии, но не решился признаться в этом, так как по субординации она была выше. А когда после смерти моей благоверной Розалии, представился шанс объясниться, на горизонте, а точ-

нее, в фирме появился Лещук и спутал все карты.

– Каким способом?

– Он с первых же дней стал ее обхаживать, кадрить. Такое поведение вызвало у меня возмущение. Без году неделя в фирме, а лезет на первые роли, в грубой форме заявил, что отказывается выполнять мои распоряжения, а тогда я был вице-президентом, сказал, что у него единственный начальник – Ника Сергеевна. Она сама подлила масла в огонь, оказывая знаки внимания. Задабривала его премиями и подарками. Я интуитивно почувствовал, что это ни к добру. Так оно к сожалению, и произошло.

– Так вы, Рэм Анисимович – астролог, экстрасенс, обладающий даром предвидения! – воскликнул следователь. – Может, подскажите, кто и по какой причине завалил Стужина и Рябко и почему не тронул Ласку? За достоверную информацию гарантирую вознаграждение.

– Не знаю. Если бы знал, то и без вознаграждения сообщил, – промолвил президент. – Но убежден, если человек резко выходит из привычного русла, то это подобно селю или снежной лавине, приводит к разрушению, трагедии. Вот и Ника Сергеевна с появлением Лещука сбилась с привычного курса и ритма, утратила чувства реальности и бдительность. А такие виражи чреваты опасностями.

– Любопытное умозаключение, – покачал головой Валерий Янович и выложил на стол последний козырь – стандартный лист бумаги с текстом, отпечатанном на принтере. –

Ознакомьтесь.

–Что это такое?

–Ваше последнее послание Стужиной. Увы, не любовное.

Тяглый взял лист и, приблизив его к глазам, так как очки из-за стекол, изъяли при аресте, впился в текст: «Любезная госпожа Стужина. Заметьте, я вас не называю президентом, потому, что вы своим аморальным поведением позорите это звание и мараете ранее высокую репутацию фирмы. Что с вами случилось, кто вас подменил, ведь почти десять лет мы работали, душа в душу? С того момента, когда подобно легкомысленной женщине, а точнее, публичной девке, шлюхе, сошлись ради плотских утех с бывшим майором милиции, юрисконсульт, вы утратили моральное право руководить, а фирма носить ваше имя. Фактически подписали себе приговор. Одумайтесь, еще есть шанс изменить ситуацию, вернуть доброе имя. Не позорьте себя и коллектив, иначе, как блудливая овца, пойдете на заклятие. Увольте змея-искусителя Лещука и покайтесь в церкви. Ваш ангел-спаситель»

– Что вы на это скажите? – спросил следователь, заметив, как кровь прилива к лицу арестанта.

– Это зловещая, грязная клевета, способная тяжело ранить, убить человека. Стужина не заслужила такой подлости...

– Довольно стенаний, крокодиловых слез, – грубо оборвал его Зуд. – Назовите автора, кто сочинил это послание?

– Не знаю. Если бы узнал, то своими руками бы задушил,

гадину, тюремную гниду.

– Bravo, Рэм Анисимович, ночлег на нарах для вас не прошел бесполезно, начали осваивать феню, блатной сленг. Кого-то готовы, даже задушить руками. Этот акт называется асфиксией. А мне вас характеризовали, как тихого финансиста-бухгалтера, который и мухи не обидит. А оказалось, что в тихом болоте черти водятся. У вас в груди клокочет вулкан. Быстро вы однако адаптировались в новой обстановке. Неделю-другую проведете в камере и станете уркам права качать.

– Извините, Валерий Янович, но меня до глубины души возмутил текст гнусной клеветы...

– Возмутил, говорите? Артист вы, Рэм Анисимович, вам бы не фирмой руководить, а трагедии в драмтеатре Пушкина играть, – охладил его пыл следователь. – Не лицедействуйте, не давайте волю эмоциям, а лучше поясните, в чем сознании родился этот текст и как он оказался в памяти вашего персонального компьютера за сутки до гибели Стужиной?

– Не знаю, может, кто-то его сбросил по электронке?

– Успела ли Ника Сергеевна его получить?

– Проверьте в базе данных ее компьютера.

– Спасибо за совет, без вас мы бы не догадались, – усмехнулся Зуд. – Проверили, данные уничтожены. Став президентом, вы стали хозяином кабинета и сервера с конфиденциальной информацией.

После этих слов Тяглый понял, что ему невозможно доказать свою непричастность к клеветническому пасквилю. Он

вдруг обмяк, помрачнел, осознав свое незавидное положение. И без того куцее пространство сжалось вокруг него подобно шагреневой коже.

Дремавший на столе черный телефон ожил, резкий звук ударил в ушные перепонки. Президент невольно вздрогнул, а следователь снял с рычага массивную трубку:

– Слушаю, у аппарата Зуд.

– Валерий Янович, – он узнал голос прокурора Грецких. – Я внимательно изучил представленные тобою материалы по факту задержания гражданина Тяглого и вынужден тебя огорчить – для ареста недостаточно улики. Я уверен, что суд отклонит наш иск. Максимум на что пойдет, так на подписку о невыезде и то по фактам клеветы и угроз Стужиной.

– Марат Рудольфович, не торопитесь с резюме, будут еще факты и вещдоки. Я малость нажму и он станет давать признательные показания, – заверил следователь. – Еще пару суток помается в ИВС и станет, как шелковый, охотно сознается в содеянных злодеяниях.

– Мне не в чем признаваться и раскаиваться, – твердо произнес президент, поняв, что речь идет о нем и громко, чтобы услышали на другом конце провода закричал. – Если не отпустите, то я напишу жалобу президенту и генпрокурору страны или покончу жизнь самоубийством!

– Он, что псих? – спросил Грецких.

– Нет, вменяем, адекватен, есть заключение психиатра.

– Вот что, Валерий Янович, оформим ему подписку о

невыезде, а сейчас отпусти к чертовой матери. Никуда он от нас не денется, в любой момент сможем задержать, – велел прокурор. – Не хватало нам еще одного трупа и громкого скандала. «Наверху» долго разбираться не будут, замордуют проверками, полетят погоны. . .

– Хотя попытка не пытка, но будь по-вашему, Марат Рудольфович. Вы правы, пусть немного погуляет на свободе.

– Действуй! – приказал Грецких и связь оборвалась.

– Ваше счастье, что прокурор у нас добрый и перед уходом на пенсию не хочет осложнений, – заметил следователь, пристально глядя на подозреваемого. – На сегодня довольно. Хорошенько подумайте над своей незавидной участью. Явка с повинной, признание, содействие в раскрытии убийства смягчат меру наказания.

Рэм Анисимович, уставившись в одну точку на серой стене, угрюмо молчал. Зуд нажал на потайную кнопку электрозвонка и через несколько секунд появился постовой.

– Уведите арестованного в камеру, – велел он.

Вскоре появился капитан Чибис.

– Пожил буржуй в свое удовольствие, пусть теперь на нарах попариться, узнает, что такое баланда и параша, – с явным сарказмом заявил Георгий и после паузы предложил. – Валерий Янович, а давай мы ему для полного комплекта под шумок педофилию или педерастию навесим? Все равно ему пожизненное за два трупа светит. Одной статьёй больше, одной меньше для него без разницы, а мне «сухарь» спишут,

закроют дело об изнасиловании малолетки в извращенной форме.

– Я тебе навешаю! – возмутился Зуд. – Даже думать об этом не смей. Я тебе самому навешу статью за служебный подлог и вылетишь из милиции, как пробка из шампанского.

– Да, что вы, Валерий Янович, уже и пошутить нельзя? Приняли за чистую монету, – пошел на попятную капитан. – Я решил проверить вас на вшивость, а вы сразу в позу. Если меня из органов выпрут, то кто будет преступников ловить? Расплодятся, как блохи.

– Хренов шутник. Да ты еще пешком на горшок под стол ходил, когда я на бандитские пули и ножи грудью шел...

– Ну, простите, извините, – смутился капитан.

По возвращению в камеру Тяглого ждал паек в замасленной и захватанной руками полиэтиленовой миске буро-мутное варево и два кусочка ржаного хлеба, а в стакане ядовито-желтого цвета компот.

– Хавай, морда буржуйская, – предложил Домкрат. – Отведай, акула капитализма, баланды тюремной с приправой.

Действительно, на поверхности жидкой похлебки плавало желто-белое пятно, очень похожее на майонез. «Наверное, следователь сжалился и проявил заботу, велел повару баланду сметаной, майонезом разбавить. Оперативно принял меры», – с теплотой подумал арестант.

Ощувив голод, он взял пластмассовую ложку (металлических ложек и вилок не давали из опасения, что изгото-

вят заточку). Отхлебнул ложку-другую и почувствовал пресно-тошнотворный вкус. Поглядел печальными воловьими глазами на сокамерников и, отложив ложку, промолвил: – Это не баланда, а помои, слизь какая-то противная...

– Ах, ты, гнида, я те покажу, как фирменное блюдо хаять! – взъярился верзила, оскалив крупные зубы. – Хавай, хавай, что рыло воротишь, сучий потрох, захотел в тыкву получить? Щас на голову вылью.

Опасаясь угрозы, Тяглый с брезгливостью продолжил трапезу.

– Шо, вкуснятина? – ухмыльнулся Ржавый. Президент кивнул головой, решив во всем соглашаться, лишь бы не возбуждать в них агрессию, а то ведь, звери, искалечат, поломают ребра, сделают инвалидом.

– Смачно, дуже смачно, мы же туда нахаркали, а в компот помочились, – заржал Крюк и хохотом его подельников взорвалась камера. У дегустатора скудного меню перехватило дыхание и появились позывы к рвоте. Он локтем толи случайно, толи сознательно задел миску и содержимое вылилось на пол. Сорвался с места к параше.

– Как ты посмел казенные харчи переводить?! – словно хлыстом ударил его в спину окрик Домкрата. – Еще раз опоздаешь к столу, заставим пить натошак не только свою, но и нашу мочу. Щас, как дам промеж рогов и отбросишь копыта!

Рэм Анисимович, согнувшись в три погибели, склонился над унитазом, пытаясь очистить желудок от дерьма.

– Харю наел, загривок натрепал, вдоволь попил кровушки народной, – продолжил куражиться Домкрат. – Пошлешь маляву, чтобы твои кореша-барыги побольше харчей сюда передали. Обязательно чай, кофе, сахар, курево, ветчину, сало и разные деликатесы. Если проявят жлобство, то начнем тебя живцом хавать. Задница у тебя аппетитная...

– Но вы же не людоеды? – простонал Тяглый, встревоженный перспективой стать жертвой каннибалов.

– Человек за «колючкой» на все способен, – заверил Домкрат. – Ах, ты мурло буржуйское, наверное заранее знал, что посадят, поэтому, как верблюд, жирок накопил. Теперь, боров, мы с тебя не слезем. Хоть наедемся до отвала.

22. Встреча с почестями

Между тем, Валерий Янович позвонил Лещуку в фирму «Nika».

– Павел Иванович, принимай своего президента. Ну, и типаж, как с малым дитем приходится возиться. Хорошо, что в камере есть параша, а то пришлось бы еще на горшок водить. Какой только дурень назначил его президентом. Достойного кандидата, что ли не нашлось?

– Такова воля акционеров. Я тоже баллотировался, но, увы, проиграл. Насильно мил не будешь. Почему ты его так быстро отпустил, он же и протухнуть не успел? Раскололся, признался или что-то не сложилось?

– Суд не дал санкцию на арест. Посчитали, что доказательства неубедительны, – посетовал следователь и в сердцах воскликнул. – Раньше, черт подери, следователь, прокурор единолично решали вопрос о мере пресечения, а теперь судей возвысили до главных вершителей человеческих судеб. Многих людей искалечили суровыми вердиктами.

– Так с него полностью сняты обвинения?

– Нет, следствие продолжается. Определили меру – подписку о невыезде. Возможно, полезно для смены тактики. Ты за ним внимательно понаблюдай, как он себя поведет на свободе, после того, как клопов покормил. Вдруг неадекватно, ударится в бег, наострит лыжи в ближнее или дальнее зарубежье? При первых же подозрениях звони, чтобы мы его не упустили. Я в долгу не останусь.

– Ладно, коллега. Сочтемся славою, ведь мы свои же люди. Пусть нашим общим памятником будет построенный в боях... капитализм, – на современный мотив процитировал Маяковского юрисконсульт.

– Встречай своего начальника, только без лишнего шума и помпы.

– Встречу, как полагается.

Юрисконсульт положил трубку на рычаг аппарата и в этом момент в кабинет вошел взволнованный Крот.

– Пал Иваныч, что же это на белом свете твориться?

– А что твориться?

– Разве вы не в курсе, что нашего уважаемого Рэма Ани-

симовича прокуратура арестовала и поместила в КПЗ. Я уже распорядился по линии профсоюза создать комитет защиты президента от произвола, а Ласке поручил собрать как можно больше подписей под петицией.

– Отставить эти мероприятия!

– Почему? Вы, что же, настроены против Тяглого? – насторожился профвожак. – А я против него зла не держу, хотя и напакостил мне, но зато по решению суда денег на халяву привалило.

– Собирайтесь, поедem в УВД встречать Рэма Анисимовича, как национального героя, пострадавшего от буржуазного режима.

– Его оправдали? Радость то какая! – по-детски возликовал Крот.

– Пока что отпустили под подписку о невыезде, а там видно будет, куда кривая или хромая вывезет. Может, власть сменится, дело сдадут в архив. Вы же знаете, сколько в Украине было громких, резонансных дел, а в итоге – пшик, – скалбурил Лещук и заметил. – Хорошо иметь верных приятелей в правоохранительных органах. А ведь вы, Вениамин, лукавите. Если следовать здравой логике, то у вас на Рэма должен вырасти большой зуб за то, что он вас незаконно уволил.

– Я на глупости не обижаюсь, тем более, что из той ситуации извлек для себя прибыль. Насчет блага совершенно правы, это во все времена – двигатель прогресса, – подтвердил

Вениамин Яковлевич. – Ума не приложу, чтобы мы без вас, Пал Иваныч, делали? И президента не за понюшку табака упекли бы в тюрьму, и фирму бы растащили алчные чиновники и злобные конкуренты.

– Будем оптимистами, все у нас получится, – заверил Лещук.

– Да, получится с вашей помощью и божьей милостью, – польстил майору милиции некогда ярый атеист, пропагандист ленинской статьи «О воинствующем материализме»– Так я пойду, сформирую делегацию.

– Выполняй. Только, чтобы вместе с нами не более пяти человек – комплект для авто. Я сам сяду за баранку, – сказал юрисконсульт. – Не забудь о цветах для виновника события.

Делегация в составе Крота, Лещука, Бабей и Ласки поджидала выхода Тяглого на свободу в просторном фойе дежурной части УВД. Наташа держала в руках роскошный букет алых роз, а Крот – бережно, словно ценную реликвию, плотный лист почетной грамоты со свежотпечатанным на принтере текстом. Бабей на радостях предложила встретить президента-узника бравурным маршем оркестра, хлебом и солью, но юрисконсульт отговорил ее от этой затеи, посчитав ритуал слишком помпезным, не соответствующей ситуации. Набивался в состав делегации и вездесущий Хребец, но его отшили из опасений, что своим непредсказуемым поведением может испортить всю малину. Он обиделся и пообещал при случае припомнить этот неприятный для него отказ.

Все с нетерпением взирали на дверь во внутренний двор здания, где находился вход в ИВС, прегражденный двумя стальными, оборудованными сигнализацией дверями.

– Мы своего генерала, начальника главка с такими почестями не встречаем, как вы арестанта, – с иронией произнес дежурный по УВД в звании майора милиции.

– Генералов много, а президент один, – выпятив вперед грудь, с гордостью изрек профбосс. – Он не чета нашему любимому Рэму Анисимовичу, кормильцу и поильцу.

Майор хотел, что-то сказать в защиту своего генерала, но в этот момент дверь отворилась и взорам предстал Тяглый в помятой, словно пожеванной коровой, одежде с щетиной на осунувшемся лице, набрякшими, как у почечника, «мешками» и синяком под левым глазом. Его облик напоминал печальную морду старого бульдога. Смущенно засучил ногами, остановился, не ожидая увидеть здесь коллег, побурчал:

–Простите, извините, у меня вид, как у бомжа. Здесь ужасные условия, ни помыться, ни побриться, ни отдохнуть...

–Здесь тебе не курорт. Вперед! – подтолкнул его в бок помощник дежурного, долговязый с крючковатым носом прапорщик.

– Рэм Анисимович, що воны, злодии, с вами зробылы?! – с возмущением воскликнула вице-президент.

– В камере хотели меня опустить, снасильничать, штаны сдирали, – невольно сорвалось с губ президента и от этого

невольного признания он густо покраснел, часто заморгал.

– Столтуваты? Який жах! – содрогнулась Тамара Львовна, едва не лишившись чувств. – Хиба це можливо?

– Возможно, – со знанием дела подтвердил Лещук. – Рэм Анисимович – невинная жертва, ведь чаще всего «опускают» сексуальных насильников, делают их «петухами».

– Что ты буравишь? – одернул президента прапорщик. – Кто на тебя, жирного кабана, мог позариться? Не порочь, не клевети на органы правопорядка, а то я составлю протокол и отправлю назад в камеру.

– Не хочу, не хочу, вы не имеете права, – отпрянул в сторону Тяглый и с вымученной улыбкой произнес. – Это я нечаянно споткнулся о ступеньку и ударился о косяк двери.

– Вот это другое дело, а то распустил клюкву, – самодовольно произнес блюстителю, с лукавством взглянув на Лещука.

– Дай-ка я тебя обниму, горемычный наш герой-страдалец за правое дело, – распростер руки Крот и прижался к грузному телу президента, потом обернулся к соратникам. – Дамы и господа, прошу внимания.

Он глубоко вздохнул и зычным голосом, заставив вздрогнуть дежурного офицера, прочитал текст:

– «Дорогой наш господин президент, многоуважаемый Рэм Анисимович! Профком и правление фирмы «Nika» награждают Вас Почетной грамотой за мужество и стойкость, проявленные во время пребывания в ИВС. Справедливость

восторжествовала! Наш Президент – товарищ Рэм, пусть правит фирмой без проблем!» А насчет премии и путевки в санаторий профком возражать не станет.

– Спасибо, спасибо, дорогой Вениамин Яковлевич, премного вам благодарен. Не подозревал, что вы настоящий поэт. И простите меня великодушно за то, что потрепал вам нервы с этим глупым увольнением. Теперь я понял, что профсоюз серьезная, авторитетная организация, готовая всегда прийти на помощь человеку.

– Да, без профсоюза, как без воды – ни туды и ни сюды, – с удовлетворением подтвердил Крот. – Повод то какой для праздника, банкета, знаменательный. Я всю ночь не спал, пока не сочинил этот стих.

Солгал и не покраснел, поскольку не впервые леща забрасывает.

– Я тоже всю ночь не спал, – признался Тяглый.

– Широ вас витаємо, пане президенте, – выступила вперед Бабей и преподнесла на белом с орнаментом по краям рушнике хлеб и соль, посочувствовала. – Бачу дюже схудлы, чим же вас годувалы?

– Кормили баландой.

– Шо це такэ? Мабуть український борщ со шкварками?

– Борщом, супом и не пахнет. Баланда – главное тюремное блюдо – помои-и, – с дрожью в голосе ответил недавний узник и в расчете на сочувствие признался. – Они, суки в мою миску наблевали, а компот заменили мочой. Я ведь по-

думал, что это майонез, очень обрадовался. Решил, что после допроса и моих претензий насчет скудного меню следователь сжалился и велел повару положить ложку майонеза.

– Вам, Рэм Анисимович, еще повезло, – заметил Лещук. – Чаще всего сокамерники куражатся над новичками, мочатся в чай, компот, а баланду разбавляют калом.

– Фу, какая мерзость, – брезгливо скривилась Ласка.

– Так уж и повезло? Чужую блевотину хлебать, – вступился за узника Крот. – Проще пареной репы заразится туберкулезом, сифилисом, триппером или другой гадостью. Вам, Рэм Анисимович, обязательно следует пройти тщательное медобследование, сдать на анализ кровь, мочу, кал, мокроту или слюну. А то ведь при близком общении сотрудников можете заразить. Необходим строгий карантин. Я вам это авторитетно заявляю, как профсоюзный деятель, постоянно заботящийся о высокой работоспособности и здоровье своих членов.

– Урки, сволочи, – словно заевшая в патефоне пластинка, повторял президент. – Пока я был на допросе, в мою миску нахаркали, компот выпили, заменив его мочой. Я думал, что майонез, а оказались сопли...

– Який жах! Вас, мабуть, катували? – посочувствовала Бабей.

– Нет, я всю ночь боролся с клопами.

– С клопами? Боже, захысты його вид зрады! – всплеснула пухлыми руками женщина. – Дякую вас, Рэм Анисимович,

за мужнисть.

Лещук после того, как смущенный президент присолил и надкусил хлеб-каравай, сдержанно пожал его руку и похвалил:

– Молодец, Рэм Анисимович, стойко выдержали испытания, проявили твердый мужской характер. Теперь вам сам черт не страшен.

– Павел Иванович, век не забуду вашу помощь и поддержку, – едва сдерживая слезы и готовый разрыдаться, президент уткнулся в крутое плечо юрисконсульта и прошептал. – Если бы не ваше участие, они бы меня заразили какой-нибудь венерической болезнью и сделали инвалидом. Еще одни сутки пребывания среди отъявленных уголовников я бы не выдержал, сошел бы с ума или повесился...

– Ну, ну, Рэм Анисимович, будьте мужчиной, держите себя в руках, – словно большого ребенка постарался он его утешить. – В жизни бывают покруче ситуации. Хорошо, что все обошлось без тяжких последствий. «Фонарь» под глазом загримируем и снова будете выглядеть, как свеженький огурчик. Кстати, есть повод выпить и закусить, так как арест заменен на подписку о невыезде.

– Значит, я по-прежнему под подозрением?

– Пока не снято, а новая мера пресечения означает, что без разрешения следователя вы не имеете права выезжать за пределы города.

– Как же я буду работать под надзором?

– Ничего, прорвемся! – с оптимизмом заверил Лещук.

– Рэм Анисимович, как мы рады, что вы снова с нами, – с милой улыбкой произнесла Ласка и хотела поцеловать его в щеку, но побоялась исколоть нежные губки жесткой, как у моджахеда, щетиной, да и сам президент уклонился. Вручила ему букет роз.

– Зачем вы тратились? – смутился Тяглый, прижимал к груди цветы и пообещал. – Я вам возмещу расходы по статье о канцтоварах...

– Ой, у вас по воротнику какие-то козявки ползают, – всполошилась Наташа. – Раньше таких козявок не видела, очень похожи на клещей. Не дай Бог, блошки или энцефалит?

Президент небрежно смахнул рукой насекомых, упавших на пол. Наклонился, а за ним и другие, рассматривая ползающих паразитов.

– Не бойтесь, Наталья Васильевна, это натуральные клопы. Когда они напьются крови, то становятся крупными и темно-багрового цвета, – со знанием дела сообщил Тяглый. – Я их за ночь больше сотни раздавил, не считая вшей и прочих мелких паразитов.

Он туфлей сгреб клопов в кучу и с удовольствием придавил подошвой, все услышали специфический хруст.

– Фу, как противно, – брезгливо отвернулась девушка.

– Кстати, дамы и господа, я сделал для себя неожиданное открытие! – торжественно произнес Рэм Анисимович.

– Открытие? Тогда вы покушаетесь на лавры древнего мудреца Диогена, который сидел в бочке, а вы в камере, – провел аналогию Лещук. – Пребывание в экстремальных условиях часто стимулирует интеллект, мыслительную деятельность, творческое озарение. Так чем, дорогой Рэм Анисимович, вы благодетельствовали, очастливили человечество?

– Я пришел к выводу, что раздавленные клопы пахнут коньяком, – с глубокомысленным выражением лица объявил президент. – Поэтому впредь зарекаюсь употреблять этот мерзкий напиток и вам советую. Не исключено, что спирт настаивают на клопах, поэтому и цвет у него такой необычный с кровавой примесью.

– Рэм Анисимович, вот так открытие, – с досадой произнес Крот – главный знаток и дегустатор горячительных напитков. – То, что коньяк пахнет клопами и ежу понятно. А то, что его настаивают на насекомых, не соответствует действительности. Коньяк годами выдерживают в дубовых бочках, где он и обретает свой золотистый, а не кровавый цвет. Три года выдержки – три звездочки, пять лет – пять звездочек. Приедем на базу и с удовольствием выпьем за ваше освобождение. Кстати, Рэм Анисимович, вам бы сразу надо в баньку с березовыми или дубовыми веничками. Для дезинфекции от паразитов. А то ведь занесете в офис какую-нибудь заразу и ничем ее тогда не вытравишь. Сами понимаете, к чему это может привести. Сотрудники подхватят че-

сотку. Санэпидстанция закроем офис на карантин. Скандал, подрыв деловой репутации, убытки...

– Пожалуй, вы правы, Вениамин Яковлевич. И простите меня, что погорячился с вашим увольнением. Кто старое помянет, тому – глаз вон! – ответил смущенный президент и заерзал, как от чесотки.

– Полно вам голову пеплом посыпать и без того пострадали от держиморд, – примирительно усмехнулся Крот, довольный публичным покаянием президента. – Я уж позабыл и простил.

– Я вам премию отвалю за пролетарскую солидарность, – расщедрился Тяглый и велел Ласке. – Наташа, голубушка, приготовьте приказ.

– С удовольствием, Рэм Анисимович, – улыбнулась она, довольная ласковым обращением.

– Пожалуй, заеду домой за сменным бельем и в сауну. Сухой пар и контрастный бассейн оздоровят дух и тело, – смущенно сообщил он.

– Слышали, дамы и господа! – с блеском в глазах, триумфом победителя произнес Крот. – Банкет по случаю освобождения нашего президента, благодетеля-кормильца из КПЗ переносится на два, нет на три часа. Пусть Рэм Анисимович вволю попарится, помолодеет душой и телом. На терпелся горемыка в каталажке. Эх, знатно отметим радостное событие, погудим на шару. Слава доблестной милиции, умеющей устраивать для граждан неожиданные праздники!

– Сколько раз повторять, что не КПЗ, а ИВС. Это раньше называлась камерой предварительного заключения, а теперь изолятором временного содержания, – пояснил юрист-консульт.

– Без разницы, что в лоб, что по лбу, – отмахнулся профбосс. – И в одном, и в другом месте клопы, вши и прочие паразиты водятся.

– Рэм Анисимович, дружище, мы очень рады, что у вас с юмором все в порядке, значит, стресс миновал, – сделал вывод Лещук. – Но вы на публике никому больше о своем открытии не рассказывайте, а то засмеют или посчитают, что свихнулись, с психикой проблемы.

В дежурной части бывшему постояльцу ИВС отдали ранее изъятые по описи личные вещи: мобильный телефон, портмоне с недостающими долларами и гривнами, ключи от кабинета и квартиры, записную книжку и шариковую ручку, зеркальце, очки, а также ремень от брюк и шнурки от туфель (последние, а также режущие и колющие предметы, изымают из опасений суицида задержанных). Если бы не вернули вещи, то Рэм Анисимович на радостях, не огорчился бы. Охотно расписался в том, что претензий нет. Вышли из здания милиции. Лещук сел за руль авто, президент – рядом, а остальные расположились в салоне.

– Вот варвары, изрядно они вас отделали, превратили из президента в бомжа, – посочувствовал Павел Иванович.

– Это урки в камере приложились, когда я отказался их

удовлетворить. Они сидят за изнасилование в извращенной форме.

– Мы этот факт не должны им прощать. Вместе составим заявление в прокуратуру и в суд на возмещение с милиции материального и морального ущерба. Вы подумайте над суммой, чтобы по максимуму.

– Надо мною же не милиция, а урки измывалась?

– Сотрудники милиции обязаны обеспечивать строгое соблюдение режима содержания, пресекать подобные правонарушения, – пояснил юрисконсульт. – Давайте, пока не упущено время, заедем в травмпункт или к судмедэксперту, снимем побои и...

Запнувшись, он обернулся к Бабей и Ласке:

– Ну-ка, милые женщины, прикройте свои чуткие ушки ладонями, чтобы я вас не шокировал.

Тамара Львовна и Наташа без энтузиазма выполнили просьбу Лещука, а он продолжил:

– Рэм Анисимович, только не смущайтесь, а сознайтесь, акт мужеложства произошел или.. обошлось без контакта? Это дело подсудное.

– Нет, я стал сопротивляться, закричал и часовой не позволил им надругаться. Урка по кличке Ржавый решил не обострять ситуацию, – ответил президент. – Охладил пыл. А то ведь, козел, не давал проходу.

– Слава Богу, что цел и невредим, нет, худа без добра, – воодушевился юрисконсульт. – Теперь у нас появилась уни-

кальная возможность проучить Зуда, чтобы другим было неповадно порочить доброе имя. Предлагаю обратиться в суд с исковым заявлением о защите чести, достоинства и деловой репутации с компенсацией материального и морального ущерба. Назовите сумму, но не менее 10 тысяч долларов. Не скромничайте, вы от его произвола слишком пострадали...

– Нет, нет, Павел Иванович, ни в коем разе?! – решительно возразил Тяглый. – Не хочу я связываться с компетентными органами, себе дороже. Затаскают и замордуют, еще к чему-нибудь придерутся и отправят в ИВС или СИЗО. Мне на всю оставшуюся жизнь хватит впечатлений от посещения мерзкого места, где туберкулезники харкают в баланду и мочой компот и чай разбавляют. Ужас! Дикая страшные люди. Упаси Господь, когда-нибудь снова загреметь на нары.

Он украдкой перекрестился, хотя считал себя атеистом.

– Но все же милиции следует предъявить иск. Все равно начальник УВД и ИВС не из своего кармана заплатят, а из госказны, поэтому и жалеть их нечего. Запомните, в милиции часовые могут быть только у знамени, а в ИВС постовые, надзиратели, конвоиры, – напомнил Лещук.

– Хорошо я запомню, но лучше к ним в лапы не попадать, – ответил Тяглый. – Не надо никаких исков и жалоб. Не хочу связываться с милицией, при каждом случае будут мстить.

– Дело хозяйское, но я бы на вашем месте им спуска не

дал, – твердо изрек Павел Иванович и остановил авто у здания фирмы. Взмолненные сотрудники фирмы с букетами цветов высыпали на крыльцо.

23. Президент-трудоголик

Тяглый усердно, как колхозный вол, впрягся в дела фирмы. Вопреки досужему утверждению, что новая метла по-новому метет, он после неудачного конфликта с Кротом, не стал ничего ломать и экспериментировать, а продолжил преемственность линии и методов Стужиной, тем самым расположив к себе большинство сотрудников. А вот с Лаской у него обнаружилась психологическая несовместимость. В полдень президент появился в приемной и, увидев секретарь-референта в тривиальной экипировке, остановился заглядевшись.

– Наталья Васильевна, сколько вам раз говорить, что у нас не стриптиз-клуб, не бордель, а солидное учреждение. Постарайтесь одеваться скромно, согласно вашему статусу. Не выставляйте свои прелести напоказ, – сурово изрек Тяглый, окинув взором ее стройную фигуру.

– В чем дело, Рэм Анисимович? Что вас смущает? – изобразила она удивление на милом лице.

– Спрячьте свой голый живот, подтяните джинсы с бедер и не искушайте посетителей мужского пола.

– Не искушаю, а наоборот, привлекаю, – возразила Лас-

ка. – Сейчас так модно одеваться. Поглядите на девушек в городе. Они охотно демонстрируют свою красоту, обнажив животики и пупки с пирсингом. А если вам не нравится, не глазейте, пусть другие смотрят и восхищаются, мне не жалко. Никто ведь не запрещает закрывать глаза на прекрасные пейзажи, горы, лес, море... Почему женщина должна прятать свою красоту, прелести за тканью. Ей самой природой предназначено привлекать и покорять мужчин, чтобы стать невестой, а потом женой и матерью. Вы не вздумайте издать приказ, чтобы все в офисе ходили в серой, мышиного цвета или коричневой форменной одежде, а на лицах – паранджа. Ника Сергеевна была демократичной, не делала таких глупых и абсурдных замечаний, не ограничивала личную свободу. А вы, извините за откровенность и прямоту, консерватор.

– Вы глубоко заблуждаетесь, я не консерватор, а сторонник классического стиля, – ответил президент и пояснил. – Для того, чтобы труд в офисе был наиболее производителен и никто не отвлекал мужчин от выполнения своих служебных обязанностей, работающие рядом женщины не должны выглядеть слишком сексуально и соблазнительно. «Ага, Рэм Анисимович, вот вы и сознались, что я воздействую на ваши чувства, являюсь желанной и соблазнительной, – с радостью подумала Ласка. – Нет мужчины, который бы устоял перед женскими чарами».

– Разрешаю вам иногда появляться в джинсах, но чтобы

они не слишком облегали фигуру, свободного покроя, – сделал он снисхождение.

– Значит, как в мешке, – усмехнулась секретарь-референт. – Премного благодарна за совет. Я не хочу выглядеть огородным пугалом.

– Наталья Васильевна, если будете своевольничать, капризничать и перечить, то уволю без всякого разговора, – с угрюмым видом пообещал Тяглый. – На вас свет клином не сошелся, желающих много. Возьму на это место пожилую, серьезную женщину.

– Хоть древнюю пенсионерку, – фыркнула Ласка. – Она вам наработает без знания компьютера, специальных программ. Будет, словно клуня, сидеть на больничном листе или целый день вязать макраме, носки без пятки. Придется потом локти кусать и пеплом голову посыпать.

– Не придется, возьму здоровую и крепкую по конкурсу.

«Эх, власть человека портит, – с грустью подумала секретарь-референт. – С Никой можно было по душам поговорить, она любила такие беседы, а этот «сухарь» со старыми моральными догмами и предрассудками. Зачем я за него голосовала, надо было отдать свой голос Павлу Ивановичу. Он хоть внешне и суровый мужчина, зато компанейский. В следующий раз буду поумнее. Бесплезно с Рэмом вступать в дискуссию, как об стенку горохом. Ведь он убежден, что начальник всегда прав».

– Ладно, Наталья Васильевна, не обижайтесь. Я от вас

требую то, что положено по функциональным обязанностям, – заметил президент. – Пожалуйста, приготовьте мне чай «Липтон», «Ришель» или «Княжий чай», что под руку подвернется. С лимоном и вафлями.

– Ничего под руку не подвернется. Рэм Анисимович, у меня не продуктовая лавка, давайте деньги на закупку чая, кофе, сахара, лимонов и прочего. Стужина не скупилась, щедро выделяла на это средства, – озадачила его Ласка и подумала: «Ишь, губу раскатал, «Княжий чай» ему с жасмином подавай. Туда же, из грязи в князи».

– Тогда просто чай, без сахара и лимона, они убивают аромат.

– Есть только грузинский, байховый первого сорта, опилки.

– Давайте грузинский, не кипяток же крутой пить. На безрыбье и рак рыба, – вздохнул президент.

– При Нике Сергеевне не возникало проблем с чаем, кофе, минеральной водой, лимонами, апельсинами, мандаринами, киви и другими цитрусовыми, – упрекнула Ласка.

– Стужина при всех своих достоинствах, доброте и красоте, была слишком расточительна, позабыв, что копейка рубль бережет, – ответил президент. – Следует жить по средствам, чтобы фирма не вылетела в трубу, иначе превратимся в безработных, а потом в бомжей.

«Вот скупердяй, крохобор, за копейку готов удавиться. Если он на собственном здоровье экономит, пьет фигню, то

уж сотрудников изведет своей скупостью. Того и гляди, начнет урезать оклады и премии, – с тоской подумала секретарь-референт. – Впрочем, нет худа без добра. Без чая и кофе меньше забот и хлопот, не придется вокруг него танцевать. Буду в свободное время читать детективы и любовные романы».

В этот день, как и обычно, Тяглый засиделся в кабинете допоздна, жертвуя ради общих интересов, благополучия фирмы, личным временем, хотя и маялся не зная чем занять досуг. И когда в других кабинетах офиса квадраты окон были темны, как черный бархат, в котором отражались крупные по-весеннему чистые звезды, в трех окнах его кабинета, выходящих на фасад, разливался через жалюзи голубоватый свет.

Внутри здания у входной парадной двери в недавно сооруженном помещении перед экраном монитора, принимавшего изображения с видеокamer, установленных перед фасадом здания для контроля за территориями, находился охранник двадцатисемилетний спецназовец Николай Вьюжный. На экране картинка, не вызывающая подозрений: пустынная площадка, где обычно припаркованы автомобили сотрудников фирмы. Но вот из проулка вынырнули фары и Николай по контурам и номеру узнал иномарку «Mazda» – служебную машину президента. Из суеверия он продал прежнее авто, дабы не разделить участь Стужиной.

Машина остановилась у самого подъезда и видеокamera

высветила лица водителя Анатолия Давыдко и охранника, личного телохранителя Рэма Анисимовича Никиту Чепеля. Он трижды нажал на кнопку электрозвонка и Вьюжный разблокировал и открыл входную дверь.

– Привет, Коля. Ты тут засел, как в солидном банке, только еще злобного пса ротвейлера или питбультерьера не хватает, – по-дружески произнес Чепель. – Что наш президент, как обычно заработался?

– Заработался, как одержимый, – ответил Вьюжный. – С такими, как Рэм Анисимович, давно бы коммунизм построили. Наш президент – трудоголик. Если бы все, как он, вкалывали, то фирма давно бы озолотилась. Сам, словно вол пашет, и других заставляет. Вот что значит, азарт охотника за большими бабками. Нам бы за безупречную службу и риск накинул еще сотни по три баксов, – мечтательно произнес Вьюжный.

– Держи карман шире? Рэм еще тот скупердяй, гляди, что-бы то, что имеем, не отобрал, – возразил Чепель. – Чем бизнесмен, банкир или олигарх богаче, тем жаднее. Это аксиома, не требующая доказательств. Лучше поди-ка проверь, чем буржуй, стахановец занимается. Сколько он стране дал угля, хоть мелкого, но до хрена. Может, кемарит без задних ног, а мы здесь о нем печалимся, бисер мечем...

– Полегче, а то узнает, что невысокого мнения о нем и выгонит взащей. Бисер ведь, как известно, перед свиньями мечут.

– Не узнает, здесь все свои, делить и терять нечего, кроме цепей. . .

– Забудь, нынче другая эпоха, – усмехнулся Давыдко. – Босс вот велел подъехать, позвонил по мобилке. Надо бы его побеспокоить, уже двадцатый час пошел, если и дальше будет работать на износ, то его надолго не хватит. Надо беречь своего президента, ведь он дает работу, кормит. Свяжись-ка с ним по телефону, напхни, что машина у подъезда. Он сам просил сообщить, как только подъеду.

– Вот и сообщи, если он велел, – сказал Николай и подал Анатолию телефонную трубку прямой связи.

– Рэм Анисимович, Рэм Анисимович! Господин президент? – окликнул Давыдко, но в ответ длинные гудки.

– Никто не отвечает, может, притомился, задремал, так проснулся бы от зуммера? А может в сортир пошел, – с недоумением произнес водитель. – Поднимись-ка, Никита, выясни. Это твои функции, как телохранителя, а то Рэм Анисимович слишком к тебе снисходителен, отпускает, когда находится в офисе. Другие от себя охрану ни на шаг не отпускают, натасканными собаками обзаводятся.

– Это его заботы, а с меня взятки гладки. Хозяин-барин, как прикажет, так я и действую, – заметил Чепель. – Рэм Анисимович никак не может привыкнуть к постоянному присутствию охраны, смущается, вот и считает, что в офисе, где строгий пропускной режим, ему ничего не угрожает, в полной безопасности.

– Пушка при тебе? – спросил Вьюжный.

– А как же, это святое дело, – похлопал себя по левому боку Чепель, где под кожаной курткой в кобуре покоился пистолет ТТ. – А твой Макаров в готовности?

– Я тоже вооружен и очень опасен, – пошутил Николай, вспомнив название одноименного художественного фильма и посоветовал. – И как тебе не надоел громоздкий ТТ? Сменил бы его на “беретту” или Макарова, а еще лучше на украинской “форт”. Его недавно запустили в серийное производство.

– Не надо мне ни “беретта”, ни “форт”, – возразил Никита. – Вполне устраивает надежный ТТ с его убойной силой. Не случайно его и израильский автомат Узи так обожают бандиты.

– Ты бы еще АКМ на себя нацепил, – усмехнулся Вьюжный и поторопил. – Пойди-ка, навести Рэма Анисимовича, а то если ему не напомнить, то здесь и заночует. Я бы и сам его побеспокоил, но не имею права оставлять свой пост. Как корова всю смену привязан к экранам монитора. Все глаза уже проглядел. Ни одна мышшь не проскочит, видеокамерами вся площадка перед фасадом охвачена, даже нет «мертвых зон».

– Пошли со мной, – Чепель тронул за рукав Анатолия.

– Нет желания, устал, – ответил тот. – К тому же у меня другие функции – баранку крутить и обеспечивать безопасность движения, соблюдая правила. А ты, Никита, приставлен к телу, вот и скачи к президенту, а я тем временем пере-

кью, а то в «Mazda» Рэм Анисимович запрещает. Говорит, что на него табачный дым дурно действует, бережет он свое драгоценное здоровье. Решил наверное, лет да ста прожить без старости. Это мы, к сожалению, пока молоды и здоровы, пьем, шмалим и к пятидесяти годам в коробок сыграем.

Чепель не стал настаивать, а перешагивая через ступеньки, поднялся на четвертый этаж. Коридор тускло освещали плафоны под низким потолком. Дверь приемной, из которой пробивалась яркая полоса света, была приоткрыта. Он, озираясь по сторонам, вошел.

–Рэм Анисимович! – окликнул он громко и подошел к двери кабинета с табличкой. Но никто не отозвался. Никита переступил порог. Помещение была освещено лампами дневного света и настольной под зеленым абажуром. Рядом с кипой документов он увидел керамическую чашку с початым кофе. Прикоснулся к ней, она была теплой, но не горячей. На тумбочке стоял импортный электрочайник, из которого исходил теплый пар. “Наверное, Тяглый лишь на несколько минут отлучился,– предположил Чепель и возвратился в приемную. Но прошло еще около семи минут. «Что его могло неожиданно оторвать от работы,– размышлял теплохранитель.– Если отлучился в туалет, то уже по времени должен был бы вернуться. Тут что-то не вяжется». Никита вышел из приемной в длинный и гулкий коридор.

– Рэм Анисимович! Президент, ау, где вы! – громко позвал он, дергая дверные ручки кабинетов, прошелся из конца

в конец по этажу. Ни одной живой души, гулкая зажатая стенами тишина. Спустился на третий этаж, где также проверил кабинеты, все заперты и опечатаны, и только после этого направился в торец, где размещался мужской туалет. Подошел, вспомнив, что выключатель на стене внутри, в помещении с раковинами-умывальниками и электросушилками для рук. Отворил двери и протянул руку к стене, пытаясь нащупать выключатель, зацепился туфлями за какой-то темный предмет, мешком лежавший на покрытом кафельной плиткой полу. Щелкнул выключателем, вспыхнул яркий слепящий свет. Перед ним лежал, завалившись на бок, Тяглый в обгазированной кровью белой сорочке со сползшимся шелковым галстуком и расстегнутыми полами костюма. Он был неподвижен, без каких-либо признаков жизни. Чепель ощутил вязкость под прилипшими к кафелю подошвами туфель и невольно, брезгливо отступил назад, оставляя отпечатки рифленой подошвы с кровавыми разводьями.

– Черт подери, кто его мог завалить?– вслух произнес Никита и машинально выхватил из кобуры пистолет ТТ. Опасливо огляделся по сторонам. Переступая через запекшиеся подтеки крови, осторожно прошел в глубь туалета. Держа оружие на взводе, проверил кабинки. Никого. “Неужели он сам наложил на себя руку?– размышлял Никита. – Но это невозможно. В таком случае, где оружие? Оно должно по этой версии находиться или в руке человека, совершившего суицид, либо рядом с телом. Но нет ни оружия, ни гильзы.”

Из-под набрякшей кровью одежды и тела несколькими ручейками по кафелю в прикрытый решеткой сток канализации стекали остатки крови. Никита наклонился и поднял вялую, словно ватную, левую руку Тяглого, но пульс не прощупывался, а часы «Сейко», на которых было 19.47 шли исправно. “Труп, – сделал он заключение.– Надо срочно сообщить в милицию, пусть разбираются, это их кровное дело. Вот тебе и телохранитель, не уберег босса. Какое-то закланное место. Бабу с охранником, а теперь вот и мужика отправили на тот свет.”

Эта мысль саднящей занозой засела в сознании, упорно не уступая место оправдательной, ведь находясь в офисе, Рэм Анисимович считал присутствие телохранителя в здании излишним. Ему было неловко перед сотрудниками, которые могли это расценить не только, как трусость, но и личное недоверие. “Эх, одним словом, интеллигент, – с досадой подумал Никита. – По глупости поплатился за свою скромность. Кто же его так жестоко и хладнокровно завалил в сортире? Впрочем, на счету каждая секунда, может успеют вовремя ввести план перехвата, блокируют все выезды из города.”

Чепель со скоростью спринтера, держа пистолет на взводе, перескакивая, через две ступени, сбежал на первый этаж, чем вызвал недоумение на лицах Вьюжного и Давыдко.

– Что случилось, Никита? Почему, выпучив глаза и потрясая пушкой, скачешь, словно горный козел?– осадил его,

останавливая, Анатолий.— Шальной, поди от усердия лоб расшибешь. Лучше скажи, сколько еще ждать Рэма Анисимовича?

— Целую вечность. Все, ребята, кранты и этому президенту. Приказал долго жить,— выдал из себя охранник.

— Что ты городишь?— надвинулся на него Николай.— Белая горячка или белены объелся, а может черти пригрелись?

— Сам ты блинов объелся,— огрызнулся охранник, пряча пистолет в кобуру.— Сидишь здесь в будке, как истукан, глаза на экран пялишь, а Рэма Анисимовича тем временем, кто-то в туалете завалил. Весь в кровище, как из кабана натекло.

— Кто его мог завалить, если в офисе ни одной души,— возразил Вьюжный и указал на журнал.— В нем указано, кто и когда появлялся в офисе и в какое время его оставил. Одни из сотрудников пошабашили за десять-пять минут до окончания рабочего времени, другие, наоборот, позже. Никто, кроме Тяглого не оставался. Что-то ты, Никита, темнишь, может решил нас с Анатолием разыграть, проверить на вшивость?

— Какой к черту розыгрыш. Такими вещами не шутят, тем более на службе. Срочно звони дежурному по УВД, пусть направляет оперативную группу,— велел Чепель.

— Никаких звонков, на хрен мне нужен скандал,— отстранил его руку от телефонной трубки Вьюжный.— Пока собственными глазами не увижу, никакой преждевременной тревоги и паники.

Он заблокировал входную стальную дверь и втроем они поднялись на третий этаж, в туалет, где Никита в растерянности не удосужился выключит свет. Вошли и остановились у двери, чтобы ненароком, не оставить отпечатков на ручке и других предметах, не запятнаться кровью.

– Какой ужас,– произнес Вьюжный, взирая на труп, остекленевшие глаза президента. – Сам он себя не смог бы порешить. Кто же тогда?

Он перевел настороженный взгляд на Никиту, словно именно тот знал разгадку трагедии.

– Что ты на меня уставился, как баран на новые ворота,– не выдержал телохранитель его пристально-проницательного взгляда.

– Ты подозрительно долго его искал,– открыто намекнул Николай. – Вот невезуха и именно в мою смену.

– А ты, что слышал выстрел? – ответил вопросом на вопрос Чепель.– Или у меня пистолет с глушителем?

– Нет, без глушителя.

– А ты, Анатолий, слышал выстрел?

Давыдко отрицательно покачал головой.

– Тогда не пяльте на меня глаза. Если бы я его грохнул, то выстрел из моего ТТ прогремел бы по всему зданию,– резонно подытожил телохранитель. – Да, и какой мне прок убивать человека, который дал работу, хлеб? Не идиот же я, голова соображает.

– Да, убедил, у тебя нет причин для устранения президен-

та, – согласился Анатолий. – Но все же дай потрогать пистолет.

– Выкусишь, в чужие руки личное оружие не отдаю, – твердо произнес Никита. – Я для твоего же алиби хотел проверить холодный или теплый ствол? – пояснил Давыдко. – Не хочешь иметь алиби, так и скажи. Однако перед ментами придется долго и нудно объясняться. Еще обвинят нас в сговоре с целью убийства и ограбления должностного лица. Как получилось, что в охраняемом здании, где кроме Тяглового других сотрудников не было, совершено убийство. Нечистая сила, злой рок? Все это мистика, колдовство. А пока, что мы уязвимы. Нас накрыла тень подозрения и особенно Никиту. Поэтому, чтобы не запутаться, давайте ребята не фантазировать, а все излагать что на самом деле увидели. А поиск убийцы – это дело угрозыска и прокуратуры.

Они спустились вниз и Выужный сообщил о происшествии дежурному УВД, а тот полковнику Резцову и прокурору Грецких. Марат Рудольфович поднял по тревоге следователя Зуда.

24. Ключ от «черного хода»

Спустя двадцать минут, сидевшие перед экранами видеонаблюдения системы Выужный, Чепель и Давыдко, увидели, как один за другим к зданию офиса подъехали, сначала темно-зеленый УАЗ, затем карета «Скорой помощи», а следом

черная «Волга». Николай разблокировал дверь и открыл ее с помощью автоматики. В фойе вошли знакомые им по внешности прокурор Марат Грецких, начальник УВД полковник милиции Геннадий Резцов, а с ними Валерий Зуд и группа сотрудников в штатском. Никита и Выужный представились, как сотрудники частного охранного агентства «Щит и меч».

– Оружие есть? – сухо спросил Валерий Янович.

– Так точно! – ответил за троих Никита.

– Сдать! – властно произнес следователь и велел Чибису. – Георгий разоружи их без всяких разговоров.

– По какому праву? – возмутился было Чепель. – У нас разрешение на право ношения и применения, есть лицензия на этот вид деятельности. Мы будем жаловаться прокурору.

– Выполняйте, что приказано, – оборвал его прокурор Грецких. – Позже я рассмотрю вашу жалобу, а сейчас в виду стечения обстоятельств и до выяснения истины сдайте оружие.

– Есть, – без энтузиазма повиновался Никита и, нырнув правой рукой за левый борт куртки, достал из кобуры и подал пистолет ТТ. Оперуполномоченный аккуратно взял оружие за конец ствола и опустил в полиэтиленовый пакет. Тоже самое он проделал и с пистолетом Макарова, неохотно отданным Выужным. Между тем Зуд, посоветовавшись с Грецких и Резцовым, обернулся к эксперту-криминалисту Ельницкому:

– Самуил Юльевич, проверьте изъятое оружие на предмет

отпечатков пальцев и других признаков применения.

– Где потерпевший, вернее погибший? Ведите,– велел Резцов Чепелю. Все прибывшие, за исключением Давыдко и Вьюжного, врач, два санитаря с носилками поднялись на третий этаж. Эксперт-криминалист, не мешкая, обследовал дверную ручку и поверхность, выключатель, а врач и судмедэксперт констатировали смерть Тяглого в результате огнестрельного поражения и большой потери крови.

–Летальный исход,– произнес судмедэксперт.– Но время наступления смерти удастся установить лишь после вскрытия. Причинены два огнестрельные ранения в область сердца и контрольный выстрел – в височную часть головы. Тип оружия выясним по пулям после их изъятия из тела в процессе его вскрытия.

– Чибис, ищи гильзы,– велел Валерий Янович, интуитивно осозная, что “почерк” тот же, что и при убийстве Стужиной и Рябко, когда унеся гильзы, преступник лишил шанса провести тщательную техническую и баллистическую экспертизы. Кафель был обильно залит кровью, спекшейся маленькими лоскутками. Вместе с Самуилом следователь тщательно осмотрел одежду: портмоне, часы не тронуты, а вот ключи от кабинета и квартиры отсутствовали.

– Кто еще кроме Тяглого находился в офисе,– спросил Зуду Никиты. – Когда я вместе с водителем Давыдко прибыли к зданию офиса, чтобы отвезти президента домой, то по информации Николая Вьюжного, только Рэм Анисимович за-

держался на работе допоздна. За ним часто такое водилось, у него ведь нет семьи, ревнивой жены, а значит за позднее возвращение пилить некому.

– Куда смотрел, хренов телохранитель? – упрекнул его следователь. – Куда надо, туда и смотрел. Находясь в офисе, Рэм Анисимович предпочитал обходиться без моих услуг, – холодно отозвался Чепель, ощутив на себе осуждающий взгляд Зуда.

– Мог кто-то из посторонних проникнуть в здание?

– Через центральный вход это нереально. Мимо телеаппаратуры с видеокамерами мышь не проскочит.

– Может, есть и другой вход в здание или пожарная лестница? – поинтересовался Ельницкий, доверчиво взглянув на Никиту.

– Есть «черный ход» во внутренний двор, но кроме бабы Брони им никто не пользуется, – вспомнил Чепель, так как несколько недель назад при поступлении на службу в фирму, изучал схему здания, согласно положению и инструкции по обеспечению безопасности президента.

– Баба Броня, кто такая?

– Техничка, уборщица Маковой.

– А что, ключ от «черного хода» был только у нее?

– Кажется, еще и у Рэма Анисимовича.

– Но в карманах его одежды не обнаружено никаких ключей. – заметил Самуил Юльевич.

– Возможно, они остались в его кабинете, – предположил

Никита и добавил.— Ведь судя по всему, Тяглый лишь на несколько минут намеревался оставить кабинет.

— Где этот чертов «черный ход»? Веди! — приказал следователь, увлекая за собой эксперта-криминалиста. Узкая лестница находилась в торцовой части здания в десяти метрах от туалета. Тщательно осматривая по пути бетонные ступени с железными перилами одной стороны и глухой стеной с другой, они спустились на первый этаж. Тяжелая стальная дверь оказалась запертой на два оборота ключа, но легко открываемая изнутри, поскольку замок был не врезным, а навесным.

— Чепель, Никита, помогите Самуилу Юльевичу снять замок для проведения технической экспертизы,— велел Валерий Янович.— Не исключено, что его, чтобы попасть во внутрь здания, открывали дубликатом или отмычкой. Надо установить домашний адрес, либо телефон этой Брониславы Маковой. Пригласить ее или навестить и взять показания.

— Адреса и телефоны всех сотрудников фирмы у охранника на вахте,— сообщил охранник, польщенный доверием.

— Вот и прекрасно, значит не будем откладывать дело в долгий ящик. После осмотра места преступления, фиксации картины телекамерой и составления протокола, санитарам было дозволено вынести тело Тяглого и доставить в морг для вскрытия.

Зуда не отпускала мысль о типе оружия. «Если снова выстрелы произведены из ТТ, то дело рук одного преступника,

либо его напарника, действующего сообщца. Во время осмотра и обследования кабинета, связки ключей, которые Никита ранее видел у Тяглого, обнаружить не удалось из чего следователь сделал вывод, что они похищены и возможно, одним из ключей была заперта дверь снаружи. Если преступник знает домашний адрес убитого, то, наверняка, рано или поздно воспользуется похищенными ключами, чтобы проникнуть в жилище и завладеть ценностями, – размышлял следователь. – Необходимо будет установить наружное наблюдение за квартирой, а возможно, организовать засаду. Вдруг, преступник соблазнится и тогда на ловца и зверь. Хотя он чрезмерно осторожен, хитер, но и соблазн велик. Алчность, жажда добычи, нередко усыпляют чувства бдительности, инстинкт самосохранения».

Они возвратились на третий этаж к месту происшествия. – Это уголовное дело следует объединить с делом по факту убийства Стужиной и Рябко, ведь “почерк” один, а возможно и мотивы, – высказал свою точку зрения Грецких. Его поддержал Резцов. Вскоре прокурор и начальник УВД отбыли, предоставив Зуду и сотрудникам следственно-оперативной группы полную свободу действий, конечно же, в рамках требований УПК.

– Итак, побеспокоим бабу Броню, поглядим, что это за броня, – скаламбурил Валерий Янович и вместе с Чибисом и Ельницким спустились на первый этаж. Мимо охранного помещения направились к выходу.

– Товарищ или господин следователь,– окликнул Зуда Вьюжный, оторвав взор от экранов наблюдения.

– Чего тебе?

– Возвратите ствол. Мне ведь здесь одному целую ночь куковать,– сообщил он. – Неровен час, преступнику моча в голову ударить, решит возвратиться, чтобы полностью замести следы.

– Следов он не оставил, все улики унес, поэтому не трусь,– возразил Валерий Янович. – К тому же ты здесь за бронированной дверью, как в танке. Гранатометом и базукой тебя не возьмешь.

– Так, наверное, и Тяглый считал. А дверь «черного хода»? Где гарантии? – озадачил следователя охранник.

– Там и следовало видеокамеру установить и на этажах в коридорах,– упрекнул Валерий Янович. – Тогда бы никакой сумасброд во внутрь здания не сунулся. Был бы, как на ладони у тебя на экране. А так проку от твоей видеосистемы, контролирующей только подъезд у фасада, на грош. О чем ты раньше думал?

– Президент обязан был думать, у него голова большая... была,– парировал Вьюжный и язвительно заметил. – Может, в женском туалете посоветуете видеокамеру установить?

– Не утрируй, умник, – строго оборвал его следователь. – Я с тобой не намерен дискутировать.

– Но и моей вины в том, что произошло нет,– сказал Николай. – Не я монтировал охранную видеосистему и опреде-

лял, где устанавливать камеры наблюдения. Меня посадили перед экранами, вот я и сижу сиднем. Оружие то верните, что ж мне от него голыми руками обороняться?

Валерий Янович на мгновение призадумался, потом обернулся к эксперту-криминалисту, которому Чибис давеча передал изъятое у охранников оружие:

– Что скажешь, Самуил Юльевич? Уважим просьбу?

– Под вашу ответственность, тем более и так ясно, что на рукоятке могут быть только отпечатки владельца Вьюжного, – ответил Ельницкий.

– Ладно, вернати ему пистолет, – велел следователь. – Хотя вероятность того, что преступник возвратиться, ничтожна, но подвергать жизнь Николая риску не будем.

Чибис и Ельницкий кивнули в знак согласия с таким решением и Самуил Юльевич достал из кейса пакет с пистолетом Макарова и подал его Вьюжному, взамен получив роспись о возврате оружия.

– Валерий Янович, вы тогда, будьте добры, и мою пушку ТТ возвратите за компанию, – напомнил о себе Чепель.

– А тебе, пока некого охранять, прохлопал киллера, поэтому потерпи до выяснения обстоятельств. Вместе с Давыдко не мозольте здесь глаза, а отправляйтесь по домам. Отдыхайте. Потребуется – вызовем. А мы к бабе Броне в гости на блины.

Через полчаса, поколесив по узким темным переулкам, подъехали на УАЗе к приземистому дому Маковой под че-

репичной кровлей, расположенному на окраине города. Он едва был виден за высокой каменной оградой с колючей проволокой на гребне. Из одного из двух окон фасада струился голубоватый свет от работающего телевизора. Послышался звон цепи и лай пса во дворе учуявшего звук двигателя.

–Посигналь, – приказал Зуд водителю и тот нажал на клаксон. Все трое вышли из автомобиля и приблизились к глухо запертым металлическим воротам с встроенной в одну из половинок калиткой.

– Ограда, как в концлагере, – заметил Чибис. – Только еще электроток по проводам остается пустить.

– Время суровое, опасаются люди за свое здоровье, жизнь и имущество, ведь грабежи, разбои, кражи обрушились на добропорядочных граждан, как вал, – вздохнул следователь. – А у нас сил недостает со всем этим злом эффективно бороться. Впрочем, главная причина обострения криминогенной ситуации в остром экономическом и социальном кризисе, в массовом обнищании большинства граждан, из-за безработицы, низких зарплат и пенсий. Чтобы ситуация улучшилась, нужны политическая воля, твердая рука. В общем, для нас кредо – закон.

Пес заливался лаем и, спустя три минуты, дверь в веранде отворилась и в проеме ее появилась плотная женская фигура, а затем донесся недовольный, грубый голос:

– Кого цэ бис принис? Петро, зараз хопай рушныцю, а я видпущу на ланцюге Цыгана.

– Валерий Янович, дело пахнет жареным,– услышав эту угрозу, предупредил Чибис и перевел на русский язык.– Она велела Петру брать ружье, а сама готова спустить с цепи пса, его наверное, зовут Цыганом. Придется и нам принять адекватные меры, иначе укусов, а возможно, и огнестрельных ранений не избежать. Позвольте мне стрельнуть в воздух, а потом и в псину. По грозному рыку не трудно догадаться, что волкодав, помесь овчарки с шакалом.

– Погоди ты со стрельбой,– остановил капитана Зуд. – Надо для порядка представиться, чтобы знали, кто мы такие и по какому поводу пожаловали с визитом.

Он втянул в себя воздух и сквозь собачий лай, крикнул:

– Бронислава Савельевна! Баба Броня! Милиция, прокуратура! Откройте, вам ничего не угрожает. Уберите пса и оружие.

– Милици-я? – с удивлением произнесла женщина, подойдя к воротам. Она для солидности и устрашения облачилась в камуфляжную куртку с эмблемой на рукаве «Охрана».

– Отродясь здесь милиция носа не показывала, – заявила хозяйка. – А я уж грешным делом, подумала, что хулиганы расшалились, норовят в курятник за живностью залезть, или в подвал за харчами и самогоном. Щас ранняя весна, бескормица, вот воры, бомжи и шастают по дворам, где бы что прихватить. В ходу у них медная и алюминиевая посуда, провода, все уже подчистили. Собиралась вот Цыгана с цепи спустить. Вовремя вы предупредили, а то бы он дал вам жару,

штаны в ключья. Только бы пятки засверкали.

– Уложил бы я вашего Цыгана одним выстрелом наповал, – мрачно пообещал Георгий и поймал ее на слове. – Так вы и самогоном увлекаетесь? Мужиков и баб спаиваете?

– Ответил бы за все по закону, за вторжение в чужой двор и посягательство на жизнь мирных граждан и их имущество, – сурово заявила женщина. – А первак для личных надобностей гоню, компрессов и растирок. Я законы, пошибче вашего знаю и почитаю, за свои права готова горой стоять. У нас в фирме грамотный адвокат Лещук, бывший офицер милиции, он никого в обиду не даст.

– Никто на вашу жизнь и права не покушается, но перед тем как натравливать пса, советую вначале убедиться кто побеспокоил. Может так случится, что к вам за помощью, с добрыми намерениями. Тогда уж в случае покуса или ранения людей, придется вам и вашему супругу по всей строгости закона отвечать, – предупредил Зуд.

– Колись гражданка Маковой, коноплю, мак на огороде выращиваешь? – неожиданно ошарашил женщину вопросом Чибис. – Марихуану изготавливаете? Молодежь травите?

– Мак выращиваю только для красоты, выпечки булочек, куличей, кренделей и пирога, а конопля мне ни к чему, – ответила хозяйка.

– Опиумный, молочно-восковой зрелости мак?

– Нет, срываю головки, когда полностью созреет и высохнет, – пояснила она. – Правда, наркоманы пронюхали и пы-

тались залезть в огород, но я их прогнала в шею.

– Георгий, не приставай к женщине, у нас другая цель, а наркотиками пусть сотрудники ОБНОНа занимаются, – осадил Чибиса следователь. Маковой молча открыла ключом большой амбарный замок, отодвинула стальной засов и распахнула калитку. Пристально вгляделась в лица мужчин, увидела милицейский УАЗ и сержанта-водителя в форме и успокоилась, слегка подобрев лицом. За ее спиной угрюмо возвышался сухопарый мужчина в стеганой фуфайке, с двустволкой в руках.

– Недружелюбно вы, баба Броня, встречаете блюстителей порядка, – укорил ее Валерий Янович.

– Какой там порядок, сколько бандитов и разного жулья развелось, что уму непостижимо, – возразила хозяйка. – Вон нашего президента фирмы Нику Сергеевну и ее охранника Сеню какой-то злодей убил, а до сих пор не могут сыскать и как следует наказать, чтобы другим неповадно было покушаться на жизнь людей. После того случая я всех незнакомых, особенно ночью вместе с Петром встречаю с ружьем и собакой. А что, имею право в целях самообороны. Мне об этом наш адвокат Павел Иванович сказал. Он много лет в милиции служил. Да и сами посудите, телефона у меня нет, чтобы в случае чего вызвать милицию, а соседям не шибко чужие проблемы и беды нужны. Как только стемнеет, каждый в свой угол забивается и сопит. Мол, моя хата с краю, я ничего не знаю.

– Извините, что побеспокоили,– перебил ее Зуд, зная, что язык без костей и она кого угодно заговорит. – Времени у нас в обрез, баба Броня, а вы до утра горазды нам басни рассказывать.

– А откель ты знаешь, что меня так кличут?– хитровато прищурила она маленькие глазки на полном и круглом, словно луна, лице.

–Такая у меня профессия обо всем знать. Нам нужен ключ от двери «черного хода» в здании, где размещен офис фирмы «Nika».

– Зачем он вам потребовался? Без разрешения своего президента Рэма Анисимовича, я никаких вам ключей не дам,– твердо произнесла она и для убедительности добавила. – Хотя всю ночь здесь гопака танцуйте или меня арестуйте, а без его приказа пальцем не пошевелю.

– Не собираемся мы хороводы водить,– заметил Ельницкий. – А вот часа на три для установления личности доставим в отдел.

– А зачем устанавливать мою личность, когда меня здесь каждая собака знает? – возмутилась хозяйка.

– Собака может и знает, а для нас необходимы уточнения.

– Вот и уточняйте, а ключ я вам не отдам,– упрямо заявила она. – Попадет к какому-нибудь злодею, он заберется в офис и унесет имущество, ковры, компьютеры, принтеры и другие штуковины. Кто опосля этого ответит, кто возместит ущерб? Сразу найдете крайнего, потащите бабу Броню

на нары, а там и за решетку на скудные казенные харчи. Нет, я еще из ума не выжила, чтобы себе во вред поступать. Езжайте к Рэму Анисимовичу и возьмите у него расписку, что мол, не возражает, а наоборот, велит отдать вам ключи. Как прикажет, так и сделаю.

– Некому теперь давать расписку. Убит Рэм Анисимович наповал, – сухо сообщил следователь.

– Что вы такое говорите!? Я его утром видела, когда убирала в коридоре, – не поверила Маковой. – Вы, наверное, его с кем-то спутали или решили надо мной подшутить?

– Убит. Преступник, наверное, воспользовался ключом от двери “черного хода”. Скажите, у кого еще кроме вас, был ключ от той двери? – спросил Валерий Янович.

– Господи, что это творится на белом свете?! – вознесла женщина руки вверх. – Сначала Нику Сергеевну, прекрасной души человека и Сеню порешили, а теперь очередь и до Рэма Анисимовича дошла. Так все начальство изведут и фирму по ветру пустят. Беда так беда, проклятие. Прогневили видать Бога. Спаси, сохрани и помилуй.

Она поспешно, озираясь по сторонам, перекрестилась.

– Вам то, чего бояться, вы человек в фирме маленький, валютой не ворочаете, – усмехнулся Чибис.

– Так ведь под горячую руку и шальную пулю можно попасть, – возразила женщина.

– У кого еще из сотрудников был ключ? – повторил Зуд вопрос.

— У президента и больше ни у кого. Но ходил он только через парадную дверь, а черным, запасным пользовалась я со своими швабрами, ведрами и метлами, — призналась женщина и жестом пригласила во двор. — Да вы прошли бы во двор, присели, в ногах правды нет.

— Широ дякуем за гостеприимство, мы его уже по достоинству оценили, — сдержанно улыбнулся Валерий Янович, с опаской оглядываясь на рычащего пса, черной масти и помеси немецкой овчарки. «Действительно похож на цыгана», — подумал он.

— Мы и здесь договорим. Осталось несколько вопросов, — сказал он. — Вы кому-нибудь отдавали ключ для изготовления дубликата?

— Что вы, упаси Господь, по инструкции запрещено. Я ценю свою работу, на жалкую пенсию ноги протянешь.

— Тогда может быть случайно где-нибудь оставляли без присмотра?

— Нет, все время при мне в этой связке, — и в подтверждение своих слов Бронислава Савельевна достала из широкого кармана замшевого потертого халата тяжелую связку ключей. — Здесь и от кабинетов и от моего дома, сараев, курятника и подвала. Всегда при мне. Даже, когда ложусь спать, прячу под подушку. Петро может подтвердить.

— Да, прячет под подушку, — промолвил мужчина.

— Ружье то у вас хорошее, двустволка шестнадцатого калибра, — на глаз определил криминалист. — Зарегистрировано

ли?

– Зарегистрировано, как полагается, – ответил немногословный хозяин и, нехотя, пояснил. – Я член общества охотников и рыболовов. Плачу взносы, а во время сезона хожу на дичь, уток, зайца, фазана. Увлекаюсь рыбалкой – пиленгас, камбала сарган, ставрида, да бычки. Часть на продажу, а остальное Брони на ушицу, да вялю под пиво. Не то, что иные браконьеры красную рыбу – осетра, севрюгу в Азове ловят.

– Да, браконьеры вконец обнаглели, куда только рыбинспекция смотрит, – вздохнул Чибис. – Я бы им спуска не дал.

– Пусть с браконьерами другие возьмется, рыбинспекция, прокуратура, экологи и биологи, у нас своих дел с избытком, – прервал его рассуждения Зуд и мягко обратился с просьбой к Маковой:

– Бронислава Савельевна, вы бы мне на время дали ключ от “черного хода”, необходимо для следствия, проведения экспертизы.

– Чтобы найти убийц Стужиной и Рябко, в теперь и Тяглого?

– Да, вы очень сообразительная женщина, отличаетесь точной логикой мышления, – польстил ей следователь. – Без вашей ценной помощи нам не обойтись. И в случае задержания преступника, либо нескольких, ваш вклад в их разоблачение будет обязательно отмечен премией или подарком, публикацией в газете. О вашем благородном поступке узна-

ет весь город. На руках будут носить, словно героиню.

Он увидел, как неподдельный интерес вспыхнул в ее глазах, а лицо осветилось улыбкой, словно она уже стала обладательницей премии или подарка и понял, что попал в точку.

– Обо мне напишут в газете?

– Непременно и покажут по телевизору. Я об этом позабочусь, – поощрительно улыбнулся Валерий Янович. Чиби-су и Ельницкому оставалось в подтверждение лишь кивать головами.

– Под честное слово, я тебе ключ не отдам, – не уступала женщина. – Пиши расписку, о том, что в присутствии таких-то фамилия, звание и должности, получил от меня ключ. Только на таких условиях, ключ то ведь казенный от больших материальных ценностей. Сам по себе стоит копейки, но открывает доступ к богатству.

– Он может открыть доступ к раскрытию преступлений, а это важнее любых богатств и ценностей.

Зуд не стал вдаваться в полемику, достал из папки белый лист бумаги и оформил расписку и подал женщине.

– Она действительна, может ее должен заверить нотариус? – спросила она неуверенно.

– Я сам себе нотариус, да еще в присутствии свидетелей.

Маковой отсоединила от связки один из ключей и подала Валерию Яновичу со словами:

– Ты ж береги его, как зеницу ока, и возверни в полной сохранности, когда изловишь злодеев.

– Вы не ошиблись? Именно этот ключ?

– Не сомневайся, с закрытыми глазами могу определить от какой двери, – без гордости ответила она.

– Еще раз спасибо за помощь, – поблагодарил следователь.

– А вы не шибко обижайтесь, что в самом начале пужанула вас рушницей и кобелем, – повинилась она. – Жизнь нынче такая, что каждый обороняется, как может и что под руку подвернется. Так и держим с Петром круговую оборону.

– Вы с ружьем и псом поосторожнее, – предупредил Зуд.

– Знамо, что делаем, – заверила баба Броня, подбоченившись и провожая взглядом выехавший на грунтовую дорогу УАЗ. Над городом раскинулся темно-синий полог с кристально чистыми словно из горного хрусталя звездами. Они сияли и мерцали, пронзив своими лучами огромные, неопостижимые умом, пространства мироздание, совершенно безучастные к течению жизни, событиям, происходящим на земле.

– Вот видите, Валерий Янович, как обернулось, – нарушил молчание Чибис. – Рэма надо было сразу вязать. Спасли бы его от киллера. До гробовой доски был бы нам благодарен. Может он после того, как завалил Стужину не выдержал угрызений совести и покончил с собой?

– Эх, Георгий, если бы кто из нас обладал даром предвидения, – вздохнул следователь. – Только в редких случаях удается действовать на упреждение и предотвращение готовящихся или совершаемых преступлений. Слаба наша аген-

турная сеть, узок круг доверенных лиц, осведомителей о коварных замыслах злодеев. Ищи себе помощников среди активистов, дворников, пенсионеров и прирожденных стукачей.

– Никто не желает бесплатно помогать, требуют гонорар за сведения, – уныло произнес капитан. – А в принудительном порядке никого нынче не заставишь давать ценную оперативную информацию. Моей скромной зарплаты едва хватает на спартанский образ жизни, а доверенным лицам для стимула надо хоть изредка платить.

– Да, сочувствую тебе. А впрочем, капитан, у Тяглого было немного шансов выжить, – заметил Валерий Янович. – Если кто-то задался целью его ликвидировать, то рано или поздно осуществил бы задуманное. Тут наши возможности ограничены. Главное теперь – изблечить киллера и заказчика, устранить причину и условия для очередных убийств по принципу цепной реакции.

– И все-таки мне кажется, что именно Тяглый был заказчиком первого преступления и его убили, чтобы оборвать цепь расследования. По логике эта участь была уготована исполнителю, но он его опередил. Может быть, не сошлись в цене? – высказал свои соображения Георгий.

– Но это версии, не подтвержденные серьезными доказательствами. Вот и действуй, проявляй инициативу, но в разумных пределах, – посоветовал следователь. – Но осторожно, чтобы не наломал дров.

25. Вызов на «ковер»

Рабочий день для Зуда начался с вызова на «ковер» к прокурору.

– Зайдите ко мне, Валерия Янович, сообща обмозгуем ситуацию, – сухо, металлическим голосом с нотками недовольства велел Грецких. По интонации голоса Марат Рудольфовича, старшего советника юстиции, определил, что начальник не в духе и разговор предстоит нелицеприятный. “Держи себя в руках, сохраняй выдержку и хладнокровие, чтобы не наломать двор, не испортить отношения,” – приказал себе следователь.

Из приемной, не задерживаясь, кивнув секретарю, пожилой, блеклой женщине, вошел в кабинет. Просторный, с ковровой дорожкой на полу, кондиционером и белыми жалюзи на трех окнах.

У Грецких было монголоидного типа широкое одутловатое лицо с приплюснутым, как у боксера, носом и дряблой, но блестящей от крема кожей. Тяжелый подбородок-зоб свисал на воротник сорочки с расслабленным узлом галстука. Из-за этого чиновник был отдаленно похожим на бульдога. Ни для кого из сотрудников не было тайной, что шеф приистрастился к коньяку и нередко отправляется в путешествие по Золотой долине грез, а не гейзеров, отрешившись от суровой и серой реальности.

– Валерий Янович, что будем делать, коллега! – после паузы мрачно спросил прокурор, впериw в него взгляд оловянно-водянистых с мешками под белесыми ресницами глаз.

– С кем или с чем делать? – не уловил суть вопроса Зуд.

– С вами.

– Со мной? С чего это вдруг?

– Не вдруг, а потому что вы бесполезно топчитесь вокруг резонансного дела или ждете очередного убийства? Это дело у меня вот где сидит! – повысил голос хозяин кабинета и хлопнул себя широкой, как лапа, ладонью по затылку низко посаженной на туловище, круглой, как глобус, головы. «Хорошо, что не в печени, страдающей от цирроза», – подумал следователь, сочувствуя своему шефу.

– Из-за него я ночами не сплю, мучает бессонница, глотаю валидол и корвалол, а с вас, как с гуся вода. Солдат спит, а служба идет, – продолжил Грецких распекать подчиненного. Демонстрируете бурную деятельность, даете интервью, пиарите себя или гоняетесь за зелеными пацанами, а тем временем преступник или преступники разгуливают на свободе и строят коварные замыслы и планы. Вы же знаете, что свежая кровь пьянит убийцу, а безнаказанность порождает повторность преступления.

– Марат Рудольфович, мы не сидим, сложа руки, у каждого члена оперативно-следственной группы есть конкретное задание, проводим оперативно-розыскные мероприятия, отработываем серию версий, – возразил Валерий Янович.

– Версии, мероприятия... , а где результат? О чем прикажешь докладывать «наверх». Или позабыл, что это дело на контроле у начальства?

– Не забыл.

– Коллега, у меня складывается впечатление, что вы сознательно саботируете, затягиваете следствие, чтобы подставить меня под удар, вызвать гнев начальства. Наверное, метите на мое место?

– Я – реалист, а не романтик. У меня нет протеза, волосяной или мохнатой руки «наверху» и поэтому не тешу себя пустыми иллюзиями. Вы сидите прочно, как железобетонная свая.

– Валерий Янович, не слишком зарывайтесь, я давно не занимаюсь следственной практикой, сейчас у меня другие функции. А вы всегда отличались дерзостью и повышенной самооценкой.

– Принципиальностью и профессионализмом, – возразил следователь и невольно подумал: «Вот, старый пень, давно уже должен отдыхать на пенсии, но сидит сиднем и палки в колеса сует. И будет сидеть, пока «наверху» не найдут достойную замену или ногами вперед не вынесут».

– Ладно, не умничай. Выкладывай, что нового, мне через час докладывать по инстанции, – произнес Грецих. – С утра прокурор республики Шубин настроение испортил. А кто-то полагает, что у меня служба – мед. Мол, сидит в ожидании пенсии и газетки почитывает, кроссворды разгадывает,

в шахматы играет или в домино.

– Я так не считаю. Знаю, что нервная работа.

– Уже легче, – вздохнул прокурор, удобно расположившись в кресле, набрал воздуха в грудь, расправил плечи, словно приготовился к взлету. И от этого стал крупнее, монументальнее.

– Валерий Янович, я не подвергаю сомнению ваш профессионализм. Вы большой специалист по части раскрытия тяжких преступлений. Но один ум хорошо а два – лучше, – с уже знакомой Зуду прелюдии продолжил разговор Грецких. – Сами знаете, что эти два заказных убийства Стужиной и Тяглового, а также охранника Рябко наделали много шума, который докатился и до крымской, и до украинской столиц. А начальство очень болезненно, нервно реагирует на резонансные преступления. Уже трижды за два последние дня звонил прокурор республики, требует подробный отчет о ходе расследования, положительных обнадеживающих результатов, а его в свою очередь терзает генпрокурор. Ушлые политики, депутаты и чиновники стремятся использовать эти убийства в своих политических и своекорыстных целях, себе сделать на этом громкое имя и карьеру, а нас козлами отпущения. В общем, от успеха расследования зависит репутация нашего ведомства и наша с вами судьба.

– Марат Рудольфович, я тоже ломаю голову над мотивами, причинами, отработываем разные версии, – продолжил Зуд.

– По горячим следам, по горячим ... надо действовать,

а не блох ловить! Отрабатывайте свой хлеб!– нетерпеливо прервал его Грецких. – Уже третьи сутки после убийства Тяглого пошли, следы остыли, а мы что имеем? Одни благие намерения. Так не годится, коллега.

– Знаю, что по горячим, не первый год работаю, по более вашего,– выдержка изменила следователю.

– Если знаете, то поживее шевелитесь,– упрекнул прокурор. – Лучших сотрудников в вашу оперативно-следственную группу выделили. Покажите, на что способны, что не дилетанты, а профи.

– Стараемся.

– Плохо, вяло стараетесь, нет динамики, оригинальности в действиях. Пока вы раскачиваетесь, преступник, а может и несколько, спокойно разгуливают на свободе и высматривают очередную жертву. Давайте ближе к делу. Кому могли насолить, перейти дорогу сначала Стужина, а затем и Тяглый?– спросил Грецких и сам же попытался ответить. – Конкуренты, либо партнеры, не пожелавшие возвращать долги? Еще раз тщательно проверьте всю финансово-хозяйственную документацию. Поройтесь усердно, как кроты, и выясните, кто кому и сколько задолжал. Поговорите по душам с юрисконсультom Лещуком, он свой человек и должен быть в курсе дел. По старой дружбе обязан посодействовать.

– Хорошо, Марат Рудольфович. Эту версию еще после убийства Стужиной вместе с сотрудниками УБОП и УБЭП тщательно отработали, проверили, перерыли кучу докумен-

тов. Серьезных конфликтов у фирмы «Ника» с конкурентами и деловыми партнерами, которые были бы доведены до белого каления и разборок, не было. Так мелкие проблемы, которых в условиях финансового кризиса и взаимных неплатежей, долгов и в других сферах, а не только в бизнесе, предостаточно. Ника Сергеевна работала аккуратно, дипломатично, не наживая себе врагов. В среде предпринимателей и в родном коллективе пользовалась большим авторитетом. Поэтому убийство на почве конкуренции маловероятно.

– Если так, то кого-то очень не устраивает руководство фирмы, вне зависимости от личности президента, – продолжил развивать версию прокурор. – У вас не сложилось впечатление, что кто-то упорно расчищает себе дорогу в кресло президента, физически устраняя соперников?

– Не исключено, но ныне ситуация несколько изменилась, на эту должность теперь мало будет желающих, – ответил Зуд. – Люди напуганы и считают ее расстрельной.

– Валерий Янович, это нам укор. Считаю, что в наших силах, дело чести, сделать так, чтобы эта должность, место не были расстрельными. Людям следует вернуть веру в то, что сотрудники прокуратуры, милиция и службы безопасности способны изобличить, задержать и наказать преступника, избавить их от гнетущего страха, – заявил прокурор. – Кто сейчас исполняет обязанности президента фирмы?

– По последним данным Тамара Львовна Бабей. Она при Тяглом была его замом по финансам. Но я еще уточню, так

ли это? – сообщил следователь.– Известно, что она упорно сопротивлялась, опасаясь за свою жизнь и, возможно, согласилась лишь временно до очередного экстренного собрания акционеров и выбора нового президента.

– Видите, вы не уверены, она ли исполняет обязанности, а должны были бы позаботиться об обеспечении ее надежной охраной, – не преминул упрекнуть подчиненного Грецких.

– Фирма богатая и сами догадаются, а у нас не охранный агентствo, недостает людей на проведение оперативных мероприятий, каждый сотрудник на вес золота, – двинул излюбленный аргумент следователь. – Валерий Янович, не ищите причин для оправдания, я их отлично знаю, – с раздражением оборвал его прокурор. – Не распляйте силы, сосредоточьте их на отработке главных версиях и форсируйте расследование.

– Нет серьезных зацепок. Рутинa отнимает массу времени.

– А вы ищите, проявляйте смекалку, нестандартные методы, включайте свою интуицию, иначе прокурор республики с нас взыщет по полной программе. Он волевой начальник и проявляет недовольство нашей работой. Понизит нас в должности, у вас то уже есть выслуга, уйдете на пенсию, а мне еще служить, как медному котелку. Былые заслуги нынче не в счет, молодые претенденты с дипломами юридических академий – сынки, протеже влиятельных политиков, депутатов и чиновников в затылок дышат. А мы, люди служи-

вые, вынуждены подчиняться любим, даже глупым, абсурдным приказам и распоряжениям.

– Такова наша доля, – согласился Зуд.

– Валерий Янович, докопайтесь, наконец, до причины, почему киллер оставил в живых ту девицу, как ее, напомниме? Столько забот, разве всех персонажей запомнишь.

– Ласку Наталью Васильевну.

– Это что, ее кличка или псевдоним?

– Нет, настоящая фамилия по паспорту. Девушка ее стоит, очень даже хорошенькая, вполне соответствует, – заметил Валерий Янович. – Повезло ей в экстремальной ситуации. Наверное, надежный ангел-хранитель, отвел руку убийцы. Вот только ребус с многими неизвестными.

– Что вы имеете в виду, в чем проблема?

– Я вам уже докладывал.

– Напомни, все невозможно в голове удержать.

– Она до сих пор сомневается, кто убийца, мужчина или женщина? По экипировке не смогла точно определить и это осложняет ход следствия, ведь невозможно составить фоторобот хотя бы с приблизительным изображением облика подозреваемого, отметив приметы, чтобы разостлать ориентировки оперативникам.

– Отрабатывайте параллельно несколько версий, в том числе и о причастности этой Ласки к сговору и соучастию. Тщательно, а не ради «галочки» проверьте контингент поднадзорных и ранее судимых за аналогичные преступления.

Шевелитесь, не ждите «манны небесной» или приезда комиссии из республиканской или генеральной прокуратуры. Нам тогда, а уж вам точно, не поздоровится. Снимут, как говорится, стружку и отстранят от ведения уголовных дел по причине профнепригодности, – сурово напомнил о перспективе Грецких.

– Марат Рудольфович, увы, нет ни отпечатков пальцев, ни стреляной гильзы и самое главное, пистолета ТТ калибра 7,62 миллиметра, – вздохнул Зуд. – И мотивы убийств сомнительны. Если Стужину убили с целью ограбления, то почему не сняли золотое кольцо с бриллиантом?

– Наверное, злодей торопился и решил не рисковать?

– Отсек бы или сломал палец и все дела, – ответил следователь. – А в убийстве Тяглого, вообще, не видно корысти, личные вещи, кроме сумочки и мобильного телефона, не были взяты. Во всяком случае, убийца не прикоснулся к телу жертвы, при ней остались золотые часы, золотые серьги с зеленым нефритом и кулон. А у водителя все личные вещи, в том числе и пистолет Макарова в сохранности.

– Валерий Янович, не отвлекайтесь на второстепенные вещи. Вплотную займитесь этой девицей Лаской и возьмите в оборот ее жениха, студента. Не исключено, что он наводчик или исполнитель, – велел Грецких. – Коллега, не теряйте из вида студента-блондина, друга или любовника Ласки. Что-нибудь есть в разработке?

– Пока руки не дошли. Эдуард Муравич несколько дней

отсутствовал, но капитан Чибис возьмет его в оборот, – пообещал следователь. – Вот видите, коллега, – толи обрадовался, толи огорчился прокурор. – Вы мобилизовали не все ресурсы, упускаете время и возможности. Чем черт не шутит, может студент и завалил Стужину и ее водителя-телохранителя, а потом, войдя во вкус, Тяглого выследил. Сейчас среди молодежи, особенно наркоманов, немало жестоких и дерзких отморожков, готовых за сотню гривен замочить, к сожалению, не бандита, а человека.

У студента, насколько мне известно, нет веских причин, мотива для таких кровавых действий, – возразил Зуд и призадумался. Его осенила неожиданная версия и он ее озвучил. – От Натальи Ласки я узнал, что после избрания Тяглого президентом, он круто взялся за персонал. Одним из первых приказов было увольнение профсоюзного деятеля Вениамина Яковлевича Крота, к которому Рэм давно питал неприязнь, за пристрастие того к застольям, демагогии и к безделью. При увольнении были нарушены юридические формальности и суд Крота восстановил. Понятно, что это лишь усугубило отношения между ними. Рано или поздно вновь произошла бы стычка. Тяглый нашел бы более убедительный аргумент, чтобы избавиться от оппонента, советского ортодокса, заслужившего кличку Динозавр.

– Вы полагаете, что Крот мог его устранить?

– Не лично, а за мзду нанял киллера и тот исполнил заказ.

– Пока это голая информация без веских доказательств, –

перебил его Грецких. – Я пришел к выводу, что вы не располагаете полной информацией об этих для вас неуловимом студенте и Динозавре. Ждете, пока кто-то из них еще кого-нибудь уложит? Тогда и наши, не только погоны, но и головы полетят. Он и Стужину, и Тягломог мог прикончить из корыстных побуждений. Я тоже не сижу, сложа руки. В ректорате института навел справки. Муравич из бедной семьи и поэтому, в отличие от дочек и сынков богатых чиновников и коммерсантов, страдает из-за безденежья. Представьте себе такую ситуацию.

Парень встречается с симпатичной девушкой, но не может сходить с ней в кафе или преподнести подарок. Из-за этого он испытывает дискомфорт, ощущает свою ущербность при встречах с возлюбленной. А, если она еще его и упрекает в бедности и грозит по этой причине разорвать отношения, то хоть кричи «караул!» В подобной ситуации он готов на самый отчаянный шаг, только бы раздобыть деньги и предстать перед своей девицей состоятельным женихом. Почаще надо размышлять, моделировать психологические, конфликтные ситуации, а не действовать механически словно робот.

– Очень живописно, Марат Рудольфович. Вам бы в пору романы писать и выжимать слезу из сентиментальных дам, – усмехнулся Зуд, взирая на самодовольного прокурора. – Ваша версия верна лишь отчасти и то теоретически. Дело в том, что личные вещи, находившиеся при Тяглом остались нетронутыми. Поэтому охота студента за ценностями весьма со-

мнительна.

– Могут быть и другие мотивы, вы не гребите граблями по поверхности, а глубже копайте штыковой лопатой, – ввернул в свою речь яркое сравнение Грецких. – Например, Стужина, а затем и Тяглый, узнали какую-нибудь тайну, компрометирующую Ласку и стали ее шантажировать. Она пожаловалась Муравичу и тот решил отомстить. Иначе, нет объяснений тому факту, что убийца оставил девушку в живых. Вы можете мотивировать, этот факт?

– Нет. Это одна из загадок. Но повод неадекватен действию, – настаивал на своем следователь. – С вашей неисчерпаемой фантазией можно далеко зайти и потерпеть фиаско...

– Будет меня поучать, ростом не вышли, – резко оборвал диалог прокурор. – Не гадайте на кофейной гуще, а активно действуйте по всему фронту. Вы пока что руководитель оперативно-следственной группы, с вас и спрос. Разбирайтесь и вовремя ставьте меня в известность о ходе следствия для доклада по инстанции.

– Мы и так роём, словно кроты, но, увы, даже сама Ласка не знает, почему осталась жива. А студентом обязательно займемся, сейчас до него руки не дошли, много других забот.

– Не знает или не желает признаваться, будучи с преступников в сговоре? Либо он ее запугал до смерти, а может, и щедро заплатим за молчание? – предположил прокурор. – Девушка нам еще пригодится. В случае задержания преступника, проведем следственный эксперимент, чтобы

Ласка имела возможность его опознать в ситуации приближенной к реальной. Обеспечьте ее надежной охраной, ведь в любой момент, как только преступник почувствует, что круг сужается, постарается ее ликвидировать. Хотя раньше она для него не представляла угрозы.

– Будет сделано. Приставлю к Ласке еще одного сотрудника, чтобы глаз с нее не спускал. А за Кротом пока установим наружное наблюдение и прослушку телефонных разговоров.

– А что скажите насчет других мотивов и версий? Проверьте пациентов психоневрологических диспансеров и всех, кто стоит на учете в этом заведении. Возможно, объявился маньяк, они периодически проявляют себя то в одном, то в другом месте. В связи с наступлением весны и обострением болезни, активизируются, также шизофреники, психопаты и прочие психически ненормальные субъекты.

– Да, по исследованиям психиатров, есть особи, которые испытывают сексуальные и прочие удовольствия от самого ритуала убийства, от вида и запаха свежей парящей крови. Это осталось от диких предков с их жестокими ритуалами жертвоприношения богам, мифическим идолам. Но одно дело, когда на заклание ведут ягнят, баранов или других животных, и другое людей? Если бы действовал маньяк, то он не пощадил бы и свидетельницу, – опроверг предположение Зуд и продолжил. – Первое убийство Стужиной и Рябко отчасти связано с грабежом в корыстных целях. А во втором

преступлении к убитому Тяглому, похоже вообще руками не прикасался, ни к наручным часам фирмы “Сейко”, ни к кожаному портмоне со 100 долларами и 633 гривнами. Значит, материальные ценности его не интересовали. А может не взял из-за опасения, что кто-нибудь войдет в туалет. Но две гильзы от патрона к пистолету ТТ с собой прихватил. Для него в той ситуации главным было не оставить улики, замести следы. Никаких отпечатков, действовал в перчатках.

– Этот искусственный мор в фирме «Ника» неспроста, – вздохнул прокурор. – Возможно, кто-то задался целью подорвать престиж, репутацию для устранения ее, как серьезного конкурента, на рынке сбыта продукции. Мы с вами, Валерий Янович, не слепые, видим и знаем, какие дикие нравы царят сейчас в коммерческих, торгово-посреднических и прочих сферах предпринимательской деятельности.

– Законы джунглей, – подтвердил следователь. – И нам еще долго придется защищать порядок на правовом поле, расчищать завалы от пороков и издержек молодой демократии, пораженной метастазами криминала, организованной преступности и коррупции.

– Но мы должны тянуть этот тяжелый воз, иначе криминалитет окончательно обнаглеет и станет править бал, наводя на граждан страх, подрывая веру в силу закона, в справедливость, – заметил прокурор.

– Если убийство Стужиной и Рябко мог совершить случайный человек, то Тяглого лишь хорошо знакомый с внут-

ренной планировкой здания, с черным ходом для путей отхода, а также с режимом работы сотрудников офиса. И самое, пожалуй, главное – он знал о том, что по зданию Рэм Анисимович передвигался без телохранителя. Об этих тонкостях мог знать человек, неоднократно бывавший в офисе. Опытный киллер никогда не возьмется за исполнение заказа, пока во всех деталях и подробностях не изучит обстановку на месте будущей акции, что гарантирует успех и уменьшает риск провала.

– Тогда проверьте всех посетителей офиса за период после убийства Стужиной, – предложил Грецких. – По книге регистрации на посту охраны, если она ведется?

– Я тоже намеревался это сделать, но таковая, к сожалению, не ведется. Лишь после убийства Тяглого и то по моей рекомендации начали фиксировать время прибытия и ухода, как сотрудников фирмы, так и их партнеров. Впрочем, киллер мог раньше времени и, чтобы не “светиться” в коридорах офиса, а действовать по подробной схеме и инструкции, никем незамеченным через запасной ход проникнуть в здание. Кстати, техническая экспертиза замка на тыльной двери запасного хода, которым пользовалась, разве что уборщица Маковой, показала, что он открыт отмычкой. На деталях замка обнаружены свежие царапины.

– Логично, – поддержал рассуждения следователя прокурор. – У кого из сотрудников еще были ключи от запасного хода?

– У Маковой и Тяглого.

– Может кто-нибудь брал у них образец для изготовления дубликата? – Баба Броня, то бишь уборщица Маковой, утверждает, что бережет ключи, как зеницу ока и никому не доверяет. А вот Тяглый уже никому ничего не поведает...

– Узнайте, кто из сотрудников после убийства Тяглого срочно уволился и как, говорится, дал деру.

– Это в том случае, если заказчик сам является и исполнителем, то есть киллером. Хотя умный, просчитывающий каждый свой шаг человек вряд ли сразу, тем самым, вызвав подозрение, ударится в бег. Он не станет паниковать, выждет время, когда остынут страсти. Если же их двое, то заказчик оплатил за чисто выполненную “работу” и киллер, действительно дал деру. Где-нибудь отдыхает от трудов несправедных, прожигая кровавые деньги на солнечных пляжах и в ресторанах, ублажаясь ласками своих землячек в дальнем зарубежье, ибо залег на дно, затерялся на огромных просторах России, бывшего Союза. И никакой Интерпол его не достанет, тем более без точной наводки.

– Тем не менее, Валерий Янович, продолжайте интенсивную работу с сотрудниками фирмы, извлекайте из них любую информацию, которая позволит сдвинуть дело с мертвой точки. Еще раз поговорите с Лаской. Я убежден, что между этими преступлениями есть связь. Кстати, обратите внимание, по городу поползли упорные слухи, что Стужину на почве дикой ревности застрелил ее любовник Тяглый, ко-

торый впоследствии, не выдержав угрызений совести и боясь разоблачения и пожизненного заключения покончил жизнь в сортире самоубийством. Кто-то целенаправленного навязывает общественности такую версию.

– Я тоже не сомневаюсь в злонамеренности слухов, – сдержанно произнес Зуд. – Надо их развеять, задержав преступника. Разрешите идти?

– Разрешаю. Держите меня в курсе событий, хода следствия и помните, что дело на контроле у Шубина. А он человек решительный и принципиальный, долго с нами церемониться не будет, отправит в отставку, отстранит от дела и все лавры достанутся другим.

– Ну что ж, тогда придется писать мемуары о нашей совместной плодотворной работе, – усмехнулся следователь. – Перейду на литературу, гонорары. Сейчас детективы пользуются большим спросом у читателей. А мне есть о чем писать, четверть века бандитов вяжу.

– Вы, Валерий Янович, не шутите с огнем, здесь ваша ирония неуместна, – сурово изрек Грецких. – Литературой есть, кому заниматься, развелось сочинителей разных там “боевиков” и “ужастиков”, порой далеких от действительности и юридически безграмотных.

– Вот я и буду писать грамотные.

– Для этого нужен талант, “божья искра”, а вы привыкли строчить канцелярским сухим языком протоколы да обвинительные заключения. Вас уже на литературный стиль не

перестроить,— усомнился прокурор и снисходительно разрешил.— Ладно, ступайте и больше энергии, огонька в работе. Отличитесь, за вознаграждением дело не станет. Буду ходатайствовать перед вышестоящим начальством. Владимир Васильевич хоть и строг, но и благодарен. Для это должны быть положительные результаты, а не голые обещания о призрачных перспективах.

«На начальство глупо и бесполезно обижаться. Его надо понимать и действовать адекватно, чтобы себе не навредить,— подумал Зуд, выходя из кабинета прокурора и направляясь по узкому коридору в свой служебный.— Конечно, Грецких больше озабочен своим положением, перспективами, чем ходом расследования резонансных преступлений. Ему очень хочется, если не продолжить службу и карьеру, то хотя бы достойно и с почестями уйти на заслуженный отдых. И от того, удастся ли раскрыть эту серию убийств или, не дай Бог, произойдет очередное, зависит: или грудь в крестах — повышение по службе и другие поощрения / публикации в прессе, видеосюжеты на ТВ / или голова в кустах — понижение в должности, взыскания и роль мальчика для битья. Пока кто-либо из коллег не “отличиться”. Стоит оступиться, попасть к вышестоящему руководству в немилость и уже очень сложно будет подняться на орбиту даже прежней должности. Станешь объектом для критики с синдромом неудачника, упустившего шанс для взлета по служебной лестнице».

26. Разбор «полетов»

После крутого разговора с прокурором Зуд собрал в своем кабинете оперативно-следственную группу. И когда все разместились, сообщил:

– Надо форсировать расследование. Грецких нами очень недоволен, так как его «сверху» прессует начальство. Пригрозил отстранить меня от дела, а это означает, что расформируют и группу и все наши наработки полетят коту под хвост. Вы же знаете, что новая метла по новому метет. А ведь мы, как подсказывает интуиция, почти у финиша. Самуил Юльевич, какие в вашей мудрой сократовской голове идеи витают? Выкладывайте, не молчите, как партизан на допросе, не скромничайте, – обратился он строгим взглядом на эксперта-криминалиста.

– Валерий Янович, я считаю, что и первое, и второе преступления взаимосвязаны, – многозначительно заявил Ельницкий.

– Так это и ежу понятно, – с иронией, сдерживая смех, произнес следователь. – Для того, чтобы сделать подобный вывод не надо слишком ломать голову, грызть камень науки и кончать юрфак.

– Ежу может и понятно, – сухо, не разделяв юмора коллеги, произнес эксперт-криминалист. – Речь о другом. Есть два варианта развития событий. Первый, при котором оба пре-

ступления совершены одним человеком. И второй – убийства совершили два человека...

– Здесь вы ничего нового не открываете. Мы ведь не сбрасываем с весов такую вероятность, – с досадой сказал следователь.

– Я имею ввиду, что Стужину, а за компанию ее водителя Рябко, чтобы не мешал, из-за столкновения бизнес-интересов или на почве неразделенной любви и ревности мог убить Тяглый или нанятый им киллер. Тем более, что и сам Рэм Анисимович упражнялся в тире и неадекватно отреагировал на ночной визит наших сотрудников. Встретил их с топором в руке. Впрочем, не исключены и другие мотивы кровавой развязки. А самого Тяглого впоследствии убили из мести за Стужину...

– Самуил Юльевич, я бы поверил в вашу версию, если бы ни существенная деталь. Все выстрелы произведены из одного оружия – пистолета Токарева. Как вы это объясните? Получается, что Тяглый подарил пистолет своему убийце. Абсурд.

– Да, здесь не стыкуется, – почесал затылок Ельницкий, призадумался и по блеску его зрачков Зуд понял, что эксперт-криминалист нашел объяснение. – Я уверен, что собственноручно при его менталитете Рэм Анисимович не смог бы застрелить Стужину, поручил это наемному убийце. А когда заказ был выполнен, возможно, пожадничал, о его скупоści многие говорили, и не расплатился с киллером. И то-

гда исход один – выстрел и душа из тела вон!

– Это другое дело. Очень даже правдоподобно, – согласился следователь. – Каковы результаты баллистики?

– Спецы сделали заключение, что все выстрелы произведены из пистолета ТТ с расстояния не более полуметра. Стрелял наверняка. Советуют искать оружие и гильзы.

– Без них знаем, что нам искать.

– Валерий Янович, на горизонте замаячил еще один гражданин или господин, – вступил в диалог Чибис.

– Кто такой?

– В поле зрения попал подозрительно странный субъект, акционер ЗАО «Nika» некий Хребец Панкрат Лукич, тридцати семи лет от роду, – сообщил Георгий. – Меня о нем проинформировал руководитель маркетинговой службы этой фирмы Серафим Дробицкий.

– В чем проявляются странности Хребца?

– По сведениям Серафима, этот тип не похож на нормального трезвого человека. Валяет дурака, бьет баклуши, злоупотребляет алкоголем. Сказывают, постоянно хохмит и хамит до неприличия и пошлости.

– Это означает одно из двух: либо Хребец несостоявшийся артист сатирико-юмористического жанра, либо шизофреник? – предположил Зуд. – Поэтому, не гадайте на кофейной гуще, а направьте его к психиатру. От полоумных «гениев с приветом» всякие могут быть пакости. Возомнит себя «наполеоном» и натворит или уже натворил бед? Поройтесь в

его биографии, выясните, чем занимается? Узнай, состоит ли на учете у психиатра не состоит?

– Не успел проверить, информация поступила лишь несколько часов назад. Много других забот, – посетовал Чибис.

– Георгий, я не признаю никаких причин, – сурово изрек следователь. – Должен, обязан успевать, в сутках двадцать четыре часа и у нас ненормированный рабочий день. Сыщика, как волка, ноги кормят.

– Зато я поинтересовался о характере отношений между Панкратом и Стужиной, а также Тяглым. Удалось выяснить, что с Никой Сергеевной у него трений и конфликтов не было. Она исправно выплачивала ему повышенные дивиденды. А вот с Рэмом Анисимовичем отношения не сложились, нашла коса на камень, вырос острый зуб. Тяглый его несколько раз лишил премии и урезал процент дивидендов, поэтому Хребец мог под горячую руку и отомстить, – предположил Чибис. – Похоже, у него в голове «тараканы» завелись.

– С чего ты взял?

– Серафим Дробицкий рассказал о неадекватном поведении Панкрата. Постоянно хамит и хохмит, куражится, вводя акционеров в ступор. Одним словом, косит под Иванушку-дурака.

– А сам Дробицкий, что за фрукт, внушает ли доверие?

– Вроде нормальный, тихий, скромный интеллигент, без амбиций.

– Вот, вот, тихий. Чаще всего в тихом болоте черти водятся, – напомнил следователь. – В этой фирме собралась компашка, что никому нельзя доверять. Каждый друг против друга держит камень за пазухой, живут по принципу: своя рубашка ближе к телу.

– Ничего не попишешь, такое нынче смутное время, – констатировал Ельницкий. – В информации Чибиса есть логика, хотя чаще граждане с неуравновешенной психикой действуют алогично.

– Это присуще и женщинам, – отметил Валерий Янович и велел. – Георгий, вплотную займись Муравичем и Хребцом, время не терпит. На установление личности и задержание преступника нам дано всего трое суток. Не уложимся, не оправдаем доверие и последуют суровые оргвыводы. Есть и еще один старый фрукт – профсоюзный деятель Вениамин Крот, по кличке Динозавр, которого Тяглый уволил с «хлебной» должности, но тому через суд удалось восстановиться. У него мог вырасти большой зуб на Рэма. Не нельзя исключить и политический мотив. Этот ортодокс, мастодонт социализма люто ненавидит буржуев, как эксплуататоров наемного труда. Поэтому на почве идеологии или мести мог заказать его убийство. Им я займусь сам.

– Валерий Янович, незадолго до убийства Тяглого в нескольких газетах было опубликовано объявление о вакансиях для охранников, – сообщил Георгий. – С одной стороны понятно его стремление обезопасить себя, а с другой – он

невольню сделал наводку и кто-то воспользовался этим шансом, пытаясь опередить.

– Подобные объявления не редкость, ими пестрят страницы газет, – бросил реплику эксперт-криминалист Ельницкий. – Не стоит придавать слишком большого значения и распылять наши и без того ограниченные силы и возможности.

Следователь взял газету предоставленную Чибисом и продолжил:

– Только дурак не поймет, что речь идет о подборе телохранителя, причем профессионала. Поэтому капитан прав, в этом направлении предстоит рутинная работа. Нам необходима любая зацепка. Итак, коллеги, очертим круг подозреваемых: бизнесмены-конкуренты, ранее судимые и психически ненормальные граждане. А также убийство на почве ревности. Какие еще будут версии?

– Убийство на почве мести, – заявил Ельницкий.

– Сомнительно, ведь, судя по показаниям сотрудников, Стужина, да и Тяглый отличались доброжелательностью и у них не было явных врагов.

– А тайных? – озадачил следователя эксперт-криминалист и предложил новый вариант версии. – Их могли убить не только из мести, но и зависти. Кого-то патологически раздражал успех бизнесменов на фоне личных неудач и банкротства.

– Вас послушать, так не слишком ли умный, расчетливый и осторожный психопат или психопатка? – заметил Зуд. – С

такими способностями он нас за пояс заткнет.

– Валерий Янович, так ведь среди шизофреников и лиц, пребывающих на грани умопомешательства немало по-своему талантливых и уникальных особ, – возразил Ельницкий и порылся в памяти в поиске доказательств. – Взять того же всемирно знаменитого художника Ван Гога, да и у нашего Достоевского, сказывают не все нормально было с психикой. Не случайно он написал «Записки из мертвого дома».

– Самуил Юльевич, в твоих рассуждениях есть логика, рациональное зерно, поэтому нанеси визит в психдиспансер, – приказал следователь. – Возьми списки не только тех пациентов, что пребывают на стационаре, но проживающих за его пределами. Поинтересуйся, не было ли самоволок в те вечера, когда погибли Стужина, Рябко, а затем и Тяглый. Может быть, под крышей «кукушкиного гнезда» или канатчиковой дачи обитает маньяк. А ты, капитан...

Следователь обратил взор на Чибиса:

– Поручи своим оперативникам и участковым инспекторам еще раз тщательно проверить всех поднадзорных, ранее судимых и прочих лиц, склонных к совершению подобных деяний.

– Так точно! Будет сделано! – бодро ответил капитан.

– Какие новости насчет студента, который обхаживает гражданку Ласку? – обратился он к Чибису и тот, заглянув в блокнот с записями, бодро ответил: – Докладываю. По сведениям вахтера Жанны Артемовны Дюрель, студент Муравич

Эдуард Илларионович, проживающий в комнате № 237, дважды встречался с Лаской Натальей Васильевной. Он является, как сейчас модно называть, ее бойфрендом, то есть сожительствует. Вместо подготовки курсовой работы они пили вино Алиготе, закусывали салом и занимались сексом. Грубо нарушили режим пребывания в общежитии посторонних лиц. Это показание вахтерши общежития.

– Может в этом и кроется разгадка, ответ на вопрос: почему в критической ситуации, когда свидетелей убийства не оставляют в живых, Ласка осталась невредимой? – предположил следователь.

– Вы полагаете, что это студент, находясь в сговоре с любовницей, грохнул Стужину и Рябко? – подал голос Ельницкий.

– Вполне вписывается в логику версии, – отозвался Зуд. – Представьте ситуацию: бедный, как церковная мышь, студент влюбился в симпатичную девушку. Чтобы ее завоевать, обворожить, нужны деньги на подарки, для походов в дискотеку, кафе, я уже не говорю о ресторанах. Любовь, особенно первая, слепа, но ради возлюбленной парень готов на все. Вспомните свою юность и представьте его бурные чувства, душевное состояние, эмоции. Не исключено, что Наталья своим стремлением к сладкой и красивой жизни подтолкнула его на действия, дала наводку, обеспечив информацией. А в машину села, чтобы обеспечить себе алиби. Кстати, капитан, ты поинтересовался, где находился Муравич в

тот вечер, когда совершенно убийство?

– Я навел справки. В ту и в последующие три ночи Эдуард не появлялся и не ночевал в общежитии, на занятиях и лекциях отсутствовал. Но это обстоятельство ни у кого из преподавателей не вызвало беспокойство. Он и прежде, как впрочем, и другие парни, часто пропадал. Студенты – народ свободный, а точнее, распушенный, раскованный. Те, кто побогаче и учатся на коммерческих факультетах, тусуются с девицами легкого поведения, устраивают групповые оргии, а бедные, как и в старые времена, когда главным меню была бутылка кефира и булочка, подрабатывают на рынках в качестве грузчиков, реализаторов товаров или ночными сторожами. Может и Муравич пустился во все тяжкие, чтобы щедрыми подарками завоевать сердце красавицы?

– Ты с ним уже встречался, беседовал?

– Нет, Валерий Янович. Решил зайти издалека, вооружившись фактами и уликами, застучать на горячем в постели с Лаской и прижать, как следует, – объяснил свою тактику оперуполномоченный угрозыска.

– Не слишком увлекайся дальними подходами, форсируй, бери быка за рога, – велел следователь. – Если нужна помощь, то в нашем распоряжении ОМОН. Имей в виду, студент на твоей совести. Если сбежит или, не дай Бог, сведет счеты с жизнью, то взыщу по полной программе. Мы с тобой уже гонялись за одним студентом, на сей раз гляди в оба.

– Я его не упущу, это дело чести.

Послышался зуммер телефонного аппарата, доселе молчавшего на тумбочке. Следователь поднял трубку, вспомнив, что на время расследования просил Грецких вооружить нескольких сотрудников опергруппы мобильными телефонами, но тот развел руками. Звонила секретарь-референт Наташа, он узнал ее по певучему голосу.

27. Гильза калибра 7.62 мм

Крупногабаритная женщина Бронислава Маковой, а в обиходе просто баба Броня, обычно приступала к работе на полтора часа раньше, чем все сотрудники фирмы, потому, что в штате значилась в графе «техническая работница», т.е. уборщица и со своими обязанностями справлялась добросовестно, наводя везде блеск и чистоту, чтобы ни соринки, ни пылинки. Ежемесячно получала премиальные, что вдохновляло ее еще на большее усердие по поддержанию высокой чистоты и санитарного порядка на вверенной ей территории вокруг здания.

Пенсионерка считала, и вполне справедливо, что с начальством и коллективом ей повезло, люди доброжелательные, культурные, много не сорят, вот только убийство Стужиной, щедрой души человек, была, да и Рэм Анисимович не слишком обижал, не забывал поздравить, а вот на премию скупился, ее очень огорчило. «У какого только злодея, бусурмана на них и Сеню рука поднялась, знать бы прокляла. Какой-то

злой рок витает над фирмой «Nika», какой-то дьявол порчу наслал, надо бы батюшку из храма Иоанна Предтечи, церкви Александра Невского или Афанасьевской пригласить, чтобы освятил помещения, изгнал сатану. Обязательно предложу, как только выберут нового президента», – так размышляя, она вошла в туалет. На внешней двери навесила на ручке табличку “Уборка” и принялась за дело.

Сначала прибрала в кабинках, почистила специальным порошком писсуары и переместилась в помещение с двумя раковинами у стены и электросушителем. Пристально оглядела, вспомнив, что именно возле крайней раковины, как ей поведала Наташа, злодей убил Тяглого.

– Царство ему небесное, – прошептала Бронислава Савельевна и перекрестилась. Она передвигалась, как утка, переваливаясь грузным телом с одной ноги на другую, словно тяжеловес при спортивной ходьбе. Несмотря на возраст, не утратила зоркости, могла без очков вдеть нитку в самое маленькое ушко иголки. Прошлась шваброй с мокрой выжатой тряпкой по кафельной плитке, которой были облицованы не только стены с подвесным потолком, но и выстлан пол, Маковой согнала скопившуюся воду в сток, прикрытый решеткой. И когда вода сошла, увидела какой-то блестящий предмет Екнуло сердце. “Уж не колечко золотое или перстень кто-нибудь обронил, когда руки мыл, – подумала женщина. – В спешке не обратили внимания, а хвались не знали, где отыскать. Надо бы достать его оттуда, пока не унесло в канали-

зацию».

Краем металлического совка поддела, незакрепленную решетку и достала предмет. Положила на ладонь. “Нет не кольцо, не золото, похоже на патрон из бронзы, – предположила она.– Надо бы дождаться пока адвокат придет (так она называла Лещука, не видя различий в функциях юрисконсульта и адвоката) и показать ему эту находку. Он человек бывалый, знает, что к чему, недаром в милиции до майора, сказывают, дослужился. А мы люди маленькие, темные, мое дело метла, да швабра. Главное, что исправно и вовремя зарплату выдают, нет никаких задержек, как в других конторах. Может эта штука и сгодится”

С такими мыслями баба Броня положила гильзу, предварительно тщательно ее протерев до блеска / жажда чистоты / , в широкий карман рабочего темно-синего халата. Вышла из туалета, сняв с дверной ручки табличку “Уборка”, и занялась наведением порядка в коридоре, где и без того все было образцово. Протерла ветошью подоконники и белые рамы окон из стеклопластика, затем полила цветы, расположенные в холле. Достала из другого кармана старые механические наручные часы, которые оберегала во время уборки и взглянула на циферблат “Победы” – 9.07 .

“Пора бы сотрудникам приступить к работе, пойду взгляну, может застану адвоката,”– решила Маковой и по ступеням белой мраморной лестницы поднялась на четвертый этаж, где в основном размещались служебные кабинеты со-

трудников, а также приемная и офис президента.

Проходя мимо плотно закрытых дверей, услышала голоса, шум и обрадовалась: «Значит на месте, несмотря на то, что еще не избран новый президент. Однако люди ответственные, строго соблюдают дисциплину, работают, как говорится, от звонка до звонка». Потянула за ручку двери с табличкой «Лещук Павел Иванович, юрисконсульт». Заперта.

“И где его только нелегкая носит? – с досадой подумала она. – И когда он делом занимается, на все готова отговорка “в суде на слушании дел или в командировке “. Не юрист, а турист. Мне бы такую непыльную работу. Но в свое время по молодости, глупая, поленилась выучиться на экономиста или юриста, может быть сейчас бы большими делами заправляла, на “мерседесах” и джипах ездила. Хотя может и к лучшему, вон Ника и Рэм доездили, да и Сеня за компанию. Все у них было, жили в достатке и роскоши, но недолго. На все видать, Господня воля, как кому на роду написано, так тому и быть, не миновать. А вот Наталку, добрую девушку, уберег, защитил, отвел руку убийцы, уцелела. Загляну я к ней, покажу находку. Она – девушка смышленная, в институте учится, посоветует, как быть. Может не стоит возиться, а выбросить в урну или лучше внучку, как сувенир подарить? Он из него брелок для ключей сделает.”

Женщина остановилась в раздумье: “Хотя это казенная вещь, найденная в офисе. Грешно похищать, да и опасно. Никогда себе этого не позволяла, кошельки с деньгами и дру-

гие ценные вещи, найденные во время уборки, всегда людям возвращала, потому ценят и уважают за труд и честность“, – довольная своими принципами, женщина, открыла двери приемной и перешагнула через порог. Приблизилась к столу, за которым сидела Ласка, обратившая на нее свои грустные и милые глаза.

–Что такое, Бронислава Савельевна? Какие-нибудь проблемы?– спросила секретарь-референт.

– Наталка, будь ласка! – продвинулась своим грузным телом в приемную Маковой.

– Я и так Ласка, куда уж больше, – улыбнулась девушка, оторвав взгляд от монитора компьютера.

– Верно, у тебя доброе сердце и светлая душа, – подтвердила женщина. – Наталка, погляди какой я снаряд, блестящую цацку в туалете нашла,– достала она из кармана и положила на стол гильзу.

– Видать кто-то посеял и закатилась в сток для воды, вот и не смогли отыскать. А у меня глаза, как у орла, без очков обхожусь.

– Это, не цацка, а патрон,– ответила Ласка, положив гильзу на изящную маленькую ладонь.– Его надобно Павлу Ивановичу показать, он в оружии разбирается.

– Сама хотела, но его, сердешного, на месте нет,– отозвалась женщина.– Наверное, наш адвокат в суде пороги обивает. Собачья у него должность, лаяться, до хрипоты доказывать свою правоту.

–Такая у него работа и к тому же он не адвокат, а юрис-консульт,– поправила Наташа.

– А мне без разницы, главное, что законами ворочается,– возразила Маковей и с обидой заметила.– Я во всех кабинетах прибрала, а у него нет. Он почему то мне ключ не доверяет? Говорит, что у него много секретных документов. Чудак-человек, а еще адвокат.

– Не судите его строго, Бронислава Савельевна,– улыбнулась Ласка.– Это у него милицейская привычка, потому такой бдительный и скрытный. У каждого свои причуды, а в общем-то он душевный человек. Часто шоколадом и другими сладостями угощает.

– Потому что ты молодая и красивая, а он – холостяк. Вот он и подбивает к тебе клинья, чтобы соблазнить. Меня никогда ни шоколадкой, ни мармеладкой не угостит, потому что старая, давно отцвела, – резонно заметила женщина.– Ты, доченька, с ним и другими мужиками, будь построже, не пугайся, чтобы не давали рукам волю. У них одно на уме, как бы при удобном случае затащить в постель.

– Что вы, такое говорите?

– Ты еще молодая, не опытная, не обжигалась и все тебе кажется в розовом свете. По-твоему, если прилично одетый мужчина, так значит рыцарь на белом коне или господин, а что у него в голове, какие планы, намерения неведомо. Я то на своем веку разных мужиков повидала, были и порядочные, совестливые, а встречались и наглые проходимцы, тре-

бующие от женщины сексу. И не боятся этой заразы, кары небесной – СПИДа, сифилиса и гонореи. Эх, Наталка, если бы только знала, что вокруг твориться? Прямо ужас охватывает, волосы дыбом становятся, новые морщины и седины появляются, – сокрушенно, словно маятником, покачала головой Маковой.

– Бронислава Савельевна, врачи рекомендуют близко к сердцу не принимать негатив, относитесь ко всему по-философски, – посоветовала Ласка и не удержалась спросила. — Что случилось, что огорчило?

– Очень деточка, огорчило. Гляжу на тебя и радуюсь, такая ты скромная, правильная, не испорченная, – похвалила женщина. – Если бы у меня был сын, то обязательно бы породнились.

– Спасибо за добрые слова, – смущенно отозвалась секретарь-референт. – Так что произошло?

– Произошло, не привели Господь. Давеча я решила пройтись по городу и набрела на один магазин, – не спеша продолжила женщина. – Увидела над входом два красных сердечка, пронзенные стрелой и надпись на русском языке «Все для любви» и на иностранном, кажется, секс-жоп... Прости, что скажешь.

– Ха-ха-ха! Ой, ой, мамочка, не могу! – девушка схватилась за живот, сдерживая слезы, чтобы с ресниц и век не поплыла черная тушь. – Ну, Бронислава Савельевна, у вас настоящий талант юмориста или пародиста, рассмешили до

слез. Такие магазины называются секс-шопами и там продаются аксессуары для любовных утех, соития между мужчиной и женщинами, впрочем, бывают однополые и групповые связи.

– Ты, Наталка, не слишком шуми, а то Тамара Львовна зругается и нам обеим влетит, еще и премии лишит за смех в рабочее время, – Маковой покосилась на дубовую дверь кабинета президента с отсутствующей табличкой с начертанном ранее именем Тяглого.

– Там никого нет, пусто, – сообщила Ласка. – Бабей очень суеверная и, чтобы не навлечь на себя проклятие, опасается садиться в президентское кресло. Говорит, что над ним витает дух Ники и Рэма и они могут призвать ее к себе. А по мне, так надо не мертвых, а живых бояться. Ладно, мы отвлеклись, что дальше было?

– Любопытство меня разобрало. Зашла я значит, в этот шоп, чтобы внучке, она в этом году школу заканчивает, купить какой-нибудь необычный сувенир. Задела какую-то железяку и зазвенел колокольчик, – продолжила женщина. – Глянула на витрины и чуть глаза на лоб не полезли, чуть в обморок не упала. Кругом голые, в чем мать родила, бабы. Как будто в бане. Правда, не живые, а резиновые девки. Раньше такого срама и позора не было. Тут появилась крашенная, похожая на одну из кукол, девица в мини-юбке и прозрачной блузке и стала мне предлагать какие-то фаллосы, заменяющие мужские, вибраторы с усиками и пузырьками. Пря-

мо стыд и срам.

На все лады девица расхваливала товар, предлагая то одно, то другое изделие и консультируя, как лучше применить. Я не выдержала и сказала, что они мне нужны, как корове седло. Она обиделась, поджала губы и отвернулась задом. Противно на весь этот срам и разврат глядеть. Всякая гадость и зараза к нам из-за границы напозла для совращения малолеток и молодежи. Им же интересно все на себе испытать и получить кайф. Жаль, я с собой не взяла швабру. Все бы разнесла в пух и прах. И куда только милиция смотрит?

– Эта милиция вас бы и задержала за хулиганство и уничтожение чужого имущества, – нарисовала перспективу Ласка.

– Ха, да какое это имущество? Натуральное распутство! – возмутилась Маковей. – На продавщице кофточка прозрачная, словно из целлофана, сиськи висят, как у козы, и пузо голое, а на пупке что-то стеклянное блестит, словно игрушка на елке.

– Это же пирсинг, драгоценный камень в платиновой, золотой или серебряной оправе. Сейчас для эротики модно ими украшать любые, особенно интимные, части женского тела, – пояснила Ласка.

Принялась я ее стыдить за срамоту, мол, зачем голых баб и другую заграничную заразу выставили? Она надула крашенные губы и уставилась на меня своими лупатыми зеньками, как баран на новые ворота. Хотела устроить ей скандал, но

она обозвала меня психопаткой и позвала на помощь. На ее крик из подсобки выбежал здоровенный, как колхозный бу-гай, парень в семейных трусах с волосатыми ногами.

–Наверное, в шортах?

–Может и в шортах. Краля ему пожаловалась, что я ее оскорбила. Ентот кабан схватил самый большой резиновый фаллос и набросился на меня с криком: «Иди прочь, старая дура, а то забодаю!» Я шибко испугалась. С криком «Карарул, убивают!» выбежала на улицу. Приказал, что если меня не интересуется такого рода товар, чтобы не совалась и не отпугивала покупателей. На кой мне ляд их срамной товар. Его счастье, что в тот момент в моих руках не было швабры, я бы его, козла, огрела по хребту. Запомнил бы, как на женщину руку поднимать. Собрала побольше слюни и плюнула на дверь. Вот такой, Наталка, я ужас пережила. Лучше бы я туда не заходила, но ведь женское любопытство разобрало. От него никуда не денешься. Напишу жалобу в исполком, лично мэру, чтобы закрыли эту шопу для секса и разврата.

–Бесполезно, – сдерживая смех, заметила Ласка. – Товар, аксессуары пользуются большим спросом, а для чиновников главное товарооборот и поступление налогов в бюджет.

– Будь он неладен этот шоп, пусть горит синим пламенем. Зареклась там появляться и тебе, Наталка, не советую ходить по таким заведениям. Обходи его десятой дорогой.

– Все же интересно посмотреть и купить вибратор или какую-нибудь другую пикантную вещичку, – заметила Ласка,

почувствовав на себе осуждающий взгляд Маковой и строгий голос.— А как же моральный кодекс строителя коммунизма, который я изучала в школе? До сих пор помню, что человек человеку друг, товарищ и брат. А нынче все на жадности, зависти и богатстве помешались.

— Забудьте о своем коммунизме, капитализм положил его на лопатки, теперь вот пожинаем горькие плоды западной цивилизации, — усмехнулась Наташа.— И это вас удивило и поразило?

— Вот именно поразила в самое сердце.

—Какая же вы, темная и забитая бытом. Это аксессуары для повышения уровня любовных наслаждений, — пояснила Наташа.

— Да, сексуары, и какая только зараза ими пользуются? Это же натуральное бя...о! — возмутилась женщина. — Всякую заразу к нам из заграницы везут для блуда и совращения молодежи. Будь моя воля, все бы выбросила в огонь. Мы жили и знали этих разных шопов, трудились от зари до зари и здоровых детей растили, а нынче пьянство, наркотики, блуд...

— В европейских, да и в других странах, особенно в Нидерландах, секс-шопинги, публичные дома, где клиентам оказываются интимные услуги, никого не шокируют и не приводят в ужас. Люди наслаждаются сексом. А вы из естественной потребности делаете трагедию.

— Скоро ничего святого и тайного не останется, — горест-

но вздохнула Маковой. – Ужас, какая пошла развратная молодежь. А еще один был случай. Иду я давеча по набережной, а навстречу рослая девица без лифчика, титьки наружу выпирают из короткой кофточке. Глянула, у нее голое пузо и джинсы, не приведи Господь, как будто их моль сожрала. На левой штанине полоски из остаток нитей и на правой на бедре тоже все светиться. Я ей и говорю, зачем ты, дочка, на себя такую рвань надела? Не стыдно ли бомжей выглядеть? Поди, со свалки поношенные штаны достала?

Она фыркнула, обиделась и нагрубила, мол, женщина, не оскорбляйте меня. Это не рвань, а очень модные и дорогие джинсы, – заявила девица и призналась. – Я их по большому благу достала.

А я бы такие дырявые штаны и даром не взяла бы. Это все равно, что в рваных трусах или рейтузах ходить.

– Бронислава Савельевна, у вас нет вкуса. Это же последний крик моды, – сообщила Ласка. – Сейчас также модно носить брюки, джинсы с накладными карманами, заплатами и разными шнурками.

– За такую бесстыжую моду я надавала бы по заднице. Никакой культуры и скромности. Ходят, словно оборванцы, – возразила Маковой. – И куда только их родители смотрят?

– С модой бороться бесполезно, – ответила Наташа. – Я тоже с удовольствием при такой жаре надела бы шорты и короткую маечку.

– Иной раз глядишь, пигалицы– от горшка два вершка, а

уже задницами и бедрами вертят, – продолжила техничка. – Среди бела дня с пацанами целуются и зажимаются, а потом брюхатые ходят. Куда подевались девичья невинность, стыдливость и скромность? Чтобы кто-то до свадьбы лег под парня, такое даже в страшном сне не могло присниться. У грешницы сразу бы ворота вымазали дегтем и опозорили на всю округу. Строго блюли честь. Ладно, заговорила я тебя. Что будем с этой штуковиной делать? Может выбросить?

– Ни в коем случае. Коль Павла Ивановича нет, то позволю следователю Зуду, – нашла выход из ситуации Наташа. – Он меня еще после первого преступления, убийства Стужинной и Рябко, просил, если что-то новое припомню, то обязательно сообщить. Визитку дал.

– Значит это тот Зуд по каким-то особым делам, он и меня беспокоил. Допытывался насчет ключа от “черного хода”. Кому его и за какие деньги передавала или может по рассеянности потеряла? Такой нудный и въедливый, как та серная кислота, не приведи Господь. Пытал, весь сон перебил, а второй грозился моего любимого Цыгана застрелить. Я бы ему показала кузькину мать.

– Как пытал? – встревожилась секретарь-референт. – У нас же пытки после смерти Сталина запрещены.

– Значит, допрашивал, – поправилась она. – Решила, значит, ему эту блестящую штуку показать?

– Он разберется, это по его части.

– Поступай, как знаешь, а мое дело маленькое, – вздох-

нула Маковой.— Я вот думаю, кто тепереча, нами управлять будет? Не везет президентам. Какое-то проклятие над ними витает. Надо бы батюшку пригласить, чтобы изгнал сатану, снял проклятие с нашей фирмы.

Ласка с тоской покосилась на плотно закрытую дверь с табличкой, напоминавшей о последнем хозяине главного кабинета.

— Свято место пусто не бывает,— прошептала она опасливо.— Только я бы на него ни за какое золото, серебро не согласилась бы сесть. Заклятое оно какое-то. Один раз меня ангел-хранитель спас, а второй раз я не хочу судьбу испытывать. Сердце не выдержит.

— Освятить надо и кабинет, и офис. Изгнать сатану поганой метлой, — посоветовала Бронислава Савельевна.

— Тот, кто в кресло сядет, у того пусть и голова об этом болит,— ответила Наташа, уже после убийства Стужиной и Рябко, размышлявшая о том, чтобы в другом месте, не столь опасном, подыскать не пыльную, но денежную работу. Теперь этот замысел стал неотложной целью, но она ее бережно хранила. Ласка открыла ящик стола и в стопке других визиток, нашла с фамилией Зуда.

— Может, кто из новых охранников обронил гильзу, а вдруг она от патрона, которым убили Рэма Анисимовича?— предположила девушка.

— Как знаешь, дочка, у тебя светлая голова, дай тебе Бог счастья, коль сохранил жизнь, — произнесла баба Броня, на-

правляясь к двери.— А я пойду мне недосуг, надо еще в коридоре прибраться. А то может не торопись, чтобы не насмешить следователя, у него и без тебя гора дел и дождись адвоката. Он — человек служивый, бывалый.

— Павел Иванович, не скоро появится. Он еще вчера предупредил, что с утра будет в суде на слушании дела по искам.

Маковой вышла, а Наташа, глядя в визитку, поочередно легко нажала кнопки телефонного аппарата и в трубке услышала отзыв.

— Старший следователь по особо важным делам Зуд слушает.

— Валерий Янович, вас беспокоит Наташа Ласка. Вы меня еще помните? — взволнованным голосом спросила она.

— Конечно, помню, красавица Наташа, Наталья Васильевна, — мягко признался он.— Что-нибудь случилось или ценная информация?

— Это вам определять ценная она или дешевая?— подчеркнула Ласка.— Утром наша техничка, ну, значит, уборщица баба Броня, в мужском туалете обнаружила гильзу от патрона.

— Где гильза?

— У меня в письменном столе.

— Наташенька, будьте умницей. Никому ничего не рассказывайте и не показывайте до моего прибытия. Минут через десять я подъеду....

— Хорошо, Валерий Янович, жду,— ответила и положила

трубку на рычаг, а гильзу в ящик стола. Следовательно появился даже раньше обещанного времени. Вбежал, словно подхваченный порывом ветра.

– Где находка?– спросил, едва переводя дыхание.

– Вот, пожалуйста,– Ласка подала блестящую гильзу.– Как новенькая, это ее Бронислава Савельевна фартуком протерла. После прикосновения ее рук все вещи блестят, хоть на рынок неси.

– Лучше б она ее не протирала,– упрекнул следователь и заметил, как погас энтузиазм в глазах девушки, ободряюще улыбнулся.– Спасибо, вам Наташенька. Вы оказали большую услугу.

– Это заслуга бабы Брони. Она чистоту и порядок наводит, чтобы ни одной соринки и пылинки.

– Где она сейчас находится?

– Может на втором или третьем этаже. Да вы ее узнаете, в рабочем темно-синем халате, с пылесосом и шваброй. На голове такого же цвета, что и халат, косынка.

– А что президентский кабинет до сих пор пустует?– Зуд кивнул головой на добротную дубовую дверь с табличкой.

– Так ведь нового президента еще не избрали,– ответила секретарь-референт.– Назавтра назначено экстренное, внеочередное собрание акционеров. Скорей бы все утряслось. Сейчас обязанности исполняет Тамара Львовна, но она суеверная, не желает сюда переселяться. А мне здесь одной в приемной жутковато, вдруг этот маньяк и меня решит

убрать. А в президенты, не то, что раньше, мало желающих. Никто не хочет разделить участь Стужиной и Тяглого. Валерий Янович, а у вас в прокуратуре в случае чего для секретаря-референта вакансия найдется? Я отлично владею компьютером, учусь в институте.

– Может и найдется, Наталья Васильевна, но оклад маленький, – разочаровал он ее. – Что, началось бегство с тонущего корабля?

– Корабль не тонет, да только страшно, жутко работать, когда президентов, словно дичь отстреливают. Я в последние дни спать спокойно не могу, не оставляет дурное предчувствие.

– Потерпите, скоро этому будет положен конец, – заверил следователь и с улыбкой добавил. – После таких испытаний, закалки и передрыг вам и черт будет не страшен.

– Не женское дело – играть со смертью, – возразила она, с интересом наблюдая, как он осматривает гильзу.

– Не поддавайтесь панике, Наташа. На проходной у вас надежная охрана, если потребуется, то и к вам приставим телохранителя. Впрочем, о вашей безопасности мы уже позаботились.

– Благодарю, – улыбнулась девушка. Между тем в коридоре у выхода на лестничную площадку Лещук столкнулся с грузной и широкой, как дискбол в плечах, Маковой.

– Что, Бронислава, не померкнет наша слава? – подтрунил Лещук и пропел. – Крепка броня и танки наши быстрые...

– Эх, господин адвокат, вам бы шуточки, да прибауточки, а тут такое дается, что прямо мороз по коже, – с таинственным видом укорила женщина.

– Что дается?

– Не знаю, как насчет брони и танков, а вот нынче в мужском сортире, где писсуары, я обнаружила одну вещь, – отозвалась она. – Думала, что кто-то из мужиков золото посеял, перстень или кольцо, а оказалось, что боевой снаряд...

– Снаряд, артиллерийский, крупного калибра? – удивился и озадачился юрисконсульт и засмеялся. – Эх, Броня, вы сама, как броневик, блюстительница чистоты и порядка, гроза клопов и тараканов! Я сам иногда не прочь пустить леща, но юмор, розыгрыш должны быть не примитивными и грубыми, а тонкими и оригинальными. Не с бухты-барухты, как обухом или снарядом по голове. Наверное, вчера, Савельевна, лишку самогонахватила и тебе померещилось? Признавайся, а лучше иди проспись, пока не попала на глаза Тамаре Львовне.

– Какой к черту юмор? – надвинулась на него грудью женщина. – Говорю, что в туалете нашла снаряд от пистолета. Такой блестящий, как золото, похожий на наперсток.

– Наверное, гильза от патрона.

И с иронией подумал: «Крупная женщина и оперирует большими категориями, не мелочится».

– Может и гильза, а мне без разницы, что в лоб, что по лбу.

– Куда вы ее подевали?

– Хотела вам показать, как человеку военному и адвокату, но кабинет оказался запертым. Собиралась выбросить в мусор, а потом решила отдать Наташе, – призналась она. – Я знаю, молодежь себя сейчас разными железками обвешивает, мода такая – металлисты. Может, девице сгодится или своему ухажеру подарит. Я в военном деле не разбираюсь. Вот, если бы ты спросил у меня о швабрах и метлах, то я бы тебе все пояснила.

–Избавьте от швабр и веников, – отмахнулся он. – В Японии и других странах с вашей работой успешно справляются роботы. Если будете много языком трепаться, то отправим на пенсию нянчит внуков и носки вязать. Лучше скажите, куда дели патрон?

– Отдала Наталке. Пусть она вам и рассказывает, – обиделась Маковой.

– Ласка на месте?

– У нее какой-то солидный мужчина на приеме. Он после гибели Тяглового ко мне с группой милиционеров приезжал, – ответила женщина и попросила. – Товарищ адвокат, я пойду, моя смена закончилась. Какая зарплата, такая и работа. Ника Сергеевна, пусть ей земля будет пухом, на премию не скупилась, а Рэм зажимистым был. За это, наверное, его Бог и покарал. Не надо на бедных людях экономить. Кто же теперь нашим президентом, кормильцем станет? Дай Бог, чтобы не скупердяем, а добрым человеком оказался.

– Сколько вам раз повторять, что я юрисконсульт, а не ад-

вокат, – с раздражением упрекнул он, зная, что она не является акционером и поэтому не сможет повлиять на результаты голосования.

–А мне без разницы. Так кого ж теперь назначать на место убиенных? – и, не дождавшись ответа, призналась. – Я на это зачатое место ни за что бы не согласилась. Жуть, за три месяца три трупа. Не фирма, а похоронное бюро, морг...

– Типун вам на язык. Покайтесь и перекреститесь.

–Прости Господи, что скажешь, – Маковой осенила себя крестом. – Пал Иваныч, теперь ваша очередь подошла. Вы же человек бывалый, не мне нас уму-разуму учить, но в первую очередь наймите себе надежную охрану, чтобы снова не пришлось нам справлять панихиду. Не забудьте о моем наставлении и не скупитесь, когда займете высокий пост, иначе офис превратится в свалку

– Кого изберут, тому и карты в руки, – сухо отозвался Лещук.

– Коль станешь президентом, а дело идет к тому, то не забудь, кто после вас пепельницы и плевательницы выносит, жвачку от паркета и плитки отдирает, подметает, протирает, чтобы ни соринки, ни пылинки. Вредная, заразная работа, но никто не ценит. Если перестану прибираться, то в мусоре и хламе утонете, – пригрозила Маковой и пожаловалась. – Пенсия у меня шившая. Всю жизнь в разных конторах проработала. После бюрократов, почитай, горшки выносила, комфорт создавала, а пенсии нормальной не заслужила. С голо-

ду не охота помирать, прояви милосердие и тебе на том свете зачтется.

– Не каркай, старая, я умирать не собираюсь.

– Так ведь стреляют в наших президентов?

– Меня голыми руками не возьмешь. Всем нынче тяжело живется, Савельевна, и денег вечно не хватает, – с тоской произнес Лещук.

– Пал Иваныч, сколько еще нам терпеть этот ужас? Так поодиночке всех перестреляют и меня не пощадят, – просто-нала Маковой.

– С чего вы взяли, Савельевна?

– А с того, что я раньше всех сотрудников, когда они еще дрыхнут в постелях, прихожу в офис. Мету и скребу, а вокруг ни одной живой души. Страшно, аж ноги подкашиваются.

– Савельевна, вы же могучая женщина, – усмехнулся Лещук. – От одного вида преступник сбежит. На худой конец окатите его холодной водой, отобьетесь шваброй и вениками.

– Мне не до шуток, – обиделась Бронислава и упрекнула. – Вы же смелый человек, а не слюнтяй. Майором в милиции служили. Возьмите у своих бывших товарищей автомат или пулемет, устройте засаду и покосите их проклятых, чтобы отвязались от нашей фирмы.

– Кого покосить?

– Убийц. У моего мужа Степана есть ружье, он охотно по-

может.

– Эх, Броня, у нас в стране самосуд запрещен, – сообщил юриконсулт. – Поважут и загремим мы с твоим Степаном под фанфары на нары. Да и тебя накажут, как соучастницу. Это дело опасное и глупое. К тому же, не я здесь командую парадом. Обращайся к Бабей, она исполняет обязанности президента, а я мелкий клерк.

Она тяжелой поступью командора направилась по лестнице вниз.

– Наташа-а! – на пороге приемной неожиданно появился юриконсулт. Кивнул следователю и обратился к секретарю-референту. – Ты, вы меня искали? Мне баба Броня сообщила, что в мужском туалете какую-то непонятную деталь нашла. Потребовались мой опыт, знание оружейного дела, консультация.

– Павел Иванович, так вы же должны быть в суде? У вас гора неотложных дел? – удивилась Ласка.

– Заседание перенесено на следующую неделю.

– Вас не было, о находке я сообщила следователю, – пояснила Наташа, виновато улыбнувшись, ибо осознавала, что нарушила служебную инструкцию, обязывающую в первую очередь обо всем ставить в известность руководство, а уж с их позволения другие организации и заинтересованных лиц. Инициатива, самодеятельность наказуемы.

– Мы уже разобрались, Павел Иванович, – сухо произнес Зуд.

– Что-нибудь интересное, Валерий Янович? – небрежно равнодушным голосом промолвил Лещук.

– Ничего особенного, пустяк, гильза от патрона пистолета Макарова, – ответил он. – Наверное, кто-то из ваших охранников, справлял нужду и обронил. Ложная тревога.

– А я уж было обрадовался, когда мне сказали, подумал, не вешдок ли по делу об убийстве Рэма Анисимовича? Кстати, как оно продвигается? Сотрудники каждый день интересуются, достают меня вопросами, а я им в ответ одно и то же, как дятел, мол, следственная тайна, ведется отработка версий. А как на самом то деле, просветите? Есть ли перспективы? Может и мой опыт будет полезен, как-никак, а одиннадцать лет следствию отданы, да восемь угрозыску?

– Вашими молитвами, Павел Иванович, – нехотя отозвался Зуд, заметив любопытство в глазах Наташи, усмехнулся. – Правильно отвечаете сотрудникам. Хорошо, что до сих пор соблюдаете расписку о неразглашении служебной тайны.

– Это дело офицерской чести, – подчеркнул юрисконсульт.

– Как только станет возможным, я обязательно проведу пресс-конференцию, встречу с коллективом вашей фирмы, а пока не обессудьте, – развел руками следователь и посетовал. – Едва успеваю от журналистов, репортеров отбиваться. Им, как на Западе подавай жареные факты, гоняются за сенсациями как за жар-птицей. Наберитесь терпения и справедливость восторжествует.

– Преступления ведь громкие, заказные, вот и шума во-

круг них много, – вздохнул майор. – Не перевелись любители нагнать на обывателей страх. Предприниматели обзавелись усиленной охраной. Ходят здоровые амбалы, что шкафы и с бычьими загривками. Для одних горе, а для охранных, сыскных агентств – манна небесная, возрос ажиотажный спрос на их услуги.

– Конечно, утечка ценной информации недопустима, – продолжил развивать тему Лещук. – А вот дезинформацию часто практикуют, чтобы вывести подозреваемого, а может и нескольких, из равновесия и вынудить к совершению ошибок.

– Не будет ни той, ни другой.

– Я бы так категорически и прямолинейно не действовал, – возразил юрисконсульт. – Дозированная утечка достоверной информации, знаю из собственной практики, часто давала положительные результаты. Преступник из-за нестандартности оперативно-розыскных мероприятий впадал в панику, допускал роковые ошибки и тем самым выдавал себя и своих подельников. Я часто, чтобы сбить с толку, использовал этот метод и во многих случаях он обеспечивал успех операции.

– У меня своя метода, не хуже вашей.

– Что ж, вы правы, Валерий Янович, у каждого свой почерк, стиль работы, – согласился юрисконсульт. – Но не худо взять на вооружение и богатый опыт коллег. Понимаете мы, все сотрудники фирмы, не меньше вашего заинтересованы в том, чтобы убийца был найден, задержан и понес заслужен-

ное суровое наказание и в этих резонансных преступлениях была поставлена точка. Всем сотрудникам нелегко работать с ощущением личной вины и в атмосфере взаимной подозрительности. Это не только мои ощущения, хотя мне твердости духа, силы воли не занимать. Но под этим дамочловым мечом пребывают другие работники. После этих периодических повесток, вызовов, даже среди ночи, в милицию, прокуратуру, многие глотают нитроглицерин или валидол. У людей опускаются руки и из-за этого страдают интересы фирмы. Деловая репутация фирмы «Nika» подмочена, кто после этого согласится с нами сотрудничать, с большим трудом удерживаем партнеров.

– Павел Иванович, вас послушаешь, так полный произвол, а вы ведь не с Луны свалились и знаете, что для выяснения истины приходится заниматься и этой рутинной и неблагодарной работой. Сбор информации, отработка версий, – осадил своего оппонента следователь. – Нудная, кропотлива работа. Отлично понимаете, что если вовремя не обезвредим убийцу, то последует очередная жертва.

– Вы что же, Валерий Янович, считаете, что главный мотив преступления, должность, кресло президента? – попытался поймать его на слове юрисконсульт.

– Я об этом не говорил, это ваши домыслы, – усмехнулся Зуд и Лещук решил дальше не развивать эту тему. Но, призадумавшись, все же пожелал определить позиции, точки зрения.

– Судя по вашему тону, Валерий Янович, я понял, что вы отказываетесь от помощи профессионала, от сотрудничества?

– Как считаете, так и понимайте, но только прошу не мешайте, не создавайте проблем ни мне, ни другим членам оперативно– следственной группы. У нас и без вас дел невпроворот.

– Тогда не обессудьте, займусь частным сыском в интересах фирмы. – А лицензия на этот вид деятельности у вас есть?

– Будет! – твердо и самоуверенно заявил Павел Иванович.

– Вот, когда будет, что весьма сомнительно и проблематично, тогда и карты вам в руки, – с иронией произнес следователь. “Дайте взглянуть на гильзу,” – его так и подмывало спросить у Зуда, но по настроению понял, что тот откажет и поэтому посчитал благоразумным промолчать.

– Меня ждут дела. Будьте здоровы, живите богато! – пожелал Валерий Янович и, подмигнув на прощание девушке, вышел из приемной.

– Наташа, как выглядел патрон? Целый с золотистого цвета пулей или пустая гильза? – подступил Лещук к девушке, едва за следователем закрылась дверь.

– Кажется, стрелянный, без пули. Вам то зачем лишние заботы? Пусть прокуратура занимается, они за это деньги получают.

– Оно конечно так, правильно рассуждаешь, но я не ве-

рю, что они найдут убийцу, – с огорчением заметил он. – Поэтому в свободное от служебных дел время, сам веду расследование. Считаю это своим человеческим долгом перед Стужиной.

– В роли частного детектива?

– Можно и так сказать, ведь я по призванию следователь, профессионал, который не может равнодушно взирать на неуклюжие действия дилетантов в следственной практике.

– Как это интересно, – взлетели тонкие дуги бровей на миллом лице секретарши. – Павел Иванович, может мне с экономического факультета перевестись на юридический?

– Не стоит, деточка. Угрозыск, следствие, общение с преступниками – это не женское дело. Оно отнимает много сил, здоровья и времени. Придется поставить крест на личной жизни, а ты, такая красивая и очаровательная, создана для любви и счастья.

Ласка зарделась от этих комплиментов, а кому может не понравится нежное, теплое, как солнечный луч, слово? А для женского слуха оно особенно, приятно.

– Дай-ка мне, Наташенька, чистый листок бумаги, – попросил он. – Сейчас мы проведем эксперимент, узнаем, насколько ты наблюдательна и хороша ли зрительная память?

Девушка подала ему аккуратно нарезанные листки, а юриконсульт достал из внутреннего кармана, добротного темно-зеленого костюма шариковую ручку. Нарисовал патрон калибра 9 миллиметров к пистолету Макарова и гильзу

7, 62 миллиметра от патрона к пистолету ТТ показал Ласке и пояснил:

– Пистолет ТТ (Тула-Токарев) образца 1930 года, калибра 7,62 мм был первым советским боевым автоматическим пистолетом конструкции Федора Васильевича Токарева, принятым на вооружение Красной армии, для замены архаичного револьвера «Наган». Благодаря надежности и большой убойной силе, ТТ, и пистолет Макарова в арсенале и правоохранительных органов и бандитских формирований. Наташенька, будь добра, напряги свою память. Как выглядела находка? Выбирай из этих двух вариантов.

– И напрягать не надо, у меня отличная память, пока еще узелки на платочке не завязываю. Найдка похожа на этот рисунок.

Она указала тонким пальцем на изображение гильзы.

– Спасибо, у тебя на самом деле отличная память, – похвалил он.

– Что же вы не попросили у Валерия Яновича взглянуть на гильзу?

– Ты об этом не знаешь, Наташа, но между милицией и прокуратурой издавна существуют натянутые, неприязненные отношения, хотя сотрудники занимаются одним и тем же делом, но самая черная, рутинная работа все же достается милиции, а прокуратура к возбуждению уголовных дел подходит избирательно, в основном занимается особо тяжкими, убийствами, изнасилованиями, хищениями в особо крупных

размерах. – пояснил юрисконсульт. – Поэтому я не стал подливать масло в огонь или сыпать соль на раны Зуду. Он человек своенравный, считает себя крупным профессионалом, не терпит, когда его поучают и вмешиваются в ход расследования. Ну, ладно, это наши профессиональные проблемы, издержки отношений. Поглядим, кто раньше из нас выйдет на след преступника и обезвредит его, тому и лавры. А тебя следовало наказать.

– Почему же? – удивилась она, вскинув тонкие дуги бровей.

– А потому, милочка, что о всех событиях и находках в первую очередь надо информировать руководство, а не прокуратуру, милицию или другие силовые и фискальные органы, – строго произнес Лещук.

– Так ведь нового президента еще нет, кому доклады вать? – нашлась с ответом Наташа и кокетливо улыбнувшись, пропела. – Искренне желаю вам, Павел Иванович, успеха, ордена или медали за раскрытие резонансного убийства.

– Вот видишь и ты немного поражена бациллой корпоративности, – усмехнулся он. – Если бы я не работал в фирме, то вряд ли бы ты пожелала мне удачи, воздержалась бы.

– Но я очень хочу, чтобы убийца был найден и наказан, – призналась Ласка. – Мне до сих пор снятся кошмарные сны. Прямо жуть. Поочередно приходят то Ника, то Сеня и упрекают меня в том, что я живая, а они убитые. Хватают меня за руки и тянут за собой, аж мороз по коже. Не знаю, как от

этих сновидений избавиться. Просыпаюсь среди ночи и до утра мыкаюсь с включенным светом. Боюсь, что теперь и Рэм Анисимович станет приходить. Проклятие какое-то. И в чем я перед ними виновата? Ведь тот злодей мог и меня убить, но наверное, у меня сильная аура и добрый ангел-хранитель.

– Аура у тебя особенная. Если ночью приходят привидения, то в таких случаях старые, мудрые люди советуют, сходи в храм Иоанна Предтечи или в церковь Александра Невского, Афанасьевскую, а лучше, конечно в храм, ведь там отпевали Стужину и Рябко. Поставь перед иконами зажженные за упокой убиенных свечи и кошмарные сны, как рукой снимет,— посоветовал мужчина и признался. – Они мне тоже по ночам не давали покоя, особенно Ника Сергеевна. Я заказал священнику молитву за их упокой и теперь сплю спокойно словно убитый. Это лучше всяких лекарств и успокоительных средств помогает. Хотя я неисправимый атеист, но все же, полагаю, что существует незримая связь живых с мертвыми, с потусторонним миром. Через сны, либо домашних животных, кошек, собак, они подают нам сигналы, предвещаю события и особенно, опасности. Вот и души Ники, Семена и Рэма, наверное, не могут успокоиться, жаль им было расставаться с белым светом.

– Я тоже считаю, что человек не исчезает бесследно, превратившись в прах, его душа витает рядом с живущими и оберегает нас от неприятностей,— сказала Наташа.— Спасибо вам за мудрый совет, а то я было настроилась на визит к

психиатру, посчитав, что от пережитого шока, от страха расшатались нервы, чтобы обследовал и прописал курс лечения психологической реабилитации.

– Он обследует, пропишет и в психушку упечет, только попадись в руки, – предостерег Павел Иванович. – К психопату не ходи. Сдерет кучу денег, напичкает вредными лекарствами, чтобы поймать постоянного посетителя-клиента, а значит и солидный гонорар, а под конец загонит в психушку. Держись от них, деточка, подальше. Они сами от постоянного общения с психами, становятся ненормальными. Как говорится, крыша едет, а то ее вместе с чердаком срывает. Вместо больницы сходи в храм, пользы больше будет.

– Так и поступлю, спасибо за добрый совет, – тепло произнесла она и вдруг неожиданно спросила. – Павел Иванович, а почему вы ко мне обращаетесь на «ты», мы вроде бы не договаривались? В офисе принято официально общаться на «вы».

– А потому Наташенька, что по возрасту вы, ты, годитесь мне в дочери, – ответил он, по-отечески нежно взглянув на Ласку. Уловив на себе ласковый взгляд, девушка смутилась, зарделась и с детской непосредственностью сообщила:

– А может у вас, как говорит баба Броня, другое на уме?

– Что другое?

– То, чего мужчины настойчиво добиваются от женщин? – уточнила секретарша.

– У меня к тебе чисто отцовские чувства, хотя ты очень

соблазнительна, волнуешь шальную кровь.

– У меня уже есть родной папа, – сообщила она.

– А разве плохо иметь двоих?

– Ну, ладно, – улыбнулась она и оба дружно рассмеялись, ощутив легкость, родство душ, взаимную симпатии. Пожав мягкую податливую ладонь девушки и, сделав прощальный жест, Лещук удалился из приемной. Подошел к своему кабинету, вставил ключ в отверстие, хотел повернуть, но остановился озадаченный вопросом: “А куда подался Зуд?”

Юрисконсульт спустился на третий этаж, прошел по коридору и на двери туалета увидел табличку “Уборка”. Прислушался: голоса Валерия Яновича и бабы Брони. “И старушку взял в оборот, наверняка, допытывается на месте, где нашла гильзу и протокольно оформляет этот факт, – подумал он. – Схитрил, сказал, что гильза от пистолета Макарова, а на самом деле от ТТ. Но мы тоже не лыком шиты, займемся своим частным сыском. Энтузиасты, в отличие от ленивых службистов, чаще одерживают победу. Поглядим, чья возьмет?”

28. Калиф на час

– Дамы и господа, товарищи! Опять страшное горе постигло наш коллектив, – произнес Крот, стоя за столом президиума на сцене конференц-зала. Печальными, как у старого вола, глазами с синюшными “мешками”, обзрев притихших с унылыми лицами акционеров. – Сегодня исполня-

ется сорок суток с момента гибели Стужиной и Рябко и девять суток со дня убийства Тяглого. А будут еще сороковины. Предлагаю почтить их светлую память минутой молчания.

В зале зашумели, поднимаясь с кресел и вскоре наступила тишина. Слышно было, как в глубине сцены у трех портретов сухо потрескивают, полыхая оранжевыми язычками пламени, свечи. Кто-то из женщин всхлипнул и отчетливо слышалось:

– Когда только эти жуткие убийства кончатся? Злой рок витает над нашей фирмой. Наверное, Никин дух никак не может успокоиться. Она нас всех к себе заберет на тот свет... Скучно ей там без сотрудников и партнеров по бизнесу, деловых отношений, неким управлять...

– Успокойтесь и присядьте,– велел Вениамин Яковлевич, понимая, что тягостная тишина удручающе действует на психику людей. И когда в зале угомонились продолжил:– Меня, как и вас, тоже интересует, когда эта охота на наших президентов закончится? Может вы, Пал Иваныч, что-нибудь проясните по этому вопросу? Вы больше и чаще общаетесь с работниками прокуратуры и милиции.

– Меня тоже держат в неведении, ссылаясь на тайну следствия,– посетовал Лещук. – Но из достоверных источников знаю, что по подозрению в причастности к убийству был задержан телохранитель Рэма Анисимовича гражданин Никита Чепель. У него оказался при себе пистолет ТТ, подобный

тому из которого был убит Тяглый. Проводятся техническая и баллистическая экспертизы на предмет идентификации. В отношении подозреваемого на период, пока идет дознание, принята мера пресечения – подписка о невыезде. Поначалу отрабатывалась даже версия о самоубийстве, но потом решили, что у Рэма Анисимовича не было причин сводить счеты с жизнью. К тому же и пистолета не оказалось на месте, как это обычно бывает в подобных случаях.

– Пал Иваныч, ты Муму не води, мозги нам не пудри, а конкретно скажи, будет ли убийца найден?! – поставил вопрос ребром Хребец и, не дождавшись ответа, продолжил. – Или нам после избрания нового президента фирмы готовиться к очередным похоронам, заказывать гроб, духовой оркестр, венки и цветы, поминальные столы? В бюро ритуальных услуг руки потирают, довольные тем, что у нас отстрел...

– Для одних война, а других – мать родная, – вздохнул Крот.

– Я не Герасим, чтобы водить и топить Муму, – наконец отозвался юрисконсульт. – Всех собак вешайте на Зуда. Это он со своими сыщиками мышей не ловит. Меня к материалам дела не допускает под предлогом, что частный сыск не предусмотрен законом. Обещаю, что если изберете меня президентом, то я не стану ягненком на заклание. Уверен, что выиграю поединок с убийцей, каким бы матерым он ни был.

– Товарищи, дамы и господа, может, действительно, предоставим Лещуку шанс и на него, словно на живца пойманом преступника, – поддержал идею профвожак. – Он – опытный милиционер, до майора дослужился, а мог бы и генералом стать.

– Вот тебе и охрана, встает рано, как два барана. Только наши денежки коту под хвост бросаем, – подал свой голос Панкрат. – Вместо того, чтобы охранять, защищать хозяйна, всадил ему пули в сердце. От меня больше было бы проку, чем от этих заплечных дел специалистов. Наверное, Чепель решил ограбить, вот и хлопнул человека в сортире. Мы не должны это мокрое дело спускать на тормозах. Надо принять резолюцию собрания с требованием привлечь убийцу к высшей мере наказания – к расстрелу, чтобы другие злодеи хвост прижали.

– Сейчас не расстреливают, смертная казнь отменена, – сообщил юрисконсульт. – Высшей мерой является пожизненное заключение. Буржуи из Европейского Союза настояли на гуманности к убийцам.

– Ешки-матрешки, когда же этот кошмар прекратится? То поминки, то выборы, свихнуться недолго. Так мы все загинем, словно глупые бараны. Надо принимать ответные меры, вооружаться, кто чем может. Имеем право на самооборону! – заявил Панкрат и возмутился. – Ведь что получается, уважаемые граждане!? Преступник убивает невинных людей, как скотину на бойне, а наш самый гуманный и спра-

ведливый суд дарует ему жизнь. И до самой смерти за счет наших с вами налогов содержат его в тюрьме, кормят и поят до отвала. Это же не лезет, ни в какие ворота. Ешки-матрешки! Так не пойдет, мы должны выразить свой гневный протест по поводу вопиющей несправедливости.

– Политикам, депутатам, принимающим законы, твой протест до лампочки, до одного мягкого места, как старому барану все по барабану, – с пессимизмом заметил кто-то из акционеров.

– Граждане выражайтесь культурно, вы не на базаре! – потребовал Крот. – И четко соблюдайте регламент. Желаящие высказаться, не дерите горло, а заранее просите слово.

– Да, простит меня Ника Сергеевна, думаю, что она не обидится, ведь не зря говорят, как корабль назовешь, так он и поплывет. Женская интуиция мне подсказывает, что если мы не сменим название, то нас постигнут очередные трагедии, – поднялась Ласка. – Я предлагаю назвать фирму «Фламинго». Розовый фламинго... Может, тогда нас оставят несчастья и наступит светлая полоса...

– Наташка, причем здесь заморская тонконогая, неуклюжая с горбатым клювом птица? – перебил ее Хребец. – Мы, что протухшими окорочками или ножками Буша торгуем?

– Зато красиво и романтично, – парировала Наташа.

– А по мне, хоть чертом фирму назовите, главное, чтобы в трубу не вылетела, а имела прибыль, – продолжил Панкрат. – Я денатуратом и самогоном, после того, как попробовал ко-

ньяк и другие хорошие напитки, травиться не желаю, они мне противопоказаны.

– А-а, тебе только бы до чертиков наклюкаться, а там и трава не расти, – остановил его профбосс.

– Предлагаю пригласить священника, чтобы снял проклятие и порчу, – подала свой голос Тамара Львовна. – Вон их сколько нынче развелось разных церквей, костелов, синагог и мечетей. Любой из них за хороший гонорар и застолье с большой охотой кадиллом помашет и святой водицей окропит кабинеты, машины и все, что душе угодно. На ипподромах даже скакунов вместе с жокеями освящают.

– А они последними на финиш приходят, – с иронией заметил Хребец. – Я уверен, что если мы выберем президентом Лещука, то при его закалке и опыте, ни одна зараза не завалит. Он в любой ситуации сумеет и за себя, и за нас постоять.

– Не лезь поперед батька в пекло и не кажи гоп, доки не перескочишь, – напомнив украинскую поговорку, осадил его Бабей.

– А ты не живи по принципу: не зым, так хоч надкушу, – не остался в долгу штатный оратор. – Знаю я вашу хваленую щедрость.

– Панкрат прав. Стужину с Рябко, и Тяглого погубило то, что они были дилетантами в вопросам самообороны и безопасности, – вступил в дискуссию Павел Иванович. – Я их неоднократно предупреждал, что беспечность им может дорого стоить. Так оно, и произошло.

– Ладно, размялись, а теперь переходим к повестке дня собрания, – властно прервал дискуссию профсоюзный босс. – Долго фирма жить без рулевого не может. У нас должен быть полноценный президент, без приставки и.о. Он заключает договоры о сотрудничестве с деловыми партнерами, подписывает финансовые документы, иначе от нас отвернутся и фирма захиреет, прикажет долго жить. Итак, дамы и господа, выдвигайте кандидатуры.

– Пусть Тамара Львовна и дальше керует, сейчас наступила очередь после Тяглого женщине порулить, – предложил Серафим Дробицкий. – Я ее выдвигаю на этот пост. У нее хватка деловая, не один пуд соли вместе с салом съела и поэтому под монастырь не подведет. С нею будем здравствовать и процветать, как и при нашей незабвенной Нике.

– Упаси Господь! Зачем мне это надо! Доработаю до пенсии и ни одного дня не задержусь в этом заклятом офисе! – всполошилась вице-президент. – У меня семья, дети, внуки, а вы толкаете меня на расстрельное место. И не стыдно вам, мужики? Слабую женщину бросаете под танк. Вот когда милиция изловит этого маньяка и посадит за решетку, тогда я с большим удовольствием покерую, а сейчас даже и не думайте, я себе не враг. Пусть Крот или Лешук впрягаются в лямку и тянут этот воз, а я еще хочу пожить на белом свете. На охрану никакой надежды. Не таскать же телохранителя с собой по туалетам?

– Тамара Львовна, что вы так оробели, ведь кадровая по-

литика будет в ваших руках. Сколько захотите, столько и наберете людей в охрану, никто перечить не станет,— заметил Крот.— Как говорится, хозяйка-барыня для нас сударыня.

— Вот сам и становись барином или козлом отпущения, коль такой мудрый,— возразила Бабей.— Я не хочу последовать за Стужиной, Рябко и Тяглым в сырую землю. Может все же Ласка права и лучше изменить название фирмы, иначе Ника всех за собой в могилу утащит. Я не суеверная, но порой становится жутко, не по себе...

В этот момент на сцене, что-то зашумело: толи сквозняк, толи чье-то неведомое дыхание задуло свечи, горевшие у портретов погибших. С оплавившихся свеч потянулись сизые струи дыма. В зале все оцепенели.

— Господи, прости, что скажешь,— прошептала испуганно Бабей, перекрестилась и продолжила.— Прости меня, Ника Сергеевна, я не хотела потревожить твой вечный покой... Пусть остается прежнее название, никаких «Фламинго» и прочее. Боюсь, что Стужина нашей измены не простит. От греха подальше...

Вениамин решил снять напряжение, охватившее людей.

—Пойди-ка, дочка, зажги свечи, у тебя легкая рука,— обратился он к секретарю-референту, которая в роли секретаря вела протокол собрания и подал ей зажигалку.— Наверное, где-то сквозняк вот и погасли.

— Нет, Вениамин Яковлевич, я не могу,— обернулась Наташа и он увидел ее побледневшее лицо.— Пусть это сдела-

ет кто-нибудь другой. Она на меня смотрит, я это чувствую всем телом, жуть пробирает... Мне кажется, что упрекает в том, что я осталась живой...

Нервная дрожь пробежала по девичьему телу. Ласка затрепетала, словно тонкая осинка на холодном ветру. Опустила голову, уткнувшись глазами в листы белой бумаги с бисером записей.

–Тогда я сам,– отважился Крот. Поднялся из-за стола и прошел в глубину сцены, ощущая спиной устремленные в него сотни глаз. Щелкнул зажигалкой и дрожащей рукой зажег свечу сначала у портрета Стужиной, затем Рябко и Тяглого. Но дрожь в его пальцах не ускользнула от внимания акционеров. Подбодрившись, сохраняя осанку, возвратился на свое место и продолжил собрание.

– О покойниках плохо не говорят, но Рэм был хроническим скупердяем, за копейку мог удавиться. У него среди зимы снега не выпросишь. Держал нас на голодном пайке, – сурово изрек Хребец.

– Да, Тяглый щедростью не отличался, – подтвердил Крот и поторопил. – Панкрат Лукич, ближе к делу, не тяни kota за хвост, соблюдай регламент. Что ты предлагаешь?

– Я проголосую за Лещука лишь в том случае, если он меня назначит вице-президентом, и всем сотрудникам повысит оклады и премиальные, а акционерам – проценты по дивидендам, – заявил Хребец..

–Губа не дура, себе на уме, а простаком, шутом гороховым

прикидывается, – с неприязнью произнес Серафим Дробицкий, первый претендент на должность заместителя. – Я расцениваю это условие, как торг и шантаж, которые недопустимы в нашем коллективе. Хочу напомнить, что время, когда кухарки, свинарки и извозчики управляли страной, безвозвратно ушло. Панкрат часто пьян в драбодан, позорит, подрывает имидж нашей фирмы, тем самым создает ей антирекламу. С этим мириться дальше нельзя. В руководстве нашей фирмы для сохранения ее доброй репутации должны быть профессионалы, подобные Стужиной и Тяглому, а не демагоги и болтуны, которые за воротник закладывают, глаза заливают и не просыхают.

Оратор сорвал аплодисменты и ласкающий слух призыв:

– Серафима – в президенты! Он наш человек, а не варяг, как некоторые, со дня основания фирмы, как папа Карло пашет.

Павел Иванович с холодком в сердце почувствовал, что инициатива и симпатии ускользают от него к сильному сопернику и чаша весов склоняется в его пользу. Краем глаза он увидел, что Бабей порывается ответить на реплику и на какой-то миг опередил ее.

– Дамы и господа! Никто не спорит, Серафим Ильич грамотный и трудолюбивый специалист, но, как организатор и генератор ценных идей, слаб. Он по натуре не руководитель, а исполнитель. А для продвижения бизнеса и эффективной борьбы с конкурентами необходима смелость, дело-

вая хватка и связи в правоохранительных, фискальных органах и коммерческих структурах, иначе задавят налогами и разными поборами в многочисленные фонды. Необходима надежная «крыша», чтобы почти все заработанное не пришлось отдавать чиновникам и «авторитетам». Спрашиваю у Дробицкого, сможет ли он обеспечить такую «крышу»?

– Нет, в компетентных органах и криминальных структурах у меня нет блата, – признался, заметно погрузневший, претендент.

– Вот видите, какая петрушка, – воспрянул духом юрист-консульт, прочитав в глазах акционеров поддержку, и продолжил развивать мысль. – Если Ника Сергеевна обезоруживала вымогателей своим очарованием и все равно приходилось часто оказывать благотворительность, то Рэм Анисимович в этих делах был полный профан. Возможно, из-за того, что не шел на разумные компромиссы и пострадал. Не исключено, что если его убрали конкуренты или силовики из спецслужб, так называемого «эскадрона смерти». Вы же не хотите, чтобы мы и Дробицкого через месяц-другой отпевали в храме Иоанна Предтечи ли Александра Невского, а офис превратился в зал ритуальных церемоний?

– Не хотим, не хотим! – вырвалось из Наташиной груди.

– Устали от трауров и поминок. Фирма превратилась в похоронное бюро. Если не остановим убийцу, то растеряем деловых партнеров и вылетим в трубу, – поддержал Ласку профсоюзный вожак.

– Ваше право, кого выберете, тому и флаг в руки! – продолжил Лещук. – Главное, чтобы поводырь был опытный, достойный, не набивал свой карман, а заботился об интересах общего дела. И тогда нам не придется играть на гармонии в подземных переходах или вокзалах и электричках, стоять с протянутой рукой. Кресло президента должен занять человек волевой с твердым, как кремь, характером.

– Павел Иванович совершенно прав, – поддержала его Бабей. – После трех трупов это место очень опасное. Я бы посоветовала Серафиму ради жены Оксаны и двух малолетних детей не рисковать. Уверена, что только Лещук, обладающий навыками следователя, сможет выстоять в этой смертельной схватке. Предлагаю включить его кандидатуру в бюллетень для тайного голосования.

– Спасибо, Тамара Львовна, ваши слова очень весомы и дорогого стоят, – произнес юрисконсульт.

Неожиданно портрет Стужиной сорвался со стены на паркет сцены и брызнул осколками стекла. Все в зале замерли в оцепенении.

– Ха-ха-ха! Го-го-го! – раздался гомерический хохот Хребца и он горделиво встал над рядами, обвел притихших акционеров торжествующим взором. – Ну, что, сурки, скунсы, хвосты прижали? Испугались, душа в пятки ушла. Ешки-матрешки!

– Свят, свят, Господи помилуй. Во имя отца, сына и святого духа. Аминь, – громко произнесла набожная Бабей, усердно

но крестясь и озираясь на разбитый портрет Ники. – Боже, спаси и помилуй.

– Что же ты, Тамара Львовна, хвост поджала? – упрекнул Хребец. – В тот раз, когда выбирали Рэма ты из кожи вон лезла, чтобы стать президентом, а теперь воды в рот набрала.

– Панкрат, ты, как всегда, в своем репертуаре, не можешь обойтись без грубости, – упрекнул акционера Дробицкий.

– Что думаю, то и говорю, люблю правду-матку в глаза резать, – смело заявил Хребец.

– Когда-нибудь за свою сермяжную правду схлопочешь по тыкве, – спрогнозировал Серафим.

– Руки короткие, – не полез в карман за словом Панкрат.

– Ты почто здесь, Тамара Львовна, молебен устраиваешь? – одернул ее Крот, считавший себя непоколебимым атеистом и с таинственно-важным видом изрек. – Чему быть, того не миновать.

– Падение портрета Ники Сергеевны – это дурной, зловещий знак, который она подает нам с того света, – промолвила вице-президент. – Но, что именно значит, пока трудно понять. Надо бы обратиться к экстрасенсам или ворожеям.

– К черту шарлатанов, здесь никакого колдовства и мистики, – заявил Панкрат. – Это случайное совпадение. Вена, наш профсоюзный бог, наверное, спьяну глаз и горького похмелья слабо закрепил портрет Стужиной. Вот он и грохнулся, хорошо хоть не на голову.

– Если ты такой умный, то подними портрет и поставь

его у стены, как следует, – выдавил из себя нахохлившийся, словно индюк, Крот.

Хребец не упустил возможности продемонстрировать свою храбрость. Он лихо, как каскадер, вскочил на подиум сцены и, разминая подошвами армейских ботинок противно скрипящие осколки стекла, поднял портрет с обликом Стужиной и прислонил его к стене.

– Итак, выступившая давеча Тамара Львовна, взявшая самоотвод, предложила кандидатуры Крота и Лещука, напомнил профбосс. – Из-за преклонного возраста и по состоянию здоровья я отказываюсь от претензий на высокую должность. Прощлый раз меня больно обидели, прокатили. Не желаю больше экспериментировать, расшатывать свои нервы и подрывать здоровье. Это дело молодых и продвинутых, у нас для них – зеленая дорога. Твори, выдумывай, пробуй, а наше стариковское дело – делиться опытом и давать мудрые советы.

Поэтому остается кандидатура Павла Ивановича. Если не возражаете, тогда она будет внесена в бюллетень для тайного голосования.

– Не возражаем, – раздалось несколько голосов. – Он человек образованный, законы знает назубок. Убийца с ним не совладеет, сам получит пулю в лоб, как говорится, на ловца и зверь.

– Называйте еще кандидатуры для альтернативы, – попросил Крот. Но предложений не поступило и тогда поднялся Хребец.

– Если, кроме адвоката никто не желает больше порулить фирмой, то я с большим удовольствием на принципах самовыдвижения, что предусмотрено в нашем уставе, предлагаю свою личность, – не без гордости с пафосом заявил Панкрат. – Чую, что это мой звездный час, другого такого случая может и не выпасть.

– Не кажи гоп, как говорит Бабей, докы не перескочишь, – усмехнулся Вениамин Яковлевич. – Куда ты, дурья башка, суешься. Лещук – опытный сотрудник милиции, а ты пропадешь, как вошь. Тебе с жидким рейтингом остается только на рынке или в подземном переходе на гармошке играть или презервативами торговать.

– Не дождетесь! – Панкрат гордо вскинул голову, окинул акционеров взглядом потенциального победителя..

– Поступило предложение прекратить прения, – сообщил Крот. – Кто “за” прошу голосовать.

По рядам взметнулся лес рук.

– Кто “против”?

– Один Хребец. Кто воздержался? Нет. Объявляется перерыв на полчаса для процедуры голосования и подсчета голосов. Прошу далеко не расходиться, получить у членов счетной комиссии бюллетени и проголосовать. Будьте благоразумны и внимательны.

Акционеры, выстроившись в цепочку, подходили к столику и, получив бюллетени, по одному заходили в кабинку, зашторенную от остальной публики. Лещук, а за ним Бабей и

Крот, опустили бюллетени в урну в числе первой десятки и Павел Иванович, пытаясь предугадать результаты выборов, удалился в буфет, чтобы утолить жажду кружкой пива. Он был уверен, что над таким соперником, как Хребец, которого многие воспринимали как демагога-пустомелю, завсегда питейных заведений, он получит перевес голосов.

Время, отведенное на процедуру, истекло, счетная комиссия потрудились в темпе и Крот призвал всех собраться в конференц-зале. На трибуну поднялся председатель счетной комиссии.

– На сей раз, в голосовании приняли участие 166 акционеров, – объявил он. – Против обоих претендентов проголосовало 57 человек, за Лещука подано 64 голоса, за Панкрата – 45. Таким образом, новым президентом нашей фирмы избран Лещук Павел Иванович.

– Прошу голосованием утвердить результаты выбора, – поднялся из-за стола Крот и, окинув взором взметнувшиеся руки подытожил. – Большинство “за” решение принято. Павел Иванович, прошу вас на сцену. Принимайте наши теплые и искренние поздравления.

Он беглым взглядом обзрел зал, но не увидел знакомого лица, никто не поторопился на сцену. Наступила пауза, все с недоумением озирались по сторонам в надежде отыскать своего нового поводыря.

– Где Павел Иванович? Где Лещук? Кто его видел последним? – вопрошал со сцены Вениамин Яковлевич, но никто

ничего определенного сказать не мог.

– Вот так напасти, исчез, словно сквозь землю провалился, – вертел по сторонам головою Панкрат.– Говорил же я вам, чтобы меня выбирали, вот и получили нового президента-невидимку. Будете теперь за ним по офису со срочными документами на подпись гоняться.

– Черт подери, мистика какая-то, сатанизм,– хладнокровие изменило Вениамину. – Кто «поляну» по случаю избрания нового президента будет спонсировать и накрывать? Традицию надо строго блюсти.

– Может быть, Лещук в своем кабинете уединился,– предположила Ласка.– Ждет, когда мы его пригласим и поздравим?

– Пойди и узнай,– велел профсоюзный вожак.

– Нет, я боюсь,– опасливо отстранилась Наташа.

– Дамы и господа, товарищи, без паники,– добавив бронзы в голос, призвал Крот.– Ритуал чествования нового президента и фуршет на время откладываются до выяснения причин его отсутствия. Павел Иванович – это не игла в стогу сена и мы его обязательно разыщем.

– Наверное, сбежал, побоялся свалившей на его голову ответственности и расходов на банкет?– предположил Хребец. – А может втихую празднует свою победу, пьет коньяк или водку и салом закусывает. Одно дело в судах штаны протирать, упражняясь в красноречии и другое – руководить солидным учреждением. Теперь, дамы и господа, держитесь!

Пал Иваныч закрутить гайки. Ника и Рэм ангелами вам покажутся. Надо было за меня голосовать, я бы от такой лаффы не сбежал. Щедро отблагодарил бы премиями, фуршетамми-банкетами и подарками...

– ... и хроническими запоями, – подал голос Дробицкий.

– У каждого свое хобби, – парировал Панкрат и посетовал. – Меня Лещук уж точно вытурит за длинный язык. Эх, в который раз придется страдать за правду-матку.

Но Панкрата уже мало кто слушал, все были озадачены загадочным исчезновением Лещука. Они с надеждой взирали на Крота, ожидая от него единственно мудрых решений.

– Надо срочно позвонить в прокуратуру или милицию, – наконец он подал голос. – Никуда не годится. Двоих президентов убили, а третьего среди белого дня похитили. Невольно поверишь в сказки о пришельцах. У кого есть номера телефонов?

– У меня есть телефон следователя Зуда, – отозвалась Ласка и подала Вениамину Яковлевичу визитку.

– Звони, Наташка, у тебя со следователем по особо важным делам душевный контакт. Ты девка шустрая, – заметил он и не удержался предположил. – Наверное, закладываешь нас, сексотишь? Скажи этой зануде, что мол, исчез Лещук. Может и его жизни сейчас угрожает смерть. Пусть объявят розыск и поднимут всех по тревоге.

Наташа набрала номер мобильного телефона и услышала отзыв:

– Следователь Зуд слушает.

– Валерий Янович, это я – Наташа Ласка из фирмы «Ника», – взволнованно произнесла секретарь-референт. – У нас новая беда.

– Что за беда? Говорите четко, не волнуйтесь.

– Едва мы успели избрать нового президента, как он бесследно исчез. Все кабинеты, каптерки, подвал и чердак обыскали, никто не знает куда он подевался. Будто сквозь землю провалился.

– Как зовут нового президента?

– Лещук Павел Иванович.

– Не беспокойтесь, Наталья Васильевна, и других сотрудников успокойте. Ваш президент у нас на приеме, жив-здоров, чего и вам желает.

– Пусть не задерживается, мы его ждем, чтобы поздравить с избранием на новую должность, – обрадовалась Ласка.

– Сожалею, но это невозможно, гражданин Лещук арестован.

– Арестован, за что? – опешила она.

– Потом официально сообщим. До свидание, Наталья Васильевна, – сухо промолвил следователь и связь прервалась.

– Павел Иванович арестован, – тихо сообщила Наташа.

– За что? За что?... – слышались недоуменные голоса акционеров. Наташа лишь пожала плечами.

– Произвол, безобразие! – первым пришел в себя Хребец. – Попал Лещук в переплет, как щука или лещ в рыбац-

кую путанку. Надо идти его освобождать, иначе, дай им волю, нас всех поодиночке повяжут, как глупых и трусливых баранов. Через три дня аванс, а потом и зарплата. Кто финансовые документы будет подписывать? Без президента нельзя, с голоду посдыхаем, вымерем, как последние динозавры, ящуры и мамонты.

– Не дай Бог, еще банковские счета заморозят и арестуют, – всполошилась Бабей. – Тогда нашей «Nike» – труба!

– Коль пошла такая свистопляска и катавасия, то мы должны показать им кузькину мать! – не унимался Хребец. – Эх, ешки-матрешки, старые бабешки!

– Это ты перед нами, Панкрат – герой, а в прокуратуре будешь сидеть и молчать, как серая мышка, поджав хвостик, – охладил его пыл Дробицкий. – Запомни, против лома нет приема и один в поле не воин. Поэтому предлагаю направить в прокуратуру авторитетную делегацию во главе с Кротом. Он на своем веку ни одну собаку съел и этой, даст Бог не подавится. Найдет выход из ситуации, спасет Лещука.

– Мг, опыта мне действительно не занимать, хотя я и не кореец, чтобы кушать собак, да и с прокуратурой раньше никаких дел не имел, – сообщил, почесав затылок, Вениамин Яковлевич. – Если доверяете, то вместе постараемся выручить нового президента. Черт его туда понес. И без него не будет житья, конкуренты, как узнают, что мы остались без майора, то заклюют и со свету сживут.

Все согласились с такой трактовкой нештатной ситуации.

– Это вы, товарищ Зуд, следователь по особо важным делам?– позвонил и спросил Крот, отчетливо выговаривая слова.

– Да, следователь прокуратуры.

– Звонит вам из фирмы «Nika» профсоюзный деятель с большим опытом работы Крот Вениамин Яковлевич, шестидесяти восьми лет от роду, кавалер ордена «Знак Почета», медали «За доблестный труд» и других советских наград. Может, помните такого, мы с вами беседовали по поводу гибели наших президентов?

– Припоминаю, господин деятель профсоюза.

– Вот и прекрасно. У настоящего следователя на людей и события должна бы исключительная, как у вас, память,– подбросил он леща, довольный тем, что его называли деятелем.– Ответьте, как на духу, почему вы арестовали нашего президента Лещука?

– Не паникуйте, он в данный момент находится в прокуратуре и дает показания,– ответил следователь.

– Это же не по-людски, Валерий Янович, так президенты не поступают, ушел с собрания по-английски, никого не предупредив,– укорил Лещука Вениамин Яковлевич.

– Наверное, не успел, да и не знал, что акционеры, не разобравшись в личности, оказали ему столь высокое доверие.

– Павла Ивановича, гражданин следователь, коллектив ждет с цветами и подарками, чтобы поздравить с высокой должностью,– пояснил профбосс.– А потом, полагается фур-

шет с шампанским и коньяком. Столы уже накрыты, приглашаем и вас разделить нашу радость.

– Ваша радость преждевременная. Будут ему и вам фуршеты-банкеты, – сурово изрек следователь и связь оборвалась. Крот не решился снова набрать номер телефона, дабы не иметь неприятностей с прокуратурой и обратился к жаждущим информации о судьбе президента акционерам. – Дамы и господа, товарищи. Наш президент находится в прокуратуре и дает показания. Это форменный произвол, не нашли лучшего времени для этой процедуры. Наш долг защитить своего руководителя и коллегу, чтобы на него не навесили всех собак. Мы обязаны выразить решительный протест, устроить пикет у здания прокуратуры.

– Надобно сначала разобраться для чего Лещука туда вызвали или он сам туда пришел? – перекрыл гул негодования Хребец. – Может для вручения медали или премии. Ему там оказывают почести, а у нас водка испаряется, вино и закуска киснут. Все должно идти по программе, сначала культурное мероприятие – банкет, а потом в бодром настроении с красными знаменами, песнями и транспарантами поход в прокуратуру.

– Помолчи, ты, знаменосец, – одернула его Бабей и предложила. – Надо отправить представительную делегацию в прокуратуру и подробно выяснить обстоятельства дела. Устраивать застолье в отсутствие главного виновника торжества аморально и некорректно.

Тамару Львовну поддержали участники собрания.

– Выходи строиться! – с блеском в глазах, как в достопамятные советские времена, приказал Крот.– Знамена, портреты и транспаранты получите в каптерке. Впрочем, в разведку отправится делегация во главе со мною и в составе Бабей, Лещука, Хребца и Ласки. Остальным в случае острой необходимости подадим сигнал к выступлению.

29. Приглашение на исповедь

– Гражданин Лещук, я предупреждаю вас об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Впрочем, вам это известно,– металлическим голосом заявил Зуд, переглянувшись с находившимися в кабинете Ельницким и Чибисом.

– Об этих прописных истинах вы кому-нибудь другому напоминайте, а не опытному следователю с многолетним стажем,– усмехнулся Павел Иванович, вальяжно сидя на стуле.– Валерий Янович, вы меня старого волка, на пушку не возьмете, я тертый-перетертый калач. Показания, я вам уже давал и даже предлагал свою помощь, но вы надменно отказались в ущерб нашему общему делу. Кто вам позволил так бесцеремонно выдергивать меня с собрания акционеров, где решается моя судьба и служебная карьера?

– Общих дел у нас с вами нет и быть не может. К тому же здесь тоже решается ваша судьба,– сухо ответил следова-

тель.— Прежние показания вы давали по поводу факта убийства Стужиной и Рябко, а сейчас речь о преступлении в отношении Тяглого.

— Коллега, я что-то не пойму, объясните мне несмысленному, в качестве кого я сюда доставлен? Свидетеля или подозреваемого?

— Вы сами же ответили на этот вопрос. Как вам известно, свидетелей, мы не доставляем, а любезно приглашаем.

— Значит подозреваемый. Вот это новость, как снег на голову, — нахмурился Лещук.— Давайте, выкладывайте, что там у вас против меня есть, не темните. Я не тот, с кем можно в кошки-мышки поиграть, потешив свое амбициозное честолюбие.

— Павел Иванович, вы обвиняетесь в тройном убийстве: Стужиной, Рябко и Тяглого, — твердо произнес Зуд.

— Во-о, сколько вы на меня собак навесили, все «сухари» списали. Одним махом решили победно завершить резонансные, громкие дела. Мг, но это же голая версия, домыслы, фантазии воспаленного большого воображения, продиктованные желанием отчитаться перед начальством за успешно проведенную операции и еще удостоится высоких почестей и наград,— заметил Лещук.— Мне очень знакома эта тактика форсирования дела любой ценой, только бы не висело над головой, как дамоклов меч. Но в своей недавней практике я не поддавался такому соблазну, не скатывался на легкий, но ложный путь расследования, а выбирал трудный, тер-

нистый, но верный. Валерий Янович, вы глубоко заблуждаетесь, избрав меня мишенью, козлом отпущения. Это вам лавров не принесет, а неприятности я вам гарантирую. Нет против меня ничего и быть не может, потому что не существует в природе. Горбатого мне не лепи. Я эти штучки знаю. На внеочередное звание, орден или брошку не рассчитывай. На мне, где сядешь, там и встанешь. Я вам радости не доставлю...

– Довольно, гражданин Лещук!– сурово оборвал его Зуд. – Никаких больше вольных рассуждений и комментариев. Это не дискуссионный клуб для обмена мнениями. Отвечайте по существу вопросов.

– С помощью психологического прессинга решил взять меня в ежовые рукавицы,– насупился задержанный.– Никакого чувства солидарности, вроде бы не под одними знаменами, ни на одном фронте борьбы с преступностью служили. И вы друзья-приятели Ельницкий и Чибис сидите, как на именинах, головами киваете, как китайские болванчики, топите своего коллегу, садисты. Валяйте ваши вопросы, гражданин следователь, хотя это пустая трата времени.

– Где вы находились с 17.45 до 18.20 в тот день, когда было совершено убийство Стужиной и Рябко?

– Если мне не изменяет память, а она у меня отличная, то я уже отвечал на этот вопрос. Вас, что не удовлетворил мой ответ?

– Прошу отвечать четко. Здесь я задаю вопросы.

– В тот период я находился в суде. Около восемнадцати разговаривал по телефону со Стужиной.

– Мы проверили эту информацию. Взяли показания у тех лиц, с которыми вы общались, а именно у адвоката Узловой, судьи Ярицкого, заведующей канцелярией Плясовой и других. Но они видели вас или общались с нами в период с 14 до 17 часов, – сообщил Валерий Янович. – Поэтому алиби, которое вы стремитесь себе обеспечить пребыванием в суде, неубедительно, так как с после 17 часов в суде вас никто не видел.

– Никакое алиби я себе не обеспечиваю, потому что в этом нет необходимости, – возразил Лещук и не преминул спросить. – Где же я по-вашему мог находиться?

– Я не гадаю на кофейной гуще, еще раз прошу отвечать по существу. Наберитесь терпения дойдем и до темы, которая вас волнует. Впрочем, если вы настаиваете.

– Да, настаиваю, это мое право, – заявил допрашиваемый, бросив короткий взгляд исподлобья.

– Уважим требования? – следователь посмотрел на офицеров.

– Уважим, – ответил за двоих эксперт-криминалист.

– Тогда нам придется прервать эту задушевную беседу и во время вынужденного антракта провести опознание.

– Ваше дело. Только кто кого будет опознавать? – с показным равнодушием согласился Лещук. – Мы с вами друг друга даже в кромешную темень безошибочно узнаем. Жаль

только, что власть, должность портят человека, возомнившего себя мессией.

– Пройдемте в соседнее помещение, – предложил следователь, оставив его упрек без внимания. Павел Иванович, хорошо знакомый со схемой размещения кабинетов и отделов в здании УВД, понял какую процедуру опознания предстоит пройти. В сопровождении Чибиса он вошел в небольшой тамбур, где к ним присоединились четверо незнакомых мужчин, примерно одинакового с ним возраста.

– Вперед! – скомандовал капитан. – Садитесь на стулья.

Один за другим они вошли в ярко освещенное, но без окон помещение с рядом приставленных к тыльной стене и наглухо вмонтированных в пол металлических стульев. Сели напротив тонированной перегородки, позволяющей тому, кто опознает, видеть всех участников, оставаясь для них невидимым за непроницаемым стеклом.

– Будьте внимательны, смотрите прямо перед собой, – велел Георгий. – Не опускайте низко головы и не закрывайте глаза, выше подбородки. Представьте, что вас фотографируют.

– Для порнографического журнала, – грустно пошутил Павел Иванович. Все повиновались требованию Чибиса и процедура продолжалась не более четырех минут, а Лещуку показалось, что время остановилось. «Что они задумали?» – назойливо сверлил его сознание этот вопрос в стремлении предугадать дальнейшие действия.

– Все опознание завершено, – сообщил офицер. – Благодарю за участие, а с Лещуком беседа будет продолжена. Пройдемте в кабинет.

Он открыл дверь и тот, переступив через порог, на мгновение остановился, встретившись со взглядом невысокого роста коренастым мужчиной в темно-коричневой куртке.

– Проходите, Павел Иванович, не робейте, – пригласил его Зуд. – Присаживайтесь. Мы удовлетворили ваши требования. Наступил ваш черед, признайтесь, знакомы ли с этим гражданином?

Следователь указал на коренастого.

– Нет, впервые вижу. У меня другой круг знакомств, среди работников милиции, прокуратуры, суда, адвокатуры, службы безопасности и других силовых ведомств. Их и приглашайте для встреч.

– Да-а, солидная категория, на зависть другим, – усмехнулся Валерий Янович. – Однако он с вами знаком. Так ведь Василий Гаврилович?

– Так точно, только что опознал среди других гавриков, – ответил мужчина и пояснил. – Я работаю водителем такси на личном автомобиле «Лада». В тот вечер этот господин, выйдя из здания суда, когда я проезжал мимо, подал мне знак рукой. Остановился у обочины и он попросил меня довезти его по адресу улица Весенняя 13. Там велел подождать минут пятнадцать у подъезда и вскоре возвратился, переодетый и с пакетом в руке. Таксисты, сами понимаете, народ наблю-

дательный. После этого я отвез его в район кафе «Голубые грезы».

– В период какого времени это происходило? – спросил следователь. – Сел он ко мне в автомобиль в 17.15, а оставил салон, расплатившись, через тридцать минут, – ответил Василий Гаврилович, недоверчиво взирая на Павла Ивановича.

– Откуда такая точность, ведь столько времени прошло? – возразил Лещук. – Вы, наверняка, его проинструктировали.

– Я фиксирую в блокноте время посадки и высадки пассажиров для отчета перед диспетчерской службой, – ответил таксист. – Мы ведь кроме оказания услуг случайным пассажирам, имея в наличии радиостанцию, работаем по вызовам, в режиме радио-такси. В одиночку, без коллектива в этом бизнесе прогоришь. Конкуренция – дело очень серьезное, поэтому кувалду, топор или монтировку всегда держу под рукой.

Поначалу работал индивидуально, нахлебался проблем досыта, то шины протыкали, то номера срывали, пассажиров, нагло подрезая нос, перехватывали ...

– Василий Гаврилович, об этих проблемах мы наслышаны, – остановил его Зуд. – Лучше расскажите, как вел себя пассажир? Может, проявлял беспокойство, нервничал, курил, поглядывал на часы?

– Был спокойным, сосредоточенным, но торопился, велел прибавить скорости, так как опаздывал на какую-то важную встречу, – ответил водитель. – Я поверил, потому что за пять

минут до того, как мы расстались, поступил сигнал на его мобильный телефон и он разговаривал с какой-то женщиной.

– Вспомните, о чем шел разговор?

– Этого я сказать не могу, прошло столько времени. Зрительная память на лица у меня отличная,– признался Василий Гаврилович. – Анекдоты хорошо запоминаю, а вот разговоры пассажиров, следя за дорогой и движением транспорта, часто пропускаю мимо ушей.

– Что вы по этому поводу скажите, Павел Иванович?– обратился Зуд к задержанному.

– Допустим, что я воспользовался услугами этого водителя и он подвез меня домой, а потом и в район кафе «Голубые грезы»,– начал развивать свою мысль Лещук.– Я вышел, чтобы подышал свежим весенним воздухом, ощутить запах моря, приносимый норд-остом. Когда целыми днями торчишь в суде, где столько народа и спертая атмосфера, то ценишь каждую минуту прогулки у моря. Я что, уже не имею права распорядиться личным свободным временем?

– Никто у вас его не отнимает.

– Услуги, оказанные таксистом, я щедро оплатил и его рассказ ни в чем криминальном меня уличить не может,– взбодрился Павел Иванович. – Это даже не косвенные, а сомнительные факты для подтверждения выдвинутых против меня нелепых обвинений. И я хотел бы вам, Валерий Янович, если вы в своем служебном рвении позабыли, напомнить, что всякое сомнение в пользу обвиняемого, хотя я себя

такovým не считаю.

– Почему же вы тогда при даче первоначальных показаний утаили факт использования такси?

– Не считаю его существенным для следствия. Экая, мелкая деталь, ничего не дающая, а только отвлекающая на ложный путь, – нашелся он с ответом и, вскинув голову, заявил. – Валерий Янович, и в этом, полагаю, уже убедились ваши и мои коллеги, согласитесь, что это бесперспективный и бесплодный диалог. Я не желаю в нем участвовать, меня ждут на собрании акционеров.

– Не торопитесь, Павел Иванович, спешка нужна при ловле блох, а у нас серьезное дело, – охладил его пыл следователь. – Точку еще ставить рано и мои коллеги свое слово скажут.

Лещук в надежде на солидарность с бывшими коллегами из милиции, с которыми съел ни один пуд соли, призывным выражением лица посмотрел на Ельницкого и Чибиса. Но те, будучи беспристрастными, спокойно выдержали его взгляд, и тогда он снова воззвал к следователю:

– Валерий Янович, этот спектакль с задержанием матерого "преступника" уже превратился в комедию и даже фарс. Вы все же следователь, а не режиссер-импровизатор, а я опытный юрист, а не актер. Получается, что разговариваем на разных языках, не желая понять друг друга, согласиться с железными аргументами.

Послышался зуммер телефонного аппарата, на краю сто-

ла. Зуд нехотя поднял трубку, поднес ее к лицу. Из однообразных ответов следователя Лещук понял, что звонили из фирмы «Nika» по поводу его неожиданного исчезновения, а по последней фразе: «Будут ему и вам фуршеты-банкеты », догадался, что на сей раз фортуна ему улыбнулась и он избран президентом. Валерий Янович обратил на него взор и сообщил:

– Акционеры волнуются. Поздравляют вас с избранием на пост президента. Ждут для проведения ритуала чествования. Мы бы тоже поздравили, но не тот случай, обстоятельства не в вашу пользу.

– Я же вам говорил, что решается моя судьба, – обрадовался Павел Иванович. – Меня ждут с цветами и подарками, а я здесь, как проклятый, парюсь, в бесплодных, абсурдных обвинениях. И хотя от вас поздравлений не будет, но как человек с добрым сердцем, не злопамятный, я приглашаю вас, Валерий Янович, и всех сотрудников оперативно-следственной группы в кафе «Голубые грезы», чтобы в дружной теплой компании отметить это событие. Ребята, как сказал кот Леопольд, давайте жить дружно. Обещаю щедро отстегивать валюту в ваш благотворительный фонд «Правопорядок». Ради общего блага, мы сможем договориться.

– Не получится у нас, Павел Иванович, дружбы, да и сравнение вы привели неудачное и не к месту. Если обратиться к сюжету мультфильма, то получается, что вы кот Леопольд, а мы мыши. Все как раз наоборот, вы – серая мышь. И не

забывайте... – следователь сделал паузу и добавил металла в голос.—Здесь тоже решается ваша судьба и нам совершенно непонятен ваш оптимизм, не тешьте себя иллюзиями. Ох, и замутил же воду с самого начала, сыграв роль частного детектива.

– Что же мне теперь плакать, посыпать голову пеплом, валиться у вашим ног и просить пощады? Не дождетесь!– с заметным раздражением заявил юрисконсульт, неожиданно осознавший, что он уже президент, должность и имидж обязывает быть волевым, жестким. – У вас нет ни вещдоков, ни убедительных показаний свидетелей. И поэтому нет никаких оснований держать меня здесь, когда я должен приступить к исполнению своих обязанностей, как президент.

Помните классическую формулу: время – деньги. Поэтому каждый час моего отсутствия, когда фирма остается без руля и без ветрил, причиняет ей убытки. А нелепые обвинения, упаси Бог, если станут достоянием общественности, подрывают мою деловую репутацию. Я, неуважаемые господа, выставлю вам счет за моральный и материальный ущерб на солидную сумму. Причем, не прокуратуре и милиции, как государственным учреждениям, а персонально каждому из вас, виновным в моем незаконном задержании, в попрании гражданских прав. У меня по части таких исковых дел богатый опыт и приличные достижения. Опишут имущество и останетесь без квартир, дач, машин. Пойдут с молотка на компенсацию причиненного мне и фирме «Nika» вреда.

– Не обольщайтесь, Павел Иванович, остыньте, а то нагнали такого страха, что аж поджилки задрожали, – прервал его запальчивую речь следователь. – Сейчас бросимся извиняться, обнимать и лобызать, только бы не остаться без кола и двора, оказавшись в стане бомжей. Поберегите свой пафос и красноречие для суда. Там эти ораторские навыки вам пригодятся. Спуститесь на грешную землю, внимательно послушайте.

– Хорошо, я весь внимание, – согласился Лешук.

– Обеспечив себе алиби в суде и отлично зная режим работы Стужиной, вы поймали такси, прибыли домой, переоделись, взяли с собой пакет с маской, оружием и водитель подвез вас в район кафе «Голубые грезы», расположенный в двухстах метрах от здания с офисом фирмы «Nika», – следя за выражением лица президента, излагал версию Зуд. – Выждали момент, когда Стужина, Рябко и Ласка вышли из здания и сели в автомобиль «Ford». Резко открыв дверь, хладнокровно убили сначала водителя, а затем и президента фирмы. Похитили у нее сумочку, в которой находился мобильный телефон, косметичку и возможно, деньги, которые по показаниям Ласки у Ники Сергеевны постоянно водились. Она щедро одалживала их сотрудникам, даже не требуя возврата.

– Гладко излагаете, Валерий Янович, вам бы при таком богатом воображении детективы, романы писать, – съязвил подозреваемый, откинувшись на спинку стула, ожидая реак-

цию на свое умозаключение.

– Крутые романы о своих деяниях вы будете писать, парясь на нарах, – бросил реплику следователь, заметив, как посуровел, сосредоточился подозреваемый, выбирая для себя тактику действий.

– Предположим, что ваша версия на сто процентов верна, – продолжил Павел Иванович. – Тогда объясните мне, почему я, будучи опытным оперативником и следователем, на счету которого сотни раскрытых уголовных дел: убийств, краж, изнасилований и прочих, допустил такую нелепую, роковую ошибку?

– Какую?

– Вы же отлично понимаете о чем речь, – усмехнулся Лещук. – О свидетельнице, оставшейся в живых, Ласке Наталье Васильевне?

– Да, на первый взгляд, конечно, нелогично, – согласился следователь. – Но причиной могла быть внезапная жалость, симпатии, либо что-то другое. К тому же на тот момент она не представляла опасности, ибо находясь в шоковом состоянии, не могла бы опознать убийцу, не проронившего ни одного слова.

– Все это голословные домыслы. К Нике Сергеевне я тоже испытывал симпатии и, более того, сильное чувство – любовь. Имел на нее виды, – признался Павел Иванович и продолжил. – В тот страшный вечер у нас со Стужиной было назначено свидание. Жаль, что не по моей вине оно не состоя-

лось. Именно об этом шла речь с ней по мобильнику во время поездки в такси, что подтвердил водитель.

– Почему вы этот факт ранее утаили?

– С какой стати я должен был посвящать вас в свои личные, интимные дела, бросая тень на безупречную репутацию Стужиной? – возразил Лещук. – Вы не священник, в я не мирянин-прихожанин, поэтому на тайную исповедь не рассчитывайте. Имейте в виду, если это сфабрикованное дело вы за уши дотащите до суда, то адвокат, которого вы мне подсунете, не нужен, я сам сумею за себя достойно постоять.

– Это ваше право, Павел Иванович. – несколько сник следователь, дав понять, что аргументы против него исчерпаны. И словно очнувшись, заметил. – А мобильник то Стужиной вы специально подкинули в самом оживленном месте в районе центрального колхозного рынка, чтобы пустить следствие по ложному пути.

– Какой еще мобильник? У меня есть собственный, – оживился Лещук и повернул голову в сторону эксперта-криминалиста. – Вы что, Самуил Юльевич, ас криминалистики, обнаружили отпечатки моих пальцев на “трубе”, ведь я не хуже вас разбираюсь в дактилоскопии. Не одной сотне правонарушителей из братвы, “домушникам”, “медвежатникам”, “щипачам”, “ночным бабочкам” старательно “пальчики” откатал. Наверняка, до сих пор данными моей картотеки бесплатно пользуетесь и благодарности не дождусь.

– За картотеку, спасибо, Павел Иванович, она стала осно-

вой для базы данных компьютера, – подтвердил Ельницкий. – А вот ваших отпечатков пальцев на мобильнике не обнаружено, потому, как элементарно, вы действовали в перчатках, а для верности тщательно протерли аппарат. Сработали, как говорится, чисто, профессионально.

– Тогда я считаю, что наш разговор исчерпан, – взбодрился Лещук. – Когда накопаете, тогда и повяжите. Валерий Янович, я зла не держу, в любой работе, а тем более в такой сложной, как следствие, могут быть проколы, издержки. И у меня случались ошибки, приходилось их признавать, извиняться перед необоснованно задержанными гражданами. Кто не работает, тот не ошибается. Отрицательный результат тоже результат. Меня ждут акционеры, неудобно, неловко перед коллегами, оказавшими высокое доверие. Не годится с этого начинать работу на посту президента. Они, наверняка, приготовили мне сюрприз. Приглашаю вас на банкет по случаю избрания меня президентом. Не пожалеете, устрою пир горой. Кто старое помянет, тому глаз вон!

Павел Иванович в полной уверенности поднялся со стула.

– Спасибо за приглашение, но мы были бы неблагодарными людьми, если бы не приготовили вам свой сюрприз, – сообщил следователь с загадочной озабоченностью на лице. – Павел Иванович, устроив подставу Тяглому, вы совершили серьезный прокол.

– Никому я подставу не устраивал, это плод фантазии вашего воспаленного ума, – язвительно заявил подозреваем-

мый.

– Нам все же удалось установить личность автора оскорбительного для Стужиной послания.

– Вот как, поздравляю! И кто же этот сочинитель?

– Вы, гражданин Лещук.

– Ха-ха-ха! – откинулся он на спинку стула. – Вы что же провели графологическую экспертизу почерка, дактилоскопию отпечатков пальцев? Других способов в природе вроде не существует.

– Не утрируйте. Дело в том, Павел Иванович, что вы то ли недостаточно разбираетесь в компьютерах, толи второпях, допустили оплошность. После того, как скачали текст клеветы на дискету или диск, вы не уничтожили его с помощью клавиши «Delete», а удалили. Мой электронщик извлек этот файл из корзины и таким способом установил автора. На будущее, которое у вас довольно призрачное, имейте в виду, что уничтожить и удалить, как говорят в Одессе, две большие разницы. При удалении файл сохраняется в корзине, а при уничтожении – исчезает бесследно. Хотя новейшие технологии позволяют его восстановить на винчестере. В данном случае вас подвела излишняя самоуверенность.

– Подлог, фабрикация! – заерзал на жестком стуле Лещук. – Вы сами загрузили мой компьютер этим файлом для компрометации.

– Скандальный файл датирован, а вся процедура осуществлялась в соответствии с нормами УПК в присутствии

понятых.

– Почему без моего участия?

– Вы в тот момент находились в хозяйственном суде. На счет замечаний по поводу почерка и дактилоскопии, то я ценю ваш юмор. Они неуместны, а вот стилистическая экспертиза в самый раз.

– Она субъективна, далека от истины, – возразил Лещук. – Я ведь не писатель, чтобы отличаться стилистикой прозы или поэзии. Как по одному тексту определить автора? Это практически невозможно.

– Возможно посредством сравнительного анализа, – возразил Зуд. – Мы взяли из архива УВД несколько уголовных дел с составленными вашей рукой заключительными обвинениями. Сравнили тексты. очень много идентичных фраз, словосочетаний, присущей вам последовательности частей речи в предложениях. Это дало основание опытному эксперту-лингвисту считать вас автором пасквиля. С помощью клеветы вы постарались убить двух зайцев и обеспечить себе алиби. Первое – окончательно сожгли мосты для примирения Стужиной и Тяглого и тем самым бросили тень подозрения на своего соперника. Второе – задумав убийство Ники Сергеевны, вы подставили Тяглого, якобы охваченного чувством ревности. Эта схема на первом этапе вам удалась, увели следствие на ложный след, отдалили момент развязки.

– Валерий Янович, при вашем богатом воображении в самую пору сочинять фантастику или детективы, – ухмыльнул-

ся юрисконсульт.

– Павел Иванович, детектив вы уже сами сотворили. К глубокому сожалению, для многих героев, в том числе и для себя с трагическим финалом, остается лишь изложить на бумаге,— осадил его следователь и понял, что попал в «яблочко». Лещук призадумался, анализируя информацию для поиска оптимального выхода из безнадежной ситуации.

– Я уже по горло сыт вашими сюрпризами, причем, липовыми, дутыми, – нахмурился Лещук, неохотно присев на стул.

– Павел Иванович, в вашем производстве пять лет назад находилось уголовное дело по обвинению гражданина Ракуша Аркадия Егоровича по статье 222 часть I Уголовного кодекса Украины за незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление и сбыт огнестрельного или холодного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ,— произнес Зуд.

– Что с того? Могли бы название статьи и не расшифровывать, у меня отличная память,— заметил он со вздохом.— За годы службы в милиции расследовал массу дел по целому “букету” преступлений. Столько разных гавриков по этапу за “колючку” отправил, разве всех упомянешь, да и необходимости в этом нет, мемуары сочинять не собираюсь.

– В данный момент нас интересует именно это дело и, я уверен, что как раз оно и врезалось в вашу память,— акцентировал следователь.

– Когда это было, столько воды утекло, все быльем поросло,– гнул свою линию президент.– К тому же все незавершенные уголовные дела я перед увольнением из органов, передал своему приемнику лейтенанту Жеребцу. С него и спрос. Ни у меня к милиции, ни у милиции ко мне нет никаких претензий, да и срок давности вышел, пять лет, как в воду кануло. Поэтому извините Валерий Янович, вы обратились не по адресу. Рад бы, но ничем помочь не могу.

– Однако, Павел Иванович, память у вас, действительно отличная, рассеянным склерозом не страдаете. Вспомнили, и я вас за язык не тянул, что то уголовное дело осталось незавершенным, до суда не дошло. Приговор по нему вынесен не был. Наверняка, и фамилию подозреваемого вспомните. Аркадий Ракуш? Вот сейчас и выясним, по адресу обратились или нет? Самуил Юльевич, будьте добры, пригласите свидетеля.

Ельницкий пересек кабинет и, приоткрыв двери, строго велел:

– Введите гражданина Ракуша.

В кабинет в сопровождении двух милиционеров-сержантов вошел рослый, но худощавый с землисто-серого цвета, сухим и удлинненным, словно вырезанным из картона профилем лица, мужчина лет тридцати пяти от роду. На мгновение встретился взглядом с глазами Лещука и узнал бывшего следователя, тогда еще старлея. Молча, остановился, широко расставив ноги, словно опасался потерять равновесие,

посредине кабинета, а сержанты по сторонам.

– Павел Иванович, внимательно посмотрите на гражданина Ракуша, ныне отбывающего наказание в ИТК усиленного режима за грабеж. Вам приходилось с ним раньше общаться?

– Что мне на него смотреть. Он, поди, не шедевр – картина или икона и уж, точно не фотомодель, – усмехнулся президент. – Возможно, и общался, сколько прошло их деклассированных, как раньше говорили. А в чем собственно дело? К чему этот вечер воспоминаний?

– А вы, гражданин Ракуш, знакомы с этим господином?

– Да, узнал сразу же следователя Лещука, как только вошел в этот кабинет, – ответил Аркадий. – По его милости я ударился в бег. Грозил за пистолет ТТ упрятать меня на десять лет в колонию строгого режима.

Вот я и струхнул, а позже уже в России, когда меня повязали за грабеж одного денежного Буратино, узнал что по статье о незаконном хранении или ношении оружия максимум пять лет мог тогда вклеить. А он червонец сулил, вот и заставил меня, как затравленного волка, по России-матушке блуждать. А там пошло-поехало, связался с братвой повязали, четыре года отмотал, еще три осталось париться на нарах. Вы бы, гражданин начальник, походатайствовали, чтобы за активную помощь следствию по изобличению матерого преступника, мне бы скостили год, а лучше бы сразу под амнистию. Надоело видеть небо в клетку. Хочется женского

тепла и домашнего уюта.

– Россия, как и Украина – отдельные государства, и мы не можем повлиять на ваше положение, – заметил Валерий Янович. – Ведите себя примерно, и будет шанс освободиться досрочно. А за помощь спасибо, хотя это гражданский долг каждого человека. К тому же мы вас сами отыскали в одной из колымских колоний.

– Уведите свидетеля, – велел следователь сержантам.

– Так это я свидетель? – удивился Аркадий, за годы пребывания на зоне привыкший к обращению «осужденный».

– Да, в данном случае вы выступаете в роли свидетеля, – ответил Зуд, бросив взгляд на диктофон, записывающий на магнитную ленту показания. – Впереди новые встречи, тогда и оценим вашу помощь.

В сопровождении постовых милиционеров он удалился в ИВС, а Валерий Янович возвратился к беседе с Лещуком:

– Давайте вместе поищем ответ на ваш вопрос: в чем собственно дело? А в том Павел Иванович, что в ходе расследования уголовного дела в отношении Ракуша у него вами был обнаружен и изъят пистолет ТТ / конструктора Токарева / номер ВР 07577, выпущенный еще в далеком 1954 году. Этот пистолет после проведения технической и баллистической экспертиз, на предмет определения пригодности для поражения, хранился в вашем сейфе. Вы, нарушив статью 79 УПК и инструкцию о порядке приема, хранения, учета, уничтожения и реализации изъятых, добровольно сдан-

ного, найденного оружия боеприпасов к нему, не сдали его в камеру хранения, а фактически присвоили.

– Уголовное дело в отношении этого типа я не смог завершить по той причине, что несмотря на объявленную ему меру пресечения – подписку о невыезде, он скрылся из поля зрения и, как только что сознался, затерялся на огромных просторах России. Угрозыск, участковый инспектор его проворонили, какие ко мне, спустя столько лет, когда уже не служу в милиции, могут быть претензии. Хорошо, что его все же изловили, ибо наказание неотвратимо.

– Речь не об этом, Павел Иванович. Не уводите в сторону и не смещайте акценты, – оборвал его Валерий Янович. – Вопрос о пистолете ТТ, изъятом у Ракуша. Где сейчас это оружие, возможно, вы располагаете такой информацией?

– Нет, не знаю, может в металлолом кто сдал или по акту уничтожил, – и плотно сжал губы.

– Должны бы знать, потому что при увольнении из МВД свое табельное оружие – пистолет Макарова, вы сдали, а вот ТТ утаили, прихватили, как говорится на память, на всякий случай, мол пригодится.

– Это ваши досужие домыслы или сокровенные желания.

– Конечно, пойдя на такой шаг, вы постарались скрыть следы. Воспользовались тем, что подозреваемый Ракуш сбежал, вы забрали с собой и по-видимому, уничтожили уголовное дело по статье 222 УК, посчитав, что дело в шляпе. Но, увы, я вынужден вас огорчить, в ЭКО сохранился акт заклю-

чения технической и баллистической экспертиз, ныне заложенный в память компьютера. Вот ознакомьтесь.

Он подал Лешуку лист бумаги с текстом и тот небрежно пробежал содержание экспертизы и возвратил документ.

– Типичная, стандартная экспертиза, как и сотни подобных. Какое это имеет отношение к делу об убийстве Стужинной, Рябко и Тяглого? – с недоумением пожал Павел Иванович плечами.

– Самое прямое, – поймал его на слове следователь. – При вскрытия тел и изъятии пуль выяснилось, что все трое убиты из пистолета ТТ, исчезнувшего из незавершенного вами уголовного дела.

– Очень популярный тип оружия, особенно у бандитов, ценящих его простоту, безотказность и убойную силу, – с видом знатока сообщил Лешук. – И несмотря на то, что давно снят с производства таких стволов немало на руках и в продаже на “черном рынке”. Тем паче, что рядом Кавказ и Чечня с арсеналами различных видов оружия и боеприпасов. В ходу, кроме семизарядного ТТ, и четырнадцатизарядный пистолет Стечкина. Иностранцы им не чета. Вот там, у боевиков и моджахедов ищите пистолет. Помогут от бандитов вам уйти не ноги, а убойные стволы...

– Довольно нас просвещать, мы не на занятиях по стрелковому оружию и огневой подготовке, – взял инициативу в свои руки следователь. – Так вот, Павел Иванович, на месте убийства Тяглого в туалете офиса была обнаружена гильза

патрона калибра 7.62 к пистолету ТТ. В ходе экспертизы на этой гильзе выявлен характерный след—вмятина от бойка, свидетельствующая о том, что выстрел произведен из пистолета ТТ, который не был вами сдан в камеру хранения. Долго молчавшее оружие “заговорило” не без вашей помощи.

– Это надо еще доказать,— угрюмо выдавил из себя подозреваемый. – С таким же успехом я могу заявить, что это вы произвели выстрелы, либо ваши коллеги. Тот же Чибис, у которого, если мне не изменяет память, часто чешутся руки, только бы стрельнуть.

– Ознакомьтесь с актом экспертизы гильзы.

Лещук, стремясь сохранять хладнокровие, взял лист в руки и бегло пробежал его глазами, положил на стол.

– Все эти данные дают мне основание в отношении вас избрать меру пресечения арест, поскольку вы являетесь опасной личностью и представляете угрозу обществу.

– Я протестую! – вскочил Павел Иванович. Чибис и Ельницкий, как по команде, не утратив мгновенной реакции, ринулись к нему с двух сторон и Георгий ловко сковал его руки стальными наручниками. Лещук словно на подкошенных ногах, устало опустился на жесткий стул, вмонтированный в бетон, молча, невидящим взглядом уставился в окно, где в лучах яркого солнца властвовала весна. Возможно, его последняя весна – пора ожиданий и светлых надежд.

– Павел Иванович, – словно издалека до него донесся голос Зуда. – Вы ж опытный сыщик и следователь, понимаете,

что дальнейшее запирательство бессмысленно. Вы проиграли эту партию, а сыграть другую у вас уже нет никаких шансов. Чистосердечное признание и раскаяние облегчить, если не вашу участь, то хотя бы снимет тяжелый камень с души. Покайтесь за смертный грех.

– Я себя грешником не считаю,– холодно произнес Лещук. – И не вам, Валерий Янович, закоренелому атеисту, антихристу обвинять меня в смертных грехах. Все ваши надуманные обвинения развалятся в суде, как карточный домик, поскольку нет главной улики – пистолета ТТ.

– Среди изъятых у вас вещей носовой платочек с вензелем N S, явно принадлежащий Нике Стужиной. Откуда он у вас?

– Почему вы решили, что это ее платочек, а не другой женщине? Я холостяк и никто не вправе мне запретить близкое общение с прекрасным полом, это, как утверждал Фрейд, и я с ним полностью согласен, физиологическая потребность человека, – ухмыльнулся арестованный.

– Принадлежность платочка Стужиной подтвердила гражданка Ласка и другие сотрудники фирмы.

– Да, этот платочек мне подарила Ника Сергеевна и он мне очень дорог. Какие могут быть претензии? Вы, что обнаружили на платочке ее кровь, сперму или другие улики?

– Нет, не обнаружили.

– Тогда возвратите, как память о любимой женщине. И вообще, Валерий Янович, мне стыдно за вашу беспомощность. Тоже мне сыщики, уцепились за женский платочек, это же

не пеньюар или трусики, чтобы был повод представить меня сексуальным маньяком, – уязвил Лещук и рассмеялся. – Напрасно стараетесь, это не принесет вам славы, а неприятности гарантирую. Настаиваю на извинении, компенсации морального и материального ущерба, связанного с моим арестом. Требую немедленного освобождения. Я должен срочно приступить к обязанностям президента фирмы.

– Требуйте, а пока отдохните в ИВС, а потом этаплируем в СИЗО и хорошенько подумайте о своей незавидной участи. А еще лучше честно, как на духу все изложите на бумаге.

– Если я, что и буду писать, то жалобу на имя генпрокурора о незаконных методах следствия и давления на меня. Обеспечьте меня бритвой и туалетными принадлежностями.

– Бритва исключена, только безопасная.

– Бойтесь, что покончу с собой? Не дождетесь.

– Сочиняйте, упрямство и самонадеянность – ваши враги, – сухо произнес следователь и нажал на потайную кнопку электрозвонка под крышкой стола. В кабинет вошли двое постовых милиционера.

– Сопроводите гражданина Лещука, арестованного в ИВС, – приказал Зуд. Павел Иванович осуждающим взглядом скользнул по лицам сотрудников и услышал за спиной властную команду:

– Арестованный вперед, на выход!

Повернулся, вдруг потяжелевшим, словно в него влили свинец, туловищем к двери. Не сразу смог оторвать ноги от

пола будто с прилипшей к полу подошвой туфель. Но все же сосредоточившись, сжав волю в кулак, сделал над собой усилие. Медленно, склонив коротко остриженную голову с серебристой легкой проседью на висках, побрел к двери.

30. Главная улика

– Выше головы, орлы! – едва за Лещуком и милиционерами затворилась дверь, с оптимизмом произнес Зуд, глядя на Ельницкого и Чибиса. – Прижали мы новоиспеченному президенту хвост, накрылся его банкет-фуршет. Хитрый зверь, расчищавший себе дорогу к должности с помощью пистолета, шагая по трупам, всего лишь ранен, но не повержен. На нем все еще овечья шкура, хотя и изрядно потрепанная.

Но главной улики, которая бы связала в единую прочную цепь доказательств все звенья: эпизоды, вещдоки, показания свидетелей, у нас нет. Во что бы то не стало надо отыскать этот злополучный ГТ пятьдесят четвертого года выпуска, еще в минувшем веке.

– Он мог от него избавиться, выбросить в море, утопить в речке или озере, которых в окрестностях Керчи немало, – предположил Чибис. – Насчет перепродажи весьма сомнительно из опасений, что рано или поздно ствол “заговорит” и тогда потянется ниточка к владельцу. Эту технологию Павел Иванович знает и поэтому оплошности не допустит.

– С таким боевым стволом, так просто не расстаются, – за-

метил эксперт-криминалист.— Тем более человек, знающий цену оружию, самоуверенный в своей неуязвимости, как Лещук. Наличие пистолета для него атрибут власти, инструмент распоряжения судьбами людей, мешающих делать ему карьеру, перешедших дорогу. У него в крови азарт охотника и поэтому, наверняка, спрятал ТТ до очередного час-пики в каком-нибудь укромном тайнике. Если исходить из законов логики, то есть и другая причина, не позволившая ему быстро избавиться от оружия.

— Какая, Самуил Юльевич, поделитесь своим нестандартным взглядом на развитие событий? — поощрил следователь офицера комплиментом, зная его честолюбие, и тот охотно продолжил. — Освобождая себе путь к креслу президента фирмы методом отстрела соперников занявших вождеденный пост, Лещук и на сей раз не был уверен, что его изберут, что пробьет его звездный час. Поэтому у него не было резона избавляться от ствола, ведь в случае избрания кого-нибудь другого, пистолет вновь бы “заговорил“. И новый президент пал бы жертвой его амбиций. Это у него у переросло в какую-то маниакальность, в хобби, ритуал по ликвидации соперников. Исходя из этого, можно сделать вывод, что оружие он спрятал, возможно, на даче, в гараже, если таковые есть. Избавиться от ТТ он не успел, так как мы взяли его с собрания, когда еще неизвестен был результат выбора, т.е. он не знал, что станет президентом.

— Вашей логике, Самуил Юльевич, могли бы позавидовать

Шерлок Холмс и доктор Ватсон,— польстил эксперту-криминалисту Зуд.— Действительно, у Лещука не было оснований раньше времени расставаться со стволом. Даже став президентом, он вряд ли захотел бы избавиться от ТТ, с помощью которого достиг цели. Не исключает, что и в будущем оружие может пригодиться, поэтому хранит его в тайнике. А вот где этот тайник, придется изрядно поломать головы. Какие будут соображения?

— Я ранее навел справки. Оказывается, что Павел Иванович беден, как церковная мышь,— включился в разговор Чибис. — После развода с женой Тиной, ему досталась однокомнатная, а ей с дочерью Дарьей — двухкомнатная квартира, а также лодочный гараж и садовый участок. Вся эта недвижимость ими впоследствии была продана в связи с переездом на постоянное место жительства в российский город Обнинск.

— Судя по твоей информации, получается, что Лещук не алчный скряга, а рыцарь с благородным сердцем и добрыми порывами, достойный ордена,— заметил следователь.

— Не совсем так, Валерий Янович. Во-первых, его жена от алиментов на тогда еще несовершеннолетнюю дочь Дашу, отказалась. Сейчас ей лет двадцать,— продолжил капитан.— А во-вторых, Павел Иванович тогда благоразумно решил не ломать копыя, а полюбовно уладить семейный конфликт. Развестись по мирному, без скандала, опасаясь за негативные последствия для своей служебной карьеры. Тогда, в советское время, была железная установка: сотрудник

милиции должен быть образцом не только на службе, но и в семье, в быту. А в каждом городском и районном отделах милиции, КГБ и в прокуратуре были начертаны крылатые слова Феликса Дзержинского о том, что у чекиста должна быть холодная голова, горячее сердце и чистые руки. Вот и проявляли чрезмерную заботу, вмешиваясь в семейные конфликты, ради чистоты милицейских рядов.

– Лозунг железного чекиста и сегодня актуален, особенно, что касается чистых рук, ибо коррупция, подобно коррозии, поразила все структуры власти поразила, разъела их ржавчиной, – вставил реплику Зуд.– Как это не горько, но падает престиж нашей профессии. Многие сотрудники мигрируют в коммерческие структуры, где оплата во много раз выше нашей. Впрочем, продолжай, Георгий.

– Поэтому альтруист Павел Иванович или нет, решайте сами,– сказал Чибис.– Но то, что он амбициозен и властолюбив – это факт. К тому же осторожный, опытный человек, как шахматист просчитывает ходы, свои действия наперед. Эти его качества следует иметь ввиду. Думаю, что поиск пистолета ТТ и других улик надо начать с его квартиры. В служебном кабинете офиса он не стал бы его хранить из риска быть изобличенным. Мы ведь после убийства Стужиной, Рябко и Тяглого провели тщательный обыск, но безрезультатно.

– А что известно о круге общения Лещука? Есть ли у него женщина или женщины?– поинтересовался Валерий Яно-

вич.— Он ведь нуждается в удовлетворении сексуальных потребностей?

— По моим оперативным данным, у него нет постоянной женщины,— ответил Чибис. — Перебивается случайными связями, снимает телок, пардон, молодых женщин в ресторанах, кафе или на автовокзале. После встречи со Стужиной, на которую имел виды, был сдержан. А потом замкнулся и его редко видели в обществе женщин легкого поведения.

— Я об этом спросил потому, что Лещук может хранить оружие в квартире своей любовницы, какой-нибудь из пассий,— пояснил Зуд.

— Нет, это исключено,— возразил Ельницкий.— Тем более, что женщины, которой бы Павел Иванович доверял, у него нет. Зная менталитет большинства представительниц слабого пола, и слабого ли? не умеющих держать язык за зубами, он не рискнул бы посвящать их в свои тайны, по сути доверяя судьбу. Есть особы, которых хлебом не корми, а поведай что-нибудь тайное и пикантное, они разнесут весть, как сорока на хвосте.

— Не все такие женщины, поэтому не будем мерить одним аршином. Есть и мужчины-болтуны еще похлеще,— заступился следователь. — Ваши аргументы в основном убедительны. Берем с собой Лещука в сопровождении конвоира и едем к нему в гости, словно к теще на блины, хотя Масленица уже прошла.

— Для большей вероятности обнаружения тайника пред-

лагаю привлечь кинолога Хижняка с овчаркой Дусей. Вдруг что-нибудь подозрительное и унюхает. Кроме оружия могут быть и другие сюрпризы,— предположил эксперт-криминалист.

— Имеешь ввиду наркотические вещества? — уточнил Зуд.

— Чем черт не шутит, возможно, и боевой арсенал, взрывчатка.

— Дуся на них не натаскана.

— Зато кинолог натаскан, — усмехнулся офицер.— Вот и пусть принюхивается, коль не смог, как следует овчарку научить.

— И присутствие понятых надо обеспечить,— напомнил Чибис.— Чтобы Лещук впоследствии не обвинил нас в предвзятости, в том, что мол, подбросили вещдоки.

— Понятых найдем не месте. Дом многоквартирный, поэтому обязательно кто-то будет находиться в жилище,— ответил следователь и связался по телефону с дежурной частью УВД:

— Арестованного гражданина Лещука, что в ИВС, подготовьте к выезду в сопровождении конвоира на микроавтобусе. А также вызовите на выезд Хижняка с Дусей.

— Так точно! — ответил дежурный, майор милиции.

— По коням! — с азартом произнес Зуд.

— По коням, — ответил Чибис.

Из кабинета втроем вышли в фойе к дежурной части, расположенной в здании на первом этаже.

– Валерий Янович, к вам делегация из фирмы «Nika» во главе с Кротом, – сообщил дежурный, указав на стоящих возле окна двух мужчин и женщину. У одного из них в руках был красный флаг с гербом СССР. Они были следователю знакомы, ибо ранее давали показания.

– Я вас слушаю, – подошел следователь к Кроту.

– Товарищ начальник, это же ни в какие ворота не лезет! – с возмущением произнес Вениамин Яковлевич. – По какому праву вы арестовали и держите здесь в вонючей камере без пищи и воды нашего президента Лещука? У человека большая радость, коллектив, акционеры оказали ему высокое доверие и собираются поздравить, а вы, извините меня за грубость, посадили человека в каталажку, нагадили нам в душу. Это форменный произвол. В знак протеста по профсоюзной линии подниму актив и устрою пикет или демонстрацию, разверну перед зданием милиции палаточный лагерь. У меня богатый опыт проведения подобных массовых мероприятий. Мы в каком живем государстве? Правовом или бандитском, криминально-клановом!? Я сообщу об этом произволе гаранту Конституции – президенту страны и он спасет нашего президента фирмы. А вам, гражданин или пан следователь по особо важным делам после этого не поздоровится, отправят служить, где Макар телят не пас, а возможно и за решетку за нарушение конституционных прав человека.

– Успокойтесь, гражданин Крот. У вас нет никаких оснований для протеста, демонстрации и обращения к президен-

ту,— спокойно парировал гневно-пафосную речь профсоюзного босса Валерий Янович.

— Мы не бездушные твари, а демократы и поэтому не можем оставить своего товарища в беде,— с вызовом заявил Хребец. — Двоих президентов и охранника укокошили, а третьего посадили в каталажку к уркам с клопами и гнидами. Задумали президента сгноить и мы после этого беспредела должны успокоиться. Дудки! За свои права, за высокую репутацию фирмы мы постоим. В Европейский суд по правам человека, что в Гааге, обратимся, но справедливости добьемся. Расцениваю арест нашего уважаемого Лещука, как грубый шантаж с целью вымогательства и разорения фирмы. Это наглое рейдерство, беспредел! Почему вы на товарища Лещука всех собак навесили? Нашли козла отпущения.

— А вы, Наталья Васильевна, такого же мнения? — обратился Зуд к секретарю-референту.

— Отпустите Павла Ивановича,— неуверенно попросила она и добавила.— Мне не с кем работать. Сижу целыми днями сама в приемной, не с кем словом обмолвиться. Жутко. Все, кажется, что вот-вот из кабинета выйдут Стужина или Тяглый и окликнут меня. Я уже и табличку художнику заказала на имя нового президента.

— С табличкой вы поторопились, — заметил Валерий Янович.— Как это не прискорбно, уважаемые делегаты, но гражданин Лещук арестован по подозрению в убийстве Стужиной, Рябко и Тяглого из карьеристских побуждений, ради

президентского кресла.

– Этого не может быть! Вы не там копаете,– с возмущением промолвил профбосс.– Вы стремитесь списать на него эти громкие уголовные дела. Мы предоставим на Павла Ивановича положительные характеристики, будем ходатайствовать о взятии на поруки, поднимем на ноги общественность, активистов профсоюза! Сейчас сюда со знаменами, портретами и транспорантами подтянутся еще больше сотни человек. Вы станете героем скандальных публикаций в прессе и передач на ТВ. Такое раздуем кадило, что мало не покажется. Полетят погоны с плеч...

– Ходатайствуйте, поднимайте, раздувайте и получите срок за клевету. У меня нет времени вести с вами бесполезную дискуссию,– сухо отрезал Зуд и вместе с Чибисом и Ельницким прошли во внутренний двор управления, где их уже поджидал готовый к выезду микроавтобус «Соболь» с Хижняком и Дусей в салоне, а за рулем находился милиционер-водитель. Вскоре из ИВС, размещенном под зданием УВД, конвоир вывел Лещука со скованными наручниками руками. Угрюмо озираясь и пряча глаза, арестант сел в салон, забился в дальний угол. Конвоир, вооруженный автоматом Калашникова, устроился на дистанции двух метров, чтобы в случае экстремальной ситуации ничто не сковывало его действий.

–Трогай! – приказал Валерий Янович водителю, назвал адрес и микроавтобус выехал со двора на улицу, влившись в

поток транспорта. Вскоре подъехали к пятиэтажному, окрашенному выцветшей охрой, зданию старой хрущевской постройки. Чтобы не привлекать внимание зевак на наручники, набросили ветхую куртку, найденную в изоляторе. По сбитым ступеням бетонной лестницы поднялись на третий этаж, где размещалась квартира. Лещук шел впереди, за ним конвоир с автоматом наперевес, кинолог с Дусей на коротком поводке, а у затем Зуд, Ельницкий и Чибис. Овчарка натягивала поводок, оскаливая пасть с рядами острых зубов и розовым языком. Поднялись на лестничную площадку.

– Георгий, пригласи из ближних квартир двоих соседей на роль понятых, – велел следователь.

– Ордер у вас на обыск есть? – подал голос Лещук.

– Есть, – ответил Зуд и показал документ, подписанный прокурором Грецких. Между тем Чибис нажал на кнопку звонка на стене у двери обитой черным дерматином.

– Кто там? – послышался сиплый старушечий голос.

– Откройте, милиция, – попросил капитан. Женщина приоткрыла дверь, но стальную цепочку не сняла. В проеме появилось ее сухое желтоватое, словно пергамент лицо с некогда синими, и ныне выцветшими глазами, жидкими пегими волосами на голове. “Типичный божий одуванчик”, – с улыбкой подумал Георгий, тут же стерев ее с лица.

– Зачем я нужна милиции? – с тревогой спросила она, оглядывая людей с собакой на площадке и, обнаружив среди них соседа, радостью промолвила. – Добрый вечер, Павел

Иванович.

– Не слишком добрый, Пелагея Симоновна,– хмуро отозвался он.

– Будете понятой во время обыска в квартире Лещука, – вернул ее к разговору Чибис.

–Обыска? – живой интерес проявился в глазах старушки. – А что он такое натворил, чтобы рыться в его квартире? Культурный человек, юрист, спокойный, мухи, блохи не обидит.

– Мух и блох редко кто обижает, разве что слишком назойливых и кусачих, а вот человека многие норовят, – возразил капитан.– Так вы Симоновна, согласны быть понятой?

– Не-ет, – поджала она тонкие блеклые губы.– У меня зрение слабое, плохо вижу, не могу нитку в ушко иголки вдеть. Да и со слухом неважно, глухая, как тетеря. Надобно слуховой аппарат покупать, да пенсия маленькая, того и гляди, с голоду ноги протяну.

– Что же вы мне голову морочите, сразу бы и сказали, что не согласны, – посетовал Георгий.

– Это вы, молодой человек, мне голову заморочили, – повысила голос тщедушная старушка. – Поживите с мое – восемьдесят два годка, тогда по-другому запоешь. Я знаю, что такое «черный воронок». Не хочу Павлу Ивановичу вреда чинить. Осерчает и тогда от него никакой юридической помощи не дождешься. Щас везде бюрократы требуют бумаги, справки, будь то на субсидию или льготы, к каждой зако-

рючке придираются, чтобы правильно было оформлено. Кучу ксерокопий требуют и за все платить надо. Обдирают пенсионеров, как липку.

– Неволить не буду, – сказал Чибис и спустился этажом ниже, а старуха еще минут десять глазела на людей, теснившихся на площадке. Зуд решил без участия понятых не предпринимать никаких действий, чтобы потом у Лещука, опытного юриста, не было повода придраться к мелочам и обвинить следственную группу в предвзятости. Все должно быть в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом. Георгий нажал на кнопку электрозвонка рядом с дубовой дверью.

– Кто? – прозвучал задорный юношеский голос. Дверь отворилась, на пороге появился высокий, но тощий, как жердь, акселерат.

– Что такое?

– Необходимо принять участие в процедуре обыска в качестве понятого. Вам сколько лет?

– Восемнадцатый пошел. А что?

– Маловат, несовершеннолетний, – огорчился Георгий.

– Батя, отец! – обернулся и крикнул в глубину квартиры юноша. – Тут менты, предлагают поучаствовать в экстриме.

В прихожей показался мужчина средних лет в спортивном костюме «Adidas», широкий в плечах, но на голову ниже сына.

– Ты, я знаю, любишь такие процедуры, ни одного детектива по телеку не пропустил, вот и поучаствуй, батяня в этой

бодяге. Получишь удовольствие, – заметил юноша.

– Ефим Тихонович, – представился мужчина. – Сорок три года от роду, инженер-кибернетик. Чем обязан доблестной милиции?

– Необходима ваша помощь, – ответил Чибис. – Будете в роли понятого во время обыска. Это займет от силы час, а может и меньше.

– Раз надо, значит, чем могу, тем и помогу, – с готовностью заявил он. – Кого обыскиваете?

– Гражданина Лещука.

– Юриста что ль, с третьего этажа?

– Его самого.

– Что ж это от него фортуна отвернулась? То он, будучи следователем, столько лет обыски производил, а теперь и сам в силки угодил. Вот она судьба-злодейка, бьет бумерангом и все по голове, – вздохнул Ефим Тихонович. – Других учил жить по закону, а теперь закон против него. Верно говорят, не плюй в колодец... Что же он совершил?

– В этом вы нам и поможете разобраться, – уклонился от прямого ответа Георгий. Второго человека на роль понятой Чибис сагитировал в одной из квартир на четвертом этаже. Ею стала пенсионерка Зося Демьяновна Фаршина. Наконец-то дело стронулось с места. В присутствии понятых Ельницкий внимательно осмотрел входную дверь на предмет обнаружения повреждений, которые бы свидетельствовали о несанкционированном проникновении в жилище. Таковых

признаков не выявили и тогда он ключом, ранее изъятым у Лещука открыл внешнюю дверь. Но наткнулся на внутреннюю стальную с кодовым замком. Над каждой из кнопок были обозначены цифры до девяти.

– Павел Иванович, назовите код,– велел Зуд.

– Не знаю, вышибло из памяти,– мрачно заявил он. – Вы меня совсем задурили своими нелепыми, абсурдными подозрениями.

– Если вас неожиданно поразил старческий склероз, это вынуждает нас взломать дверь,– предупредил следователь и обернулся к Чибису.– Георгий, сходи к водителю микроавтобуса, возьми у него монтировку и кувалду. Они у него всегда в арсенале. Проверим, испытаем эту дверь на прочность. Не обессудь, Павел Иванович, альтернативы нет. Вы на моем месте такое же приняли бы решение. Ущерб восполнять никто не будет.

– Два, семь и девять,– медленно возвратилась память к Лещуку, назвавшему цифры кода. Самуил Юльевич одновременно нажал на три кнопки. Раздался щелчок и стальная дверь легко подалась вперед. Офицеры и понятые вошли в прихожую.

– Граждане понятые, – обратился Валерий Янович к Ефиму Тихоновичу и Зосе Демьяновне.– Ваши функции заключаются в том, чтобы наблюдать, контролировать действия работников милиции во время обыска. И вместе с ними фиксировать в протоколе находки, вещдоки, представляющие ин-

терес для следствия. Сами ничего не трогайте и без эмоций, воздержитесь от комментариев происходящего. Потом дома от души наговоритесь, здесь рот на замок. Понятно?

– Понятно, не маленькие, соображаем, что хрен редьки не слаще и шило в мешке не утаишь, – блеснул остроумием Ефим Тихонович.

– Я тоже не с Луны свалилась, приходилось и прежде участвовать в таких процедурах, – призналась Фаршина.

– Вот и прекрасно, что вы сведущие люди, – похвалил следователь. – С вашей неоценимой помощью мы быстро управимся.

Начали осмотр и обыск с осмотра совмещенного санузла. Чибис даже снял крышку со сливного бачка, с помощью фонаря обследовал пространство под чугунной ванной, но тщетно. Затем переместились в комнату, служившую и гостиной, и спальней. После осмотра предметов мебельной стенки и антресолей, их аккуратно отодвинули от стены, прощупали линолеум. Такой же операции подвергся и кровать-диван, телевизор и другие предметы.

Арестованный с иронией наблюдал за происходящим, сохраняя хладнокровие. Ельницкий заметил отошедший от стены плинтус и потянул его на себя и тот легко, оказавшись незакрепленным, отстал от стены. Увидел старательно сложенный полиэтиленовый пакетик.

– Не трогать, это к делу не касается, – попытался остановить эксперта-криминалиста Павел Иванович.

– Все касается, каждая деталь и находка, – ответил майор и бережно развернул пакет. В нем оказалась американская валюта. В присутствии понятых насчитали двадцать столонларовых купюр.

– А ты, Жора, говорил, что он беден, как церковная мышь, – напомнил Чибису его же предположение следователь.

– Две штуки зеленых не так уж и много, – заметил Георгий – У иных банкиров и коммерсантов по всем углам рассовано и даже, порой, забывают, где и сколько спрятано, а Павлу Ивановичу можно посочувствовать, что не успел сколотить солидный капитал.

– Еще успею, капитан, жизнь продолжается, есть и выше инстанции, которые найдут на вас управу за фабрикацию уголовного дела. Вам бы только отрапортовать, что преступник изобличен и наказан.

– Павел Иванович, здесь не митинг с трибуной, прошу без эмоций, – оборвал его Зуд. – Лучше ответьте, почему храните валюту дедовским способом, а не в банке, как добропорядочные граждане?

– Это мое личное дело, хоть в стеклянной банке, матрасе или в чулке, – ответил он. – Банки лопаются, как тот же «Славянский», «Градобанк» или «Украина», что весьма символично, а в чулке надежнее. И в этот нет никакого криминала. Хотя прежде за хранение иностранной валюты и операции, сделки с нею легко было угодить за “колючку”. Припрятал

на черный день, который вы мне устроили.

– Да, криминала нет, но все же прятать валюту по углам. От кого? Нет ни жены, ни детей? – укорил Валерий Янович. – Может от любовниц, норовящих облапошить?

– Баб не вожу, развратом не занимаюсь. От домушников утаил, – нехотя произнес Лещук.

– От домушников? Да здесь же не квартире, а крепость?

– Через окна, форточки могут проникнуть, – возразил Лещук.

– Валерий Янович, что будем делать с обнаруженной валютой? – спросил Ельницкий.

– Изымем и сдадим в камеру хранения УВД.

– Протестую! – встрепенулся, вроде бы равнодушный к происходящему, Лещук. – Вы, поди, не клад в моей квартире отыскивали, чтобы иметь на него право. У вас нет судебного решения о конфискации принадлежащего мне имущества, ценностей, валюты. Тогда уж валяйте, описывайте все содержимое вместе с квартирой, не дожидаясь вердикта суда. Положите валюту, где взяли, не будьте жлобами.

– Ладно, Самуил Юльевич, оставь пакет с долларами, – уступил законным требованиям следователь, осознавая, что перегнул палку.

Тщательный осмотр прихожей и кухни, в шкафах и столах, в газовой плите и холодильнике не принес изобличающих хозяина улики. Ни оружия с боеприпасами, ни наркотических веществ.

Перед тем, как покинуть квартиру, зашли на кухню. Позволили Лешуку под бдительным присмотром конвоира присесть на стул, все же они гости, а он владелец жилища. Звякнув наручниками, он устало опустил голову и обратился на следователя взглядом:

– Помилосердствуй, Валерий Янович, без курева уши пухнут, вели дать сигаретку, ведь через час-другой обязан будешь, чтобы не нажить себе неприятностей, меня освободить. Срок задержания истек, лопнула твоя версия, как мыльный пузырь.

– Потерпи, вот тогда и накурись вдоволь, – сухо отозвался Зуд.

– Дорога ложка к обеду, – возразил арестованный. – Мне надо расслабиться, снять напряжение, стресс.

– У меня нет курева, я давно покончил с этой пагубной привычкой. Может у Ельницкого, Чибиса или Хижняка есть. Проси у них, а я разрешаю подымить, коль невтерпеж, так сказать по старой памяти. Все же было время, одну лямку тянули, по одну сторону баррикады денно и ночью сражались с криминалом.

– Я угощу Лешуку, по-соседски, под одной ведь крышей живем и хлеб жуем, – услужливо откликнулся Ефим Тихонович и раскрыл перед соседом серебряный портсигар, приготовил зажигалку.

– Угощайтесь, Пал Иваныч.

– Спасибо, Ефим Тихонович, добрая у тебя душа, – улыб-

нулся Лещук.— Ни одного мы с вами “козла” в домино забили и еще, даст Бог, забьем, потому как вокруг козлятины еще немало. Только сейчас ситуация напоминает мне сказку, в которой лиса угощала журавля сметаной на блюдечке, а он ей ответил тем же, налив сметану в кувшин. Руки то у меня сцеплены, как ноги у рабов на турецких галерах. Валерий Янович, коль позволил покурить, то вели снять браслеты, а то руки занемели.

— Поди, не неженка, не принцесса на горошине,— ухмыльнулся Зуд. — Не царствующая особа, но вот от платиновых, золотых и даже серебряных браслетов я бы не отказался,— пошутил Павел Иванович.

— Георгий, сними с него наручники, пусть малость подымит, коль приспичило,— приказал следователь и Чибис, нехотя достал из кармана ключ и открыл наручники. Лещук размял запястья, фаланги пальцев. Взял сигарету и плотно зажал ее губами, словно опасаясь, что могут отнять. Его лицо было суровым и невозмутимым. Ефим Тихонович поднес яркий язычок пламени зажигалки и президент с удовольствием закурил, смежив веки. Голубовато-сизый дым неподвижно завис над потолком.

— У тебя, Павел, здесь вытяжной вентиляции, что ли нет? — с досадой поинтересовался Ефим Тихонович, слышавший во дворе мужиком смекалистым, мастеровым, хозяйственным, но чистоплюем. — Не обижайся, юрист ты может и хороший, но что касается квартиры, хреновый хозяин. Вентиляция и

унитаз – самые главные в квартире устройства. Вентиляция не работает, наверное, забита сажей, а ты не куешь, не мелешь. А вдруг утечка газа. Достаточно искры, замыкания в электропроводке, чтобы весь подъезд взлетел в воздух. Такие случаи нередки и моя семья, да и другие жильцы из-за тебя, охломона, могут пострадать.

– Я не пацан, хватит мне читать нотации и поучать, – рассердился Лещук. Ефим Тихонович принялся разгонять руками дым, направляя его к отверстию в стене под потолком, закрытом металлической решеткой. Но дым упорно не желал уходить по вентиляционному стволу.

– Дом то старый, не то что конSOLEвские, ему уже почти полвека, – сообщил Павел Иванович. – Вентиляция забита сажей и пылью.

– У тебя голова половой, ерундой забита. В моей квартире вентиляция работает, как часы, – возразил сосед и подойдя к окну, открыл форточку и на кухню проник свежий прохладный воздух.

Неожиданно Валерия Яновича, молча подслушавшего перебранку, осенила догадка и он попросил:

– Ефим Тихонович, а ну-ка, с помощью пламени от зажигалки проверьте, есть ли тяга у решетки вентиляции?

– Зачем ее проверять, я и так знаю, что нет тяги.

– И все-таки, – настоял Зуд.

– Будет вам в саже возиться, я завтра вызову из жэка техника или мастера и он устранит неисправности и все нала-

дится, – включился в диалог Лещук, но сосед уже приблизился к стене и поднес пламя зажигалки к решетке. Оранжевый язычок был вертикален, как в безветрие.

– Не будем ждать ни техника, ни мастера, мы сами с усами, – заявил следователь и велел. – Чибис снимай решетку, будем чистить дымоход. Самуил Юльевич, подсоби ему. Хоть одно доброе и полезное дело совершим, чтобы не напрасен был визит.

Капитан поднялся на табуретку и аккуратно, чтобы не замарать одежду снял металлическую решетку. Ельницкий все эти действия, как впрочем, и процесс обыска снимал видеокамерой, чтобы отснятую кассету потом приобщить в качестве доказательств к материалам уголовного дела. Решетка поддалась легко, поскольку не была закреплена и держалась, как говорят, на честном слове. Георгий просунул руку в темную нишу и наткнулся на что-то мягко-твердое в эластичном пакете.

– Валерий Янович, какая-то штуковина? – сообщил он.

– Извлекай, вытаскивай, но осторожно, – велел следователь. Георгий достал из ниши вентиляции замаранный сажей полиэтиленовый пакет. Опустился на пол и, облачив руки в перчатки, поочередно извлек из пакета вязаную шапочку с прорезями для рта и глаз, пистолет ТТ, насадку-глушитель, патроны калибра 7.62 мм и косметичку.

Лещук, до сего момента, отрешенно куривший, вдруг резко поднялся со стула. Но конвоир был начеку, прижал его

в спину прикладом автомата. Дуся в ожидании команды, изготовилась к прыжку. Но Хижняк решил не обострять ситуацию, хотя так и подмывало показать себя в деле.

– Арестованный, не злоупотребляйте доверием, иначе может сработать вариант при попытке к бегству, – сурово предупредил Зуд, и взяв с ремня Чибиса наручники, подошел к Лещуку. – Руки вперед и чтобы никаких коварных замыслов и шалостей.

Тот, нехотя протянул перед собой руки и следователь защелкнул дужки наручников. Павел Иванович выплюнул долеваяющий окуроч и процедил сквозь зубы, осуждающе глядя на соседа:

– Ну, Ефим-чистоплюй, удружил, скотина. До гробовой доски не забуду твою медвежью услугу. Хрен тебя принес с этими сигаретами. Вентиляция, дымоход ему поперек горла встали. Никому бы в голову не пришло обратить внимание на дым. Висит себе и пусть висит... Печник долбанный, сидел бы дома и не рыпался, гнида вонючая.

– Гляжу, легко адаптируешься к новым условиям, отчасти перешел на тюремный сленг. Значит, так тому и быть, – оценил его выпад Зуд.

Между тем Валерий Янович, отлично помня номер разыскиваемого пистолета, осмотрел оружие, не прикасаясь к нему руками и с удовлетворением произнес:

– Хана тебе, Павел Иванович, главная улика в наших руках. Не забыл пари? Готовь ящик коньяка.

– Выкусишь, еще не вечер, – процедил тот.

– Типичная экипировка киллера, ствол, боезапас, шапочка-маска, а косметичку, наверное, сохранил на память о Стужинной. Трогательная сентиментальность. Что же притих, не протестуешь?

– Это подлог, – тихо отозвался Лещук. – Вы до моего приезда успели побывать в квартире и подложить эту липовую улику. Я служил в милиции и отлично знаю, как это делается.

– Павел Иванович, не лукавьте, не вводите понятых в заблуждение, – прервал его Зуд. – Все хорошо видели, что входная дверь не была повреждена, а код замка от тамбурной двери был только вам известен.

– Валерий Янович, не зуди, я не из пугливых, – с издевкой и намеком на фамилию заметил Лещук. – Я нордически стойкий и в порочащих связях не замечен. У вас были в наличии мои ключи от входной двери, а от тамбурной не сложно подобрать с помощью разных комбинаций с кодовым замком, – не уступал он.

– При аресте ключи от входной двери у вас были изъяты и отданы в камеру хранения, как и другие личные вещи, – подтвердил Валерий Янович. – Но в вашу квартиру до этого времени никто не проникал, так как жилище неприкосновенно. Как вы могли пойти на такое злодейство? В сознании не укладывается.

– Коль не укладывается, то и не кладите, не шейте мне дело белыми, а точнее, черными нитками. Доказательства при-

тянуты за уши и в суде это дело развалится, – заверил Лещук. – Вы же не удосужились проверить информацию о жлобах, дебоширивших в «Голубых грезях».

– Заблуждаетесь. Проведены оперативно-розыскные мероприятия. Они не причастны к убийствам сотрудников фирмы «Nika». Малиновский находился в розыске и экстрадирован в Грузию, нелегальных мигрантов отправили следом за ним, – сообщил следователь и по мрачному виду Павла понял, что выбил у него из рук козырь.

«А ведь была возможность избавиться от главной улики, уничтожить ее, – с горечью подумал Лещук. – Расчистил поле и серьезных конкурентов после гибели Тяглового не было. Еще не все потеряно. Я смогу и без помощи адвокатов достойно постоять за себя, – продолжил он размышлять. – По сути, акционеры сами и виноваты, что таким способом пришлось расчищать путь к креслу. При желании и Стужину можно было бы переизбрать, что сохранило бы ей жизнь, а до Тяглового дело бы не дошло. Напрасны жертвы из-за того, что несовершенна система управления. Зачастую на руководящих постах сидят тупицы, серые посредственности и командуют теми, кто по способностям, интеллекту намного их превосходит. Воистину, нами правят дураки, поэтому в стране бесконечный бардак, некому гайки закрутить».

Ефим Тихонович был увлечен другим. Он поднес язычок пламени зажигалки к нише вентиляции, и тот резко наклонился в потоке воздуха.

– Отличная тяга! – по-детски восторженно воскликнул понятой и обернулся к насупившемуся соседу.– Заруби себе, Павел на носу, на будущее. Впредь не забивай дымоход разным барахлом, что создает для соседей угрозу в случае утечки газа. Не будь эгоистом, адвокат хренов, не забывай о безопасности тех, кто живет рядом.

– Сколько тебе раз говорить, что я не адвокат, а юрисконсульт, а на данный момент президент,– с раздражением прервал соседа Лещук.

– А по мне, что в лоб, что по лбу, – огрызнулся тот. – Говорят, что тебя из милиции выперли, так ты в коммерцию подался за дармовыми бабками. Допрыгался, повязали тебя, стреножили, как дикого мустанга.

– Поменьше языком чеши, а то схлопочешь в лоб, звезда ну промеж глаз и искры засверкают.

– Ну, ну, ты полегче со своими ментовскими штучками. Самого сковали наручниками. Сейчас другое время.

– Довольно вам ссориться,– велел Зуд. – Взрослые мужики, а ведете себя, как бабы базарные. Держите себя в руках.

– Теперь я в ваших руках,– хмуро отозвался арестованный.

– Тем более не усугубляйте свое положение.

– Как прикажите, гражданин следователь, любезный некогда коллега, Валерий Янович,– язвительно произнес Лещук.

– Пошел ты со своими нотациями подальше,– огрызнулся Павел и, воспользовавшись тем, что Ефим подошел близко,

резко ударил его снизу вверх по челюсти скованными наручниками кулаками. Послышался характерный лязг зубов. Чибис схватил Лещука за плечи и прижал к стулу.

– Ой, убивают! – вскричал пострадавший от мощного удара и боли, вытирая рукавом, выступившую на толстых губах кровь, простонал. – Он мне, скотина, кажется, челюсть сломал...

Изготовился нанести ответный удар, но Хижняк перехватил руку.

– Павел Иванович, вам, что мало одной статьи УК? Не доставало еще и хулиганства, – возмутился следователь. – Даже если сдают нервы, надо держать себя в руках. Теперь уж точно нет будущего.

– Это еще бабушка надвое сказала. Поглядим у кого нет будущего, – проворчал президент. – У меня сохранились связи в главке и других органах власти. Старые и верные друзья в беде не оставят.

– Блажен, то верует, – усмехнулся Зуд. – Дело – труба!

– К чему мне готовиться? Может к следственному эксперименту? – поинтересовался арестованный.

– Сам же и ответил на вопрос. Процедура в соответствии с требованиями УПК неизбежная и не из приятных. Но каждому свое. Вы – человек не глупый, могли предвидеть такой закономерный исход.

31. Следственный эксперимент

По прибытию в УВД, Ельницкий с пакетом вещдоков сразу же направился ЭКО для проведения технической и баллистической экспертиз. Что касается вязаной шапочки-маски с прорезями для рта и глаз, то ее отправили на биохимическую в расчете на то, что в волокнах шапочки есть шанс обнаружить волосы, либо выделение потовых желез. По ДНК можно определить владельца экипировки. На косметичке, возможно, удастся обнаружить отпечатки пальцев Стужиной.

Самуил Юльевич, позабыв об ужине, с азартом взялся за дело, поставив задачу перед сотрудниками лаборатории в течение часа дать заключение по результатам экспертиз.

Зуд лишь на несколько минут, заглянул в кабинет, чтобы взять из сейфа папку с материалами уголовного дела, ежедневно пополнявшуюся новыми документами проверок, запросов, судмедэкспертиз. Выйдя из здания, в бодром настроении зашагал в прокуратуру, что в ста метрах.

Была третья декада марта и весна после суровой зимы, сковавшей воды Керченского залива и Азовского моря, медленно, но уверенно вступала в свои права. У бетонной набережной, где перезимовали прилетевшие из Каркинитского залива с Лебязьих островов белоснежные птицы, вода очистилась от льда и шуги и лишь небольшие островки еще дрейфовали вдали. В полдень отчетливо были видны коса Тузла и холмисто-пологий берег Тамани – милая сердцу российская земля, куда ступала нога Пушкина, Лермонтова и

других корифеев литературы и искусства.

С моря, пульсируя по улицам, гулял норд-ост, принося йодистые запахи водорослей, наполняя сердце романтикой о морских приключениях и странствиях. Весна – время светлых надежд и ожиданий. Уже проклюнутся почки не деревьях, выстрелив клейкими изумрудными листочками, вспыхнули белыми и розово-лиловыми факелами миндаль, абрикосы, персики, под светло-зеленой вуалью замерли плакучие ивы, заглядевшись в зеркало озер и прудов. Все расцвело под живительными, благодатными лучами южного солнца.

За суетой и текучестью дел Зуда редко посещало лирическое настроение, но на сей раз, когда дело о тройном убийстве фактически было завершено, оставалось для закрепления доказательств провести отдельные мероприятия и отпечатать заключительное обвинение, он позволил себе отвлечься от суровой прозы жизни.

– Марат Рудольфович вас ждет с докладом, – с улыбкой сообщила ему секретарь, едва следователь вошел в приемную.

– Рад за тебя, Валерий Янович, искренне поздравляю! – тепло приветствовал его Грецких, резво поднявшись из-за стола навстречу, потряс руку. – Словно гора с плеч свалилась.

– С чем, конкретно? – изобразил на лице удивление следователь.

– Артист ты, однако, как будто не знаешь, – усмехнулся прокурор. – С раскрытием тяжких преступлений. С чем же еще? Или может, и на другом поприще успел отличиться?

– На другом нет, стараюсь быть предельно, максимально собранным и целеустремленным. А откуда вам известно?

– Перед твоим приходом, минут двадцать назад позвонил полковник Резцов, а ему о результатах обыска в квартире Лещука доложил Ельницкий, – ответил Грецких. – Ладно, вопрос не в том, кто первым узнал, хотя я бы и предпочел раньше начальника УВД владеть оперативной информацией, чтоб не полковник ставил меня в известность, а я его. Имей это в виду на будущее. Самуил Юльевич в своем репертуаре.

– С этой целью я и прибыл, решив лишний раз не беспокоить звонком, – пояснил следователь и с грустью продолжил. – Преждевременная утечка информации – наш бич. Я серьезно поговорю с Самуилом Юльевичем и другими членами оперативно-следственной группы, чтобы без моего разрешения ни с кем не делились ценной информацией, особенно с журналистами, репортерами, гоняющимися за сенсациями.

– Докладывай, Валерий Янович, а то через час позвонит прокурор республики. По его звонкам можно часы проверять, – сообщил Грецких.

– Загнали мы наконец, Лещука в глухой угол, – сказал Зуд. – В его квартире на кухне в нише вентиляционного ство-

ла обнаружили пакет с пистолетом ТТ № ВР 07577, выпущенным еще в 1954 году. Именно тот, что был у него в производстве по уголовному делу в отношении Аркадия Ракуша. При увольнении из органов МВД Лещук его похитил, вместо того, чтобы сдать в камеру хранения, как того требует инструкция. Уголовное дело, воспользовавшись тем, что Аркадий ударился в бег, уничтожил. Кроме того в пакете хранились двадцать три патрона калибра 7.62 миллиметра, вязаная шапочка с прорезями и косметичка, предположительно принадлежащая Стужиной. Сейчас Ельницкий и другие сотрудники ЭКО проводят ряд экспертиз. Пообещали оперативно представить заключения по результатам исследований.

– Итак, вещдоков у тебя вроде бы достаточно, а как быть со свидетелями? – озадачил его Марат Рудольфович.

– Главный свидетель обвинения Ласка Наталья Васильевна, которой чудом удалось остаться в живых во время убийства Стужиной и Рябко. До сих пор не могу понять из каких соображений Лещук ее пощадил, – ответил Валерий Янович.

– Возможно, симпатизировал, она очень милая, симпатичная женщина, но романа, а тем более сговора между ними не было. Скорее всего убийца был уверен, что она не сможет его опознать. Лицо скрывал под шапочкой-маской и действовал молча, не обронив ни слова, чтобы не узнала по голосу. Есть еще один свидетель, осужденный за грабеж – гражданин Ракуш. Он уже опознал Лещука и дал показа-

ния по акту изъятия у него пистолета ТТ. Но для закрепления доказательств наибольший интерес представляет секретарь-референт.

– Советую провести следственный эксперимент у подъезда фирмы, где произошло преступление, – предложил прокурор. – Необходимо будет воссоздать, смоделировать ситуацию, близкую к реальной и именно вечером с учетом продолжительности светового дня. И обязательно в автомобиле «Ford». Надеюсь, понимаешь о чем речь, ты в этом деле большой дока. Лещук, как опытный юрист, пойдет ва-банк, постарается в суде развалить дело. Поэтому доказательства должны быть железными.

– Я уже наметил такое мероприятие, – подтвердил следователь. – Вот только согласится ли гражданка Ласка еще раз пережить кошмарную ситуацию, хватит ли у нее смелости?

– Пообещай вознаграждение, женщины любят подарки. По такому случаю выделю средства на подарок, духи, косметику или другие милые женскому сердцу вещи, – обнадежил Грецких. – Прояви заботу о ее безопасности во время эксперимента, чтобы Лещук не выместил злость.

– Но психологический стресс?

– Подготовь ее с участием опытного психолога.

Раздался резкий, характерный звук междугородней телефонной связи и Зуд безошибочно предположил, что это из республиканской прокуратуры. Марат Рудольфович потянулся рукой к трубке.

– Пожалуй, пойду, – сказал следователь. – Навещу Ельницкого.

– Поторопи его с результатами, – велел прокурор и, услышав знакомый голос, бодро произнес:

– Приветствую вас, Владимир Васильевич.

– Как настроение, какие новости?

– Настроение прекрасное, весна ведь наступает и новости отрадны. Резонансные преступления раскрыты. Только что мне об этом доложил следователь по особо важным делам Зуд. И кто бы вы думали подозреваемый? Лещук, бывший следователь УВД, майор милиции. Проглядели оборотня. Таким диким способом он расчищал себе дорогу на место президента коммерческой фирмы.

– Кто отличился в ходе расследования?

– Вся группа во главе с моим лучшим следователем. Я лично координировал ход следствия, помогал советами и действиями.

И, прикрыв ладонью трубку, Грецких прошептал:

– Владимир Васильевич, наш шеф, требует срочно представление для включения в приказ о поощрении. Так что подготовь список лучших сотрудников, ну, а тебя я особо выделю. Молодец, подтвердил высокую репутацию, профессионализм нашего ведомства. На досуге это дело отметим, как полагается, чтобы и дальше фортуна не изменяла.

– Рад стараться, – сдержанно улыбнулся Валерий Янович. – С вашего позволения включу в список на поощрение

Наташу Ласку, она проявила гражданское мужество, оказав содействие следствию.

– Не возражаю, – сдержанно улыбнулся прокурор.

– Не буду мешать вашему разговору с господином Шубиным.

Довольный исходом событий, Зуд вышел из кабинета и направился в экспертно-криминалистический отдел. Дабы не отвлекать от тонкой ювелирной работы экспертов и лаборантов в разных областях науки – физики, химии, биологии, сосредоточившихся возле приборов, у дисплеев компьютеров, прошел в кабинет Самуила Юльевича. По выражению лица офицера понял, что есть первые обнадеживающие результаты.

– Как дела, на коне или под конем?

– На коне, Валерий Янович, на жеребце! – заверил эксперт-криминалист. – Техническая и баллистическая экспертизы подтвердили, что все три убийства совершены из пистолета ТТ. Важные детали – вмятина от бойка на капсуле гильзы. На косметичке обнаружены отпечатки пальцев Ники Сергеевны Стужиной. Полагаю, что и на шапочке-маске биологии и химии обнаружат следы, свидетельствующие о том, что ею пользовался Лещук. Его рук кровавое дело.

– Но почему он оставил в живых Наташу? – скорее себе, чем эксперту-криминалисту, задал вопрос следователь.

– Считаю, что она в салоне автомобиля оказалась случайно, – заметил Ельницкий. – Расправившись с охранником и

Стужиной, убийца был озадачен, проявил нерешительность и это спасло девушку.

– Ладно, это уже не столь существенно, главное, что она осталась живой и поможет нам поставить в этом деле последнюю точку, – сообщил Зуд. – Сегодня же вечером проведем следственный эксперимент.

– Форсируешь события?

– Ничего не попишешь, другие дела захлестывают, – вздохнул следователь. – Как конвейер на производстве, едва одно дело в суд отправишь, как подступает очередное. Сейчас наведаюсь в фирму «Nika», постараюсь Ласку морально подготовить к эксперименту, а вы тоже будьте во всеоружии с видеокамерой.

Валерий Янович застал Наталью Васильевну в приемной в грустном одиночестве. Бросил короткий взгляд на дверь кабинета, на которой отсутствовала табличка с именем очередного президента. Секретарь-референт вняла его совету не торопиться с заказом таблички на имя Лещука, арестованного за злодеяния.

– О-о, Валерий Янович, – обрадовалась она. – А я уж было собралась домой. Тоскливо на душе, какая-то неопределенность.

– Наташенька, вы уже оказали неоценимую помощь следствию при даче показаний и сообщении о найденной гильзе и это не останется без поощрения, – произнес Зуд, присев в кресло. – Но предстоит еще одна неприятная, но очень

важная процедура для окончательного изобличения убийцы.
Следственный эксперимент.

– Что это такое? – насторожилась Ласка.

– Мы воссоздадим обстановку, разыграем сцену, ну как в театре или на съемочной площадке, которая произошла во время убийства Стужиной и Рябко. Будут задействованы участники, в том числе условный убийца в шапочке-маске с муляжом пистолета ТТ. Предстоит все восстановить в памяти и опознать убийцу.

– Валерий Янович, мне до сих пор кошмары снятся. Даже посещение храма, как советовал Лещук, не помогло,– ответила она.– Зачем спектакль, я ведь не актриса, чтобы играть роль в этой жуткой истории?

– Милая Наташенька, – по-отечески ласково произнес следователь.– Вы ведь хотите, чтобы убийца был наказан и невинная кровь его жертв была отмщена? И чтобы жизни других сотрудников фирмы, в том числе и ваша, были бы в безопасности?

– Хочу, конечно, хочу.

– Тогда в чем проблема?

– А вы уверены, что преступления совершил Павел Иванович, а не кто-то другой?– спросила Ласка.– Не могу в это поверить, да и другие сотрудники сомневаются в том, что такой вежливый, культурный, предусмотрительный человек стал злодеем.

– Вот именно предусмотрительный. Впрочем, не будем га-

дать на кофейной гуще. В этом эксперименте вам, ничего не будет угрожать. Я буду находиться рядом в автомобиле, а поблизости и другие сотрудники. От вас потребуется только одно – быть максимально внимательной, не упустить ни одной детали, характерных движений человека, который сыграет роль убийцы.

– Не знаю, сумею ли? – пожалала она хрупкими плечами.

– Сумеете. У вас, несмотря на мягкость и изящество манер, твердый, независимый характер, – польстил он.

– А когда эксперимент?

– Через полчаса, как только свечерееет, чтобы, как в той реальной обстановке, – ответил Зуд.

Полчаса истекли быстро и следователю сообщили, что автомобиль у подъезда. Валерий Янович вместе с девушкой спустились на первый этаж, где из состава работников опергруппы отделилась женщина в дубленке и парень в куртке, которым предстояло сыграть роль Стужиной и Рябко. Наташа присоединилась к ним. Следователь раньше оставил их и сел на заднее сидение припаркованного у подъезда автомобиля. Ельницкий, вооруженный видеокамерой, подал знак рукой и и трое исполнителей ролей вышли из здания фирмы и направились к машине. Парень раскрыл перед женщиной в оранжевой дубленке дверцу. Затем по просьбе Ласки, тоже самое сделал, открыв заднюю дверцу. Наташа увидела в салоне Зуда и ощутила уверенность. Парень в куртке обошел «Ford» спереди, сел за руль, запустил двигатель и в этом мо-

мент, со стороны метнулся мужчина в черной вязаной маске с “пистолетом” в руке. Он резко открыл дверцу и симитировал выстрел в водителя, уткнувшего вниз лицом. Женщина, игравшая роль Стужиной, вскрикнула:

– Кто вы такой?!

– Внимательно, наблюдайте,– прошептал Валерий Янович девушке на ушко. После условного выстрела незнакомец прицелился в Ласку.

– Не убивайте меня, я очень хочу жить. Пожалейте мою маму, – попросила она, забившись в угол, закрыла лицо ладонями. Парень секунду помедлил и опустил муляж пистолета из пенопласта. Затем схватил сумочку с колен неподвижной женщины и быстро ретировался.

– Наталья Васильевна, узнали?

– Нет, – покачала она головой. – Тот был ниже ростом и лицо более круглое, а у этого удлиненное.

– Хорошо, наберитесь терпения, сейчас мы повторим эту сцену,– сказал следователь и подал знак эксперту-криминалисту, снимавшему эту процедуру: – Самуил Юльевич, как говорится, второй дубль.

После небольшого антракта, дверца авто со стороны водителя резко открылась и Ласка увидела руку с зажатым с ней муляжом ТТ. Вновь водитель-охранник уткнулся лицом вниз, а женщина-президент, вскрикнув, головой завалилась набок. Перед собой Ласка заметила нацеленный ствол муляжа пистолета ТТ и с мольбой в голосе попросила.

– Не убивайте меня ...

Память, словно вспышка высветила картину того злополучного зимнего вечера у здания офиса.

– Это он, точно он... убил Нику Сергеевну и Сеню, – прошептала Ласка, невольно прижавшись к следователю.

– Не волнуйтесь, все в порядке, вам ничего не угрожает, – произнес следователь и резко сорвал маску с головы мужчины. Наташа удивилась и оцепенела, на миг потеряв дар речи.

– Пал... Павел Иванович, это вы?! – воскликнула она. – Этого не может быть. Простите, извините, я не знала, не могла даже подумать...

– Может, – сурово изрек следователь.

– Уж очень ты Ласка похожа на мою дочь Дашу. Ровесницы вы с ней, – признался Лещук и отвел взгляд в сторону.

«Главную ошибку я допустил, когда после двух выстрелов в Тяглого, не нашел одну из гильз. – глядя на девушку, с грустью подумал Лещук. – Непростительная оплошность».

– Эксперимент окончен, Павел Иванович, – приказал следователь. – Фенита ля, трагедия, а не комедия, как принято говорить.

– Я категорически отказываюсь, отвергаю все обвинения, – дрогнувшим голосом произнес Лещук.

– Это ваше право, как избранный способом защиты, – беспристрастно ответил следователь. – У следствия достаточно доказательств вашей вины, поэтому наказание неотвратимо.

– Простите, Павел Иванович, если что не так, – искренне

попросила Ласка. – Спасибо, что сохранили мне жизнь... Но почему, почему вы их не пощадили и свою жизнь изуродовали? Это самый великий грех – лишить невинных людей жизни. Ника Сергеевна вас очень любила. Рано или поздно она бы согласилась стать вашей женой...

– Значит такая судьба. У кого, что на роду написано, того не миновать, – горько усмехнулся он и признался. – Уж очень ты похожа на мою дочь. Ее зовут Дашей. Живи, девочка, долго и счастливо. Хоть на один грех будет меньше, зачтется на том свете, если он существует.

– Вот вы, Павел Иванович и сознались, – поймал его на слове следователь. – Может, напишите явку с повинной? Все же чистосердечное признание и покаяние снимают камень с души.

– Не слишком обольщайтесь, в суде все буду отрицать, – твердо пообещал Лещук и слово сдержал. Тем не менее, на основе собранных в ходе следствия доказательств, суд приговорил его к высшей мере наказания – к пожизненному заключению.

Высшая судебная инстанция оставила приговор без изменения.

г. Керчь

Русский писатель, журналист и поэт Владимир Александрович Жуков родился 19 ноября 1950 года в селе Красногвардейское, Советского района Крымской области. После окончания Чапаевской средней школы и срочной служ-

бы в Краснознаменном Одесском военном округе учебы на факультете журналистики Одесской Высшей партийной школы и уже в течение сорока лет плодотворно трудится в крымской прессе. Широкий диапазон его творчества: проза, поэзия и публицистика, произведения для детей. Четыре года ему довелось проработать заместителем начальника внутренних дел г. Джанкоя, что во многом определило основной жанр его произведений – детектив.

В. А. Жуков – член Союза журналистов СССР с января 1974 года, заслуженный журналист Автономной Республики Крым. После искусственного развала великого государства в творческих союзах, усердно опекаемых чиновниками, не состоит. Превыше любых материальных благ считает свободу, совесть, правду, честь и достоинство. Смело в своих публикациях вскрывает кланово-криминальную суть, алчность, цинизм, лицемерие и коррумпированность чиновников, депутатов разных рангов и уровней. Зачастую они и являются главными отрицательными «героями» его произведений, проникнутых верой в силу человеческого духа, в торжество правды, добра и справедливости.

В период активной политической деятельности, будучи депутатом Верховного Совета Крыма и председателем Республиканского комитета по информации Совета министров Автономной Республики Крым, занимался литературным творчеством. В 1998 году в республиканском издательстве «Таврия» вышла книга остросюжетных произведений «Под

знаком Скорпиона». В 2007 году симферопольским издательством «СГТ» выпущена книга лирики «Земное притяжение любви», в 2008 году в серии «Крым-криминал»: «Горячая версия», «Эскулап», «Прощай, Снежана», «Тайна старого грота», книга юмора, сатиры и курьезов «Яблоко раздора». За последние тридцать лет повести, рассказы, судебные очерки и статьи опубликованы в газетах «Крымские известия», «Керченский рабочий», в еженедельниках «С места происшествия», «Вечерняя Керчь», в журналах «Искатель» (Москва), «Wostok» (Берлин) и в других изданиях.

Автор продолжает работу над новыми и не только детективными, но лирическими и сатирическими произведениями в надежде на внимание и доброжелательность читателей.

**Детективы Владимира Жукова
из серии книг "Крым – криминал":**

ГОРЯЧАЯ ВЕРСИЯ

ЭСКУЛАП

ЗАКЛЯТОЕ МЕСТО

ПРОЩАЙ, СНЕЖАНА

ТАЙНА СТАРОГО ГРОТА

БАРХАТНЫЙ СЕЗОН

ПРАВЕДНЫЙ ГРЕХ

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

ЖЕНСКАЯ ИНТУИЦИЯ

СПИКЕР & К (в 2-х частях)

(крымский бомонд)

САРКОМА

НЕВЕСТА ДЛЯ ХУБЕРТА

(трагикомедия)

РАФАЭЛЬ И БАБЫ-ЖАБЫ

(трагикомедия)

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ ЛЮБВИ

(рассказы, этюды, очерки)

КРЫМ: НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ (в 3-х томах)

ПРЕКРАСНЫ ВЫ, БРЕГА ТАВРИДЫ

НА ВЕСАХ ФЕМИДЫ

(судебные очерки и статьи)

Книги для детей и юношества:

ДВОРЕЦ НЕПТУНА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЯШИ ИГОЛКИНА

БРАТЬЯ НАШИ МЕНЬШИЕ

У КОГО ВКУСНЕЕ БЛЮДО?

ЕГОРКА И БУЛАТ

КАК ЗЕРНЫШКО СТАЛО ХЛЕБОМ

ПАСЕЧНИК ВАСЯ И ПЧЕЛА АСЯ